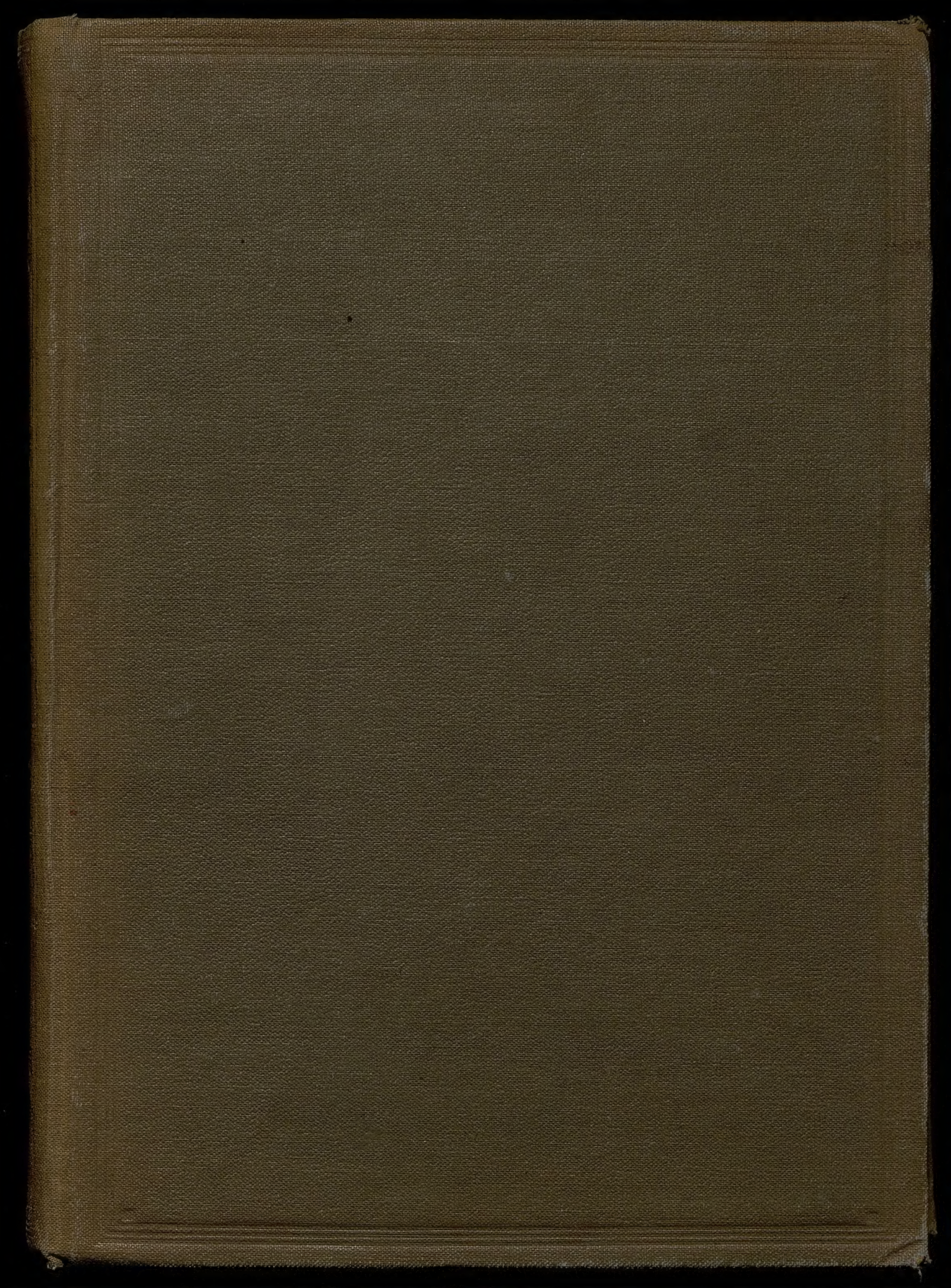
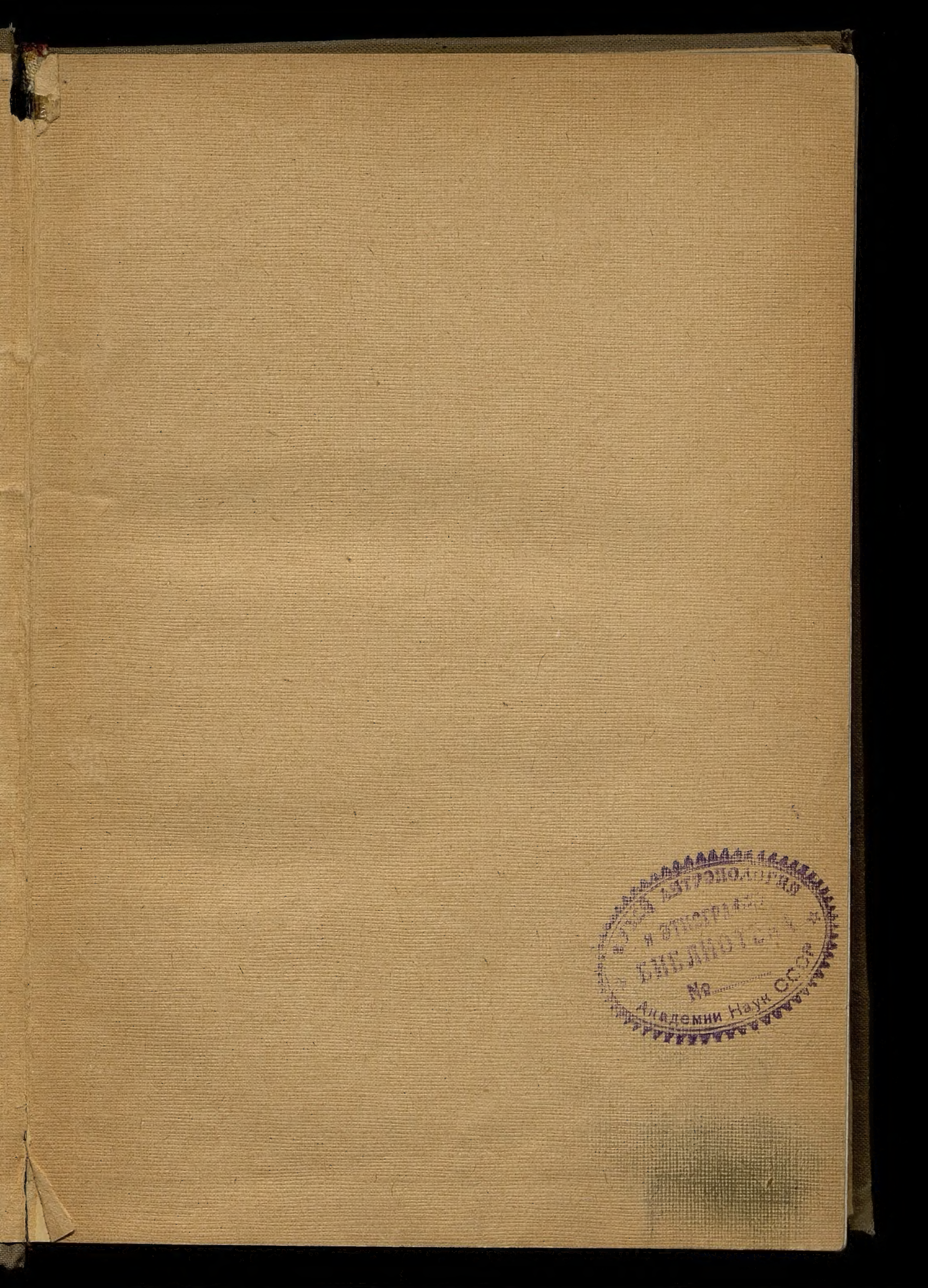
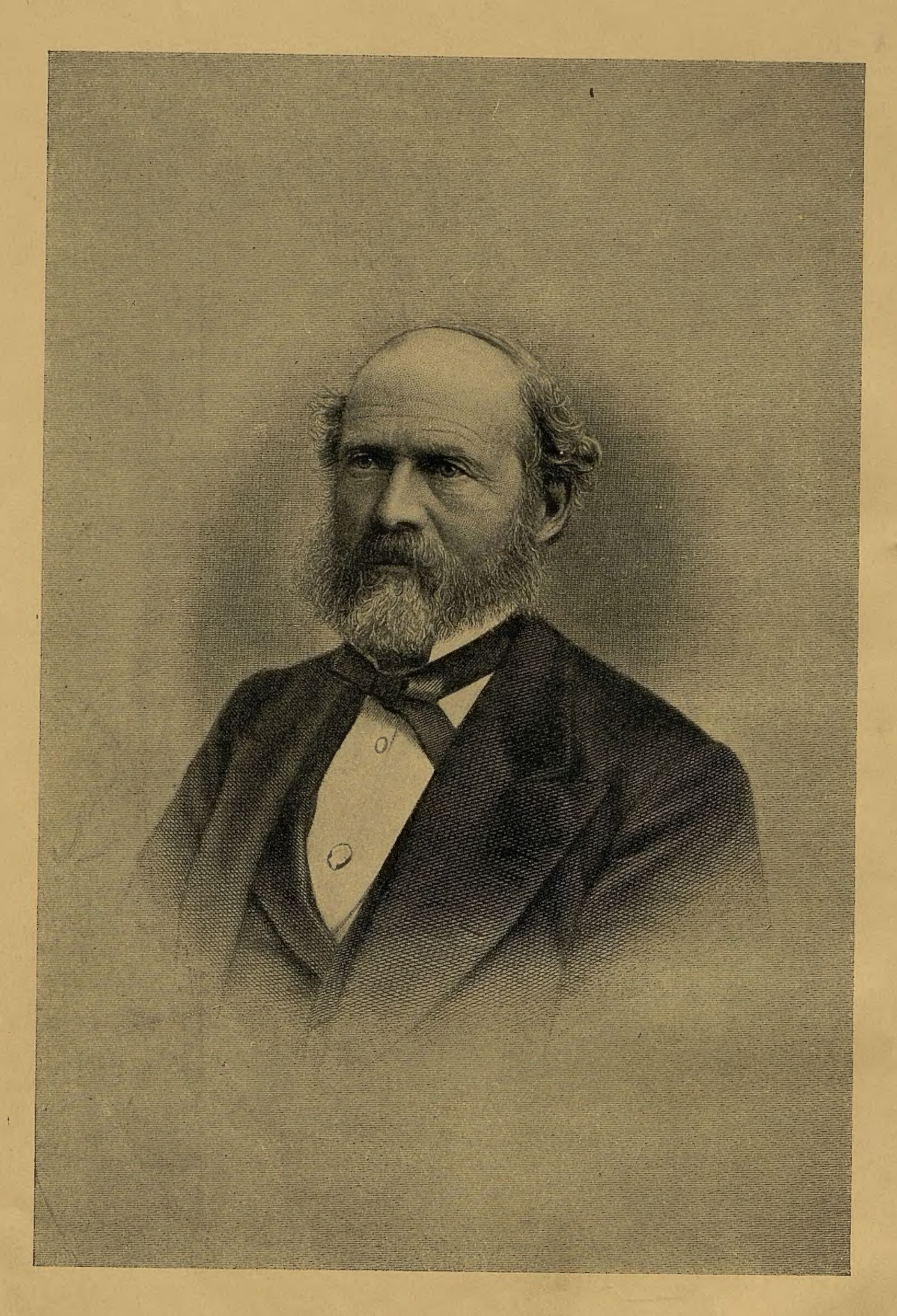

№
Академии Наук СССР

Lewis H. Morgan

21 XI 1818 — 17 XII 1881

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ · ТОМ II

И. Н. ВИННИКОВ

ИЗ АРХИВА ЛЬЮИСА ГЕНРИ МОРГАНА

I. VINNIKOV

MATERIALS FROM THE ARCHIVES of LEWIS H. MORGAN

ACADEMY OF SCIENCES USSR

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · МОСКВА · 1935 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Апрель 1935 г.

Непременный секретарь академик *В. П. Волгин.*

Редактор издания акад. И. И. Мещанинов.

Технический редактор А. Д. Покровский.

Ученый корректор Е. М. Мастыко.

Сдано в набор 14 декабря 1934 г. — Подписано к печати 25 апреля 1935 г. — Формат бумаги 72 x 110 см. — $16^3/_8$ + $3^1/_2$ печ. л. вкл.—39200 зн. в печ. листе.—Тираж 3175 экз.—Ленгорлит № 12398.—АНИ № 565.—Заказ № 866.
Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, дом 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие V

1. Неопубликованная «Таблица» Моргана 1

2. Письма к Моргану (оригинал и перевод) 25

1. Adams H.; 2. Alvord B.; 3—7. Bachofen J. J.; 8. Bandelier A.; 9. Bryant W. C.; 10—12. Darwin Ch.; 13. Ely S. P.; 14. Fay M. D.; 15—18. Fison L.; 19. Garrison W. P.; 20. Hale H.; 21. Howitt A.; 22. Howland E.; 23—26. Maine H. S.; 27—28. Powell J. W.; 29. Reclus E.; 30. Roberts T. N.; 31. Spencer H.; 32. Valentini Ph.; 33. Ward. J.; 34. White R. G.

3. Примечания к письмам 137

4. Поправки Моргана на полях лично ему принадлежавшего экземпляра «Древнего Общества» (Donald B. Gilchrist) 221

5. Материалы для библиографии трудов Моргана (опубликованных и неопубликованных) 227

6. Краткое описание вновь обнаруженных рукописей Моргана (Donald B. Gilchrist) 239

7. Английские рецензии на «Дрёвнее Общество» 245

Указатель лиц 261

CONTENTS

Page

Preface V

1. An unpublished «Table» by Lewis H. Morgan 1

2. Letters to Morgan (original and translation) 25

1. Adams H.; 2. Alvord B.; 3—7. Bachofen J. J.; 8. Bandelier A.; 9. Bryant W. C.; 10—12. Darwin Ch.; 13. Ely S. P.; 14. Fay M. D.; 15—18. Fison L.; 19. Garrison W. P.; 20. Hale H.; 21. Howitt A.; 22. Howland E.; 23—26. Maine H. S.; 27—28. Powell J. W.; 29. Reclus E.; 30. Roberts T. N.; 31. Spencer H.; 32. Valentini Ph.; 33. Ward J.; 34. White R. G.

3. Notes on these letters 137

4. Morgan's corrections in his copy ot «Ancient Society» (Donald B. Gilchrist) . . . 221

5. Materials for a bibliography of Lewis H. Morgan's works (published and unpublished) 227

6. Short description of recently discovered manuscripts by Morgan (Donald B. Gilchrist) 239

7. English reviews of «Ancient Society» 245

Index of persons 261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великое значение учения Моргана признано почти всеми, даже его противниками. Последние считают только, что Морган принадлежит младенческому периоду, прошлому, но не настоящему этнографической науки; они считают, что Морган — это этап в науке, и возможно даже неизбежный, но безусловно давно уже пройденный. Они сдали Моргана в архив и думали, таким образом, избавиться от его беспокойных теорий. Но противники Моргана сами же все время себе противоречат. Ибо чем иным можно объяснить до сих пор еще не прекращающиеся нападки на теории Моргана, как не их исключительной жизненностью? И не является ли все возрастающая ожесточенность и раздражительность противников Моргана лучшим свидетельством актуальности его учения? Ведь никто не стал бы с такой страстностью возражать против идей, давно отживших, против теорий, наукой и жизнью давно отвергнутых.

В чем же сила учения Моргана, в чем секрет живучести его теорий?

Сила Моргана в его методе, в его научном мировоззрении. Морган был по существу материалистом. И именно материалистическое понимание исторического процесса, объективность анализа существующих в первобытном обществе отношений разрешили ему построить теории, которые, по мере накопления новых фактов, подвергаются, и впредь будут подвергаться, уточнениям и изменениям в отдельных своих частях, но которые всегда останутся в полной силе, поскольку они указывают путь и тенденции развития общества. Ибо никогда не будет поколеблено положение Моргана, что «частная собственность опрокинула родовое общество» («Property overthrew tribalism». Australian Kinship, Proc. American Academy of Arts and Sciences, vol. VIII, 1873, p. 416), так же как незыблемо и другое его положение, что основанное на частной собственности общество «содержит в себе элементы своего собственного уничтожения» («such a career contains the elements of self-destruction» (Ancient Society, p. 552). И как неоспорима теория Моргана о коммунизме, как системе отношений в первобытном обществе, так же неоспоримо и сказанное им об обществе будущего, что «оно явится воскресением — но в более высокой форме — свободы, равенства и братства древних родов» (loc. cit.).

Учение Моргана имеет особо важное значение еще и потому, что с этим учением неразрывно связаны взгляды основоположников марксизма на первобытное общество. «Морган позволяет нам установить совершенно новые точки зрения, — писал Энгельс, — он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу» [Архив Маркса и Энгельса, I (VI), 1932, стр. 251]. И именно, «прочная база для истории первобытного общества» (Энгельс, там же, стр. 247), которая была найдена благодаря труду Моргана «Древнее Общество», дала возможность Энгельсу написать свою замечательную книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», пятидесятилетие со дня выхода в свет которой в этом году исполняется.

После Моргана остался огромный архив. Этот архив состоит из большого числа неопубликованных рукописей (около 100), богатейшей переписки с учеными разных стран, переписки по делам индейцев, дневников, журналов экспедиций, ответов на рассылавшиеся Морганом многочисленные анкеты по вопросам родового строя и систем родства, выписок из литературы, замечаний по поводу прочитанных книг и других записей и заметок. Архив до сих пор не опубликован, не обработан и не описан. Он хранится в университете в Рочестере (Нью-Йорк), куда Морган его перед смертью завещал. Благодаря исключительной любезности хранителя архива г-на Donald B. Gilchrist'а и администрации университета мне удалось получить из архива Моргана некоторые материалы с правом их опубликования.

Настоящее издание является первым опытом публикации материалов из архива Моргана.[1] Оно включает, главным образом, материалы, относящиеся к основному труду Моргана «Древнее Общество». Кроме того, оно содержит библиографию трудов Моргана, как опубликованных, так и неопубликованных, и исправления, сделанные рукой Моргана на полях лично ему принадлежавшего экземпляра книги «Древнее Общество». Я считал целесообразным также перепечатать две английских рецензии на «Древнее Общество», так как они ярко рисуют то отношение, которое встретило к себе «Древнее Общество» вначале, тем более, что эти рецензии напечатаны в журналах, в настоящее время мало доступных.

[1] Некоторые материалы из архива Моргана использовал Bernhard J. Stern в своей книге «Lewis Henry Morgan, Social Evolutionist», Chicago, 1931, и в статьях в журнале American Anthropologist: «Selections from the letters of Lorimer Fison and A. W. Howitt to Lewis Henry Morgan» (vol. 32, 1930, № 2, pp. 257—279; № 3, pp. 419—453) и «The letters of Asher Wright to Lewis Henry Morgan» (vol. 35, 1933, № 1, pp. 138—145). В названных работах Stern частично использовал также и отдельные отрывки из публикуемых в настоящем издании материалов. Stern преследовал в своих работах совершенно другие цели и не придавал, как видно, значения точной передаче приводимых им текстов, поэтому они изобилуют ошибками, пропусками и вставками. Так, например, в одном только письме Хауитта к Моргану (№ 21) Stern'ом допущено около 50 ошибок, которые искажают смысл текста и затрудняют его понимание.

К сожалению, я вынужден был ограничиться в настоящем издании публикацией только тех материалов, которые мне легче всего было получить.

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность всем тем лицам, которые оказали мне содействие в осуществлении настоящего издания и в первую очередь г-ну Donald B. Gilchrist'у за крайне отзывчивое и чрезвычайно внимательное отношение ко всем моим запросам. Мне хотелось бы особо отметить помощь, которую оказали мне при расшифровке и переводе текстов: работающий в Академии Наук СССР американский этнолог R. F. Barton, проф. В. Г. Богораз, академик С. А. Жебелев, чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленин, А. Б. Пиотровский, Н. Н. Тихоницкая и проф. Л. В. Щерба.

Июнь 1934 г.
Ленинград.

Дом, в котором жил и умер Морган. (Rochester, 124 South Fitzhugh Street.)

1

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ «ТАБЛИЦА» МОРГАНА

An unpublished «Table»
by
Lewis H. Morgan

Основное сочинение крупнейшего американского этнолога XIX в. Льюиса Генри Моргана «Древнее Общество» (1877 г.) поистине создало эпоху в науке о первобытном обществе и определило весь дальнейший путь развития этой науки.

В этом сочинении, которое является результатом 30-летней упорной исследовательской работы (полевой и кабинетной), Морган прежде всего дал историю семьи от ее ранних форм до моногамии, со всей четкостью доказав, что человечество дошло до моногамной семьи лишь в результате глубокой и долгой эволюции, пройдя предварительно через групповой брак, раньше адельфический (кровнородственная семья), а затем кузенный (пуналуальная семья), и что моногамная семья выросла на базисе усложнившихся, с ростом и накоплением богатств и с развитием частной собственности, экономических отношений; далее, он впервые вскрыл сущность и генезис родовой организации и показал исторический путь ее развития; впервые доказал, что господствующим принципом экономических отношений на ранних ступенях развития общества был первобытный коммунизм и что частная собственность явилась лишь на смену собственности общественной, родовой; наконец, впервые указал на то, что единственным критерием для установления стадий развития первобытного общества должен явиться способ добывания средств к существованию.

И несмотря на то, что «Древнее Общество» написано около шестидесяти лет тому назад, несмотря на накопленные после его выхода в свет груды новых материалов, несмотря, наконец, на то, что пятьдесят с лишним лет оно подвергается самой жестокой критике, — основные положения этой книги до сих пор остаются незыблемыми.

Первый, кто отметил все значение этого сочинения Моргана, был Маркс; он даже намеревался изложить результаты изысканий Моргана в связи с теми выводами, к которым он сам пришел в своих исторических исследованиях (от Маркса остались подробные выписки из «Древнего Общества» с критическими замечаниями, фотокопии которых хранятся в Институте Маркса, Энгельса и Ленина в Москве); а затем — Энгельс, который писал о теориях Моргана и в частности об открытии им материнского рода, как стадии, предшествовавшей повсюду отцовскому роду, что они «имеют такое же значение для первобытной истории, как теория эволюции

Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии». (Предисловие к 4-му изданию книги «Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats», 1892, S. XXI.)

Это же сочинение Моргана Энгельс положил в основу своего знаменитого труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства», выполнив, таким образом, то, что не суждено было сделать Марксу.

К сожалению, книга «Древнее Общество» не дошла до нас в том виде, в каком она вышла из под пера Моргана. Прежде всего в ней опущен, по техническим причинам, пятый раздел первоначальной моргановской рукописи, который назывался «Развитие идеи архитектуры домов» («Growth of the Idea of House Architecture»). В этом разделе трактовалось о коммунистическом хозяйстве «длинных домов» у американских индейцев и доказывалась обусловленность строительного искусства формами социально-экономических отношений. (Не имея, повидимому, намерения издать этот раздел особо,Морган напечатал отдельные его главы в разных изданиях. Так, глава «Houses of the Aztecs» легла в основу его статьи «Montezuma's Dinner», напечатанной в «North American Review» (CXXII, pp. 265—308, April, 1876); глава «Houses of the Mound Builders» напечатана в том же журнале (CXXIII, pp. 60—85, July, 1876); резюме всего раздела напечатано им под названием «Architecture of the American Aborigines» в Johnson's New Universal Cyclopaedia, I, 217—229 (New York, 1878); наконец, по просьбе Американского Археологического Института в Кэмбридже он составил на основании материалов этого раздела статью под названием «Study of the Houses of the American Aborigines with Suggestions for the Exploration of the Ruins of New Mexico, Arizona, the Valley of the San Juan and in Yucatan and Central America», напечатанную в Трудах названного Института (Archaeological Institute of America, 1st Annual Report, Cambridge, 1880, pp. 27—80). И только в 1881 г. Морган издал этот раздел, значительно дополнив его и переработав, отдельной книгой под названием «Houses and House-Life of the American Aborigines». (Contributions to North American Ethnology, vol. IV, Washington, 1881.)

Далее, имеются данные о том, что Морганом была вычеркнута из «Древнего Общества» при чтении корректуры целая страница. Так, пастор пресвитерианской церкви и профессор Princeton College, J. H. McIlvaine, близкий друг Моргана, в своей пространной речи на похоронах Моргана, состоявшихся 21 декабря 1881 г., сказал, между прочим, следующее: «Наш друг (т. е. Морган. *И. В.*) не питал ни малейшей симпатии к тому материализму, к которому гипотеза эволюции может приводить и часто приводила. В доказательство этого достаточно будет привести следующий факт: когда его большой труд «Древнее Общество» находился в печати, я обратил его внимание на один пассаж, который мог попасть в книгу без особого умысла, но который, однако, может быть истолкован, как подтверждение этих материалистических спекуляций в связи с теорией

эволюции, и Морган немедленно вычеркнул всю страницу». (Rochester Historical Society, Publication Fund Series, vol. II, 1923, p. 57.)

Затем, в существующих изданиях «Древнего Общества» имеется ряд ошибок. (Эти ошибки мы можем теперь легко исправить, так как до нас дошел принадлежавший лично Моргану экземпляр «Древнего Общества» с пометками и исправлениями, сделанными им на полях.)

Наконец, в рукописи «Древнего Общества», хранящейся в Университете в Рочестере, обнаружена еще нигде до сих пор не опубликованная «таблица».

Эта «таблица», занимающая шесть страниц (размер каждой страницы — 32.5 × 19.7 см) должна, как это явствует из ее названия, наглядно показать последовательный ход развития человеческого общества от его самых ранних форм до цивилизации. Каждая страница этой «таблицы» разделена чертой на две части: в одной (левой) дан последовательный ход развития изобретений и открытий (по периодам), в другой (правой) — ход развития общественных учреждений; причем обе части соответствуют друг другу не в отдельных пунктах, а лишь в целых периодах.

По какому принципу составлена «таблица»?

Мы знаем, что Морган придавал первостепенное значение в деле изучения истории общества средствам производства. Еще задолго до того, как Маркс высказал свое знаменитое положение: «Dieselbe Wichtigkeit, welche der Bau von Knochenreliquien für die Erkenntniss der Organisation untergegangner Thiergeschlechter, haben Reliquien von Arbeitsmitteln für die Beurtheilung untergegangner ökonomischer Gesellschaftsformationen. Nicht was gemacht wird, sondern wie, mit welchen Arbeitsmitteln gemacht wird, unterscheidet die ökonomischen Epochen. Die Arbeitsmittel sind nicht nur Gradmesser der Entwicklung der menschlichen Arbeitskraft, sondern auch Anzeiger der gesellschaftlichen Verhältnisse, worin gearbeitet wird» (Marx, Das Kapital, I. Band, 4. Aufl., 1890, S. 142), — Морган писал: «The fabrics of a people unlock their social history. They speak a language which is silent, but yet more eloquent than the written page. As memorials of former times, they commune directly with the beholder, opening the unwritten history of the period they represent, and clothing it with perpetual freshness. However rude the age, or uncultivated the people from whose hands they come, the products of human ingenuity are ever invested with a peculiar and even solemn interest. It is greatly to be regretted that so few remains of the skill and industry of the Iroquois have come down to the present age, to illustrate the era of Indian occupation. Although their fabrics are indicative of a low state of the useful arts, the artificial contrivances by which they were surrounded are yet the indices of their social condition, and for this reason are not devoid of instruction». (Morgan, League of the Ho-de'-no-sau-nee or Iroquois, 1851, цит. по изд. H. M. Lloyd, 1922, vol. II, p. 3 sqq.) В дальнейшем Морган углубляет и развивает свои взгляды. Так, в «Древнем Обществе» он пишет, что для установления главнейших стадий человече-

ского развития необходимо исследовать, с одной стороны, изобретения и открытия, а с другой — общественные учреждения (стр. 4).[1]

То что ход развития человечества, пишет Морган (там же, стр. 38), характеризуется прогрессирующим рядом изобретений и открытий, это уже неоднократно отмечалось исследователями, но до сих пор еще не оценено так же полно значение еще более решающего момента — общественных учреждений.

В нашей «таблице» Морган последовательно проводит выработанный им принцип. Он излагает прогресс изобретений и открытий, т. е. развитие труда, а рядом — параллельно развивающиеся семейные и общественные учреждения. И то и другое необходимо для определения основных стадий общественного развития.

Между прочим этот принцип Моргана дает нам, в известной мере, ключ к пониманию так жестоко искажавшегося места в предисловии Энгельса к 1-му изданию «Ursprung der Familie etc.», которое гласит: «Die gesellschaftlichen Einrichtungen, unter denen die Menschen einer bestimmten Geschichtsepoche und eines bestimmten Landes leben, werden bedingt durch beide Arten der Produktion: durch die Entwicklungsstufe einerseits der Arbeit, andererseits der Familie».

Представляется ли возможным датировать «таблицу»?

У нас имеются некоторые данные, позволяющие установить приблизительно время, когда она составлялась.

Как известно, Морган делил всю историю общества на три периода, из коих каждый, по его словам, представляет особое состояние общества и отличается особым, свойственным этому состоянию, укладом жизни («Древнее Общество», стр. 9), а именно: период дикости, варварства и цивилизации. Каждый из названных трех периодов он в свою очередь делил на три подпериода, которые обозначил как низшую, среднюю и высшую ступень периода.

Но мы знаем, что Морган не сразу пришел к своей периодизации в том ее виде, как она изложена в первой главе «Древнего Общества». На 24-м годовом собрании Американского Общества развития науки, которое открылось 11 августа 1875 г. в Детройте, Морган выступил с тремя докладами, которые затем легли в основу первых трех глав «Древнего Общества». В первом докладе, озаглавленном «Этнические периоды», Морган изложил установленные им периоды общественного развития и дал характеристику каждого из них. Оказывается, что еще тогда, всего за $1^1/_2$ года приблизительно до выхода в свет «Древнего Общества» («Древнее Общество», полагаю я, вышло в апреле 1877 г.), Морган еще не окончательно разработал свою периодизацию. Период дикости он еще затруднялся делить на подпериоды и оставил неделенным. (См. Proceedings of the Ame-

[1] Все ссылки на «Древнее Общество» сделаны по оригиналу: Ancient Society, 1878, New York.

rican Association for the Advancement of Science, 24. Meeting, held at Detroit, Michigan, August, 1875; 1876, p. 267.)

Так как в нашей «таблице» период дикости также оставлен без дальнейших подразделений, то можно полагать, что «таблица» составлена около 1875 г.

У нас имеется догадка и о том назначении, которое «таблица» должна была иметь. В «Proceedings» названного выше Американского Общества за 1876 г. напечатаны только первые два доклада Моргана: «Ethnical Periods» и «Arts of Subsistence»; третий же доклад, который назывался «Ratio of Human Progress», остался не напечатанным. Там лишь приведено его название (p. 334). Имеются все основания предполагать, что наша «таблица» была предметом третьего доклада Моргана и что она является вариантом третьей главы «Древнего Общества» — Ratio of Human Progress. Очень возможно также, что Морган первоначально предполагал напечатать эту «таблицу» в конце третьей главы, чтобы наглядно иллюстрировать ее, что, однако, по каким-то причинам не было осуществлено.

Что нового дает нам эта «таблица»?

Прежде всего она впервые дает наглядное представление о последовательном ходе развития как первобытного общества в целом, так и отдельных его институтов. Если и раньше нам из «Древнего Общества» были известны характерные для каждого периода и его подразделений главнейшие изобретения и открытия, а также социальные учреждения, то далеко не всегда нам были достаточно ясны их последовательность и связь между собой. Этот пробел в «Древнем Обществе» наша таблица главным образом и заполняет.

Далее, «таблица» дает нам возможность установить точку зрения Моргана на генезис и развитие ряда общественных явлений, которых Морган в «Древнем Обществе» касался лишь вскользь.

Начнем с вопроса о происхождении и развитии языка. Прежде всего мы из этой «таблицы» узнаем, что Морган, как видно, предполагал о существовании непосредственной связи между развитием труда и развитием речи: развитие речи отнесено в «таблице» к разделу «Прогресс изобретений и открытий». Далее, мы видим, что членораздельная речь возникает только на грани низшей и средней ступени дикости и что ей предшествует язык жестов. О языке жестов, между прочим, Морган говорит и в «Древнем Обществе». Так, на стр. 36 в примечании он пишет: «Язык жестов или знаков был, как видно, первоначальным языком, старшей сестрой членораздельной речи». И дальше: «Всякий, кто пытается разрешить задачу происхождения языка, хорошо сделает, обратив внимание на все вытекающие из языка жестов возможные предположения».

В развитии языка Морган устанавливает три стадии: 1) моносиллабическую (на грани низшей и средней ступени дикости); 2) полисиллабическую (на средней и высшей ступени дикости и низшей ступени варварства); 3) конкретных слов (на средней и высшей ступени варварства).

(См. по этому вопросу следующее место в «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family», p. 201, Note: «The present classification of the languages of mankind into monosyllabical, agglutinated, and inflectional does not seem to be well founded. The principal objection lies to the last term as distinctive of the Aryan and Semitic languages. Inflection is a not less striking characteristic of the Ganowánian languages than agglutination. Conjugation, which is the all-controlling principle of these languages, together with agglutination, are continually submerging the word; whilst in the Aryan and Semitic languages the word is more definite and concrete. There is a decisive tendency in the inflectional languages, so called, to lessen inflection, and, so to speak, to solidify its words. This is shown by the development of the present Aryan languages into their modern forms. They are languages of complete and perfect words, as distinguished from the monosyllabical and polysyllabical, which are yet, in some sense, in the syllable stage. The three forms appear to give —1. The language of single syllables; 2. The language of many syllables; and 3. The language of words».)

Переходим к вопросу о дородовом состоянии общества.

Древнейшей и первичной социальной единицей Морган считал орду («Древнее Общество», стр. 500). «Стадную жизнь» (в первом пункте раздела «Развитие учреждений» — Состояние дикости) не следует понимать как характеристику древнейшей формы человеческого общежития вообще, а только в том смысле, что люди жили в беспорядочном половом общении подобно стаду животных (ср. «Древнее Общество», стр. 502 и Systems of Consanguinity, p. 488). «Стадность», таким образом, относится только и исключительно к половым отношениям.

Поскольку орда являлась, по всей вероятности, самодовлеющей единицей и половые потребности удовлетворялись внутри ее (ибо вряд ли можно предполагать о существовании постоянных и прочных связей между отдельными ордами, и только в этом смысле можно понимать беспорядочные половые сношения), то естественно, что орда состояла из кровных родственников, была кровнородственной (ср. «Древнее Общество», стр. 527). Но кровное родство не было еще общественно осознано. Начало общественного осознания кровного родства совпадает с началом ограничения половых связей между определенными категориями родственников.

Первым ограничением беспорядочного общения полов явилось запрещение половых сношений между представителями разных поколений, между родителями и детьми, и установление половых сношений только внутри поколений, между братьями и сестрами. Это ограничение началось уже очень рано. «Вероятнее всего, пишет Морган, эти беспорядочные половые сношения ограничивались тем периодом, когда люди питались плодами и находились в своем первоначальном местожительстве; невероятно, чтобы смешение полов продолжалось после того, как люди стали рыбаками и начали распространяться по земле на основе приготовляемой искусственно пищи». («Древнее Общество», стр. 501.)

Суживанию круга лиц, вступающих между собой в половые связи, и тем самым ограничению беспорядочных половых сношений должен был способствовать и экономический фактор. «Невероятно, пишет Морган, чтобы первоначальный промискуитет продолжался долгое время даже в орде, так как последняя для поисков пищи должна была расколоться на меньшие группы и распасться на кровнородственные семьи». («Древнее Общество», стр. 418.)

Таким образом, с одной стороны, установление половых связей только между братьями и сестрами, а с другой — неспособность орды, в силу весьма низкого уровня развития производительных сил, при дальнейшем росте ее численности, сохраняться как хозяйственной единице, — неизбежно должны были привести к распаду орды на мелкие группы. Остовом такой группы, естественно, должны были явиться живущие общей половой жизнью братья и сестры. А эта группа, после известного обособления и упрочения, превратилась в кровнородственную семью, т. е. семью, в основе которой лежит групповой брак между братьями и сестрами и которая ведет коммунистическое хозяйство.

Таким образом, мы получаем первое расчленение первоначальной единой орды, расчленение горизонтальное.

На средней ступени дикости, с запрещением браков между братьями и сестрами, имеет место второе расчленение орды, вертикальное, и возникновение рода. Первоначальная орда, построенная по принципу эндогамии отдельных ее подразделений (т. е. кровнородственных семей), распадается в брачном отношении на группы экзогамные, т. е. группы, обнимающие родственников, — на первых порах единоутробных братьев и сестер, — между которыми брак запрещен. Браки происходят между представителями разных групп, т. е. между двоюродными братьями и сестрами. Эта группа, окончательно упрочившись, образует род.

Таким образом, мы видим, что, по Моргану, дородовое состояние общества ограничивается только низшей ступенью периода дикости и что формами общежития на той стадии общественного развития были первоначально орда, а затем подразделение орды, кровнородственная семья.

Допущение Морганом существования ранее рода еще «классовой» организации общества, т. е. организации, основанной на половом различии, является, как мы это теперь установили, результатом недоразумения (см. об этом подробно примеч. № 1 к письму Файсона № 15).

Вопрос об обычае «пуналуа», который, по Моргану, дал начало родовой организации, особенно нуждается в разъяснении и уточнении, так как на нем чаще всего основывают противники Моргана свои возражения. И, действительно, при настоящей его формулировке этот пункт дает повод для целого ряда недоразумений. Ведь если пуналуальный брак состоит в том, что «н е с к о л ь к о братьев живут сообща со своими женами и н е с к о л ь к о сестер живут сообща со своими мужьями» (п. 8 разд. «Развитие учреждений» — Ступень дикости) или, по определению, данному в «Древнем Обще-

стве» (стр. 384): «Групповой брак нескольких родных и коллатеральных сестер и их мужей, причем общие мужья не обязательно родственны между собой, или групповой брак нескольких родных и коллатеральных братьев и их жен, причем эти жены не обязательно родственны между собой», — то он не в состоянии объяснить нам всех особенностей турано-ганованской системы родства и в частности той ее особенности, по которой человек называет своим отцом не только своего отца, но и всех его братьев, своей матерью — не только свою мать, но и всех ее сестер и т. д. и т. д. Такая система могла возникнуть только в том случае, когда в групповой брак вступали все братья (родные и коллатеральные) каждого поколения одного рода со всеми сестрами (родными и коллатеральными) соответствующего поколения в другом роде. Пуналуальный же брак в его гавайской форме, предполагающий возможность существования в каждом поколении нескольких групп братьев или сестер, из коих каждая самостоятельно состоит в групповом браке, к которому непричастны члены других групп, дает основание для родственного отношения «дяди» — для братьев отца, не входящих в состав брачной группы отца, «тетки» — для сестер матери, не входящих в брачную группу матери, «кузенов и кузин» — для детей братьев, входящих в разные брачные группы, и для детей сестер, входящих также в разные брачные группы. Но турано-ганованская система родства не предусматривает этих родственных отношений и не имеет для них особых терминов. Отсюда напрашивается вывод, что пуналуальная семья не находится в соответствии с турано-ганованской системой и поэтому она не в состоянии объяснить ни ее генезиса, ни сущности, а это неизбежно влекло бы за собой и другой, более серьезный вывод, а именно, что классификаторская система родства вообще не отражает фактических семейно-брачных отношений и, следовательно, не может быть использована для восстановления исчезнувших форм семьи и для доказательства группового брака. А поэтому, метод Моргана несостоятелен, и вся его теория общества надуманная или, как выразился один английский исследователь, — «a house of cards» (Thomas, Kinship Organisations and Group Marriage in Australia, 1906, p. 148).

Это возражение особенно отчетливо сформулировал Кунов в своей работе «Liebe und Ehe im Leben der Völker», вышедшей в 1929 г. Так, на стр. 21 он пишет:

«К тому же, Морган, чтобы доказать свою групповую теорию (Gruppentheorie), часто прибегал к самым странным, полным противоречий построениям. Его так называемая семья пуналуа, например, есть фантастическое измышление, основанное на неправильно понятых им выражениях известного судьи Lorin Andrews, выдающегося знатока гавайского туземного права.

Из этих тесных брачных товариществ (какими являются группы пуналуа на Гавайских островах. *И. В.*) Морган делает большие брачные группы, в которых якобы целый ряд братьев жил с целым рядом сестер. Им соответствует, как он утверждает, гавайская номенклатура родства».

И дальше на стр. 23: «Но даже и те термины, которые можно вывести из пуналуальной группы, не согласуются с ее объемом, ибо гаваец называет своими братьями и детьми не только всех товарищей и детей, принадлежащих к его брачной группе, но и, за пределами ее, всех принадлежащих к его родовому союзу (Geschlechtsverband)».

А ведь нам хорошо известны конечные выводы Кунова, выводы, неизбежные для всякого, кто отрицает правильность метода Моргана. Это — отрицание группового брака, отрицание приоритета материнского строя и первобытного коммунизма вообще; утверждение, что первичной социальной единицей является семья, а древнейшей формой семьи — моногамия. И Кунов в названной выше работе прямо заявляет, что никаких доказательств в пользу существования на низших ступенях развития человеческого общества группового брака и первобытно-коммунистических отношений не существует и что, наоборот, у народов, наиболее примитивных, как, например, у тасманийцев, австралийцев, андаманцев, ведда и т. д., мы неизменно находим индивидуальный брак и моногамную семью и совершенно не находим общего владения имуществом (Gütergemeinschaft) и никаких следов первобытного коммунизма (см. назв. соч., стр. 28 и сл.).

Но дело в том, что гавайский обычай пуналуа вовсе не является древнейшей формой пуналуального брака, как это думал Морган, которому были известны группы пуналуа только у гавайцев. Это нам стало совершенно ясным особенно после появления в свет исследований Fison'a, Howitt'a, Spencer'a и Gillen'a об австралийском браке, исследований Штернберга о гиляцком браке и т. д. Оказалось, что как у австралийцев, так и у гиляков сохранился пуналуальный брак в его первоначальной и наиболее примитивной форме, а именно, когда все мужчины каждого поколения, которые являются между собой братьями, одного какого-либо рода, состоят в групповом браке, или имеют брачное право на всех женщин соответствующего поколения, которые являются между собой сестрами, в другом определенном роде и vice versa. При этом мужья и жены между собой кузены и кузины разных степеней родства.

Так, напр., Fison пишет о браке у австралийцев:

«Брак теоретически коммунальный. Другими словами, это брак всех мужчин одного подразделения племени со всеми женщинами того же поколения другого подразделения.

Брак коммунальный. Каждый Kumite — теоретически муж каждой Krokigor того же поколения, что и он. (Kumite и Kroki = название двух первоначальных родов, на которые распалось племя, обитавшее в Южной Австралии, Mount Gambier. Причем, Kumite — название мужчин, а Kumitegor — женщин того же рода; Kroki — название мужчин, Krokigor — женщин того же рода. *И. В.*). Каждый Kroki — теоретический муж каждой Kumitegor своего поколения. Это не значит, что брачные права действительно осуществляются в таких размерах до сегодняшнего

дня, но эти права существуют и признаются даже и теперь до известной степени.

Родство, поэтому, является родством группы индивидов с другой группой. Все Kumite и Kumitegor одного и того же поколения считаются братьями и сестрами. Точно так же и все Kroki и Krokigor одного и того же поколения. Каждый Kumite считается общим отцом всех Kroki и Krokigor ближайшего младшего поколения. То же самое относится и к другим степеням родства».

«Что касается как брака, так и родства, то только группа имеет значение. Индивид не принимается во внимание. Он не считается настоящей единицей. Он существует только как часть группы, которая в целом и является действительной единицей. Не индивидуальный Kumite женится на индивидуальной Krokigor, а группа мужчин, называемых Kumite, вступает в брак с группой женщин, называемых Krokigor. Отсюда сын от этого брака не индивидуальный Kroki, а групповой Kroki; дочь не индивидуальная Krokigor, а групповая Krokigor. Эти сын и дочь, т. е. групповой Kroki и групповая Krokigor — брат и сестра, и это родство связывает всех членов группы. То же самое относится и к другим степеням родства» (Fison and Howitt, Kamilaroi and Kurnai, 1880, p. 50 sqq., 57).

А Штернберг пишет о гиляках: «Тесть одного сородича — тесть всему роду. Зять одного сородича — зять всему роду. Каждый род принципиально берет женщин из одного определенного рода и в свою очередь отдает своих женщин в другой, тоже точно определенный род. Общий тесть означает общее право каждого поколения сородичей на соответствующее поколение женщин рода — ахмальк (тестя), а общий зять — обязанность отдавать своих женщин роду — ымгі (зятя)» (Гиляки. Оттиск из журнала «Этнографическое обозрение», кн. 60, 61 и 63, стр. 79).

Пуналуальный брак на Гавайских островах, таким образом, не может нами теперь рассматриваться как первоначальная форма пуналуального брака, а напротив — как его наивысшая форма, как дальнейшее развитие первоначального пуналуального брака, выразившееся, во 1-х, в количественном сокращении брачной группы (если первоначально пуналуальная группа обнимала в с е х двоюродных братьев и сестер, то теперь она стала обнимать только н е с к о л ь к и х братьев и сестер), а во 2-х, в качественном изменении ее состава (если первоначально пуналуальная группа состояла из кузенов и кузин — детей братьев и сестер, — то теперь мужья, равно как и жены, не обязательно родственны между собой).

Так рассматривал гавайский пуналуальный брак и Энгельс.

«Брак целыми классами, как он господствует в Австралии, — писал Энгельс, — является, во всяком случае, очень низкой и первоначальной формой группового брака, в то время как пуналуальная семья (речь идет о пуналуальной семье на Гавайских островах. *И. В.*), насколько нам известно, представляет самую высокую ступень его развития» (Ursprung der Familie etc., 4 Aufl., 29).

Но этим уточнением нисколько не поколеблена теория Моргана о пуналуальной семье вообще. Совершенно очевидно, что, независимо от того, будем ли мы считать пуналуальный брак на Гавайских островах первоначальной формой пуналуального брака или же формой далеко продвинувшейся в своем развитии вперед, теория Моргана о пуналуальной семье, как обязательной стадии в развитии семьи, остается в полной силе.

Необходимо отметить, что и сам Морган, которому не были известны другие случаи пуналуального брака, кроме гавайского, теоретически представлял себе пуналуальную семью так, как мы ее сейчас понимаем в свете новейших данных, а именно: как семью, основанную на групповом браке всех кузенов и кузин. Так, мы читаем в «Древнем Обществе» (стр. 425): «Раз дана кровнородственная семья, заключающая в себе состоящих между собой в браке родных братьев и сестер, а также коллатеральных братьев и сестер, то для того, чтобы получить пуналуальную семью, надо только исключить из брачной группы первых и оставить последних».

Или в другом месте: «Мы обращали внимание на то, что пуналуальная семья включала в себе тех же лиц, которые входили в предшествующую кровнородственную семью, за исключением только родных братьев и сестер» (стр. 502 и след.). Другими словами, пуналуальная семья обнимала состоявших между собой в групповом браке всех боковых братьев и сестер в каждом поколении.

Теперь о взглядах Моргана на первобытный коммунизм.

Как видно из «таблицы», первобытно-коммунистические отношения возникают, по Моргану, уже на самой заре существования человеческого общества, вместе с возникновением самого общества: «Коммунистический образ жизни в орде из родственных лиц» — гласит п. 2 разд. «Развитие учреждений» (Состояние дикости).

Возникшие еще в орде, коммунистические отношения продолжают затем развиваться в кровнородственной семье и в пуналуальной. «Коммунистический образ жизни, пишет Морган, должен был неизбежно господствовать как в кровнородственной семье, так и в пуналуальной, так как этого настойчиво требовали условия существования этих форм семьи» («Древнее Общество», 416. См. еще стр. 446). Или, как он пишет в другом месте: «The union of effort to procure subsistence for the common household, led to communism in living» (Systems of Consanguinity etc., p. 488.)

Коммунистический принцип продолжает господствовать и в синдиасмической семье.

«Несколько таких семей (т. е. синдиасмических. *И. В.*) обычно жили в одном доме, образуя коллективное домохозяйство, в котором господствовал принцип коммунизма. Факт соединения нескольких таких семей в одно общее домохозяйство уже сам по себе доказывает, что семья была слишком слабой организацией, чтобы одной противостоять тяготам жизни» («Древнее Общество», 453).

И лишь только к концу средней ступени варварства первобытно-коммунистические отношения, под влиянием развития частной собственности, начинают приходить в упадок.

О том, какое вкладывал Морган содержание в понятие «коммунистический образ жизни» (communism in living), см. подробно его сочинение «Houses and House-Life of the American Aborigines», pp. 42—78.

Наконец, о происхождении и развитии религиозных представлений.

Как видно из «таблицы», Морган считал, что религиозные представления появляются только на средней ступени дикости. На низшей ступени дикости еще нет никаких религиозных идей и никаких религиозных действий.

Началом религии Морган считает фетишизм. Я думаю, что слово «фетишизм» Морган употреблял в том же смысле, как и Огюст Конт. Как известно, теологический период в развитии человеческой мысли, установленный Контом, распадается у него на три подпериода: фетишизм, политеизм и монотеизм. При этом под фетишизмом Конт разумел первую и древнейшую стадию религиозного мышления, которая «характеризуется свободным и непосредственным проявлением нашей первоначальной склонности рассматривать все предметы внешнего мира, как естественные, так и искусственные, одушевленными, обладающими жизнью, по существу аналогичной с нашей и отличающейся от нее лишь степенью интенсивности» (Aug. Comte, Cours de philosophie positive, V, 30).

Под влиянием Конта находились многие этнологи того времени и в частности Lubbock, который также рассматривал фетишизм как первую стадию религии (The Origin of Civilisation and the Primitive Condition of Man, 1870), далее F. Schultze в его книге «Der Fetischismus» (1871), и другие.

Введенный затем Тайлором (Primitive Culture, 1871) для обозначения указанной стадии в развитии религии, вместо фетишизма, термин «анимизм» не получил еще в науке к тому времени права гражданства.

Я полагаю, поэтому, что Морган употреблял термин «фетишизм» в том смысле, что и Конт, подразумевая под ним то же, что позже стали подразумевать под термином анимизм.

Схема дальнейшего развития религии, по Моргану, такова:

Средняя ступень дикости — поклонение стихиям.

Высшая ступень дикости — поклонение стихиям, развивающееся в религиозные системы.

Низшая ступень варварства — дальнейшее развитие поклонения стихиям со смутными представлениями о личных божествах. Дуализм.

Средняя ступень варварства — политеизм. Образование класса жрецов. Примитивные храмы с грубыми изображениями личных божеств. Человеческие жертвоприношения.

Высшая ступень варварства — монотеизм.

(1a) Table: showing, hypothetically, in the relative order of their appearance, the principal Inventions and Discoveries; and the principal Domestic Institutions of Mankind in the period of Savagery, and in the several sub-periods of Barbarism.[1]

I. STATUS OF SAVAGERY

Progress of Inventions & Discoveries.

1. Subsistence upon fruits and nuts in a restricted habitat.
(First Art of Subsistence.)
2. Gesture Language.
3. Articulate Language commenced: Monosyllabical in form.
4. Discovery of the use of fire.
5. Invention of flint implements of the simplest kind, and of the spear, pointed with flint or bone.
6. Invention of fish spear, with the use of fish as food.
(Second Art of Subsistence)
7. Spread of bands of savages over Asia Europe and Africa, and finally over America, on the basis of a fish subsistence.
8. Invention of stone and bone implements of the ruder varieties.
9. Cannibalism generally prevalent.
(1b) 10. Language Syllabical and Agglutinated.
11. Invention of Dugout Canoe.
12. Rope making from filaments of bark.
13. Invention of hook and line and net.
14. Basket making from cane, and cloth making from [vegetable pulp.] inner bark of trees *by pounding into thin sheets.*

Growth of Institutions.

1. Gregarious life: with promiscuous intercourse.
2. Communism in living in horde of related persons.
3. Intermarriage of brothers and sisters in a group: giving the Consanguine Family.
(First Stage of the Family).
4. Office of Chief over Consanguine Family.
5. Organization of society *into classes* on the basis of sex: containing the germinal principle of the gens. It broke up the intermarriage of brothers and sisters.[2]
7. Religious Ideas germinating: Fetishism.
8. Appearance of the Custom of Punalua: under which marriage was in the group on the basis of the brotherhood of the males on one hand and of the sisterhood of the females on the other: several brothers possessing their wives in common and several sisters possessing their husbands in common. It gave the Punaluan Family.
(Second Stage of the Family.)
9. Worship of the Elements.
10. Organization into Gentes on the basis of kin: prohibiting intermarriage in the gens, and permanently aboli-

15. Invention of bow and arrow: giving an increased meat subsistence, and a destructive weapon.

16. Skin garments, huts & lodges.

17. Edible roots cooked in ground ovens.

18. Boiling meat in *ground cavities lined with* skins with the use of heated stones.

19. Coating baskets with clay giving a vessel for boiling food.

20. Language Syllabical, but grammatical structure much advanced.

shing the intermarriage of brothers and sisters.

11. *The Idea of Property germinating.*[3]

12. Wives acquired by purchase and by capture.

13. Formation of Tribes each composed of gentes: giving a societas.

14. Office of chief hereditary in the gens.

15. Communism in living still prevalent and universal.

16. Village life becoming developed.

17. Property small in variety and amount but hereditary in the gens: the distribution being among the gentiles.

(First Rule of Inheritance.)

18. Worship of the Elements [germinating] expanding into *religious* systems.

(2*) II. LOWER STATUS OF BARBARISM

1. Invention of Art of Pottery.

2. Flint, Stone and Bone Implements improved, and varieties multiplied.

3. Finger Weaving with warp & woof: using twine made of filaments of bark.

4. Discovery of Maize in America, and introduction of Horticulture: followed by the cultivation of *maize*, the bean and the squash [and tobacco]: giving Farinaceous Food.

(Third Art of Subsistence.)

5. Picture Writing on bark.

6. Villages stockaded.

7. Discovery and use of Tobacco in America.

8. Rude Stone Sculptures.

9. Houses communal in plan.

10. The scourge of Cannibalism beginning to abate, through the increased supply of farinaceous food.

11. Language Syllabical, and advancing in grammatical structure.

1. Organization into Gentes fully developed: giving the Gens, *the phratry*, the Tribe and the Confederacy of Tribes as the scheme of Government.

2. Descent in the female line, with office and property hereditary in the Gens.

3. Gradual reduction of the jura conjugialia, which has followed down from savagery.

4. Marriage between single pairs beginning to prevail: but without an exclusive cohabitation: giving the Syndyasmian Family.

(Third Stage of the Family.)

5. Lands owned in common by the tribe: but with a possessory right in individuals to occupied lands.

6. Worship of the Elements *still further* expanded [into a system] with personal Gods *imperfectly conceived*.

7. Formation of Confederacies.

8. Democracy the [law] principle of the gentes: Government administered by a council of elective chiefs.

9. Monotheism in the dual form.

10. Descent beginning to change to the male line: and rise of the doctrine of agnation.

Table: showing, hypothetically, in the relative order of their appearance, the principal Inventions and Discoveries; and the principal Domestic Institutions of Mankind in the period of Savagery, and in the several Sub-periods of Barbarism

I. Status of Savagery

Progress of Inventions & Discoveries

1. Subsistence upon fruits and nuts in a restricted habitat.

(First Art of Subsistence)

2. Gesture Language
3. Articulate Language Commenced: Monosyllabical in form.
4. Discovery of the use of fire
5. Invention of flint implements of the simplest kind, and of the spear pointed with flint or bone
6. Invention of fish spear, with the use of fish as food.

(Second Art of Subsistence)

7. Spread of bands of Savages over Asia Europe and Africa, and finally over America, on the basis of a fish subsistence
8. Invention of stone and bone implements of the ruder varieties.
9. Cannibalism generally prevalent

Growth of Institutions.

1. Gregarious life: with promiscuous intercourse.
2. Communism in living in hordes of related persons
3. Intermarriage of brothers and sisters in a group: giving the Consanguine Family

(First Stage of the Family)

4. Office of Chief over Consanguine Family.
5. Organization of Society into classes, on the basis of sex: containing the germinal principle of the gens. It broke up the intermarriage of brothers and sisters
7. Religious Ideas germinating: Fetishism
8. Appearance of the custom of Punalua: under which marriage was in the group, on the basis of the brotherhood of the males on one hand and of the sisterhood of the females on the other: several brothers possessing

Первая страница «Таблицы» Моргана.

(2b)

III. MIDDLE STATUS OF BARBARISM

1. Domestication of Animals in Eastern hemisphere: Invention of sun-dried brick, aud cultivation by irrigation in the Western.

2. Flint, stone and bone implements perfected.

3. *Cyclopean walls.*[4]

4. Textile fabrics of linen and woollen in Eastern hemisphere, and of cotton in Western.

[4. Fortified towns Cyclopean Walls.]

5. Use of dressed stone in architecture.

6. Fortified Towns with enclosing walls of brick and stone in Eastern hemisphere: Communal Edifices in the nature of fortresses of sun-dried brick and stone in the Western.

7. Domestic Animals reared in flocks and herds in Eastern hemisphere: giving a permanent meat and milk subsistence.

(Fourth Art of Subsistence).

8. Domestication of llama, and turkey in Western hemisphere.

9. Discovery and cultivation of cereals and plants in Eastern hemisphere: giving farinaceous food.[5]

(3a) 10. Discovery and attempted use of the native metals: copper axe and chisel.

11. Art of Pottery greatly advanced: moulds used for casting.

12. Use of crucible and charcoal for fusing native metals, and casting in moulds.

13. Ideographic Writing, with conventional symbols in America.

14. Invention of Bronze.

15. Language changing from syllabical form to that of concrete words.

16. Hieroglyphs, possibly of phonetic character (Copan monuments).

[17. Invention of Plate Armour.]

1. Permanent Village Communities.

2. Further growth of the idea of property in lands: with a tendency to [individual ownership of cultivated lots in severalty] its division by gentes.

3. Communism in living still prevalent: from inability of Syndyasmian family to face alone the hardships [difficulties] of life.

4. Polytheism developing out of Element Worship: with the rise of a priestly class.

5. Rude Temples, with rude images of Personal Gods.

6. Human Sacrifices.

7. The Gentile organization in full vitality: but the aristocratic element in society beginning to appear: founded upon the office of chief, and the possession of property.

8. Democracy still the controlling principle of the gentile organization.

9. The Priesthood becoming an organization, and seeking the control of Society.

10. Property still hereditary in the gens: but distributed among the agnate kindred of deceased owner to the exclusion of the remaining gentiles.

(Second rule of Inheritance.)

11. Descent changing from the female line to the male to bring children among the agnates of their deceased father.

[12. The Family gradually assuming Monogamian characteristics.]

[12. Coalescence of Tribes into Nations in the place of Confederacies of Tribes].

12. The Family gradually assuming monogamian characteristics.[6]

IV. UPPER STATUS OF BARBARISM

1. Invention of the process of smelting Iron Ore.
2. Invention of shuttle and hand loom: giving woven fabrics of linen and woollen in quantity.
$2^1/_2$. *Invention of Plate Armour.*[7]
3. Production of Iron Tools, and invention of iron sword.
4. Use of Marble in architecture.
(3[b]) 5. Invention of Potters Wheel.
6. Use of Spear with metallic point, and of Embossed Shield.
7. Invention of iron pointed plow, and use of animal power in cultivation: giving field agriculture, and making subsistence unlimited.
(Fifth Art of Subsistence).
8. Invention of hand mill for grinding grain.
9. Language advanced to ultimate form of concrete words.
10. *Invention of Poetry.*[8]
11. Manufacture of Wine from the grape.
12. Ship building with ribs plank and keel.
13. Use of chariot in war.
[13. Invention of Poetry.]
14. Invention of Phonetic Alphabet.
15. Production of Homeric Poems.

1. Descent generally in the male line.
2. Children beginning to claim an exclusive inheritance from their fathers.
3. Mythology in full development.
4. Pastoral life on the plains: giving the Patriarchal Family.
(Fourth Stage of the Family.)
$4^1/_2$. *Monotheism in Hebrew Tribes.*[7]
5. Rapid development of wealth in flocks and herds, and in lands individually owned.
6. Spread of Aryan Tribes over forest areas in Western Asia and Europe.
7. Lake Dwellings and fortified Towns in forest areas.
$7^1/_2$. *Coalescence of Tribes into nations, in the place of a Confederacy of Tribes.*[7]
8. Rise of Military Democracies under leaders and reges or Military Commanders. The functions of priest and judge superadded to those of chief.
9. Further development of *the* aristocratic element through office and property: but the democratic principle predominant until the organization of political society after civilization commenced.
10. Rights of property becoming established.
11. Children obtain an(d) exclusive Inheritance.
(Third Rule of Inheritance.)
12. The Monogamian Family.
(Fifth Stage of the Family.)
13. Government still a societas, based upon the Gentes.

Таблица, показывающая, предположительно, в относительной последовательности их появления, главнейшие изобретения и открытия, а также главнейшие общественные учреждения человечества в период дикости и в различные подпериоды варварства.

I. СОСТОЯНИЕ ДИКОСТИ

Прогресс изобретений и открытий.

1. Питание плодами и орехами в ограниченной области обитания.

(Первый способ пропитания)

2. Язык жестов.

3. Начало членораздельной речи, односложной по форме.

4. Открытие употребления огня.

5. Изобретение кремневых орудий простейшего вида и копья с кремневым или костяным наконечником.

6. Изобретение остроги и употребление рыбы в пищу.

(Второй способ пропитания)

7. Распространение орд дикарей по Азии, Европе и Африке и, наконец, по Америке на основе питания рыбой.

8. Изобретение каменных и костяных орудий грубых разновидностей.

9. Всеобщее распространение людоедства.

10. Речь многосложная и агглютинативная.

11. Изобретение долбленого челнока.

12. Изготовление веревок из волокон коры.

13. Изобретение рыболовного крючка, лесы и сетей.

14. Изготовление корзин из тростника и изготовление материала для

Развитие учреждений.

1. Стадная жизнь с беспорядочным общением полов.

2. Коммунистический образ жизни в орде из родственных лиц.

2. Групповой брак братьев и сестер, что дало кровнородственную семью.

(Первая стадия семьи)

4. Функция главаря в кровнородственной семье.[9]

5. Организация общества в классы на основе полового различия, что содержит в себе зародыш рода. Это подорвало брак между братьями и сестрами.

7. Начало религиозных идей: фетишизм.

8. Появление обычая пуналуа, при котором брак был групповым; при этом основу группы составляли в одном случае мужчины — братья, а в другом — женщины — сестры: несколько братьев жили сообща со своими женами и несколько сестер жили сообща со своими мужьями. Отсюда произошла пуналуальная семья.

(Вторая стадия семьи)

9. Поклонение стихиям.

10. Организация общества на основе родства в роды: запрет бра-

*

одежды из древесного луба путем раскалачивания его на тонкие слои.

15 Изобретение лука и стрел, что увеличило мясное питание и дало разрушительное оружие.

16. Одежда из шкур, шалаши и хижины.

17. Печение съедобных корней в земляных печах.

18. Варка мяса в земляных углублениях, выложенных шкурами, при помощи нагретых камней.

19. Обмазывание корзин глиной, что дало сосуд для варки пищи.

20. Речь многосложная, но грамматическая структура более развита.

ков внутри рода и окончательное уничтожение браков между братьями и сестрами.

11. Зарождение идеи собственности.[10]

12. Приобретение жен путем покупки и похищения.[11]

13. Образование племен, состоящих каждое из родов. Это дало «societas».[12]

14. Звание вождя наследственно в роде.

15. Коммунистический образ жизни продолжает быть господствующим и всеобщим.

16. Оседлый образ жизни (селением) начинает развиваться.

17. Собственность незначительна по размеру и разнообразию, но наследственна в роде: она распределяется между всеми сородичами.

(Первый порядок наследования)

18. Поклонение стихиям, развивающееся в религиозные системы.

II. НИЗШАЯ СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

1. Изобретение гончарного искусства.

2. Кремневые, каменные и костяные орудия усовершенствуются, и увеличивается количество их разновидностей.

3. Ручное ткачество с основой и утком, с употреблением нитей, изготовленных из волокон коры.

4. Открытие маиса в Америке и введение огородничества, после чего последовало возделывание маиса, бобов и тыквы; это дало мучнистую пищу.

(Третий способ пропитания)

5. Образное письмо на древесной коре.

6. Селения, обнесенные частоколом.

7. Открытие и употребление табака в Америке.

8. Грубая каменная скульптура.

9. Дома, коммунальные по плану.

10. Бич людоедства начинает ослабевать благодаря увеличению запасов мучнистой пищи.

1. Родовая организация в полном развитии. Это дало: род, фратрию, племя и конфедерацию племен, как систему общественного устройства.

2. Счет родства ведется по женской линии с наследованием звания и собственности в роде.

3. Постепенное ограничение брачных прав (jura conjugialia), перешедших из периода дикости.

4. Брак между отдельными парами начинает преобладать, но не исключены внебрачные половые сношения. Это дало синдиасмическую семью.

(Третья стадия семьи)

5. Земля является общей собственностью племени, но отдельные лица получают право на владение обработанным участком.

6. Дальнейшее развитие поклонения стихиям со смутными представлениями о личных божествах.

7. Образование конфедераций.

8. Демократизм как принцип родовой организации: управление осуще-

5. Invention of Potters Wheel

6. Use of Spear with metallic point; and of Embossed Shield

7 Invention of iron pointed plow and use of animal power in Cultivation — giving field agriculture and making subsistence unlimited.

(Fifth Art of Subsistence)

8 Invention of hand Mill for grinding grain.

9 Language advanced to ultimate form of Concrete Words.

10 Invention of Poetry.

10 Manufacture of Wine from the grape.

12 Ship building with oibs plank and Keel.

13. Use of Chariot in War

~~13 Invention of Poetry~~.

14 Invention of Phonetic Alphabet.

15. Production of Homeric Poems.

in flocks and herds. and in lands individually owned.

6 Spread of Aryan Tribes over forest areas in Western Asia and Europe.

7 Little dwellings and fortified Towns in forest areas.

7½ Coalescence of Tribes into nations in the place of a Confederacy of Tribes.

8 Rise of Military democracies under Leaders and Segas or ~~Electo~~ Military Commanders the functions of priest and judge superadded to those of Chief.

9 Further development of the aristocratic Elements through office and property; but the democratic principle predominant until the organization of political Society after Civilization commenced.

10. Rights of property becoming established

11. Children obtain and exclusive Inheritance.

11 (Third rule of Inheritance)

12 The Monogamian Family.

(Fifth Stage of the Family

13 Gaimonias still a Societas based upon the Gentes.

Шестая (последняя) страница «Таблицы» Моргана.

11. Речь многосложная и дальнейшее развитие грамматической структуры.

ствляется при помощи совета из выборных вождей.

9. Монотеизм в дуалистической форме.

10. Начало перехода к счету родства по мужской линии и возникновение доктрины агнатического родства.

III. СРЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

1. Приручение животных в восточном полушарии; изобретение кирпича, высушиваемого на солнце, и искусственного орошения — в западном.

2. Дальнейшее усовершенствование кремневых, каменных и костяный орудий.

3. Циклопические стены.

4. Ткани из льна и шерсти в восточном полушарии и из хлопка — в западном.

5. Употребление тесаных камней в архитектуре.

6. Укрепленные города, обнесенные стенами из кирпича и камня — в западном полушарии; коммунальные здания типа крепостей из необоженного кирпича и камня — в восточном.

7. Разведение домашних животных стадами в восточном полушарии: это дало постоянную мясную и молочную пищу.

(Четвертый способ пропитания)

8. Приручение ламы и индейки в западном полушарии.

9. Открытие и культивирование хлебных злаков и других растений в восточном полушарии: это дало мучную пищу.

10. Открытие и начало употребления самородных металлов: медный топор и долото.

11. Высокое развитие гончарного искусства: употребление форм для отливки.

12. Употребление плавильного тигля и древесного угля для плавки самородных металлов и отливка в формы.

1. Жизнь общин постоянными селениями.

2. Дальнейший рост идеи собственности на землю: тенденция к разделу ее между родами.

3. Коммунистический образ жизни продолжает господствовать, из-за неспособности синдиасмической семьи бороться одной с тяготами жизни.

4. Развитие политеизма из поклонения стихиям и образование класса жрецов.

5. Примитивные храмы с грубыми изображениями личных божеств.

6. Человеческие жертвоприношения.

7. Родовая организация в полной силе, но в обществе начинает зарождаться аристократия на основе должности вождя и владения собственностью.

8. Демократизм продолжает оставаться руководящим принципом родовой организации.

9. Жречество принимает организованную форму и добивается руководящей роли в обществе.

10. Собственность продолжает быть наследственной в роде, но распределяется между агнатическими родственниками умершего, с исключением остальных сородичей.

(Второй порядок наследования)

11. Переход от счета родства по женской линии к счету родства по мужской линии, что включило детей умершего в число его агнатов.

12. Семья постепенно приобретает моногамные черты.

13. Идеографическое письмо условными знаками — в Америке.

14. Изобретение бронзы.

15. Переход языка от силлабической формы к конкретным словам.

16. Иероглифы, возможно фонетического характера (копанские памятники).

IV. ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

1. Изобретение способа плавления железной руды.

2. Изобретение челнока и ручного ткацкого станка; это сделало возможным производство в большом количестве тканей из льна и шерсти.

2¹/₂. Изобретение брони из металлических пластинок.

3. Производство железных орудий и изобретение железного меча.

4. Употребление в архитектуре мрамора.

5. Изобретение гончарного круга.

6. Употребление копья с металлическим наконечником и кованого щита.

7. Изобретение плуга с железным лемехом и применение силы животных в земледелии; отсюда возникла обработка полей и появился неограниченный источник пропитания.

(Пятый способ пропитания)

8. Изобретение ручной мельницы для размола зерна.

9. Развитие языка до высшей формы конкретных слов.

10. Изобретение стихосложения.

11. Выделывание вина из винограда.

12. Постройка судов с килем, шпангоутами и обшивными досками.

13. Употребление колесницы на войне.

14. Изобретение фонетического алфавита.

15. Создание гомеровских поэм.

1. Счет родства, как правило, по мужской линии.

2. Дети начинают претендовать на исключительное наследование после своего отца.

3. Мифология — в полном развитии.

4. Пастушеский образ жизни на равнинах; это привело к патриархальной семье.

(Четвертая стадия семьи)

4¹/₂. Монотеизм у еврейских племен.

5. Быстрый рост богатства, состоящего из стад и земель, которые находятся в личном владении.

6. Распространение арийских племен по лесным областям западной Азии и Европы.

7. Свайные жилища на озерах и укрепленные города в лесных областях.

7¹/₂. Слияние племен в нации вместо конфедерации племен.

8. Возникновение военной демократии с вождями и военачальниками (reges) во главе. К функциям вождя присоединяются также и функции жреца и судьи.

9. Дальнейшее развитие аристократического элемента на основе должностей и собственности, но демократический принцип продолжает преобладать вплоть до организации государства («политического общества») с началом цивилизации.

10. Установление прав частной собственности.

11. Дети получают исключительное право наследования.

(Третий порядок наследования)

12. Моногамная семья.

(Пятая стадия семьи)

13. Общественное устройство все еще — societas.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В круглых скобках указаны страницы рукописи, причем лицевая сторона листа обозначена буквой «a», а оборотная сторона — буквой «b». В квадратных скобках приведены слова, вычеркнутые Морганом. Курсивом обозначены вставки, сделанные Морганом над строками рукописи.

[2] После порядкового номера 5 в рукописи следует номер 7.

[3] Вписано после того, как уже были написаны пункты 11 и 12. В связи с этим №№ 11 и 12 переправлены соответственно на 12 и 13.

[4] Вписано после того, как были написаны пункты 3 и 4. В связи с этим порядковый номер 3 переправлен на 4, а пункт 4 вычеркнут.

[5] По ошибке слова «giving farinaceous food» написаны два раза.

[6] Написанный первоначально после 11-го пункта 12-й вычеркнут. Был написан новый 12-й пункт, а затем 13-й, воспроизводящий, буквально, вычеркнутый 12-й пункт. После этого 12-й пункт был опять вычеркнут, а порядковый номер 13 переделан на 12.

[7] Чтобы не менять последующую нумерацию, вставленные пункты пронумерованы дробью — $2^1/_2$, $4^1/_2$ и $7^1/_2$.

[8] В связи с помещением 13-го пункта после 9-го, порядковые номера 10, 11 и 12 переправлены на 11, 12 и 13, а первоначальный 13-й пункт вычеркнут.

[9] См. об этом «Древнее Общество», стр. 72.

[10] Речь идет о собственности общественной, родовой.

[11] В «Древнем Обществе» Морган изменил свою точку зрения на вопрос о времени происхождения покупки и похищения женщин. Так, на стр. 435 мы читаем: «Только после того, как возникла синдиасмическая семья и начали исчезать группы пуналуа, мужчины стали пытаться приобретать женщин посредством покупки и похищения». Развитие этой мысли мы находим на стр. 458. Точка зрения, высказанная Морганом в «Древнем Обществе», находится в полном соответствии с его теорией развития семьи и брака, с одной стороны, и развития собственности — с другой.

[12] Морган различал две основные формы общественного устройства и управления, формы, глубоко различные по тем принципам, которые лежат в их основе.

Первая по времени форма основана «на личностях и и на отношениях чисто личных» (upon persons, and upon relations purely personal), т. е. на отношениях, обусловленных исключительно принадлежностью к роду и племени. Род является единицей этой формы, а последовательными звеньями ее развития — род, фратрия, племя и союз племен. Эту форму Морган обозначил как «родовое общество» (gentile society; societas).

Вторая форма основана на территории и на собственности; при ней отношения между людьми определяются их отношением прежде всего к территории и к собственности. Ее единицей является город. Эту форму Морган обозначил как «политическое общество» или «государство» (political society or state; civitas). (См. «Древнее Общество», стр. 6, 62 и 66; Houses and House-Life etc., p. 4.)

2

ПИСЬМА К МОРГАНУ

(ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД)

Letters to Morgan

(original and translation)

I

ADAMS, HENRY[1]

(16 II 1833—27 III 1918)

Beverly Farms,
14 July, 1877.

My dear Sir

I did receive the volume in safety. My reason for not acknowledging it sooner is one that you will, I am sure, accept as sufficient. I wanted to read it, and think about it, in order to write you on the subject. The work thrown on me by the close of the academic year and my resignation of my college position, together with some other causes, have delayed me so much that I have not yet quite read your volume. Still, I think I have got so far that I can write understandingly of it.

The portion relating to our Indians interests me greatly and fills a gap which I have long wished to see filled. It must be the foundation of all future work in American historical science, and I earnestly hope that no time will be lost in pressing the same class of inquiries among the existing tribes of Indians which have come least in contact with civilisation. I have lost and shall lose no opportunity to impress on our scientific men and institutions the need of a careful scientific inquiry into the laws and usages of the village Indians, and to collect in a complete form all the material which is still in existence but will not last much longer. Your influence might be decisive in organising such an undertaking. You would find active sympathy from men like Prof. Marsh,[2] Clarence King,[3] Alexander Agassiz,[4] Pumpelly,[5] and I doubt not the whole Smithsonian connection,[6] as well as Major Powell[7] and our various national engineering or surveying parties. The work should be started at once, and its objects defined and explained so that inquirers and travellers may understand the aims proposed. If you will take the lead in it, I believe something might be accomplished.

Of your chapters on Greek and Roman society, I am not a competent judge, this branch of the subject being one which I have always taken on trust for want of time to work it up. I feel more at home among the Germans, and here I could not fail to be struck by the want of that gentile organisation which is so essential a part of the stage of development which belonged

to the early Germans. You also have observed this deficiency and have commented on it. I am not yet quite clear in my own mind as to its causes. I can see only two possible ways of accounting for it. Either the Germans had leaped this stage, or they had not come to it. I conceive the first to have been the case; but if so, the Germans must have possessed a very remarkable instinct for the organisation of political society. This indeed is true of them in other respects, and runs through all their institutions. In these I can find not a trace of religious or priestly influence, not a sign of arbitrary power vested either in the family or the state, not even a vestige of that social degradation of women and children which is so common elsewhere. The Germans always showed a genius for reconciling liberty with law; broad political organisation with the utmost individual license. Their laws seem to me to prove that they clung to their old communal assembly as their favorite machinery of society, and by maintaining the commune, rendered the gens and the family a mere private and politically non-existant* organisation.[8]

In connection with this subject I noticed with pleasure a remark of yours (p. 25.) on the influence of domestic animals in developing the Aryan race. I suspect that this is capable of further illustration in a legal sense. I strongly suspect that the oldest, or if not actually the oldest yet certainly the oldest Aryan civil procedure at law, is that procedure for the recovery of stolen cattle which is described in Anglo-Saxon law, p. 202. And it is obvious that the introduction of great numbers of cattle as private property must have rendered a great elaboration of legal conceptions necessary. The Aryans are the creators of civil law. The Aryan mind seems to have a natural bent towards it. So these complicated influences act and react in the history of human progress. Circumstances prescribe a pastoral life. The pastoral life favors the development of high physical and mental powers, as compared with a less favored state of existence. The most successful of the pastoral races find new necessities for the protection of property; they turn their practical minds to law; and all the rest follows by the logic of environment; the most capable branches of the stock, the strongest shoots, grow and flower; in time we have a Lex Salica,[9] a Corpus Juris Civilis,[10] and an English Common Law.

I regret much that Schweinfurth[11] whose travels in Africa reveal such possibilities in barbarism, had not studied the legal side of the institutions of those immense cattle-growing tribes in central Africa.

Of your controversy with Mr MLennan, I say nothing. He is hopelessly wrong and I think this is conceded by pretty nearly everyone. His last edition added very bad manners to very wild theorising. You seem to have replied with propriety.[12]

Your last two chapters which are in some respects the most interesting to me, I have not yet read, though I have glanced over the pages. I am

* for «non-existent».

Beverly Farms.
14 July. 1877.

My dear Sir

I did receive the volume in safety. My reason for not acknowledging it sooner is one that you will, I am sure, accept as sufficient. I wanted to read it, and think about it, in order to write you on the subject. The work thrown on me by the close of the academic year and my resignation of my college position, together with some other causes, have delayed me so much that I have not yet quite read your volume. Still, I think I have got so far that I can write understandingly of it.

The portions relating to our Indians interests me greatly and fills

Первая страница письма Adams'a.

8

Your last two chapters which are in some respects the most interesting to me, I have not yet read, though I have glanced over the pages. I am thankful for the information they contain and I hope they may hereafter be capable of elaboration by you into a volume. The history of property is the history of law, and the history of law is the best that man has to show.

Now that I have resigned my professorship and broken my connection with the University at Cambridge, it is doubtful I shall ever return to a practical investigation of these matters. If the North American had been in my hands, I should have taken great pleasure in calling attention to your book. But I have now no connection with periodicals. One of these days I hope to meet you and discuss these subjects.

I am very truly yrs

Henry Adams

Lewis H. Morgan Esq.

Последняя (восьмая) страница письма Adams'a.

Capon Springs Va.
31 July 1877

My dear Sir

I have been here for a few weeks, & return to Washington 3rd August. Have been reading your "Ancient Society" & must, before I leave, acknowledge the receipt of your interesting letter on the subject of pastoral life for the Indians, now about to be pacified in Wyoming & Dakota Territories —

The resources of the elevated plateaus of the Rocky Mountains have not been well known until the completion of the Pacific R.R. in 1869 — much as I knew of the merits of the bunch & other cured grasses east of the Sierra & Cascade ranges of Mts in Cal. & Oregon (I was up to 1865 twelve years in Oregon & Wash. Terr.) yet until I went to Omaha in 1867, I did not appreciate their value & their universality ... Then dawned on me the character of Winter residence and Winter grazing in the Rocky Mts. The latter is most valuable When

I have promised a paper lecture on this subject for the American Geographical Society —

Первая страница письма Alvord'a.

the "Mauvais Terres" or "Bad Lands"
the troops, winter as well as summer,
have found plenty of bunch grass
for all the animals accompanying
their expedition —

* * * * * * *

After getting your letter
I called on President Hayes & mentioned your name, your views, & your
labors. He had seen some of your writing
— & I think if now you call on him
you will find him prepared to talk
with you — He referred to an General
(Crook I suppose) who had conversed with him on the subject.
... He will be at Bennington Vert Aug.
16th at the Celebration of the Battle
of B—. I intend to be there, because
a Vermonter (& my grandfather was
in the battle) — I should be glad
to meet you there; or at any time in
Washington — [illegible] letter.

I have read & admire very
much the thorough character of
your book "Ancient Society" — A
paper of mine on The Nez Perces you
will in Vol V. of Schoolcraft's large
quarto work on the Indians —

With high respect
Faithfully Yours
Benj Alvord

L. H. Morgan LL.D.
Rochester N.Y.

Последняя (восьмая) страница письма Alvord'a.

thankful for the information they contain and I hope they may hereafter be capable of elaboration by you into a volume. The history of property is the history of law, and the history of law is the best that man has to show.

Now that I have resigned my professorship and broken my connection with the University at Cambridge, it is doubtful I shall ever return to a practical investigation of these matters. If the North American had been in my hands, I should have taken great pleasure in calling attention to your book. But I have now no connection with periodicals. One of these days I hope to meet you and discuss these subjects.

I am very truly yrs
Henry Adams.

Lewis H. Morgan Esq.

2

ALVORD, BENJAMIN[1]
(18 VIII 1813—16 X 1884)

Capon Springs Va.
31 July 1877

My dear Sir

I have been here for a few weeks, & return to Washington 3 August. Have been reading your «Ancient Society», & must, before I leave, acknowledge the reception of your interesting letter on the subject of pastoral life for the Indians, now about to be pacified in Wyoming and Dakota Territories.

The resources of the elevated plateaus of the Rocky Mountains have not been well known until the completion of the Pacific R. R. in 1869. Much as I know of the merits of the bunch and other cured grasses[2] east of the Sierra and Cascade ranges of Mts. in Cal[ifornia] & Oregon (I was up to 1865 twelve years in Oregon and Wash[ington] Terr[itories]) yet until I went to Omaha in 1867, I did not appreciate their value & their universality... Then dawned on me the character of winter residence and winter grazing in the Rocky Mts. I have promised a paper or lecture on this subject for the American Geographical Society.[2] The latter is most valuable when over 2 or 3000 ft above the level of the sea. As for winter residence at military posts like Fort Fetterman Wy T[erritory] & Fort Garland N. M. 9300 ft above the sea, and Forts Sanders, Steele or Bridger 7200 ft, the troops have good health & enjoy life, and thus if industries can be found for the labor of a large population, this region will be fully occupied, as Quito & Cashmere and other elevated regions.

The telegraph parties, who built during the war the telegraph to San Francisco, first fully found out that their animals would without shelter survive the winters and living on the cured grasses be in splendid order in the spring.

Heat and moisture are required to rot the grasses, & thus in the winter, latter part especially, the grazing in Texas becomes very poor, and the paradox is presented, that if in New Mexico or Colorado, several thousand ft higher, the animals would be better off. Texas has been esteemed the Paradise for cattle. It is only in summer & fall, not in winter.

Bunch grass plenty in Eastern Oregon, from Dalles to Walla-Walla. On account of the arid climate it is cured in the soil and usually gives to animals plenty of rich food all winter. But that region is too low, only from 300 to 700 ft above the sea. One winter that of 52 & 53 at the Dalles the snow fell early in December, then froze a little & made a compact mass of ice over the whole surface of the soil, keeping the grass from the animals (emigrant cattle turned loose in the fall for the winter). They came in large herds to the military posts, starving to death, and lowing in the most piteous manner for food.

All this would not have occurred in plateaus 2 or 3 or 4000 ft above the sea, like Idaho mountains, Utah, Wyoming, etc. etc. — There it is so cold, the snow is very fine, never melts but drifts into a small space and thus never keeps the grass from the animals... There it never freezes in ice over the bodies of animals. Very fine, it falls off and does not adhere to ruin & kill the poor ox or sheep. — Sheds, or shelter for sheep is needed to keep them from the North wind — but not for the other domestic animals. Finest region on earth for sheep, Cashmere goats etc etc — finest wool grown in high altitudes.

The Cherokees[3] or Choctaws[4] or Nez Perces[5] have gone to agriculture and not to grazing, as they become semi-civilized. Why? — Because we, the whites, did not ourselves, know the resources of winter grazing in the Rocky Mountains. New to us, or comparatively new, the scheme was not in our programme, because it had not dawned on us. — Col. Stanton, one of my Paymasters, who has been with Genl. Crook, in all that region from Fort Laramie to the whole Yellowstone Valley, writes me lately that Genl. Crook advocates and has proposed this very policy of putting the Sioux[6] on some reservation in that region, to be put to grazing.

Genl. Sherman and Genl. Sheridan are now in that identical region & I suppose will come back prepared to favor any such scheme.

Col. Anson Mills a month ago, who had come from Red Cloud Agency, said that Genl. Crook had asked the Indian Agent if any of the Indians had been tried at grazing by the graziers or those largely in the business. He replied «no, it was contrary to the rules of the Indian Department».

That is «red tape» with a vengeance.

The truth is the Indian Bureau should be returned to the War Department. Before 1850 it was under that Department. No complaint was ever raised. No such universal odium had attached to the management of Indian affairs. It was transferred to the new Dept. of Interior, to give it occupation. — But it was a mistake.

Under the War Dept. there would be (was before 1850) the same apparatus, but there would be unity. Now there is distraction. — Nothing permanent or fixed in policy. As the boundary line is floating between peace and war, the Indians pass often from being under the Dept. of the Interior to the care of the War Department and vice versa. Indian Agents changed so often, policy & traditions are lost, character of head chiefs not known to new comers. The warning of friendly chiefs (of a reliable stamp) not

noticed, not appreciated, because these new Agents don't know their character or the real weight to be given to their warnings or protests!

You will readily imagine the chaos which thus overtakes some of the Indian Agencies. Contrast this with the fixedness & life-time contact of Hudson Bay Company Agents with their Indians. No wonder they have better managed their Indians. It is true in British America, no emigrants or comparatively few, have been encountered where the Hudson Bay Co. have had recent sway. But making every allowance on that score, the well-understood & fixed policy of that Company never lost, forgotten or relaxed, has caused great success in contrast with our management of Indian affairs.[8]

Civil Service reform, if by that is meant permanent civil agents in any bureau, is more needed in the Indian Department than in any other Department of the Government.

Col. Stanton writes me that in every Council that Genl. Crook has had with the Indians, they have always expressed a desire to own cattle. They have owned horses but never cattle. And as you say dont know a milk diet.

An officer who had been in contact with the Naviyoes[7] in New Mexico says that they use milk of cows, goats & even of sheep. They own immense flocks of sheep. Have rich Indians and poor, & so for centuries. — The Pueblo Indians the same, only they have cows and oxen, less sheep. Sheep is a speciality of the Naviyoes, who are really semi-civilized.

The Naviyoes occupy a southern & warmer portion of the plateau of the Rocky Mountains... But although they have for so long a period known winter grazing, I do not think the old hunters & trappers further north, whites or even the Indians, have been aware of the capacity for winter grazing of the whole plateau. Officers who have campaigned in the recent operations in the Yellow Stone inform me that even in the «Mauvais Terres» or «Bad Lands», the troops, winter as well as summer, have found plenty of bunch grass for all the animals accompanying their expeditions.

After getting your letter I called on President Hayes & mentioned your name, your views, & your labors. He had seen some of your writings — & I think if now you call on him you will find him prepared to talk with you. He referred to one General (Crook I suppose) who had conversed with him on these subjects. He will be at Bennigton Vmt Aug. 16 at the celebration of the Battle of B... I intend to be there, being a Vermonter (& my grandfather was in the battle). — I should be glad to meet you there; or at any time in Washington. Excuse this rambling letter.

I have read and admire very much the thorough character of your book «Ancient Society». — A paper of mine on the Nez Percés you will find in vol V. of Schoolcrafts large quarto work on the Indians.[8]

With high respect
faithfully yours
Benj Alvord

L. H. Morgan LL. D.
Rochester N. Y.

3

BACHOFEN, JOHANN JAKOB[1]
(22 XII 1815—25 XI 1887)

Lewis H. Morgan Esqre. Rochester Newyork.

Basle. Switzerland.
14th May 78.

Dear Sir,

Your friendly offer to favour me with a copy of your new work «Ancient Society» reached me this very day. A great admirer of your first important publication on the systems of consanguinity[2] I did not delay to procure me the foresaid Ancient Society some weeks ago from Newyork with the intention to study the volume in the course of this summer. At the present moment I have only advanced to page 50, a commencement sufficient to induce me not to spare neither time nor labour to overcome the voluminous treaty. I am the more curious to get acquainted with your views on the stages of human progress as Mr M'Lennan's Studies in ancient history, London 1876 seem to me very insufficient in its critical observations on the ancient systems of consanguinity.[3] Historical inquiries do not admit of being treated as cases in a court of strict justice, by reasoning of a barrister.[4] They are mere matter of observation, and the observation of a naturalist, who devotes himself entirely to the facts presented to his microscope. To collect these facts must be the first scope of our endeavourings. I trust, the study of your recent publication will considerably enlarge the treasure of such materials, destined to serve as building stones for all our systems and personal views: the systems vary and admit of changes according to the progress of the number of facts coming to our knowledge, the materials alone remain and secure to our works a lasting value. In the course of the last years I have devoted much time to extensive reading not without great trouble to procure the works of ancient and modern date indispensable for the scope I am pursuing. With regard to the ancient American tribes I am still very scarcely provided. The curiosity for that part of mankind would require the aid and friendly assistance of a man so fully acquainted with the literature on the indigenous population of your continent as you show yourself by your numerous writings. The point, I am presently taking under special observation, is the relation of brother and sister, brother and nephew and niece by the sister, the question therefore of maternal uncle, the Roman avunculus, so nearly related to the system of exclusif* maternal relationship.[5] Any contribution of facts propre to show the distinction of that particular blood-tee** among the ancient american tribes would provoke my heartly sympathy. The Indian nations seem to have attached a surprising importance to the relationship of maternal uncle

* for «exclusive».

** for «blood-tie». In the English letters by Bachofen there are many misspellings which are left without correction.

and nephew, and to agree in this respect with the other races of mankind. This particular leads us back to the very origin of our race and accompanies our history through all the stages of advance from savagery through barbarism to the accomplishment of civilization, but little varying in its meaning and purport with the development of the family system from its maternal to the unimpared paternal constitution. If you allow me to point out a special work, I met with in numerous quotations, I would refer to your history of the League of the Iroquois.[6] Another source of high interest must be the materials collected by the State Inquiries into the Indian affairs, but above all the proper traditions, myths, songs of the Indians themselves, as far as they have been collected by the care of modern students. Now to return to your recent work on Ancient Society, I beg to transfer your offer of a copy from my person to the university library, that will be very happy to offer it to the general use of the studious part of the public. For myself I hope you will continue the friendly feelings and the kind interest your letter of 29 th April proves to me in so flattering a manner.

With great respect
Your truly devoted
J. J. Bachofen.

2. Place de la Cathédrale
Basle. Suisse.

4

Mr Lewis H. Morgan. Rochester. Newyork

Bâle 21 Nov. 78.

Dear Sir,

After having studied your work on Ancient Society from beginning to end I cannot withhold from expressing to its author my best gratitude for all the valuable contributions to a systematical knowledge of the subject it treates, a subject so intimately connected with my own researches. The investigation of the systems of consanguinity & affinity especially with regard to the North American Indians[1] together with the work now in question will become the starting point of a series of investigations, full of new perstective into a period of human existence hitherto scarcely taken notice of. The light thrown now on a multitude of facts contained in the traditions of the ancient European classical world not only confirms the views contained in my own book on MR, but favours in a very great measure the discovery of a considerable mass of single remnants of the barbarian period preserved in ages of a quite different turn of mind and of the highest stage of ancient civilisation. Passages, that formerly did not awake any notice, now arrest our attention, and become intelligible. So I was struck the other day by an expression made use of by Virgil in his Aeneid 12,515. Onytes, partisan of the Rutulus Turnus, slain in battle by Aeneas the conqueror, is there styled nomen Echionium, matrisque genus Peridiae. The helplessness of the ancient as well as the modern interpreters is very striking. Starting from the principle of the paternal

Roman family they take the 2 expressions nomen and genus as identical and translate both as son, videl. son of the Theban Echion from the father's side; son of Peridia on the mother's side.[2] Numerous are the cases of similar misunderstandings in both literatures, the Roman as well as the Hellenic. An interest of a different kind attaches to a passage of Paulus Diaconus, De Longobardorum origine et gestis 2,7. Treating of the invasion of the territory of forum Julianum by Alboinus, the author relates the nomination of Gisulphus, his nephew (probably sister's son) by his uncle Alboin to the governorship of the occupied territory and continues in the following words: Qui (Gisulphus) se non prius regimen illius civitatis et populi suscepturum dixit, quam sibi, quas ipse eligere voluisset Longobardorum pharas, hoc est generationes, tribueret ad habitandum. Itaque, annuente rege, quas optaverat praecipuas Longobardorum prosapias ut secum habitarent accepit et ita demum ductoris nomen adeptus est. We will not fall short of the truth in taking these pharae, generationes, prosapiae Longobardorum for the gentes or even tribes of the Longobardian nation,[3] located by Gisulph in the same local unity, they were accustomed to in their German home. The high distinction of the relationship of avunculus and sisters son, noticed by Tacitus,[4] is frequently alluded to in the ancient epic poetry: the Nibelungen,[5] Beovulf,[6] Edda[7] etc. This fact shows that descent in the female line has once been the fundamental law of the German tribes in generality. The Salic law in its titles on Chrenecruda and Reipus, so imperfectly understood and so miserably tortured by a whole range of interpreters, receives from this system its full light.[8] — I do not quite adhere to the interpretation you bestow on Caesar's remark on the British Polyandry;[9] the analogy of a passage in W. Ellis' Polynesian Researches p. 124 seems to describe a similar custom.[10] «It is reported that brothers or membres of the same family sometimes exchanged their wives, while the wife of every individual was also the wife of his haio or friend». A punaluan family might be recognized in this statement, haio corresponding to the original meaning of Punalua.

Not to annoy you by some more similar quotations, I prefer to await the arrival of the works announced to me in a letter of the Department of the Interior, dated Washington June 11th seigned A. Bell, assistant secretary. None of the enumerated documents has yet come into my hands. As the space of time elapsed from the date of the announcing letter to the present day is past 6 months, I can not conceal the anxiety, that by somewhat accident the matter has been lost sight of. An information obtained from the Smithsonian Institution would oblige me very much. Meanwhile another envoy has come into my possession. Some 6 weeks ago I recieved two volumes of the Peabody-Society publications, containing a very elaborate and highly interesting memoir on the life and institutions of ancient Mexico,[11] forming a very useful Appendix to the chapter on Mexico in your Ancient Society. As my master and college, the late G. Müller,[12] prof. theol. Bale-university, has some 20 years ago published his work über die Amerikan. Urreligionen, my attention to

this domain of Amer. Archeology has been for a long time kept alife; and agreably renewed by the said learned treatise. As in all probability it is to you I am indebted for that communication, it is my duty to express to you my thanks.

Verbum non amplius addam.

Yours
Dr. J J **Bachofen**. Prof.

5

Lewis H. Morgan. Es^{qre}
Rochester. Newyork.

Bâle 24 th of February 79.

My dear Sir,

In answer to your friendly letter of Decbr 17th I have the pleasure to inform you of the arrival of the several documents on the North-American Indians, I am indebted for to your kind interference. What I want to know regards the space of time I will be allowed to retain the preious envoy before returning it to its proprietor, your government at Washington. I hope you will be so kind as to give me occasionally some hint on the point in question. — With respect to your volume «On ancient society», I regret highly to have left you incertain, whether it reached its destination. It has been delivered to me a considerable time ago, and is now in the hands of Mr. Felix Liebrecht,[1] a learned professor of the Belgian Athenée at Lièges, a savant, whom I think the fittest to give a detaled account of the work in some of our continental literary Reviews, and known to the public by similar articles on various Englisch publications.

The question you touch in your last letter, the origin and nature of the Roman gens, is one of vast research and still unsettled in spite of all efforts made to bring it to its solution. The light thrown on the subject by our classical authorities is but an accidental one and wholy insufficient to clear up the different faces it brings before us. What we know with perfect safety consists in 3 characteristics, videlicet 1° that the gens belonged exclusively to the Patricians. 2° that it was in the exclusive possession of the auspicia and therefore distinguished by a religious character, that pretented its being ever suppressed by any change in the form of government. 3° that it was intimately connected with the system of paternity in monogamous marriage of patricians inter se exclusively. Intermarriage between the different gentes appears to have been allowed from the beginning without having been enforced by law. The gentis enuptio as a privilege seems to be restricted to the category of the libertae and may be taken as a remnant of a system of community which in historical times had ceased to govern the gentile organization.[2] Now of the 3 characteristics enumerated the religious one is the most prominent and the most urged upon by the Roman historians. The sacred character of the gens and consequenty of the Patricians in common constitutes the true distinctif of that portion of the Roman community by contraposition

to the plebeian bulk of the Quirites, and forms the groundwork on which the very existence of Rome as a political body is built. Down to the times of Imperial Rome the gentes patriciae formed the chain, which fettered the state to its heavenly authors and protectors, who refused to communicate with anyone but the Patricians, the exclusive organs of their will and instructions. Here we see that the Roman gentes take the importance of a political institution from the very first day of the formation of the city, and that consequently we find ourselves far removed from the natural groth of these unities of bloodrelations. It is not impossible and has often been regarded as a probable supposition, that from the beginning the gentes have been an artificial agglomeration of families not related by bloodties and that by neglecting cognation the author of the Roman state has only been enabled to give to his organization the simmetry and equilibrium, that bloodunities, when strictly required, would not have allowed to obtain in the same measure. I do not venture to decide so heavy a question: but at all events the natural history of the gentes is to be sought in the Pre-Roman period, the political organization putting an end to the clanships of barbarian nations. Here lies the fundamental difference between the Romans and the American Indians, with whom a corresponding degree of political advancement never has shown itself, not even with the Iroquois confederacy, the most advanced amongst them. Hence the extreme caution we are obliged to in comparing the two peoples, Ro[mans] and the Iroquois. We never ought to forget that the Romans never have been a nation, but a political body, that they owe their very existence to the negation of what makes and constitutes a nationality fonded on common origin, that finally from beginning to end one idea only, the idea of a political state, governed the brain of all citizens. Take the tradition of the victorious Horatius slaying his sister mourning the loss of her beloved:[3] does it not quasi embody the principle of all Roman history, videlicet that all natural feeling, all claims of the most revered bloodtie have no right when in contradiction with the idea of political advancement? The sororium tigillum as a sacred emblem marks the boundary of a bygone age.[4] The nation of Quirites is changed into a populus Romanus Quiritium. By the same process the principle of maternal descent is put aside. It belongs to the Pre-Roman period, the natural point of view no more being taken in consideration. I am perfectly aware that remnants of the ancient zoological principle are to be found in the oldest traditions, that the Silvia gens of Alba Longa was a maternal one, that in the history of the Roman kings the succession by the female line was not yet completely set aside, that the wide-reaching crime of Parricidium admits of no other explanation than that by means of maternity combined with a family institution not yet very far from rude promiscuity: but what I cannot oversee at the same time is the decided opposition formed by Rome against the prevalence of this law of former existence. Nothing can be more clearly established than the maternal principle of the Sabine family: Rome took the Sabine virgins, recieved Sabine clans in its community, but rejected

their maternal principle as inconsistent with its political idea. The same may be said of the Etruscans. The sister's son of the last Tarquinius found no grace at Rome. The Fabia gens, evidently of Etruscan connexion, threw aside her maternal principle, retaining at Rome but one vestige of her former law, the prenomen Numerius.[5] Egypt in later times opposed the predominance of maternity to the Roman principle of paternity,[6] that the Roman lawyer in his responsum asserted as the only admissible in the Roman empire. More examples of the same struggle meight be adduced: but those put down show sufficiently what I insist upon: videlicet the preroman period as the very seat of the first steps of the Italian nations towards the development of what we may call the natural gens. Hence arises the difficulty of arriving to a settled opinion on the question, what the Italian gens originally may have been; the classical sources are insufficient to bring us to a result more than hypothetical. That period of human existence must be studied by the observation of nations still existing, as you have done in so instructive a manner & with so brilliant success. For me I do not yet venture any critic on your chapter on the Roman gens. A very minute study of the question ought to preceed any attempt in that direction. The question is of too great an importance for my own endeavours to be lost sight of. But time is required to ponderate the arguments you lay down in your work and to measure them with those advanced by Mr Taylor in the Academy[7] and Mr Giraud-Teulon in his treatise «la famille».[8] I hope to enable myself to detail more profusely on this subject in future lettres.

Some 2 months ago I have been honoured by the Trustees of the Peabody Museum with the communication of volume XI. n°. 1.2 of their annual Report, published at Cambridge 1878. Wholly ignorant to whom I have to adress my thanks for this valuable present, I should be grateful for your instruction regarding this point.

About to terminate this letter I am summoned by adress of the Department of the Interior, dated February 7 1879 to sign a receipt-paper for the documents divilered to me. This receipt would now be a double one, as the first has been forwarded to Washington the very day after the receipt of the books on February the 14th present year, if my memory is right. Negligence on my part has not taken place. I hope, the Secretary of the Interior will now be in the possession of my attestavit.

With due respect & personal devotion
Yours
Dr. J. J. Bachofen

University of Bale.
N° 2 Place-Cathedral.
Switzerland.

6

Basel. 29 Oct. 80.

Sehr geehrter Herr,

Heute habe ich 2 Exemplare eines Bändchens kleiner Aufsätze zur Post gegeben,[1] eines für Sie, das andere für die Smithsonian Institution in Washington. Die behandelten Gegenstände stehen mit dem Mutterrecht in enger Verbindung und boten mir daher eine erwünschte Gelegenheit, Ihnen durch Widmung des Buches meinen Dank für die durch Ihre Schriften mir gewordenen Belehrungen und für Ihre Theilnahme an meinen eigenen Bestrebungen öffentlich auszusprechen.[2] Der zu Grunde liegende Gesichtspunkt ist derselbe, welchen Sie in Ihrem letzten Schreiben aussprachen: Ich stelle die Erscheinungen des s. g. classischen Alterthums mit entsprechenden anderer, sei es untergegangener Culturvölker, sei es noch lebender barbarischer Stämme in Parallele, und suche das was an jenen Räthselhaftes beobachtet wird, durch diese zu erläutern und verständlich zu machen. Ich gedenke, diess Verfahren noch viel weiter, als in diesen 30 ersten Nummern geschehen ist, auszudehnen und auf diesem Wege auch zu der Besprechung der Römischen gentes zu gelangen. Vollständig überzeugt bin ich, dass das Entsprechen der Irokesischen (um diesen Stamm als Beispiel auszuwählen) und der Römischen Stämme sowohl in Beziehung auf deren innere Anlage als auf das Prinzip der Confederation ein vollständiges ist, und dass nur auf dem Wege der vergleichenden Forschung zu mehr Licht als bisher und zu wahrem Verständniss zu gelangen ist. Die Deutschen Gelehrten, namentlich die Philologen der classischen Völker, laborieren an einer bedauerlichen Einseitigkeit. Selten geht ihr Blick über die engen Grenzen der alten Welt, ja über die ihrer einzelnen Völker hinaus. Alles wird zuerst isolirt, von jedem Zusammenhang losgerissen und dann nach modernen Theetischideen gerichtet, critisirt und schliesslich ganz verhunzt. Es hängt dieses mit den raucherfüllten Germanischen Studienstuben, und auch mit den engen politischen Verhältnissen des deutschen Volks, dessen Blick an keine Weite gewöhnt ist, zusammen. Endlich wirkt auch eine schon in der Schule grossgezogene falsche Admiration der s. g. Classicität der Röm. und Griechischen Welt in derselben Richtung. Roemer & Griechen galten als eine Art auserwählter, die mit barbarischen Stämmen niemals verglichen werden sollen & jede Ähnlichkeit mit anderen Sterblichen sich von Hause aus verbitten. Für die Stadien späterer Entwicklung ist dieser enge Horizont weniger verderblich, ganz verhängnissvoll aber für das Verständniss der Urzustände und der ersten Entwicklungsgraden der Völker. Diese folgen überall denselben Gesetzen und sind in allen Welttheilen dieselben. In diesen Grundsätzen sind wir, wie ich sehe, völlig einig. Ihnen nun bietet die Kenntniss der eingeborenen Amerikanischen Bevölkerung reiche Mittel, die Parallelen durchzuführen, weit reichere als ich mir durch Lectüre erwerben kann. Uberhaupt sind die grossen Verhältnisse Ihres Landes, in welchem die mächtigen Motoren der Geschichte am Werke sind & von jedem, der Augen hat,

studiert werden können, ein grosses Hilfsmittel zur Erweiterung des Blicks, deren die Europ. Wissenschaft, seit langem in unfruchtbarer Kritik der kleinlichsten Art befangen, so sehr bedarf. Ich schliesse mit vielem Dank für die mir gewordenen Peabody Schriften & empfehle mich Ihrem dauernden Wohlwollen.

Ganz ergeben
J. J. Bachofen.

2 Münsterplatz. Basel.

7

LIST OF RECEIVED WORKS.

Archeological Institute of America. First annual Report etc. 1879—80. Cambridge 1880. 1 vol. 8⁰.]

Annual report of the commissioner of Indian affairs to the secretary of the interior. 1871—1877. (7 volumes)

Ethnography and Philology of the Hidatsa Indians by Washington Matthews. 1877 (one vol.)

Twenty first annual Report of the Regents of the state of Newyork etc. Albany 1871. (1 vol.)

Annual reports of the trustees of the Peabody museum of American archeology and ethnography, volume 11, n° 1. 2. 3. 4 (3 voll.)

Descriptive catalogue of Photographs of North-American Indians by W. H. Jackson. Washington 1877. (1 vol. 8⁰)

Are the Indians dying out? Washington 1877. (Brochure)

Exploration of the Colorado River of the West and its tributaries explored 1869/1872 etc. Washington 1875. 1 vol. in 4⁰.

Tribes of California by Stephen Powers. Washington 1877. 1 vol. in 4⁰.

Contributions to North American Ethnology. volume I. Washington 1877. in 4⁰.

Bale 4 Jany 1881.

My honoured Sir,

In answer to your friendly and instructive letter dated 11 November 1880 and to the obliging envoy of the first annual Report of the Archeological Institute of America I think it my duty to begin the present year by expressing my thankful sentiments for all the testimonials of friendship received from you personally and by your intercession from the several scientific Institutions of your country at large. The considerable number of valuable and splendid publications offered to me & specified in the first 2 pages of this paper, show a generosity of mind above my praise. To master the contents of so many volumes is the hardy task of a considerable space of time, a task that I have been incapable to accomplish in the whole till at present, having chosen first the articles indicated to me by your letters as the most instructive, especially those on the Mexicans & on the house architecture of

some Indian tribes. All my lectures are dictated by the conviction that without enlarging my views I never will come to a true insight into the true state of mind, European society was governed by in the time of the foundation of Rome. The task of the historian consists in showing the difference of what has been once and what is now. But historians of this description are a great exception now a days: rari nantes in gurgite vasto. German scolars especially follow another way. They propose to make antiquity intelligible by measuring it according to the popular ideas of our present days. They only see themselves in the creations of the past. Hence their stupidity, to reject all traditions that will not allow to be mistreated in that way. To penetrate the structure of mind different from our own is a hardy work: to take barbarism for itself and to forget every thing of our so called civilization seems a proof of retrograding propensity, social and political. What's the final result of that vanity? Nothing else but a deplorable misrepresentation of the beginning of human growth, resembling to the pictures of the past century, that represent Coriolanus [1] in the attire of a life guard of Lewis XIV and Veturia [2] in the dressing of a dame of honour at a court festival. What has been made of Coriolanus? A puerile nurse story that ought not to be taken notice of by a serious brain. It seems to me the same case with the gentes and the Roman kings. Prototypes they become of the German Emperor and the poor aristocracy that surrond this throne. In time of revolution they are both set aside with the same hatred as if they were in actual power. You see that I agree with some of your foundamental ideas perfectly. But at the same time I confess, that great difficulties remain, that can't be overcome by the sole principle of gentilism as established in your work. If we had only to do with the indegenous population of Italy, the task would be very simplified, the parallelism with your Indian tribes a totally corresponding one. But it is a fact not to be denied, that nations of a more advanced political and social state choose Italy for their colonies and settled on the western coast in all its extent, founding cities and empires by force and conquest. The Etruscans and Troyens in Alba are but single links in a long chain, the Greeks following in the same direction. The comparison with the European Emigration to the shores of America serves to elucidate my view. But one great difference is to be noticed. In Italy the two elements of population mingled and became finally one homogenous mass: a confusion of blood that did not take place in your continent. Now it seems to me clear that the contact, friendly or hostile, of the two elements must have procured a combination of principles, that does not allow to base the solution of the problems, offered to us by the beginning of Roman history exclusively on one principle. The foundation of the eternal city shows the beginning of a new period of Italian history. It is the decline of the former existence, the dissolution ot the old principalities, what gave birth to the state of Romulus. From the first day we are able to discern a political idea, that guided the distinguished leader, who reunited the scattered elements of the nebourghing principalities fallen into decay. The period of natural systems

Basel, 29 Oct. 80.

Hochgeehrter Herr,

Heute habe ich 2 Exemplare meines Bändchens kleiner Aufsätze zur Post gegeben, eines für Sie, das andere für die Smithsonian Institution in Washington.

Четвертая страница письма Bachofen'а от 29 октября 1880 г.

Первая страница письма Bachofen'а от 29 октября 1880 г.

Вторая страница письма Bachofen'a от 29 октября 1880 г.

Третья страница письма Bachofen'a от 29 октября 1880 г.

of existence is gone, a new idea comes into vigour. Hence the fierce combat of principles opposite one to another, that signalizes every step of progress in the first century. I conclude: gentilisme with all its surrounding combinations is a great groundwork of Roman history, but not the only one. It fights for an existence already questioned. It never has lost its value, the many traces in very late times show its former importance, but its indisputed existence is to be traced to a period anterior to any historical tradition. Where can we hope to met with a complet pattern? Nowhere else than in the institutions of the American tribes. Here we have the integrity under immediate observation, unimpared by any idea of a new turn. Here we must study the architecture of natural society founded upon kin with the view to discover in Italian Rome what may have remained of it in its original purity, what on the other hand was obliged to submit to new and different exigences. The bearer of the eldest ideas seems to me the Sabine Stock, the representants of the political idea are without doubt the Romans. Their preponderance gives to Rome the superiority that signalizes its history. It is a new idea, that has been introduced into the occidental world by the city of convenae and refugees hostile to the states based on elder convictions. I think therefore, that the historian must be a Janus bifrons, understanding as well the former or past period as the preparing new one, whose influence gave Rome its distinguishing character. Sed jam satis; the question is inexhaustible. With the expression of my personal esteem and gratitude

Yours truly
J. J. Bachofen.

8

BANDELIER, ADOLPH FRANCIS [1]
(6 VIII 1840—18 III 1914)

Highland, Ill. 8. Aug. 1877.

Dear Mr. Morgan!

To-day I send You 2. copies of the «Art of War».[2]—Mr. Putnam[3] will not so easily be forgotten by me, for «all's well that ends well» is true in this case. Besides the pleasant, nay elegant outfit of the paper, I am indebted to him for 100. (one hundred.) extra copies: «free — gratis» as the Cornish miners say. — The latter is going it a little too «steep», but I cannot send them back now, so I will have to keep and distribute them. — It is very kind on his part. — Besides, he promises me his visit for next September, which will be a source of much pleasure. — If only you could come along. September and October are our most pleasant months. Until November I will have to terminate my «Distribution of the Soil» [4] and will come around with it to Rochester, thence I intend going to Boston & return via N. York. — The «Distrib. of the Soil» is hard, very hard work to contend with. — «Harpers Monthly» had a short notice of Your Ancient Society.[5] — I have also seen it noticed, and eulogized too, in two of our principal St. Louis' papers. Other

larger reviews I do not get to see here. But I find it natural that, until now, there has been an inclination to withhold opinions. The Book starts on such a new basis that earnest and scientific minds are loth to commit themselves. — I have tried in my Review of it, which will appear in the next 2. Nations,[6] to break the ground for future criticisms, by endeavoring to show the true importance of the book. I suppose that a storm of indignation will arise at my utterances, for they are, if anything, stronger and more aggressive than Yours. — It is easier to assail a Review than a Book, and I thought to throw out a bait to the croakers. They will start, we can be sure of it, but they must have a pretext. An anonymous reviewer is a good victim, an author of high standing and reputation, establishing new issues, a new line of departure in some branch of science, is a dangerous man to contend with, because he knows more about his subject than anyone else.

In reviewing a review, the colors of the public can easiest be shown. —

9. Aug: — I have sent a copy of «Ancient Society» to Mexico. Besides, if time permits, I may write a review of it for a german paper. — The real assault will however come from England. McLennan,[7] and I suppose Markham [8] (on S'american topics.) will jump upon it.

From Germany I of course expect sharp criticism, as anything which is not of pure teutonic make appears to them almost sacrilegious. — About France I would not care if I was in Your place. The french will come to terms sooner or later, as yet, they are real babies in American archaeology, notwithstanding the immense documentary material which they possess.

Desirous to send this to N. Scituate yet. I break off abruptly.

Many, many kindest regards to all.
Yrs.
Ad. F. Bandelier.

9

BRYANT W. C.[1]

Buffalo, April 26th 1880

My dear Mr Morgan

Please tell me what the prospects are now for a new edition of the «League of the Iroquois».

I hoped to have seen you ere this, — but many circumstances stood in the way. I hope you are well and that your pen is busy as ever earning that immortality which no mere belle lettres writer can hope for in this changeful world.

How often my little household speak of you, & of the few brief days we had you under our roof-tree. I pray that you & your dear ones are well & happy.

Most faith[y]
Yrs
W. C. Bryant.

[illegible] 187[illegible]

Dear [illegible]:

To-day I send you [illegible] copies of the "Art of War". Mr. [illegible] will not [illegible] [illegible] in this case. Besides the pleasant, very elegant outfit of the paper, I am indebted to him for 100 [illegible] extra copies: "free-gratis" as the [illegible] [illegible] to keep and distribute [illegible] very kind on his part. — Besides, he promises his visit for next September, [illegible] of much pleasure. — If only you could come [illegible] Septem[illegible]

Until November I will have to terminate my "Distribution of the Soil", and will come [illegible] with it to Richards; thence I intend going to Boston [illegible] via N. York. — The "Distribution of the Soil" is [illegible], very [illegible] work to [illegible].

Первая страница письма Bandelier.

Harper's Monthly has a short Notice of Your Ancient
Society. — I have also seen it noticed and eulogized
too, in two of our principal St. Louis' papers. Other
larger reviews I cannot get to see here. But I find it
natural that, until now, there has been an inclination
to withhold opinions. The Book stands on such a new
basis that earnest and serious men do are loth to
commit themselves. — I have tried in my Review of it,
which will appear in the next "Nation", to break the
ground for future criticisms by endeavoring to show the
true importance of the book. I suppose that a storm of
indignation will arise at my utterances, for they give [illegible] of
anything, stronger and more aggressive than Yours. —
It is easier to assail a Review than a Book, and
I thought to throw out a bait to the croakers. They
will attack [illegible] can be seen of it, but they must have
a pretext. An anonymous reviewer is a good victim.
An author of high standing, who refutes [illegible] establishing
new ideas, in the line of departure in some branch of
science, is a dangerous man to contend with, because
he knows more about his subject than anyone does.
In reviewing a review, the [illegible] of the [illegible]
[illegible] —

Вторая страница письма Bandelier.

9 Aug: — I have sent a copy of "Ancient Society" to Mexico. Besides, if time permits, I may write a review of it for a german paper. — The real assault will [illegible] come from England, [illegible], and I suppose the authors (on Darwinian topics) will jump upon it.

From Germany I of course expect sharp criticism, as everything which is not of pure teutonic make appears to them almost sacrilegious. — About France I would not care if I was in your place; the french will come to terms sooner or later, as yet, they are real babies in American ethnology, notwithstanding the immense documentary material which they possess.

[illegible] yet I break off abruptly.

Many, many kindest regards to all.

Y[illegible]

[illegible signature]

Третья страница письма Bandelier.

July 9th

DOWN,
BECKENHAM, KENT.
RAILWAY STATION
ORPINGTON. S.E.R.

My dear Sir

I thank you sincerely for your very kind, long & interesting letter. I write in haste merely to thank you, for I have nothing else to say. I have lately been working so hard on plants, that I have not had time even to glance at the Spencer's recent work, & hardly to do more than glance at your last work. But I hope

Первая страница письма Darwin'a, № 11.

before long to find more
time. It is, however, a
great misfortune for me
that reading now tires
me more than writing, — this
is if the subject deals
in thinking. — I am
as great an admirer
as any man can be of
Mr Spencer's genius; but
his deductive style of
putting almost everything

Вторая страница письма Darwin'a, № 11.

more satisfies me, & the conclusion
which I continually dwell on
that "here is a grand
suggestion for many
years work." —
Your last work must
have cost you very
much labour & therefore
I infer that you are
strong & well. — I can
assure you that I have
by no means forgotten
my short & very pleasant
interview with you.
Believe me, my dear Sir
Yours sincerely
Ch. Darwin

Третья страница письма Darwin'a, № 11.

10

DARWIN, CHARLES ROBERT[1]
(12 II 1809—19 IV 1882)

Down,
Beckenham, Kent.
June 7 1871

My dear Sir

I shall have great pleasure in seeing you here on any day which will suit you; but please to inform me beforehand. The best route is to leave Charing Cross by the 11. 15 train for Orpington Station S. E. R. which is 4 miles from my house; & you will arrive here a little after 12. 30. We will lunch at one o'clok & you can return by the 2. 40 train. It grieves me to propose so short a visit, but my health has been very indifferent during the last week, & I am really incapable of conversing with any one except for a short time.

I shall have great pleasure in seeing & remain dear Sir
Yours sincerely
Ch. Darwin

11

Down,
Beckenham, Kent.
(Railway Station
Orpington. S. E. R.)

June 9th 1877

My dear Sir

Pray accept my cordial thanks for your great kindness in having sent me your fine work «Ancient Society», which I hope before long to read.—

My dear Sir
Yours sincerely
Ch. Darwin

12

Down,
Beckenham, Kent.
Railway Station
Orpington. S. E. R.

July 9th (1877)[1]

My dear Sir

I thank you sincerely for your very kind, long & interesting letter. I write in fact merely to thank you, for I have nothing else to say. I have lately been working so hard on plants, that I have not had time even to glance at H. Spencers recent work, & hardly to do more than glance at your last work. But I hope before long to find more time. It is, however, a great misfortune for me that reading now tires me more than writing,—that is if the subject sets me thinking.—I am as great an admirer as any man can be of H. Spencer's genius; but his deductive style of putting almost everything

never satisfies me, & the conclusion which I continually draw is that «here is a grand suggestion for many years work». —

Your last work must have cost you very much labour & therefore I infer that you are strong & well. — I can assure you that I have by no means forgotten my short & very pleasant interview with you. —

Believe me, my dear Sir
Yours sincerely
Ch. Darwin

13

ELY, SAMUEL P.[1]

Diamond, Juab. Co, Utah,
Jany 21, 1878.

My dear Mr Morgan

Your very welcome letter of the 8th reached me in due course last week. By the way — our letters sometimes go to Diamond City Montana & the P. O. Department give us the direction as above to obviate the difficulty. There is no special significance in the name of our town, & when our borders become enlarged so as to entitle the office here to some consideration, we must provide ourselves with a new name.

I was delighted to hear so good an account of my boys. I have learned from themselves how well they enjoyed themselves & how delightfully they were entertained, & I wish to renew my particular thanks for your & Mrs Morgan's kindness to them. I am thankful that their mother's influence, & her lifetime with them was protracted long enough to impress itself upon every one of them. The danger is great in these times of great activity & excitement, to young people entering upon life, of being turned aside from the narrow path of integrity & honor; & these Critical Years through which my boys are now passing, I watch with a greater anxiety that I can express. But on the other hand, so is the satisfaction great when the trial is safely passed: & if they grow up honorable men & good citizens I shall rejoice & be thankful to God. In these later times, however it may have been formerly, it seems to me that the principle of freedom, rather than restraint, must be availed of in bringing up a family. The time comes quickly when the boy is his own master, & if he has not been educated in freedom & taught how to exercise self-control, how to adhere in his choice to reason & to right, for the sake of reason & for the sake of right, he is but illy furnished to contend with the temptations which come thronging around him.

I should like very much to have one of my boys here with me, & yet the disadvantages of this place in respect to its total want of social & cultural opportunities are so great, that I should hesitate to bring any of them here. There is much more to be done here in the building up a profitable business & a good society than there was at Marquette when I first went there. There

was already the nucleus of a pleasant & improving society there — nothing of the sort exists here. I can see my way clear to the development of the business; but I do not as yet see so clearly the future of the place as a good or fit one for a young man to settle down & live in. It suits me well enough — I do not any more care for society, except it be to see some one to whom I am attached; & I have reached that period of life where reading & reflection will serve my intellectual requirements. But it would be pretty tough on Philip to bring him out here, where all his need of society would be unsatisfied & all his qualifications for it unused. What do you think of it? I should like very much to get your views about it.

While on this subject I remark, that while I see no probability of there being a highly cultivated community here in my lifetime, I have set it before my mind as the chief thing to be done, in case I realize the expectation which I have of developing some large & profitable mines here, to set on foot a scheme of religious, social, & intellectual improvement for the benefit of the large number of working people who will be congregated here — so that as the business prospers & increases, they will experience a large improvement of condition, beyond that which they may acquire through their own earnings. Free institutions in our country have now wrought out the liberty & equality of man — unless they shall also work out his fraternity, they will fail in carrying on civilization beyond its present standpoint. This must be the doctrine of the future, if we would advance — the fraternity of man. Civilization is halting here in every country. I have reflected much of late upon this subject, & I long to find myself in a position to develop my views of what belongs to the workman, in a large & prosperous enterprise, more than his hire.

I am now reading Ancient Society with the leisure & attention which it both requires & requites. I have nearly finished it — & when I say that I am filled with admiration at the clearness of the thinking, the wealth of the materials & the conclusiveness of the argument, I but partially give utterance to my impressions. You can commit your reputation to the next ages, as a thinker in advance of your time, upon that book. The fact is that the whole teaching of our histories & the tenor of our literature have been upon the assumed principle that kingly government was original & natural to man; & it may take a whole generation after the beginning of correct thinking on the subject, so far to overcome the prejudices of early impressions, as to admit its fair examination in a scientific spirit even by educated men.

I was much amused with Henry Ward's [2] story of our poor minister's tribulations about his proposed extra hundred dollars. The implied presumption of necessity in the case (i. e. that he must collect it) is identical with that of the tired boy who had a «season ticket» to the circus.

I have no special developments in the mine to report since I last wrote, but every thing looks well for the future; & for the little we are doing the prospect is very satisfactory. I hope to get at work more vigorously in the

course of a month or two; & then if I can carry out my plans I can show you a good mine in six months thereafter.

Capt. & Mrs Johnson desire kind remembrances.

With much love to Mrs Morgan
I am
Cordially yours
S. P. Ely

14

FAY, MARIA D.[1]

Cambridge,
Jan 21st 78

My dear Mr Morgan

It is hardly fair to have read and enjoyed a book like «Ancient Society» without saying a word of thanks to the Author when one has the pleasure of an acquaintance with him personally. So you must allow me to say now how much I have been interested and especially how I have enjoyed the idea that all those observations and researches among the Indians which were entered upon by you I suppose from some peculiar attraction, without reference to any theory—have now found their bearing upon this vast subject of Ancient Society and illustrated it in so valuable a manner. At first I was rather taken aback at the idea of my humble origin, but when one considers eternity it seems reasonable that the 4000 B. C. of the school books should not have been the beginning of things, and it is comfortable to think that, so to speak, no time has been lost in all these hundreds of thousands of years! One may still revere Genesis as the history of the New or Spiritual Adam when the idea of law or duty first made Man as it were a living soul. A much deeper significance is given to all history under this new light of development, and a much greater coherence to the existing order of things.

I hope when you are in Boston again you will have a little time for us in Cambridge. I should like to hear you talk with Mr Sophocles [2] a worthy representative of the Ancient Greek who is a daily visitor here. We have a spare room to which we would be glad to welcome you and Mrs Morgan. I wish you would give Mrs Greenough's [3] and my warmest thanks to Mrs Morgan for her kind entertainment of Hally's boys during the holidays — our Christmas was much brighter for knowing they were under your roof.

Very truly yours
Maria D. Fay.

15

FISON, LORIMER[1]
(9 XI 1832—29 XII 1907)

Navuloa, Fiji 28 Aug 1877.

My dear Sir,

Your letter of May 15 has reached me & so also has your «Ancient Society», which I am reading carefully & slowly, but with the greatest delight. I do not allow myself more than a chapter a day, & that only on my days of

comparative leisure, in order that I may think over, & digest, your remarks. It seems to me that your work now opens a way for the drawing up of a paper by Mr Howitt & myself on the evidence afforded by the Australians & other tribes as to the «segmentation of the gens», & on the influence of the «patriarchal family» by which term I mean polygamy without polyandria, & descent through the father. — In fact the form existing (i. e. actually prevailing — not that more archaic form revealed by the terms of kinship) in Fiji when I first came down to the islands. I venture to think that this rule has done a very important work, facilitating separation, & the breaking up of the old communities. This however must be deferred for a time until I can draw up my share of the paper. I have already written to Mr Howitt asking him to gather his materials. My own sketch I will send to him for incorporation with his own; the combination will then be forwarded to you. In the meanwhile I will go on reading your book, & when I have finished I will write again.

You remark that «our correspondence has reached the flagging stage», & you are kind enough to say that you miss my formerly frequent letters. But do you not remember what you told me long ago? On the 20th May 1876 I wrote to my friend Howitt saying: «Mr Morgan is gone to Europe, having finished his new book. I don't think we need send him any more schedules until we are prepared to forward him our own work». And this message was in accordance with your own suggestion in a letter received by me shortly before that date. No other letter from you until the arrival of yours which I am now answering has come to my hands. But indeed I have been doing very little, partly because I have had no spare time, & partly because my health has not been good. The old energy is gone, & that which used to do itself with a spring has now to be done with a heavy drag. I have moreover been kept busy writing for two newspaper editors, whose offers I could not well refuse in justice to my family; so that on the whole I have had less time than ever before for our work. But I shall not cease to go on with it as I may be able, & am collecting materials such as you suggest in your letter. In our Training Institution at this place, of which I am now President, having been removed from the Island of Lakeba in April last, I have between 60 & 70 of our most intelligent mission candidates from all parts of the group. This gives me a fine opportunity of comparing the native customs prevailing among the various tribes, & much interesting matter presents itself. Already I have discovered several valuable facts with regard to kinship which I did not know of before, though I thought I had exhausted the Fijian field. I will send you particulars when I have more to send. Burial, human sacrifice, chieftainship, political constitution &c, all require further investigation here, & I am trying to gather materials for a few pages on these subjects. If you will take charge of them I will gladly send them to you. Perhaps, under your auspices, the Smithsonian would regard them with a favourable eye.

I am very much obliged to you for writing to Mr Woodruff on my account: but much as I should like to go on that Expedition for many reasons,

the thing is simply impossible. I could not leave my work & I could not leave my family. How it wish the impossibility were possible! In addition to the grand facilities the voyage would afford for investigating the kinship systems of the various tribes, it would give me an opportunity of visiting my kinsfolk at home whom I shall never see again. I turn my back upon the thought of it not without a keen pang of regret. I have to thank you also for your kind mention of my name in your book;[2] though, by the way, I misunderstood your query as to «woven fabrics» among the Australians, taking it to refer solely to «clothing» fabrics. I fancy that either your question did not put itself into a clear form, or I misread one of your words. There is at least a possibility of the latter alternative. The Australians, some of them at least, weave bags, & baskets too I think, with considerable skill out of grass &c. They have not, however, the bow & arrow, so that part of my information is all right. By the way you say that none of the Polynesians, excepting the Tongans & the Fijians, had a knowledge of pottery. In the first place I am by no means sure that we have sufficient authority for this statement. One or two of our vagabond beachcoamers, who drift to & fro about the S. Seas, have told me of potters among the islanders, & though the statements of these gentry are not to be relied on, yet there is always a possibility of some little truth in them. And secondly, the Tongans had no pottery till they got it from Fiji. They were also ignorant of the bow & arrow, & of salt. But they are exceptional Polynesians. They are really progressive. They adopted all three, together with an improved model of the warcanoe, from the Fijians & soon surpassed their teachers. But even at the present day a great deal of their cooking is done in the stone oven which would be better & more profitably done in the pot.

I have sent several times to Melbourne for McLennan's Primitive Marriage, & tried to get it there before my return to Fiji, but without success. It was not to be had. One bookseller told me he had had in his possession a number of copies which his agent had picked up in England at a booksale. He looked into them, & seeing that there was in them «only a lot of stuff about Marriage by Capture» — so he phrased it — he put them up for sale in an Auction lot, & they were knocked down at 1/6 per volume. What a vast hindrance to the cause of science arises out of sheer envy among scientific men! And how utterly absurd a man becomes when he sets himself against a truth because it is unpalatable to him! Neither McLennan nor Lubbock have taken the trouble to study the Classificatory System with care sufficient to enable them to understand it. As far as the latter is concerned I could show this from several passages in his «Origin of Civilization».[3] And as for McLennan's ridiculous theory about the «Modes of Address»,[4] a complete refutation of it is afforded by the fact that tribes which do not use the terms of kinship in addressing (e. g. the Tongans) have all the terms belonging to the system. His theory however is so utterly absurd as to be its own most effective refutation. It only shows how tenaciously a man will stick to his own theory, & try to explain away opposing facts.

I must think over what you say about the Kamilaroi classes. It seems to me that they arose in the ordinary way from the subdivision of two original gentes, but you seem to make a distinction. It does not appear to me that the female names indicate classes of females as distinct from the males. They seem to me to be simply feminine forms of the masculine, e. g. Ippatha = a woman of Ippai class. The classnames & the arrangements founded thereon are found in many other localities. I have recently received a communication which proves their use far in the hitherto unexplored interior — but nowhere, excepting among the Kamilaroi have I found the female names, & yet the laws of marriage & descent are in nowise different.

Although the Fijians were, when our mission was first established among them, organized politically in advance of the aggregation of gentes, yet the gens, phratry, & tribe were, & still are, in active existence, only, the family being patriarchal in form with descent through the father, there was some difference between their gentes & those of the N. A. Indians. I did not understand this organization when I made out the Fijian tables, but it is clear enough to me now. There is (1) The Vuvále = Gens. (2) The Yavúsa = Phratry, & (3) The Mata-nggáli = Tribe. The Matanggali {may be / is} endogamous, but the Yavusa & the Vuvale are exogamous.[5] It is a lack of knowledge as to this distinction which throws Lubbock & McLennan into such confusion on this point.[6] But I must defer this subject until I have finished your book.

I cannot conclude without thanking you once more for your valuable work. Its value to me would be increased if your name were but written on the blank leaf as its donor. Let me ask you to gratify me by writing the needful words on a slip of paper, & sending it to me at your convenience, so that I may paste it on the inside of the cover.

My last letters from England tell me that Mr Waring is not expected to live.

Believe me

Yours very truly,

Lorimer Fison.

The Hon: Lewis H. Morgan.

16

Navuloa, Fiji

10 Augt 1878

My dear Sir,

I have not written to you, nor have I heard from you for a long while. Your last letter was about the Woodruff Expedition, & I replied in due course. The Expedition has not made its way to our shores.

I write now to tell you that by the steamer which leaves Fiji in September I shall most probably send to Mr Howitt my M.S. of an essay on the Class Divisions of the Australians that he may add his own remarks & forward the MS at once to you without waiting for my inspection of it.[1] I was

most unwilling to prepare the MS because our materials are still insufficient, & several very important matters still require investigation, but valid reasons urged me on. These are

1. The state of my health, which makes it uncertain whether, if I do not do what I can now, I shall ever be able to do anything at all.

2. The failure of our inquiries by printed Circulars to elicit further information of any value.

3. Mr Howitt's urgent wish that the thing sh^{d} be done at once.

& 4. My indignation at McLennan's contemptuous words in his impertinent disposal of your hypothesis as to the Origin of the Classificatory System.

The specific object of my paper is to show, what can I think be satisfactorily shown by the Australian Classes, that the characteristics of the Turanian System logically flow from the laws by which those classes are regulated. (See Ancient Society p.p. 422 et sqq:.) These I propose to take as so many distinct theorems, & to prove them from diagrams like propositions of Euclid.[2] One diagram of descents to the third generation will suffice for all, & can be set up by means of the ordinary type & brass rule found in every printing office. The whole thing can be done so as to be as conclusive as any one of Euclid's demonstrations, if we can only establish three preliminary propositions.

These are 1. That Australian marriage was Communal, in other words, the marriage of a group of individuals to another group.

2. That relationship was that of a group to a group.

& 3. That each group was exogamous. In other words that each class must marry outside its own limits.

Of these the last can be proved incontrovertibly by sufficient evidence in my possession drawn from present usage. The first — (group-marriage) — can be reasonably inferred from present usage which is the loosest form of polygamy I ever met with, & strong arguments can be drawn from facts in my possession — strong enough to convince anybody who has not, like McLennan, a preconceived theory to be upset by them.

The second — group-relationship — is more difficult of proof with regard to the Australians because their terms of kinship do not, throughout the list, follow the beautiful logical sequence of the Tamil, N. A. Indian, Fijian &c. This I can easily account for. The Class divisions give Turanian relationships, whereas the Australians retain some of the terms belonging to the Malayan System.[3] On this point more by & bye. Our chief difficulty, however, with regard to the Australians is that in thinking of the relation in which they stand to particular persons they take matters into consideration other than kinship, & so give words which are not specific kinship terms. Again, they alter the word when the person dies, or when some one of their kinsfolk whose name has even one syllable in it like the formerly used term of kinship, or for some other equally exasperating reason. This is the case in some of the Islands also, though I do not know that it has affected terms of kinship. The consequence is that every schedule gives a great number of terms to which

no mortal man who has not a very thorough knowledge of the language can assign a meaning. Nevertheless sufficient can be made out from them to establish a strong case. For, if we can show that father's bro' is called F a t h e r, mother's sister M o t h e r, my fathers bro's children & mother's sister's children M y b r o t h e r s & s i s t e r s, my bro's son, a male speaking, M y s o n, & my sister's son (female speaking) m y s o n, then all the rest should follow. And this we can show in many dialects. Half a dozen or so will suffice for the present.[4]

With regard to Malayan terms found here & there, let me call your attention to the following facts.

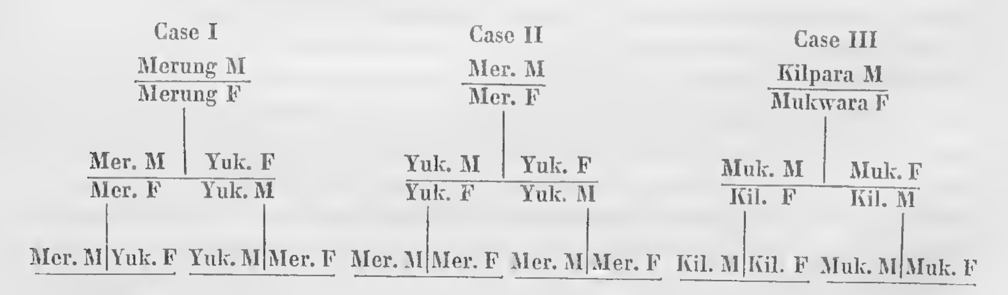
Since my return to Fiji my excellent friend Mr Howitt has sent me down three partially filled schedules (among others). — Two of these refer to the same tribe in N. S. W. & may be taken as one — the other refers to a Gippsland tribe.[5] In both cases there are two divisions Merŭng & Yŭkemerŭk or Yukembruk. Merung = Eagle hawk. Yukemeruk = Crow. In both cases m a r r i a g e i s w i t h i n t h e d i v i s i o n — i. e. Merung marries Merung. Yukembruk marries Yukembruk. Each division is subdivided by a number of totems, but there is no information as to what effect the totems have upon the intersexual arrangements. The Laws of Descent differ thus.

Case I. Merung's sons are Merung. Daughters are Yukemeruk.
Yukemeruk's sons are Yukemeruk. Daughters are Merung.

Case II. Merung's children are all Yukembruk.
Yukembruk's children are all Merung.

Let us take as case III class divisions which follow the usual rules — marriage into the other class, & descent through the mother.

Case III. Kilpara M marries Mŭkwara F. Children Mukwara.
Mukwara M marries Kilpara F. Children Kilpara.
And from the following diagram ascertain the results in the third generation.
Explanation $\frac{\text{Mer. M}}{\text{Mer. F}}$ means Merung male marries Merung female.

In each case we have the same result, the order only being different — viz. one male & one female of each class.[6]

*

If to these be added like diagrams of the marriages of males of the second division in each, the combined result will be found still the same in all cases — viz. two males & two females of each class.

But, what seems most important here is the light thrown by these divisions upon the Malayan terms found in use.[7] Thus in Case II we find my father's bro's son, & my father's sister's son both called my brother. Now take Ego to be Yukembruk of the second generation, that is Yukembruk the son of Merung. My father's bro's son is Yukemeruk, & therefore my bro. My father's sister's son is Yukemeruk, & therefore my bro.

Observe that in this case (Case II), the class m a y be endogamous i. e. brothers & sisters may marry. I say m a y only in the sense of «may for anything I know to the contrary». My information is not complete.

Case I is peculiar. The classes here are distinctly exogamous although men & women of the same classname marry. For observe that No Merung woman can be sister to a Merung man. The sister of Merung M is Yukemeruk F. So that though marriage is apparently within the class there can be no intermarriage between bro. and sister. And yet the schedule gives the same term for my father's bro's son & my father's sister's son.

Let Ego be Merung M of the second generation.

Then my father's bro. being Merung his son is Merung & my brother.

But my father's sister is Yukembruk F, & her son is Yukembruk, who is not my bro., for my bro. is Merung.

You may judge from this one instance somewhat of the difficulties we have with the Australian terms of kinship. I have never yet received any one list in which the terms were logical throughout. We cannot make out a finished case on their evidence as we can on that of the Tamil, or the Ganowanian.

In my essay I shall have simply to state these two classes with their peculiar arrangements, & leave them undetermined, though they are of the greatest interest. This goes sorely against my grain. I have a horror of halfstating anything. I have written to Mr Howitt about them, & hope he will be able to supply my lack. If he cannot find more materials he will not be able to settle the matter conclusively, & I am afraid that there is little hope of his having received additional information sufficient for the purpose.

As for the evidence of Communal, or group-marriage, the Australian may be called «Communal marriage with a vengeance». Not only have the four classnames been found from West to East across the continent, but we have ascertained that their marital rights extend over all the tribes who have them — e. g. that an Ipai's claim to the class of women who are free to him in his own tribe would be recognised in a tribe 1000 miles distant from his own if he were to visit them, though the languages are as widely apart as is French from English.[8] It is the most astounding system of communism that the world has ever known. I suppose it could have lasted nowhere else, because nowhere else have the people of a continent been let alone & excluded from external influence.

I have prepared a table, containing 5 sets of the 4 classnames with their marriages & descents, which takes us from West Australia to the Herbert River, Queensland, & could as easily have inserted 20 sets with the same rules but different names. One of them gives the transition from the two primary classes to the four.[9] And the table is so drawn up as to offer no difficulty to the printer. I have asked Mr Howitt to sketch a rough map of Australia, marking down the positions of the districts covered by the Classes mentioned by us.[10] This w[d] require a woodcut, & must of course be left to the decision of the Smithsonian authorities if they consent to print. Mr Howitt employs diagrams, like chemical formulae which show at a glance the main terms of kinship; and, as all the terms between grandrelations, & some others also, are reciprocal, these diagrams are very useful. But I have pointed out to him the difficulty in the way of printing them, each requiring a separate woodcut. Two or three of them would be very helpful as specimens, but it will not do to ask too much.

There is one point on which I have to diverge from the line you have taken, though the divergence is more apparent than real. This concerns the female class names.

I am forced to the conclusion that the termination «tha», in Ipatha &c., is nothing more than the feminine form of Ipai, & that Ipatha is not a class by herself, but simply a woman of the Ipai class. The names are not those wh. I sent you, as given me by Mr Ridley.[11] You may remember that I soon had occasion to notify you of the fact that his ear is singularly inaccurate. Instead of the names given by him we have to write Ipai, Ipātha; Mŭri, Mātha; Kŭbi, Kŭbĭtha, Kumbo, Būtha, the vowels having their proper sounds, not those heard in English.

Take t h a as the feminine affix, like an, or gan, un or gun, found in other dialects & we have Ipatha from Ipai, Muritha = Mātha from Muri, Kubitha from Kubi, & Kumbotha, contr. to Būtha from Kumbo. That this must be the case is shown, as it appears to me, from the classnames in other dialects. Some of them have the fem. terminations, others have but one term for both male & female, & yet the arrangements are precisely the same in all cases. Moreover we can show that the four classes are subdivisions of two primary classes. Hence I must conclude that Ipai, Ipatha &c. represent not eight classes, but four. Nevertheless the conclusions drawn by you are in no wise affected by this. Whether we consider the female names to form a class apart or not, the result is still the same, for descent is reckoned in all cases up to a female ancestor. I mention this by way of explanation, because there will be no need to refer to it in my paper, the results of the classdivisions as given by you being unaffected. You yourself say (Ancient So[y] p. 53) «The Kamilaroi therefore are organized into four great primary groups, each group being composed of a male & female branch».

I propose to show 1. The two classes, each descended from a female ancestor, with marriage outside the class. Under this head must also be stated

the Merung & Yukemeruk classes.[12] Woe is me that I cannot trace the steps which connect them with the exogamous classes! I can do this theoretically, but what is theory unsupported by evidence?

2. The four classes, wh. will be shown to be subdivisions of the two primary classes.

3. The subdivisions of the four classes by means of totems.

This is another important matter which I must perforce leave undetermined. From facts given me by some of my correspondents, I am led to believe that in some districts the totemic subdivisions do not affect the intersexual arrangements — e. g. that though the class corresponding to Ipai is subdivided by totems, the male of that class cannot marry any woman corresponding to Ipatha.[13] This is most positively affirmed by several trustworthy informants. And it is certain that in some tribes the totems do not form intermarrying clans. But my materials are insufficient for the settlement of the question.

It is greatly against my grain to publish when I am thus insufficiently prepared, & yet what can I do? To wait longer may be to wait too long. And fresh materials present fresh subjects requiring investigation, like the Merung & Yukemeruk classes. So I suppose it will be to the end of the chapter. The more we learn the more clearly we shall see that we are only learners, & that the end of the whole matter lies far ahead of us.

There is much to be said about the absence of hereditary chieftainship among the Australians, & kindred races, & much light is thrown upon the subject by what we find among these islanders. Travellers have reported kings & chiefs among tribes in the S. Seas who have not even a word meaning king or chief, & there are at the present day within my knowledge many tribes who have no chiefs at all. And yet they have influential men among them whose word is law. This apparent paradox may be thus explained. There is a most extraordinary system of secret societies with regular grades, secret passwords, & insignia for special occasions. The influence of these societies is immense, & men who have risen to the highest grades have great power in their hands. The Patriarch (to coin a term) of the highest grade in the most influential society, appears to strangers to be a king, but his power is not his own. He is but the mouthpiece of the association, & men obey him because they know that his decrees are, not his alone, but those of a Vehmgericht whose agents may be members of their own households, & whose vengeance will be sure to overtake them if they are disobedient. The Rev. R. H. Codrington[14] first called my attention to these societies. At least what he told me flashed a sudden light upon information I had long had in my hands concerning the Australians, & to which I had not attached much importance. I wrote at once to my friend Howitt, & he eagerly responded giving me facts within his knowledge. Certain ceremonies described to me by our missionary at New Britain, the Rev. George Brown,[15] a specially fine fellow & a F. R. G. S., convinced me that the secret societies existed at New Britain also. I wrote to Brown about it, & besought him to get himself enrolled, & to purchase his steps as quickly as

possible. It is a singular fact that the grades are gained by purchase, & that the islanders have a currency whose value is well known. They moreover lend on interest, the rate being the modest one of cent per cent.

Even missionaries who have lived for years among these tribes have talked about their chiefs & kings, & Mr Codrington informs me that he has seen in print, as the name of a certain king, the word expressing the man's grade in the secret society.

But after all can we say that tribes having the gentile organization are necessarily democratic? As long as they continue to hold descent through the mother their tendency is to democracy, but when they begin to have descent through the father, then hereditary ideas come in, & the tendency is to separation. As long as the community is composed of intermarrying clans with descent in the female line it is held together by a powerful bond. The children of one clan pass into another, & are as it were so many hostages for their fathers' adherence. But when father & son come into one line, & the wife passes into her husband's class, then any brother & sister with their respective households form all the materials necessary for a new community. Their children can marry.

Again, as long as the old rule continues, polygamy has no disintegrating influence. The wives are not of their husbands' clan, & their children have no prospects within their fathers' households. They must look to the other clan. But when descent is through the father, & hereditary ideas have become rooted, polygamy is a strong disintegrating power.

The wives' interest is no longer a common one. Each desires the best portion for her children, the commonweal is lost sight of in mutual jealousies & hatreds. I have seen enough of this among the Fijians to understand it thoroughly; & those who sneer at missionaries because they insist upon monogamy for their converts, betray their lack of knowledge, even if we look at the question from this point alone.

When the community begins to split up under this influence the tendency to further disintegration becomes stronger & stronger, until the formerly united community is divided into a number of petty bands fighting with & destroying one another, & handing down bloodfeuds to their children.[16]

What then is to reproduce consolidation. The old wholesome rule of the Commune is abandoned & forgotten, & the only restraining influence is the fear of the stronger. When a people comes to this pass despotism is beneficial, & a strong tyranny is a blessing. «What we want» said English Hereward, «is a man strong enough to take any one of us by the neck & say 'Do this, or die'».[17] And, repugnant as this is to our own notions, & especially (as I can readily understand) to the ideas of an American, it is certainly true in the case I have set forth. For such a people the choice lies between despotism & anarchy, & it is no use to argue as to the respective merits of those two things.

Moreover, for warlike purposes, other things being equal, I think I would back a savage despot with his army against your N. A. Indians with their debating

society, simply because the former would be likely to act more promptly than the latter. And in the old times national existence depended on the power & the readiness of striking. Of course this only applies to savages. Civilized men obey officers appointed by themselves, because they have learned that by so doing they are in point of fact exercising the functions of rulers. The power they obey is their own. And their act of obedience is an act of ruling.

My theories on this matter are certainly not affected by the accident of my birth as the subject of a monarch. Though by the way, after reading De Tocqueville,[18] I came to the conclusion that we in England are practically more democratical than you are in America. That is to say, the people of England actually have more power to sway the English Government, than the Americans have to sway the U. S. Gov[t]. But this is a digression. One gets into a sort of conversational mood when writing letters after dinner. I was going to say that I hold with despotism for savages of the Fijian type because I believe it to be their only salvation from anarchy,[19] certainly not because in* believe in despotism quà despotism. My own idea is that when a people has learned to obey law, & to make such laws as are necessary for itself, the form of government it adopts is a matter of very little importance, as long as it provides that the government shall be powerful enough to enforce law, & not so powerful as to be above law.

Once more. Can we look to city-organization for the first establishment of kings? It seems to me that kingship is older than cities. At any rate we find it among tribes which never knew anything like a city. May it not have arisen from war? Even chiefless tribes appoint warkings; & where warfare was the normal condition, would not the authority be likely to become permanent? Usurped at first, it may be, but held with a strong hand until men bowed to it, & finally came to believe in it as a divine institution. Especially conquered men would be likely to take in such a doctrine. It was the gods who were the old chiefs of Fiji. And even among Englishmen of the present day there are a few Old School Tories who have a firm belief in the old savage doctrine, the Divine Right of Kings.[20]

If I thought the Smithsonian would print a small pamphlet I should like to write something on this subject, beginning with the Australian Rupúle[21] who rules today if today be day of battle, but neither yesterday nor tomorrow—following on through the Melanesian secret societies, to the Fijian heavenborn chief—with his serf crouching at his feet. The secret society among savages is, as far as I am aware, new ground, & will excite interest. I used to look upon the alleged antiquity of Freemasonry as a myth, but from what I have found among savages I am ready to believe that the «Craft» may be as old as the hills.[22]

Believe me,
Yours very truly,
Lorimer Fison.

The Hon: Lewis H. Morgan
&c. &c. &c.

* for I believe.

17

Levuka Oct. 1. 1880

My dear Sir,

I am at this place attending the sittings of our annual Meeting, & was made very glad this morning by the arrival of the New Zealand boat with your letters of July 30 & August 19. The bulky portion of her Mail is not yet delivered, but I return you thanks for the pamphlets &c. of which you advise me & which I shall doubtless receive in due course. I was very glad to notice the comparatively firm character of your handwriting, & to take it as an indication of returning strength. I have not been well lately; &, besides, have been overwhelmed with a press of work connected with our Mission whose claims are of course paramount upon my time & strength. I am afraid that I have drawn somewhat upon the stock of vital energy in my ethnological work. Especially when I was in Australia, that work had to be done at night, & much of it past midnight. But I was enormously strong then, & never contemplated the possibility of a break down.

You will learn from my last letter that the official intimation of the M. A. degree came in time for the Title page. I expect to receive the book by next Mail.[1] Once more many thanks for your great & efficient kindness in the matter. You owe us no thanks for the dedication. As Howitt said, it is «a matter of course».

The letter from my «friend & associate» the Rev. Benjamin Chapman ought to have reached you long ago. Mr Chapman is the official head of our Missions in the South Seas. He is also my very close friend. But unfortunately, he is one of the most forgetful unbusinesslike men in the world, & consequently is perpetually in a worry & a whirl of occupation. He wrote to me, in reply to my application, that he would send you an official intimation of my status in our church &c., & then — according to his wont—he forgot to do it. Knowing his proclivities, I sent him a reminder by the ensuing mail. This brought from him a penitential confession of his forgetfulness, & of the annoying fact that he had mislaid my former letter, & so would have to wait until he heard from me again, as he did not know your address. Four months at least were thus wasted.

The announcement of your forthcoming work[2] was indeed a surprise to me, & a very pleasant one. I shall look forward with great interest to a perusal of it.

I noted Mr Bandelier's account of the unattached class.[3] We have it here in Fiji to a certain extent; but the descendants of those «unattached» men with us became partially at least «attached» in the course of time. The real «slave» class with us are «baseborn men». This is the result of descent through males.[4] You will find this explained in my article on Land Tenure in Fiji, to be published by the Anthrop. Inst.

With regard to the Consanguine Family. My position is simply this. I accept it theoretically as presenting the only reasonable solution of the terms of Kinship such as those of Hawaii Rotuma &c. All I say with regard to it as

a «stopping point» is precisely what you say yourself — that no tribe has been found with it in present existence. The traces of its former prevalence appear to me to be clear & unmistakable, but I cannot say of it what we can say of the Exogamous intermarrying classes, simply because we can find the latter still prevailing. You must take into account the fact that my position necessitates extreme caution in my statements. Without this caution I should shock & grieve many of my best friends whom I should be very sorry to offend, & who might easily be offended on such a matter, some of our old fashioned ministers for instance. Hence, while I do not feel at liberty to exercise a reticence which would be cowardly & dishonest, I feel constrained to exercise the very greatest caution in my statement. My own opinion is that the former existence of the Consanguine Family is proved by the evidence, but I do not assert this. I point out that the evidence seems to establish it; but that, as we can find no present instance of it in actual existence, we need not go any further back from the Divided Commune while investigating the present gentile arrangements & comparing them with those recorded in history.[5] I hope this will be sufficiently clear from my book.[6] My statement is in brief — The evidence points strongly to a former Undivided Commune.[7] Granted this, & from your «reformatory movement»[8] all the rest flows. This seems to me to be a strong argument for the old Undivided Commune, but I have carefully guarded myself against a positive assertion that it existed. Moreover I am not satisfied in my own mind that the matrimonial right was ever exercised habitually to its full extent. The right existed & was acknowledged. It is the one fundamental fact underlying the whole system of relationship. But it seems probable that its actual assertion in individual cases would soon have become restricted more or less. This however does not in any way affect the main theory. The right is fully established, & its general exercise is still apparent on occasions. Only by last Mail Howitt sent me an account of an Australian tribe non-Kamilaroi who betroth their girls in infancy. When the «husband» considers the girl is of sufficient age, he goes after her into the forest with his friends, & seize her. Not he, but his friend, consummates the marriage. The girl is common for some days to all his tribal brothers, & not until they have all exercised their right, does his own come into force. But henceforth it is paramount.

This is a very striking instance of Expiation for Marriage. I have fully satisfied myself by inquiries in Fiji that infant betrothal is a protection against the old communal right. This we shall set forth in a special article as soon as possible.

I can write no more, for I am quite knocked up, & must get a little rest to prepare me for tomorrow's work.

Believe me,
My dear Sir,
Yours very truly
Lorimer Fison.

The Hon: Lewis H. Morgan LL.D
&c. &c. &c.

18

Levuka 7 Oct. 1880

My dear Sir,

I wrote you by the New Zealand boat which left three or four days ago. My letter was hurried — as this also must be — for we are in the midst of our annual meeting, & my duties as Secretary of our Mission fully occupy my time. Since the mail left I have been thinking over what I said to you about the «Consanguine Family» &c., & it occurs to me that I may as well say a little more. From your own remarks I am afraid that my words have been taken by you, & may perhaps be taken by others, to mean more than I myself meant by them.

For my own part it seems clear to me that we need not go beyond the Exogamous class, or clan, for an explanation of all the later developments up to & far on this side of the Roman gens, provided always that we recognise the vast importance of the change of descent from females to males. This is the work towards which I have set my face, & everything which is beyond its outer line is unnecessary to my purpose. If I had proposed to take the whole of the immense area covered by your own researches — a work for which I am not qualified — then I should have felt bound to trace the chart of all that field — at least to attempt its tracing. As it is, I take one bit of it, & try to survey in detail that small portion of the great continent which in its entirety you have «triangulated». When I say that to the point where I stop «is far enough for us to go», I mean that this is far enough for my own purposes. The road beyond is extremely tempting. It shows itself clearly to me, & looks like a solid road. To my own mind the proofs of its existence are such that nothing but its existence — (i. e. its former existence) can account for the facts. But we cannot find a present instance of it. Its use has passed away from the earth as you yourself affirm: the task I proposed to myself is to trace the steps in the formation of the gens from the present usage of savage tribes; & therefore what lies beyond that present usage is foreign to my purpose. Even this however requires explanation & qualification, because in point of fact I do go beyond present usage, & I had to guard myself against positive assertion of the former existence of the Undivided Commune. As it is several passages in Kamilaroi & Kurnai appear to take it for granted.[1] In my own mind I accept it as sufficiently proved, but I do not positively assert it for these two reasons: —

1. I expect violent opposition, & therefore resolved to narrow as far as possible the ground of controversy.

2. The Undivided Commune means nothing more nor less than «promiscuity», & this would be terribly shocking to many of my best friends among our ministers. They would suppose it to involve conclusions which do not appear to me to be involved, & no arguments of mine would avail to persuade them that the theory is not subversive of «the faith». As it is, I have had some little trouble, & I expect more.

For these reasons I have carefully «staked out» my ground, & I have planted my stakes on this side of the Consanguine Family. I go no farther than to the point at which I stop because it is not necessary for me to go any farther, but I do not say that anyone who continues to go ahead is going astray. And, if at any time we can find a tribe of savages living in the condition to which the evidence points, then I shall be constrained to go farther myself, & to assert that of which I now admit a very strong probability. I admit this probability in my book, & in my own mind I admit more than the probability. In short I do not doubt the former existence of the Undivided Commune; but I do not consider it necessary to my purpose to assert it, & moreover (owing to my surroundings) it were better for me not to assert it as long as its assertion is unnecessary.

I have found some little difficulty in stating my case, but hope I have made myself understood. It is not easy to write a clear deliverance on a point requiring nice distinctions when one has to keep one ear open to a discussion on church matters which is going on while he writes, & of which he is responsible for the record. And this is what I have to do while writing this note.

You say «If you believe the Consanguine Family to be the necessary deduction from the Polynesian system, I shall feel greatly assured». I have no hesitation in saying that I do so consider it, because in no other way can I account for that system. The theory of marriage among savages appears to me to be clearly based upon the fundamental notion that the individual — the Social Unit — is a Group of Individuals. Hence flows logically the entire system of relationship & descent. And the constitution of that group is determined by the terms of relationship. As I say in my chapter on Group Mar. & Relp., «the terms of kinship now in every day use point out the groups, & the groups taken as units explain the raison d'être of the terms».[2] But for the special purpose of my work I do not consider it necessary to go beyond the division of the Group into Exogamous groups such as we find at the present day. Purposely, as far as I am concerned, I have narrowed the controversy to this ground. Thus I have taken up, as it were, an advanced post which seems to me to be impregnable, & which covers the country behind it. If it can be maintained, we may defy the enemy's attempts to get behind it.

You will see, when the Anthrop. Socy print my paper on Land Tenure in Fiji, how the «unattached class» was forming among the Fijians. But in most cases marriage united the detached units to some clan or other — at least it brought their children into connection — though not into full connection — with a clan. But I am of opinion that entire clans now existing may be the descendants of such parents on both sides.[3] In savage society — at least where the clan organization has not been broken up — a man cannot exist without some sort of connection with some clan or other. In Fiji, where we have a distinct god-born class of chiefs, or nobles, broken men frequently attach themselves to a chief, & are very useful to him. They have no status

Levuka 7 Oct 1880.

My dear Sir,

I wrote you by the New Zealand boat which left three or four days ago. My letter was hurried, — as this also must be — for we are in the midst of our annual meeting, & my duties as Secretary of our Mission fully occupy my time. Since the mail left I have been thinking over what I said to you about "the Consanguine Family" &c., & it occurs to me that I may as well say a little more. From your own remarks I am afraid that my words have been taken by you, & may perhaps be ...

Первая страница письма Fison'а от 7 октября 1880 г.

defy the Enemy's attempts to get behind it.

You will see, when the Anthrop. Socy. print my paper on the Land Tenure in Fiji, how the "unattached class" was forming among the Fijians. But in most cases marriage united the detached units to some clan or other — at least it brought their children into connection — though not into full connection — with a clan. But I am of opinion that entire clans now existing may be the descendants of such parents on both sides. In savage society — at least where the clan organization has not been broken up — a man cannot exist without some sort of connection with some clan or other. In Fiji, where we have a distinct god-born class of chiefs, or nobles, broken men frequently attach themselves to a chief, & are very useful to him. They have no status in his clan. Hence they are anxious to distinguish themselves by usefulness in peace, & by bravery in war, for thus only can they earn the right to exist. Hence arises the practice of Commendation. A broken man must attach himself to somebody, or he perishes. St. Romain's man is like a barnacle which misses its way & finds nothing to adhere to. There is no possibility of independent existence.

I must break off abruptly here. Yours ever most truly Lorimer Fison.
The Hon. Lewis H. Morgan Esq.

Последняя (восьмая) страница письма Fison'a от 7 октября 1880 г.

in his clan. Hence they are anxious to distinguish themselves by usefulness in peace, & by bravery in war, for thus only can they earn the right to exist. Hence arises the practice of Commendation. A broken man must attach himself to somebody, or he perishes. A Noman's man is like a barnacle which misses its way & finds nothing to adhere to. There is no possibility of independent existence.

I must break off abruptly here.

Yours most truly
Lorimer Fison.

The Hon: Lewis H. Morgan LL.D.

19

GARRISON, WENDELL PHILLIPS[1]
(1840–1907)

Box 25.

THE NATION,
New York, Feb. 2. 1878

Dear Sir:

I hope you recd. the Saturday Review[2] which I sent & which we could very well spare, as we do not keep a file of them. I read the notice of your book, & thought that in regard to classic society there was perhaps a prima-facie case against you; but I am too poor a classical scholar to judge. A learned friend of mine, a professor, writes me this morning of his own motion, & without alluding to the Sat[y] Review: «I have some points of criticism to make on Mr Morgan's application of his theories to the classical nations..... At the same time he has made a real contribution to our comprehension of the classical growth of society».

The enclosed MS. you have been prepared for by Mr Bandelier.

Sincerely yours,
W. P. Garrison.

L. H. Morgan Esq.

20

HALE, HORATIO EMMONS[1]
(3 V 1817—28 XII 1896)

Clinton, Ontario, Canada,
Dec. 30, 1878

My dear Sir,

I have only recently had the opportunity of perusing your excellent work on «Ancient Society». Being in New York a few weeks ago I obtained a copy from the publishers, and have read it with the careful attention which it well deserves, and, I may add, with great interest and instruction. Your account of the gens appears to me particularly admirable. One would hardly have supposed that the organization of a tribe of American Indians could be so studied and analysed as to throw a new and vivid light on the early history of Greece and Rome. It seems to me, however, that you have done this, and

that your work will hereafter rank with Niebuhr's,[2] as initiating a new era and method in the treatment of ancient history. I was glad to learn at the publishers' that your volume has sold well in England, where — as well as in Germany and France — its merits are likely to be appreciated.

You will hardly expect that your views on the «ancient family» (in your Part III) will meet with the same general acceptance as those relating to government and property. The latter do not seem to me to depend at all upon the former. The gens might arise as readily in a monogamian population as in any other. My own view, I must frankly say, is that man has always been a «pairing animal». I cannot persuade myself that he began his social life in promiscuous intercourse — far below most of the brutes — and only by slow degrees and after ages of progress attained to the level of the tiger, the swallow, and the chimpanzee. It seems to me that this inclination to pair is a natural instinct, similar to parental affection, and entirely distinct from mere sexual desire. I doubt if the marriage of brothers and sisters has at any time been common. It would contravene another law of human nature (and perhaps of brute nature) which, I think, has not been sufficiently studied — I mean that law, or principle, which makes the growth of sexual desire between individuals of different sexes who live much together very unusual and all but impossible. This law affects, according to my observation, not only parents and children, brothers and sisters, but also non-related persons who reside together. It is owing to this law that the «co-education of the sexes» has been found to be so safe — to the surprise of many persons who imagined that the two sexes were like spark and tinder. I think I have seen the influence of this law among the lower animals. And I believe it to be the law which, in communal households, has given rise to the custom of «exogamous marriage».

Your researches into the systems of relationships which prevail among different races appear to me very interesting and valuable. The deductions, however, which I draw from them are different from those which you have so ably set forth. I look upon the «classificatory system» as the necessary outgrowth of the «communal household», where a number of nearly related families dwell under the same roof, their children forming one company or flock, between all of whom and all the grown people there is a natural and, so to speak, an undiscriminating affection. It is easy to see how this mode of speech would there arise. I am, we will suppose, a married Hawaiian, living in a large house along with my married brothers and perhaps my married sisters and cousins. The little children who play about me when I am at work in my field or who go out fishing with me in my canoe are all alike dear to me. When I speak of or to them, I don't use the words son or daughter, niece or nephew. I classify them. They are all «little ones»; and, if necessary, I may add the words male or female for further distinction. In like manner, I am not in their speech a father or uncle. I am an «old one» or «senior»; and, if necessary, they may distinguish the sex in like manner. Among them-

Clinton, Ontario, Canada
Dec. 30, 1878

My dear Sir,

I have only recently had the opportunity of perusing your excellent work on "Ancient Society." Being in New York a few weeks ago I obtained a copy from the publishers, and have read it with the careful attention which it well deserves, and, I may add, with great interest and instruction. Your account of the gens appears to me particularly admirable. One would hardly have supposed that the organization of a tribe of American Indians could be so studied and analyzed as to throw a new and vivid light on the early history of Greece and Rome. It seems to me, however, that you have done this, and that your work will hereafter rank with Niebuhr's, as initiating a new era and method in the treatment of ancient history. I was glad to learn at the publishers' that your volume has sold well in England, where — as well as in Germany and France — its merits are likely to be appreciated.

You will hardly expect that your views on the "ancient family" (in your Part III) will meet with the same general acceptance as those relating to government and property. The latter do not seem to me to depend at all upon the former. The gens might arise as readily in a monogamous population as in any other. My own view, I must frankly say, is that man has always been a "pairing animal." I cannot persuade myself that he began his social life in promiscuous intercourse —

Первая страница письма Hale.

selves, the children have no word exactly equivalent to brother or sister or cousin. They have expressions which mean «mate» or «comrade», and they may further distinguish by adding words or using forms to indicate whether the mate is male or female, and whether older or younger than the speaker. All this is classificatory, and it is pure Hawaiian. Keiki is not child, but «little one». It is a compound of kahi, one, (contracted to ke) and iki, little, — the adjective in Hawaiian always following the noun. Makua means old, or mature. It is applied to trees and fruit as much as to human beings. Makua kane and makua wahine mean simply «male elder» (or grown person) and «female elder».[3] The entire list of relationships may be analysed in the same manner. I may speak with some positiveness on these points, having studied the language carefully in preparing my Comparative Grammar and Lexicon of the Polynesian dialects.

The lists of relationships which you have collected with so much industry and care seem to me to prove — not that men and women ever lived in promiscuous intercourse, nor yet that brothers and sisters were accustomed to marry, nor yet that brothers and sisters had their wives and husbands in common — but simply and solely that in the early society of most races it has been customary for nearly related families to live together in large households, for mutual support and protection. This is an interesting fact, and is particularly valuable, as showing how the gens probably originated. I cannot but think that in attempting to strain the significance of these terms of relationship further than this, you have formed theories which contravene the laws of human nature, and you have actually done injustice to the value of your own researches.

I know that you will deem the frank expression of my views the best compliment which I can pay to the excellence of your work. If I had not been so profoundly impressed with its value, I should not have thought it worth while to point out the few portions which seem to me to need reconsideration.

Let me add that your friendly references to myself have given me much pleasure.[4] There is a small correction which I should be glad to have made when an opportunity occurs, say, in your next edition which I believe will soon be called for. At page 153 I am mentioned as having proved the connection of the Tutelos with the Iroquois. It should be «with the Sioux». I found the Tutelo language to be closely allied to the Dakota. This was remarkable in view of the fact that the tribes speaking these tongues were so widely separated.

I trust before long to have the pleasure of meeting you again, and talking over these matters, in which we are both interested. Meanwhile believe me to remain, my dear Sir.

Very faithfully yours
Horatio Hale

Hon. Lewis H. Morgan
Rochester, N. Y.

21

HOWITT, ALFRED WILLIAM[1]
(17 IV 1830—7 III 1908)

Bairnsdale Victoria Australia
July 27 1877

My dear Sir

I have to thank you for kindly remembering me by sending your «Ancient Society» and for writing to me of May 17th date. In the first place let me express how very much delighted and interested I have been in perusing your book. It seems to me that you have proved your case completely and I have felt astonished at the enormous amount of labour it implies. I who have tried my apprentice hand in the same field can fully appreciate the difficulties you must have had to contend with and which you have so successfully overcome. I quite agree with you as to your view of the growth of the idea of the family and in fact I have been surprised to see and it has been a matter of no little gratification to me to do so how entirely the views I have formed myself are on «all fours» with those which you have so fully worked out.

I am now going to carefully reread your book and note everything that requires investigation here. Several new directions for enquiry have suggested themselves. I have already commenced upon the food question, and I find that in our tribe here[2] the distribution of food among the family group is regulated by strict laws[3] as are also the positions of the camps and of the individuals living in the camp.[4] A wide vista has opened itself to me.

As an instance take this: —

A man catches seven river eels; they are distributed thus. (It is supposed that his family group consists only of those named). —

1. Front half himself; hind half his wife
2. Front half his wife's brother; hind half his w. sister.
3. Front half his elder sons; hind half his younger sons
4. » » » elder daughters; » » » yonger daughters
5. » » » brother's sons; » » » brother's daughters
6. One whole eel to his married daughters husband
7. » » » » » married daughter.[5]

A second instance: a native sloth is caught.

Right side to father & mother, who keep right leg & give right arm away.
Left arm & leg to wife's father & mother do. do.
Left foot is given to brother.
Head, backbone and liver belong to self & wife, who first eat liver — then head. Ears go to wife, who gives right ear to sister.
Husband has neck. Both eat the back. —

I have as it were only turned the first furrow and may find the two instances not quite correct when I begin to «check» my information. But it shews what there is to learn. I have proposed to myself to try and fully work out the social life of this tribe. As to the work generally it goes on slowly.

Bairnsdale Victoria
Australia

July 27 1877

My dear Sir

I have to thank you for kindly remembering me by sending your "Ancient Society" and for writing to me of May 17th date. In the first place let me express how very much delighted and interested I have been in perusing your book: It seems to me that you have proved your case completely and I have feel astonished at the enormous amount of labour it implies. I who also have tried my apprentice hand in the same field can fully appreciate the difficulties you must have had to contend with and which you have so successfully overcome. I quite agree with you as to your ~~idea~~ view of the growth of the idea of the family and in fact I have been surprised to see and it has been a matter of no little gratification to me to do so how entirely the views I have formed myself are on "all fours" with those which you have so fully worked out.

I am now going to carefully re-read your book and note everything that requires investigation here. I could

The Honble Lewis H Morgan Esq.
Rochester New York
United States America.

Первая страница письма Howitt'а,

new directions for enquiry [illegible].

I have already commenced upon the food question,
and I find that in our tribe here the distribution of
food among the [illegible], [illegible] regulated by [illegible]
laws as are ~~in boat~~ also the [illegible]
and of the individuals [illegible]
[illegible] has [illegible].

As an instance take this: —

A man catches seven river eels; they are
distributed thus. (It is supposed that his family
group consists only of those named).

1. Front half himself; hind half his wife
2. Front half his wife's mother; hind half his ~~Wife~~ sister.
3. Front half his eldest sons; hind half his younger sons
4. " " " eldest daughters: " " " younger daughters
5. " " " [illegible] " " " [illegible]
6. [illegible] married daughter [illegible]
7. [illegible] married daughter [illegible]

A second instance: [illegible]

[illegible] brother also [illegible]
[illegible]
[illegible] first is given to brother,
[illegible]
[illegible]
husband has neck. [illegible] —

Вторая страница письма Howitt'a.

8

and you will see that but much remains for Ethnology. However you may rest assured that although I may never succeed in completing any Ethnological work worth anything I shall not stay my hand but shall add all I can to my stock, grain by grain and perhaps some day I may be so fortunate as to meet with other persons who may ~~to~~ also feel the interest and importance of this work. I am glad that the Gippsland Report reached you — I trust there was no extra charge upon it. It must have been some mistake in our post office. Other copies I sent went all right and I think our limit is some three pounds for books. I have lately sent you the last Report in which you will see some of my work.

I have not heard from Mr Fison for some time but hope to do so soon; I expect when he has read your book he w[illegible]

P.S. Your remarks p 52 on the 4 class males and 4 class females [illegible] upon the Gippsland 1 class male and 1 class female. [illegible] which have no [illegible] only distinguished by locality [illegible]

Последняя (восьмая) страница письма Howitt'а.

I keep hammering away at it. Fortunately I am I think one of those people who «persist». But it is very disheartening to get no replies at all to 95 p. c. of my circulars. Of the remainder perhaps I get one good reply. To write again for some more particulars and perhaps get them or perhaps not. To write again possibly — upon which ensues silence. I shall see what I can do with the Kamilaroi and try and work out what you suggest. The conjugal privilege does not exist in the class here. The family is seemingly much further advanced in the Syndyasmian direction. It is also remarkable that the divisions of the tribe into (the equivalent native term for) Eaglehawk and Crow does not obtain here. I may illustrate by examples: at Coopers creek (the Barcoo) the tribe (Yantruwunter) is divided into the classes Moquarra (Eaglehawk) and Kilparra (Crow). On the Darling river it is the same the totems being

Moquarra / Eaglehawk			Kilparra / Crow	
Karnee / Lizard	Bilyarra / Hawk	Boorkinga / Bandicoot	Toorayree / Whipsnake	Nambaree / Bonefish
Taltaree / Kangaroo	Youlary / Duck	&c.	Koonwoora / Swan	Boalbarry / Wallaby

Example. Karnee man marries a Toorayree woman. The children are all Toorayree &c.

Carrawong tribe on Maneroo N. S. W. about 130 miles from here.[6]

Merung / Eaglehawk		Yuckembruck / Crow
Bullet Bullet / Lyrebird	Nadjinajan / Bat	Brārgurgur / Small Hawk
Bullimba / Flying Squirrel	Nundarung / Little Gray tuan	But-the-wārk / More pork (nightjar)
Moollan / Murray cod	&c.	Berribang / Emu
		Burroo / Kangaroo

Example. Merungs must marry Merung, the children are Yuckembruck. These children must marry Yuckembruck — the children are Merung.

Here among the Brabrolong.[7]

There are only two classes.

Yeerung / Emu wren (stipiturus malachurus) and Djeetgun / Superb warbler (malurus cyaneus)

All the men are Yeerung all the women are Djeetgun. All male children are Yeerung all female children are Djeetgun.

The first example is the ordinary type of Australia the third example is peculiar so far as I know to Gippsland. The second example is intermediate between the two systems as the Carrawong tribe is the border tribe between the Gippsland blacks and those of New South Wales.

There was once a small and very wild tribe stuck in the dense jungles of the seacoast and as it were partly between the Brabrolongs and the Carrawongs.[8] These are now nearly extinct — one of the last of them who was «wild» only twelve years ago gave me the following.

Meroong / Eagelhawk		Yuckembruck / Crow
Billingang / Some kind of Bird	Beewing / a Hawk	
Bellet Bellet / Lyre Bird		
Burroo / Kangaroo		

My informant was Billingang and could not remember any of the Crow totems. He stated that all boys were Meroongs and all girls Yuckembrucks.

This system seems to stand again between the Carrawongs & Brabrolongs as the tribe itself does.[9]

The question will arise how is it that the Gippsland tribes have such a peculiar system. Is it a gradual decay of the class system & the totems synchronous with the decay of the Punaluan system and the strengthening of the Syndyasmian family? I am inclined to think so although at first I was inclined to regard the Gippsland system as evidencing the archaic type. On the former view, the Gippsland tribes being further advanced in the Pairing family should also shew other commensurate advances. I want more light upon this question. The Gippsland tribes have been cut off by physical conditions of the country from the rest of Australia as Australia has been from the rest of the world and hence these blackfellows should present many peculiarities. The sea on the South, dense almost impenetrable jungle to the East and West, on the North the Great Dividing Range, covered with snow for months each year have all hedged them in. Admitting the principle of Evolution as coming into play one might expect either that the Brabrolongs should exhibit an aberrant — an advanced or an archaic type. The question is which is it? — If one only had time what an immense deal could be worked out. The lack of interest I meet with, leaving enthusiasm altogether out of the question would make me almost despair of human progress in the future were it not that one can look backward and take comfort. But indeed when I think of the vast

amount of information here daily going into annihilation through the dying out of the aboriginal race and with them the knowledge of their customs I feel doubly, trebly urged on to renewed efforts. The absence of our friend Mr Fison is a very great loss and I have not one soul in all Australia who can supply in the least degree his place in this enquiry. Besides this the duties of my office as Police Magistrate & Warden of the Goldfields in a very large district leave me but little leisure; deduct from this the time occupied by my geological work in which I have to labour singlehanded, in the field as well as at home and you will see that not much remains for Ethnology. However you may rest assured that although I may never succeed in completing any Ethnological work worth anything I shall not stay my hand but shall add all I can to my stock, grain by grain and perhaps some day I may be so fortunate as to meet with other persons who may also feel the interest and importance of this work. I am glad that the Progress Report* reached you — I trust there was no extra charge upon it. It must have been some mistake in our post office. Other copies I sent went all right and I think our limit is some three pounds for books. I have lately sent you the last Report in which you will see some of my work.

I have not heard from Mr Fison for some time but hope to do so soon; I expect when he has read your book he will write and compare notes.

Believe me my dear Sir
Yours very truly
A. W. Howitt

P. S. Your remarks p 52 on the 4 classes males and 4 classes females somewhat bears upon the Gippsland 1. class males and 1. class females. But the Brabrolong tribe besides that is divided into three gentes which have no special name, being only distinguished by locality with respect to which the usual...[10]

The Honorable Lewis H. Morgan D.C.L.
&c. &c.
Rochester New York
United States of Amerika

22

HOWLAND, EDWARD[1]
(1832—1890)

Casa Tonti.
Hammonton New Jersey.
Box 88. July 30th 1877

My dear Sir,

I have read your book, Ancient Society, with so much pleasure, that I trust you will excuse the liberty I can not help taking, in personally thanking you for it. In my opinion, it marks an era in the historical study

* Victoria, Geological Survey, Progress Report (issued during 1874—1899, Nos. 11).

of societary development, and its method is destined to correct the historical methods now in vogue, as much as the statement of the law of gravitation did to the philosophical theories in vogue before its statement. It makes human history consistent, and I shall make as many opportunities as I can, in my writing to say so. I have already spoken for a chance to do so in Harper's Magazine, to Mr Alden,[2] and I shall do so, in an article upon the growth of our historical methods, or something to that effect, a regular article devoted to the book being hardly in the plan of the magazine. To do this as I wish, I want much to see your work on Systems of Consanguinity,[3] published by the Smithsonian, and write you this to ask if you can tell me how I can get a copy of it? The Smithsonian I believe neither sells them nor offers them for sale, and this place has no advantages of a library.

Yours respectfully
Edward Howland

Lewis H. Morgan Esq.

23

MAINE, HENRY JAMES SUMNER[1]

(15 VIII 1822—3 II 1888)

London. July 30th, 1877.

My dear Sir,

Many weeks have passed since I received your volume on «Ancient Society», but I have not acknowledged it simply because I have been reading it very carefully, though slowly, through. Now that I have finished it, I feel that it would be a bad compliment to pass any concise or summary judgement upon it, and I will only say that I have read it with the strongest interest and that there is hardly a chapter which does [not]* present some new materials for thought. What opinion I am destined to form on the many new theories which it suggests, I do not now know; but I intend to give them that full attention which is deserved by the conscientiousness and laboriousness evident in every part of your work and by the novelty and ingenuity of your inferences. The book cannot fail to make a deep mark on the path of enquiry which we both follow.

I have to thank you for very kind mention of my name.

Believe me
Very truly yrs
H. S. Maine

Hon. L. H. Morgan.

* omitted by the author.

London July 30th 1877

My dear Sir,

Первая страница письма Maine'а от 30 июля 1877 г.

competent to pass any critic-
or summary judgment upon it
and I will only say that I
have read it with the strongest
interest and that there is
hardly a chapter which does
present some new materials
for thought. What opinion I am
destined to form on the many

Вторая страница письма Maine'а от 30 июля 1877 г.

new theories which it suggests, I ~~[illegible]~~ do not now know; but I intend to give them that full attention which is deserved by the conscientiousness and labo-riousness evident in every part of your work and by the novelty and ingenuity of your inferences. The book cannot fail to make a deep mark on the path of inquiry which we both follow.

Третья страница письма Maine'а от 30 июля 1877 г.

I have to thank you for the [illegible]
much kindness of my [illegible]
Believe me
Very truly yrs
H. S. Maine

Hon. [illegible]

Четвертая страница письма Maine'а от 30 июля 1877 г.

24

27 Cornwall Gardens, London. S. W.
April 30th, 1878.

My dear Sir,

Possibly you may remember that, when I thanked you for sending me your work on «Ancient Society», I told you that I intended to read it with much care. I am now studying it with great attention and with great interest and profit and I have no doubt that I shall have occasion to express my opinion of it in print. Not indeed that I am likely to trespass on what is strictly your ground. The field of enquiry into the early history of institutions is now so extensive that it may be usefully (be)* mapped out into different parts occupying different labourers. But I have long thought that investigators like yourself who work by actual observation of savage customs and those who, like me, are chiefly busy with ancient records and bodies of written law were most likely to find a point of contact in the g e n s, and hence I am extremely anxious to be sure that I rightly understand all your descriptions of the social phenomena to which you attach so much importance.

I need scarcely say that the gens, in the early records and law of the higher or more advanced races, shows itself at first not only as a self-acting group but as a group occupying a definite local seat. There is also a good deal of evidence that it was a combatant group; part of it is the striking story — which, I see, you notice — of the expedition of the Fabii against Veii. All this is perfectly intelligible of the «male» gens i. e. of the gens, theoretically descended from a male, and continued through males. In this case, the males who are the muscle of the gens remain in it always and serve for purposes of labour and fighting. I gather from some observations in your 7th chapter on the «Aztec Confederacy» that you conceive the «male» Indian gentes to have lived together in the same locality; and perhaps you have actually seen this as an existing phenomenon.

But with regard to «female» gentes, i. e. gentes believed to have sprung from a female, and continued through females, I have some difficulty in conceiving them as localised or combatant bodies. It is probable however that this difficulty arises solely from my ignorance of facts and hence it comes that I venture to trouble you with some questions about these gentes.[1]

Do the females, through whom alone these gentes are continued, remain always in the local seat of the gens, and do their husbands c o m e t o t h e m from the seats of other gentes? Do their daughters remain always in the locality and do their sons go abroad to live with wives of other gentes?

Such an organization is quite conceivable and a friend of mine, who has been Chief Justice of the Colony of British Columbia, describes something very like it as prevailing among the Indians of that territory. He describes every male Indian as seeking a wife in some village other than that in which

* erroneously repeated a 2nd time.

he was born, as going to live with her and as taking her name — I presume, her gentile name.

But I want to be quite sure of the facts. May I then ask you who are the men of mature age inhabiting the local seat of a «female» gens? I have no doubt you can answer this in a moment from actual observation, and I dare say I could ascertain it in a moment from your «League of the Iroquois», but the book does not seem to be procurable in this country.

My hesitation in the matter arises from the difficulty I feel in conceiving a «female» gens, if properly described above, as a self-acting or combatant body, since all the men whom one would suppose to be the kernel of the group would be strangers to it by birth.[1]

Can you also tell me to what extent a «female» gens serves as a real check on the intermarriage of near kin. If an Indian has two wives of different «female» gentes, it is surely impossible that their children can intermarry, though they are not gentile relatives![2]

Pardon my troubling you with these questions, in the interest of our subjects which lie so near together.

Believe me
Very truly yours
H. S. Maine

Hon. L. Morgan

25

27 Cornwall Gardens, London.
July 30th 1878.

My dear Sir,

I have to thank you for your letter and the number of the N. A. Review containing your article on «Montezuma's Dinner». This paper has been already noticed in England and I myself procured a copy of it, which I read with the greatest interest. I have carefully followed all your investigations so far as they are known to me, and in my last book I have spoken of the value of your Systems of Consanguinity and Affinity.[1] I hear with much pleasure that you have a volume in the press.[2]

As you truly say, we have attacked the same subject from opposite sides. I understand you to have begun with observation of the customs of savages, whereas I began as a Professor of Jurisprudence and should very probably have never interested myself in primitive usage, if I had not been profoundly discontented with the modes of explaining legal rules which were in fashion when I began to write. I am still apt to limit my enquiries to ancient institutions which I can more or less distinctly connect with modern ideas and ways of thought.

No doubt the two lines of enquiry promise more and more to connect themselves together, and, if I am not yet prepared to say that the connection has been established, I am quite ready to be convinced whenever the evidence is sufficient. Your work on Systems of Consanguinity etc. carried the evidence

much further than before, and I shall look forward with much curiosity to your new publication. No doubt the history of property is greatly bound up with that of social development, and I suspect that physiology and biology must be called in before all is clear.[3] I myself stumble a little at the unquestioning acceptance by anthropologists of the theological assumption of the descent of mankind from one single pair, which seems to pervade a good deal of present investigation of savage customs.

Believe me
Very faithfully yrs
H. S. Maine

Hon. L. Morgan

26

Master's Lodge,
Trinity Hall,
Cambridge.
Nov. 8, 1880.

My dear Mr Morgan,

The address at the head of this letter will partly explain to you how it is that you have received no reply to the letter which you were good enough to write to me in the early summer. I have left Oxford altogether and have accepted an office at our other University, of which it would be hard to describe to you [the] duties, the «Mastership» of Trinity Hall. My London house I still retain, but I did not inhabit it during the summer and autumn. The chief reason, however, why I did not receive your letter in time was that I was travelling on the Continent with my wife. Even when it came to hand, I could not trace the books mentioned in it, and I only discovered them today in a parcel sent some time since from London to this place.

I have now found your own paper on the Stone Pueblo on the Animas River and two pamphlets By Mr Bandelier on Mexican tenures and Social Organisation.[1] All of these look in the highest degree interesting and I will make no delay in studying them.

I am sorry to have so indifferent an account of your health. I have had myself a return of Indian fever, but the waters of Spa took the remains of it away. Perhaps you have heard that J. F. McLennan is dangerously ill, and I fear hopelessly. I am sorry to say that (as I am told) illness has much increased his acerbity of temper, and he is described as employing himself, as well as he can, on a book which is to annihilate all his imagined adversaries, including myself.[2]

If the books which you have sent to me suggest any questions which require an answer, I may venture to write to you again. Meantime allow me to assure of the deep interest with which I have read everything you have published, even when on some points I do not wholly agree with you.

Most truly yrs
H. S. Maine

Hon. L. H. Morgan

27

POWELL, JOHN WESLEY[1]
(24 III 1834—23 IX 1902)

Department of the Interior,
U. S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region,
J. W. Powell, Geologist in charge,

Lewis H. Morgan Esq.
Rochester N. Y.

Washington, D. C.,
Nov. 16, 1876.

My dear Sir

The first and second volumes of my Contributions to North American Ethnology[2] are in the hands of the Government Printer and the work is rapidly progressing. In addition to the material collected by myself and by my parties, the Smithsonian Inst. has given into my hands all the materials collected by its various collaborators to be consolidated and published with my own matter. Messrs Trumbull[3] Dall,[4] Powers, & Prof. Roehrig are helping me in the work.

I withold all material relating to the organization of society and government among the Indians for further study and I am especially anxious to receive your new work before this subject is taken up again so that we may review the material on hand, and collections of new materials in the light which will be thrown upon the subject by the publication of your researches. Please inform me when you expect your volume will be issued.

Will you be in Washington this winter? I will be glad to confer further with you the proposed work among the Pueblo Indians.

I am with respect
Yours &c
J. W. Powell

28

Department of the Interior,
U. S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region,
J. W. Powell, Geologist in charge,

Lewis H. Morgan Esq.
Rochester, N. Y.

Washington, D. C.,
May 23, 1877.

My dear Sir

I must thank you for your kind letter. Your book was recd in due time and the first night I read until two o'clock. I shall take it into the field with me and in my leisure hours study it carefully, reading it many times. Since its reading I found that I have many facts which fall properly into the system which you have laid out: the meaning of these facts I did not understand before. Had I more fully appreciated your system I believe I could have

Monsieur

Je vous envoie par ce courrier un numéro du Journal dans lequel j'ai rendu compte au Public Français de votre livre: Ancient Society, si bien étudié et qui fait faire, j'en suis convaincu, un pas important à la Science des origines sociales. Ce premier compte rendu sert de tête à un article plus étendu que j'ai adressé à votre Revue Américaine: Radical Review publiée par Mr Tucker à New Bedford. J'avais dans un travail antérieur publié une critique du Primitive Marriage par Mr Mac Lennan. Il n'était que juste que je traitasse avec la même étendue votre livre Mr Lewis Morgan.

Первая страница письма Reclus.

Department of the Interior,

U. S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region,

J. W. POWELL, Geologist in charge.

P. O. BOX 806.] Washington D. C. Nov 16 1876

Lewis H. Morgan Esq
Rochester N. Y.

My dear Sir

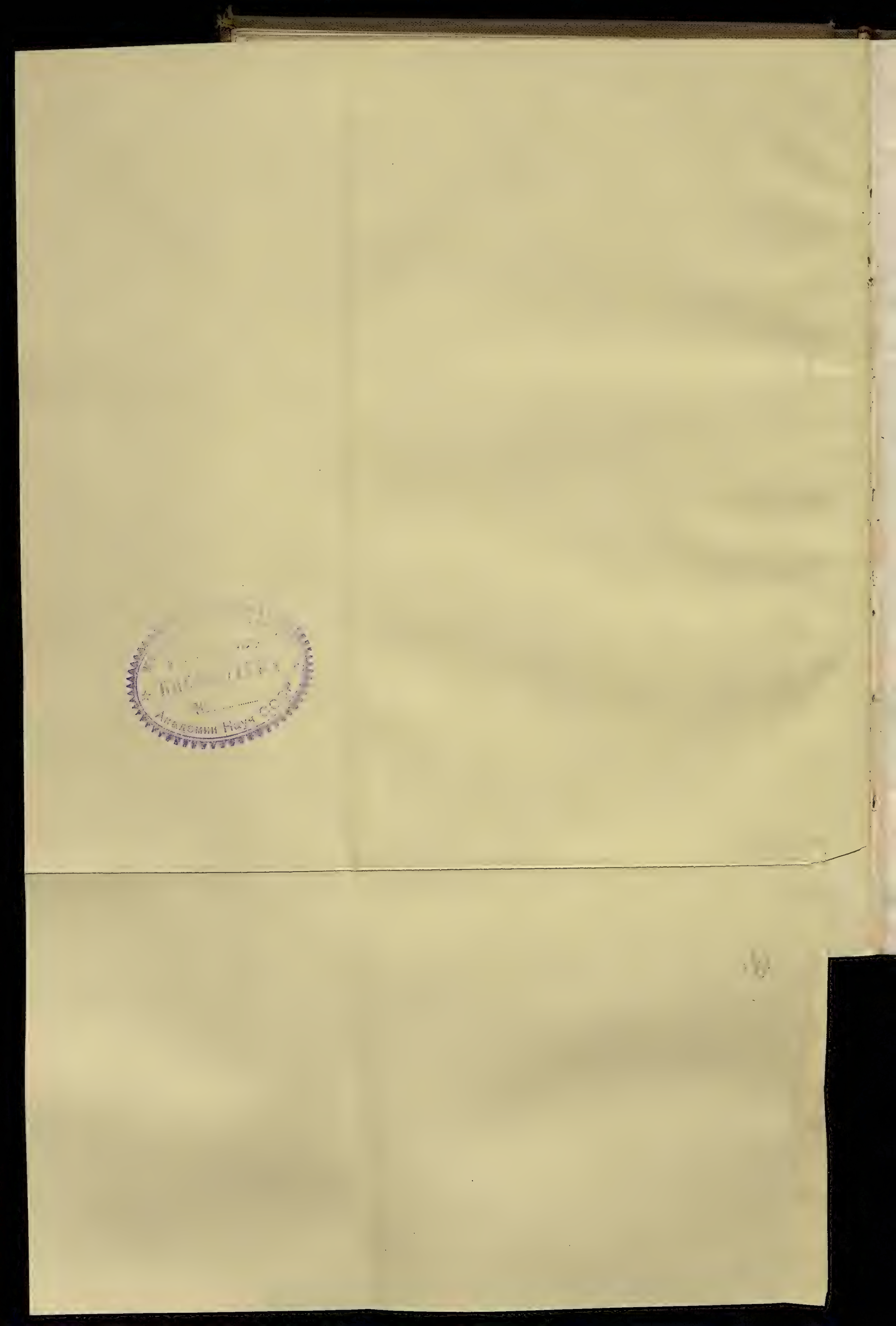
The first and second volumes of my "Contributions to North American Ethnology" are in the hands of the Government Printer and the work is rapidly progressing. In addition to the material collected by myself and by my parties, the Smithsonian Inst. has given into my hands all the materials collected by it from various collaborators to be consolidated and published with my own matter. Messrs Trumbull, Dall, Powers, & Prof [illegible] are helping me in the work. I withhold all material relating to the organization of society and government among the Indians for further study and I am especially anxious to [illegible] our work before the subject is taken up again so that I may review the material in hand, and collection of new materials in the light which will be thrown upon the subject by the publication of your researches. Please inform me when you expect your volume will be issued.

Will you be in Washington this winter? I would be glad to confer further with you [illegible] work among the Pueblo Indians.

Yours with respect
[illegible]
J W Powell

Письмо Powell'а от 16 ноября 1876 г.

(В оригинале последние 7 строк написаны на второй странице.)

given you much additional data. I am fully convinced that you are right in your statement concerning the necessity that American Ethnology should be studied by Americans. American languages have been thoroughly misunderstood by everyone who have written on the subject except Mr Trumbull. American mythology is an incoherent mass of nonsense as it has heretofore been treated, especially by Europeans, but there is a system of exceeding interest and beauty, and I think we shall be able soon to put it on a proper basis. I beg pardon for the egotism exhibited in this remark but I use it simply as an introduction for the following statement. After reading your book, I believe you have discovered the true system of social and governmental organization among the Indians. When I return from the field I hope to have some material which will interest you.

I am with respect
Your obt servant
J. W. Powell

29

RECLUS, MICHEL ELIE[1]
(16 VI 1827—12 II 1904)

Monsieur,

Je vous envoie par ce courrier un numéro du Journal dans lequel j'ai rendu compte au Public Français de votre livre: Ancient Society, si bien étudié et qui fait faire, j'en suis convaincu, un pas important à la science des origines sociales. Ce premier compte rendu sert de texte à un article plus étendu que j'ai adressé à votre Revue Américaine: Radical Review — publié par Mr Tucker à New Bedford. J'avais dans un travail antérieur publié une critique du Primitive Marriage par Mr Mac Lennan. Il n'était que juste que je traitasse avec la même étendue votre livre qui vient compléter et rectifier sur plusieurs points l'ouvrage du savant écossais. Je ne suis pas entré dans la discussion même qui a été soulevée entre vous et dans laquelle vous avez évidemment l'avantage, parceque selon moi le principe essentiel et dont il faut entretenir le public, plutôt que des points secondaires est celui de la filiation maternelle, sur lequel vous êtes d'accord avec votre émule et contradicteur.

Il y a quelques mois, j'étais à New York, et déjà j'étais bien désireux d'aller vous voir à Rochester — mais j'avoue avoir été retenu par le manque de temps et d'argent. Si votre livre eut déjà paru, j'aurais certainement trouvé le moyen de vous faire cette visite et de vous apporter moi même le témoignage de mon respect et de mes sympathies.

Elie Reclus

51 Querstone Road.
Hammersmith. Londres W.
Samedi 1er Décembre (1877).
Mr Lewis Morgan.

30

ROBERTS, T. N.

Mr Lewis H. Morgan

Columbia S. C.
Sept. 2d 1877

Dear Sir,

I hope you will excuse the liberty I have taken in addressing you, but feeling a great interest in the researches you are making into the ancient Constitution (archaic) of Society, I could not refrain from asking a favor of you. I have lately filled the Chair of History in the University of South Carolina — now closed on account of the accession to power of a new political régime — being thus engaged I have taken a deep interest in the investigations you are conducting in this country; as, also, of those by H. Spencer, Maine, Tylor & others in Brittain & on the Continent.

I have just recd your work on «Ancient Society», and I am following its line of argument, with a strong sense of the great problems it opens up to view, as well as the pregnant suggestion and thought with which the work is filled.

The great practical bearing of these questions on the issues of current political events seems to be almost lost sight of by the mousing-politicians of our country.

However, a more adequate sense seems to be slowly growing, that the functions and structure of Modern Society can only be fully understood by studying the archaic forms through which all progress has been attained.

Looking at these researches from a practical standpoint, I regard the investigations made by yourself, Tylor, Maine, Spencer and others of paramount importance, and destined to eventually work a great change in the thought of our time. While speaking of this subject I cannot but sincerely hope that Mr H. Spencer's health may remain sufficiently good to enable him to complete his work, which has been carried to end of Vol. I. Principles of Sociology.

The favor I alluded to is this: I have asked several times of one of our Congressmen to obtain for me a copy of your «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family», but so far there has been a difficulty in getting it.

I would then ask of you, whether you have a copy of this work you could spare; or indicate where I could get a copy of Smithsonian Report containing it — also where I could obtain a copy of the «The League of the Iroquois»?

Hoping that I may not be regarded as intrusive in thus addressing you with no other warrant than I have given.

I remain
Truly Yours
T. N. Roberts

July 19, 1877.

Dear Sir,

I am much obliged by the copy of your work on Ancient Society. It would have been useful to me had I had it earlier, when I was treating of the social composition & of family arrangements. I doubt not hereafter that when I come to deal with political organization I shall find much matter in it of value to me.

Faithfully yours,

Herbert Spencer

Письмо Spencer'a.

31

SPENCER, HERBERT[1]

(27 IV 1820—8 XII 1903)

July 19, 1877.

Dear Sir,

I am much obliged by the copy of your work on Ancient Society. It would have been useful to me had I had it earlier, when I was treating of social composition & of family arrangements. I doubt not hereafter that when I come to deal with political organization I shall find much matter in it of value to me.

Faithfully yours,
Herbert Spencer

* [Mr Herbert Spencer regrets that he must take measures for diminishing the amount of his correspondence.

Being prevented by his state of health from writing more than a short time daily, he progresses but slowly with the work he has undertaken, and his progress is made slower by absorption of his time in answering those who write to him. Letters inviting him to join Committees, to attend Meetings, of otherwise to further some public object, letters requesting interviews and autographs; letters asking opinions and explanations — these, together with acknowledgements of presentation copies of books, entail hindrances which, though trivial individually, are collectively serious — serious, at least, to one whose hours of work are so narrowly limited.

As these hindrances increase Mr Spencer is compelled to do something to prevent them. After long hesitations he has decided to cut himself off from every engagement that is likely to occupy attention, however slight, and to decline all correspondence not involved by his immediate work.

To explain the absence of a special reply to each communication, he sends this lithographed general reply, and he hopes that the reasons given will sufficiently excuse him for not answering, in a more direct way, the letter of Mr

38, Queen's Gardens,
Bayswater, W]

* The following «lithographed general reply» was enclosed in the above letter.

32

VALENTINI, PHILIPP JOHANN JOSEPH[1]

(1824—1899)

Professor H. L. Morgan
Rochester

NYork 5/Dec. 1879.
410 West 20th St.

Dear Sir.

When I first read your «Ancient Society» (it was in Albion last summer), I held your application of the social organization, as it existed among the Indians of North America, to that which was prevailing among the ancient Mexican society, to be an ingenious, but not a very plausible theory.

To day I am somewhat better prepared and informed. I now appreciate fully the wisdom underlying your deductions. Thanks to the work performed by your friend and learned follower, Mr A Bandelier, we are now compelled to accept the facts elicited as an historical truth, and in congratulating science as well as those who succeeded in arriving at so important results, I am but wondering at the circumstance that the latter failed to be recognised for so long a time by all those who claimed themselves to be historiographers of the civilised races of Mexico. Now, being in possession of the fact itself, it is but easy to acknowledge its truth, — were this only upon the consideration, that the Aztecan emigrants, directly or indirectly did belong to the vast stock of Northern Indians, and therefore, more or less must be supposed to have partaken in social institutions, similar, if not identical with those of their neighboring tribes and races. But such is the fate presiding all discoveries, for which Columbus' egg will long remain the most conspicuous and popular example.

As a cooperant on the same field of research and investigation into Mexican prehistory I allowed myself to advise you in these lines and to offer you the two monographs, which I lastly wrote on the Cal. Stone and on Copper tools. Let me also, at this same opportunity not conceal from you the desire I feel to enter in contact with a man whose kind advice and frank criticism I am heartily prepared to accept with gratitude and respect.

Sincerely yours
Ph. Valentini

33

WARD, J. H.

REGISTER IN BANKRUPTCY.

ATTORNEY AT LAW,

Office № 206 Jefferson St., opposite Court-house.

Mr Lewis H. Morgan
Rochester. N. Y.

Marquette Mich
17th Sept 1878

Sir.

I have felt so much pleasure in reading your «Ancient Society», and gained so much valuable information from your book that I feel like expressing my gratitude to you for the work and the manner in which you have performed it. In reading with a view to publishing a pamphlet on Representation. And more particularly in regard to the German Tribes as they first appear in history. I began to doubt the authorities which held monarchy to have been the archaic form of Govt. And to doubt whether the right of Sufferage in a Democratic Govt was entirely conventional. Whether it might not more properly be called a natural right. In this state of mind, and determined to investigate these questions for the next year or two in my non-professional reading you may perhaps dimly imagine what a mine of valuable facts your book proved to me. Knowing the generous wish such men feel to help all searchers after truth I will ask you if you know any authorities that will throw light on the question of whether voting is a natural or conventional right that you refer me to them.

As an atty at law your history of the development of the family and the rules of inheritance was of unusual interest to me.

Again thanking you for the publication of the book, that I shall consider one of my greatest treasures

I am &c
Jno. H. Ward

As a Hay-fever sufferer I am temporarily here. I send you my pamphlet.

34

WHITE, RICHARD GRANT[1]
(1821—1885)

118 East South St.
New York April 5th 1878

Dear Sir

I am far from professing or wishing to be regarded as an authority on such questions as that which your letter entrusts to me, or any other. Some knowledge of my mother tongue & some acquaintance with its literature is all to which I can pretend or have ever pretended.

I will not undertake to say whether monogamian is admissible or inadmissible. I think however that I should for myself have been contented with monogamous. I am inclined to the opinion too, that monogamy in the best English usage means absolute limitation to one sexual-mate for life, & not limitation to one at a time. But your monogamian may be right. The English of the Saturday Review is generally very good; its criticisms of the English of others frequently ignorant & captious. This I must say although it has been very civil to me.

Yours Very Respectfully
Rich. Grant White

L. H. Morgan Esq.

1

ADAMS HENRY[1]

Beverly Farms,
14 июля 1877.

Мой дорогой сэр,

Книгу я получил в сохранности. Причину, по которой я не дал знать об этом раньше, я уверен, Вы сочтете уважительной. Я хотел прочесть ее и подумать о ней с тем, чтобы написать Вам по этому вопросу. Работа, свалившаяся на меня к концу академического года, и мой уход из колледжа, вместе с некоторыми другими причинами, настолько мешали мне, что я все еще не прочел Вашей книги целиком. Однако, думаю, я настолько ознакомился с ней, что могу писать о ней с достаточным пониманием.

Часть книги, относящаяся к нашим индейцам, меня очень интересует и заполняет пробел, который я уже давно хотел видеть заполненным. Она должна быть основой всех будущих работ в области американской исторической науки, и я горячо надеюсь, что без всякого промедления будет приступлено к такого же рода изучению сохранившихся индейских племен, которые наименее соприкасались с цивилизацией. Я никогда не упускал и впредь не буду упускать случая подчеркивать нашим ученым и учреждениям необходимость внимательного научного исследования законов и обычаев оседлых индейцев и тщательного собирания всех материалов, которые пока еще существуют, но будут существовать очень недолго. Ваше влияние может быть решающим в организации такого предприятия. Вы встретите горячее сочувствие у таких людей, как проф. Marsh,[2] Clarence King,[3] Alexander Agassiz,[4] Pumpelly[5] и, я не сомневаюсь, у всего Смитсоновского института,[6] равно как и у майора Powell'a[7] и у наших различных национальных технических или изыскательских отрядов. Работа должна быть начата немедленно, и ее объекты должны быть так определены и разъяснены, чтобы исследователи и путешественники могли понимать поставленные цели. Если Вы возьмете на себя руководство в этом деле, я верю, что кое-что будет достигнуто.

Я не могу быть компетентным судьей Ваших глав о греческом и римском обществе; эту отрасль я всегда принимал на веру за неимением времени проработать ее. Зато я себя чувствую дома в вопросе о германцах, и здесь я не мог не поразиться отсутствием родовой организации, которая является столь существенной частью той стадии развития, на которой находились древние германцы. Вы также заметили этот пробел и объяснили его. Я все же еще не совсем ясно представляю себе причины этого. Я вижу только два возможных пути для его объяснения: либо германцы перескочили через эту стадию, либо еще не дошли до нее. Я думаю, что причина в первом; но если это так, германцы должны были обладать весьма замечательным инстинктом организации государства. Это, действительно, верно для них и в других отношениях и проявляется во всех их учреждениях. В последних я не нахожу никаких следов религиозного или жреческого влияния, никакого признака произвольной власти ни в семье, ни в государстве, и даже никакого следа социального угнетения женщин и детей, столь обычного в других местах. Германцы всегда проявляли гениальность в согласовании свободы с законом, широкой политической организации с крайней индивидуальной вольностью. Их законы, мне кажется, показывают, что они цеплялись за свое старое общинное собрание, как за излюбленный строй общества, и, сохраняя о б щ и н у, превратили род и семью в чисто частную, лишенную общественного значения организацию.[8]

В связи с этим вопросом я с удовольствием обратил внимание на Ваше замечание (стр. 25) о влиянии домашних животных на развитие арийской расы. Я предполагаю, что в пользу этого могут быть приведены дальнейшие иллюстрации юридического порядка. Я сильно подозреваю, что древнейшей — если не вообще, то без сомнения древнейшей арийской гражданской судебной процедурой является процедура по обратному получению похищенного скота, которая описана в «Англо-Саксонском Праве», стр. 202. И очевидно, что возникновение частной собственности на большие стада скота, должно было сделать необходимой детальную разработку юридических понятий. Арийцы являются создателями гражданского права. Арийский ум имеет как бы естественную склонность к этому. Так эти сложные влияния действуют и взаимодействуют в истории человеческого прогресса. Обстоятельства требуют пастушеской жизни. Пастушеская жизнь благоприятствует развитию больших физических и умственных сил, по сравнению с менее благоприятным образом жизни. У наиболее преуспевающих пастушеских рас появляются новые потребности в охране собственности; их практический ум поворачивается в сторону права; а все остальное следует логике окружающих условий; наиболее способные ветви расы, наиболее крепкие побеги растут и процветают; с течением времени мы получаем Lex Salica,[9] Corpus Juris Civilis[10] и Английское обычное право.

Я очень жалею, что Schweinfurth,[11] путешествия которого по Африке открывают такие возможности в области изучения варварства, не изучал

юридической стороны учреждений этих многочисленных скотоводческих племен Центральной Африки.

О Вашей полемике с МакЛеннаном я ничего не скажу. Он безнадежно ошибается и, я думаю, это признается почти всеми. В последнем издании его книги к совершенно дикому теоретизированию прибавился еще и очень дурной тон. Вы возражали ему вполне корректно.[12]

Ваши последние две главы, которые в некотором отношении для меня наиболее интересны, я еще не читал, хотя и бегло просмотрел. Я очень признателен за те сведения, которые они содержат, и я надеюсь, что они смогут быть в будущем переработаны Вами в книгу. История собственности есть история права, а история права — это лучшее, что человек может дать.

Теперь, когда я оставил профессуру и порвал связи с Кэмбриджским университетом, сомнительно, чтобы я когда-либо вернулся к практическому изучению этих вопросов. Если бы «Северо-Американское Обозрение» было в моих руках, я с большим удовольствием привлек бы внимание к Вашей книге. Но я теперь не имею никакой связи с периодическими изданиями. На-днях я надеюсь встретиться с Вами и обсудить эти вопросы.

Искренне преданный Вам
Henry Adams.

2

ALVORD, BENJAMIN[1]

Capon Springs,
Virginia,
31 июля 1877.

Мой дорогой сэр,

Я пробыл здесь несколько недель и вернусь в Вашингтон 3 августа. Читал Ваше «Древнее Общество», и должен еще до отъезда подтвердить получение Вашего интересного письма по вопросу о пастушеской жизни для индейцев, которых теперь переводят на мирное положение в пределах территорий Вайоминга и Дакота.

Природные ресурсы высоких плоскогорий Скалистых гор не были достаточно известны до окончания работ по проведению Тихоокеанской железной дороги в 1869 г. Хотя я и знал о достоинствах пучковых[2] и других высыхающих на корню трав[2] на востоке от Сиерры и Каскадных горных цепей в Калифорнии и Орегоне (я провел до 1865 г. двенадцать лет на территории Орегона и Вашингтона), однако, пока я не попал в Омаху в 1869 г., я не мог оценить их значения и универсальности. Только тогда я стал понимать особенности зимнего обитания и зимней пастьбы скота в области Скалистых гор. (Я обещал Американскому Географическому Обществу статью или доклад по этому вопросу.)[2] Последняя [т. е. пастьба] является наиболее ценной на высоте от 2 до 3 тыс. фут. над у. м. Что касается зимнего пребывания на военных постах, как, напр., форт Fetter-

man, Wyoming, и форт Garland, New Mexico, (9300 фут. над у. м.) и форты: Sanders, Steele и Bridger (7200 фут.), то войска чувствуют себя хорошо и бодро, и, таким образом, если бы были найдены промышленные занятия для применения труда большого населения, эта область могла бы быть полностью заселена, подобно Квито, Кашмиру и другим высокогорным областям.

Телеграфные отряды, которые во время войны строили телеграфную линию на Сан-Франциско, впервые полностью убедились в том, что их животные переносят зиму без крова и, питаясь высохшей на корню травой, оказываются весной в прекрасном состоянии.

Тепло и влажность создают условия для гниения трав; и, таким образом, зимой, особенно в конце ее, подножный корм для скота в Техасе становится очень плохим, и получается парадокс, что в Нью Мехико или Колорадо, на несколько тысяч футов выше, животные оказались бы в лучших условиях. Техас всегда считался раем для скота. Но это справедливо только для лета и осени, а не для зимы.

Пучковая трава встречается в изобилии в восточном Орегоне, от Dalles до Walla-Walla. Ввиду сухого климата она высыхает на корню и обычно дает животным обильный и прекрасный корм всю зиму. Но эта область слишком низко расположена, всего от 500 до 700 фут. над у. м. Зимой 1852 и 1853 гг. снег выпал в Dalles в начале декабре, затем несколько подмерз и образовал плотную ледяную корку на всей поверхности земли, так что сделал траву недоступной для животных (для скота эмигрантов, выпущенного с осени на зимние корма). Умирающий с голоду скот приходил большими стадами к военным постам и мычал самым жалобным образом, прося пищи.

Все это не случилось бы на возвышенностях, лежащих 2 или 3 или 4 тыс. фут. над у. м., как, например, в горных областях Idaho, Utah, Wyoming и т. д. и т. д. Там так холодно и снег такой мелкий, что он никогда не тает и образует сугробы лишь на небольшом пространстве и, таким образом, никогда не закрывает животным доступа к траве. Там он никогда не превращается в лед на телах животных. Будучи очень мелким, он не липнет, но спадает прочь и тем самым не губит несчастных быков и овец. Только для овец требуются навесы или прикрытия, чтобы защитить их от северного ветра, но не для других домашних животных. Это наилучшее место для овец, кашмирских коз и т. д. и т. д. — лучшая шерсть выращивается на больших высотах.

Cherokee[3] или Choctaw,[4] или Nez Percés,[5] по мере того как они становились полуцивилизованными, переходили к земледелию, а не к скотоводству. Почему? Потому что мы, белые, сами не знали возможностей зимней пастьбы в Скалистых горах. Будучи новой для нас, или сравнительно новой, эта идея не была предусмотрена нашей программой, так как она не приходила нам в голову. Полковник Stanton, один из моих казначеев, который был с генералом Crook во всей этой области от форта Laramie

до долины Yellowstone включительно, недавно мне писал, что генерал Crook предложил и отстаивает именно направление Sioux[6] в какую-нибудь резервацию в пределах этой области, с тем, чтобы они перешли к скотоводству.

Генерал Sherman и генерал Sheridan находятся сейчас в этой самой области и, я полагаю, вернутся расположенными в пользу такого плана.

Полковник Anson Mills, который прибыл из агентства в Red Cloud, рассказывал месяц тому назад, как генерал Crook спрашивал агента по делам индейцев, был ли испробован кто-нибудь из индейцев в скотоводческом деле гуртовщиками или крупными скотопромышленниками. Тот ответил: «Нет, это противоречит правилам Департамента по делам индейцев».

Это чертовский формализм!

Дело в том, что Бюро по делам индейцев должно быть возвращено Военному департаменту. До 1850 г. оно и находилось в ведении этого Департамента. И никогда не было никаких жалоб. Такого всеобщего недоброжелательства управление делами индейцев к себе не вызывало. Оно было передано новому Департаменту внутренних дел, чтобы дать ему занятие. Но это был промах.

Под управлением Военного департамента был бы (и действительно был до 1850 г.) тот же аппарат, но было бы единство. Теперь же — разнобой. Ничего постоянного или установленного в системе управления. Так как граница между миром и войной неустойчива, индейцы часто переходят из ведения Департамента внутренних дел на попечение Военного департамента и обратно. Агенты по делам индейцев менялись так часто, что тактика управления и традиции утрачены, а особенности главных вождей неизвестны новичкам. Предупреждения дружественно настроенных вождей (на которых можно положиться) не принимаются во внимание, не ценятся, потому что эти новые агенты не знают их индивидуальных особенностей и того действительного значения, которое надо придавать их предупреждениям или протестам.

Вы себе легко представите тот хаос, который в силу этого царит в некоторых агентствах по делам индейцев. Сопоставьте это с устойчивостью и пожизненной связью, какие были между агентами Hudson Bay Company и их индейцами. Неудивительно, что они лучше справлялись со своими индейцами. Правда, в Британской Америке, там, где Hudson Bay Co. недавно была у власти, совсем не встречались или встречались сравнительно редко эмигранты. Но, отдавая все должное этому явлению, надо все же признать, что вполне осознанная и твердо установленная политика этой Компании, которая никогда не прекращалась, не забывалась и не ослабевала, имела, в противоположность нашему управлению делами индейцев, большой успех.[8]

Реформа гражданской службы, если под этим понимать постоянство гражданских агентов в любом бюро, необходима в Департаменте

по делам индейцев в большей степени, чем в каком-либо другом Департаменте государственного аппарата.

Полковник Stanton пишет мне, что на каждом совещании, которое генерал Crook имел с индейцами, последние всегда выражали желание иметь скот. Они имели лошадей, но никогда не имели скота. И, как Вы выражаетесь, не знают молочной пищи.

Офицер, который имел соприкосновение с Naviyoes[7] в Нью Мехико, говорит, что они употребляют коровье, козье и даже овечье молоко. Они имеют громадные стада овец. Их имеют и богатые и бедные индейцы, и это в течение столетий. То же самое относится к индейцам пуэбло, только они держат коров и быков, а меньше овец. Овцы являются специальностью Naviyoes, которые действительно полуцивилизованы.

Naviyoes занимают южную и более теплую часть плато Скалистых гор. Но, несмотря на то, что им в течение такого долгого периода была известна зимняя пастьба, я не думаю, чтобы старые охотники и трапперы в местностях, лежащих еще дальше на север, как белые, так даже и индейцы, знали бы о тех возможностях, которые таит в себе все плато для зимней пастьбы. Офицеры, которые принимали участие в недавних военных операциях в Yellowstone, сообщают мне, что даже в «Bad Lands» войска находили как зимой, так и летом обилие пучковых трав для всех животных, которые были с ними в экспедициях.

По получении Вашего письма, я посетил президента Hayes и упомянул Ваше имя, коснулся Ваших взглядов и Ваших работ. Он видел некоторые из Ваших трудов, и я думаю, что если Вы его теперь посетите, Вы найдете его расположенным к переговорам с Вами. Он ссылался на одного генерала (предполагаю, что это Crook), который говорил с ним на эти темы. Он будет в Беннингтоне (Вермонт) 16 августа на годовщине битвы при Беннингтоне. Я предполагаю быть там, так как я уроженец Вермонта (а мой дед участвовал в сражении). Я был бы очень рад встретить Вас там или в любое время в Вашингтоне.

Извините за такое бессвязное письмо.

Я прочел Вашу книгу «Древнее Общество» и восхищен ее основательностью. Мою статью о племени Nez Percés Вы найдете в пятом томе большого труда in quarto Schoolcraft'а об индейцах.[8]

С глубоким уважением
Искренне Ваш

Benjamin Alvord.

Л. Г. Моргану, доктору прав,
Рочестер, Нью-Йорк.

3

BACHOFEN, JOHANN JAKOB[1]

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Йорк.

Basle, Switzerland,
14 мая 1878.

Дорогой сэр,

Ваше любезное предложение преподнести мне экземпляр Вашего нового труда «Древнее Общество» получено мной сегодня. Как большой поклонник Вашего первого выдающегося труда о Системах родства,[2] я не замедлил приобрести в Нью-Йорке вышеупомянутую книгу «Древнее Общество» несколько недель тому назад с намерением изучить ее в течение этого лета. В настоящий момент я дошел только до 50-й страницы; этого начала достаточно, чтобы побудить меня, не щадя ни труда ни времени, преодолеть этот объемистый трактат. Мне тем более любопытно познакомиться с Вашими взглядами на стадии человеческого прогресса, что книга Мак Леннана «Studies in ancient history» (Лондон, 1876) кажется мне крайне неудовлетворительной в отношении содержащихся в ней критических замечаний по поводу древних систем родства.[3] Исторические вопросы не терпят при обращении с ними мудрствований адвоката, как это имеет место при рассмотрении дел в суровом суде.[4] Они являются только объектом наблюдения — наблюдения натуралиста, который посвящает себя целиком фактам, доступным его микроскопу. Собирать эти факты должно быть главной целью наших усилий. Я уверен, что Ваш последний труд значительно расширит сокровищницу тех материалов, которые предназначены служить краеугольным камнем для всех наших систем и личных взглядов. Системы варьируют и допускают изменения по мере того, как увеличивается число известных нам фактов, одни только материалы остаются неизменными и обеспечивают нашим трудам постоянную ценность. В течение последних лет я посвящал много времени усиленному чтению, добывая, не без большого труда, старые и современные работы, необходимые для преследуемой мной цели. Что же касается древних американских племен, я до сих пор еще очень плохо обеспечен литературой о них. Мой интерес к этой части человечества нуждается в поддержке и дружеской помощи со стороны человека, столь глубоко осведомленного в литературе о туземном населении Вашего континента, каким Вы себя проявили в Ваших многочисленных трудах.

В настоящее время предметом моего специального исследования являются отношения между братом и сестрой, между братом и племянником или племянницей по сестре, т. е. вопрос о дяде по матери, о римском avunculus, вопрос, так близко связанный с системой исключительно материнского родства.[5] Всякое сообщение фактов, способных показать отличительные черты этой особенной родственной связи у древних американских племен,

будет принято мной с сердечной благодарностью. Индейские народности, кажется, придавали исключительное значение родственным отношениям между дядей по матери и племянником, и в этом они похожи на другие человеческие расы. Эта особенность приводит нас к самому началу существования нашей расы и сопровождает нашу историю через все стадии развития, начиная от дикости через варварство вплоть до наступления цивилизации, лишь незначительно меняясь в своем значении и цели в связи с развитием семьи от своей материнской формы до остающейся в силе еще до сих пор отцовской. Если мне будет позволено назвать специальный труд, на который мне встретилось столь много ссылок, я отметил бы Вашу историю лиги ирокезов.[6] Другим источником большого интереса должны быть материалы, собранные при правительственных обследованиях индейцев, но ценнее всего — подлинные предания, мифы и песни самих индейцев, собранные стараниями современных исследователей.

Возвращаясь опять в Вашему последнему труду «Древнее Общество», прошу Вас передать предложенный Вами мне лично экземпляр университетской библиотеке, которая с большой радостью предоставит его для общего пользования интересующейся публике. Надеюсь, что Вы сохраните ко мне те дружеские чувства и благосклонное внимание, о которых свидетельствует в столь лестной форме Ваше письмо от 29 апреля.

С глубоким уважением
Искренне Вам преданный
J. J. Bachofen.

2. Place de la Cathédrale.
Basle, Suisse.

4

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Иорк.

Bâle,
21 ноября 1878.

Дорогой сэр,

После того как я проштудировал Вашу книгу «Древнее Общество» с начала до конца, я не могу удержаться от выражения ее автору искренней благодарности за ценный вклад в дело систематического изучения предмета, столь близко связанного с моими собственными исследованиями. Исследование систем родства и свойства, в особенности северо-американских индейцев,[1] вместе с настоящим трудом сделаются точкой отправления для целого ряда открывающих новые перспективы исследований того периода человеческого существования, на который до сих пор так мало обращалось внимания. Свет, пролитый теперь на множество фактов в преданиях древних европейцев классического мира, не только подтверждает точки зрения, содержащиеся в моей книге «Материнское Право», но и

способствует в весьма значительной мере открытию большого количества отдельных пережитков периода варварства, сохранившихся при совершенно ином образе мышления, на высшей стадии древней цивилизации. Отдельные места, которые до сих пор не возбуждали никакого интереса, приковывают теперь наше внимание и становятся вполне понятными. Так, на днях меня поразило одно выражение у Виргилия в его Энеиде (12, 515). Онит, приверженец Рутула Турна, убитый в сражении победителем Энеем, обозначен там: «по имени Эхионнец, из рода матери — Перидии». Беспомощность как древних, так и современных интерпретаторов очень разительна. Исходя из принципов патриархальной римской семьи, они рассматривают оба выражения — nomen и genus — как идентичные и переводят и то и другое через «сын», а именно: сын фиванца Эхиона — с отцовской стороны; сын Перидии — с материнской стороны.[2] Многочисленны случаи подобного непонимания как римской, так и греческой литературы. Интересным с другой точки зрения является одно место у Павла Диакона в его книге: «De Longobardorum origine et gestis» (2, 7). Говоря о вторжении Альбоина на территорию Форума Юлия, автор рассказывает о назначении Альбоином своего племянника (вероятно сына своей сестры) Гизульфа на должность управителя захваченной территории и продолжает следующими словами: «который (Гизульф) сказал, что он примет на себя управление этим государством и народом не ранее, чем ему будут выделены для поселения те лангобардские pharas, т. е. колена, которые он сам пожелает выбрать. Таким образом, он получил с согласия короля те лангобардские prosapiae, которые он преимущественно желал для совместного жительства, и только тогда он получил звание предводителя». Мы не будем далеки от истины, если допустим, что лангобардские pharae, generationes и prosapiae были родами и даже племенами лангобардского народа,[3] размещенные Гизульфом по тому же территориальному принципу, который был для них обычным на их германской родине.

На высокое значение родственных отношений между дядей по матери и племянником, отмеченное у Тацита,[4] часто встречаются намеки и в древней эпической поэзии: в Нибелунгах,[5] в Беовульфе,[6] в Эдде[7] и т. д. Этот факт показывает, что счет родства по женской линии был некогда основным законом германских племен вообще. Салическая Правда, в своих титулах Chrenecruda и Reipus, которые так смутно понимались и так жестоко искажались целым рядом интепретаторов, получает на основе этой системы свое полное объяснение.[8]

Я не совсем согласен с Вашим толкованием замечания у Цезаря о полиандрии у бриттов.[9] В одном месте у W. Ellis (Polynesian Researches, p. 124) описывается, кажется мне, подобный обычай:[10] «Сообщают, что братья или члены одной и той же семьи иногда меняются своими женами, между тем как жена каждого отдельного человека является в то же самое время и женой его haio или друга». В этом сообщении можно усмотреть пуналуальную семью; haio соответствует первоначальному смыслу punalua·

Чтобы не надоесть Вам большим количеством подобных цитат, я предпочитаю ждать получения книг, о которых мне было сообщено в письме Департамента внутренних дел, помеченном «Вашингтон, 11-го июня» и подписанном помощником секретаря — A. Bell. Ни один из перечисленных документов мне еще в руки не попал. Так как со времени получения письма с сообщением о документах прошло уже 6 месяцев, я начинаю беспокоиться, не оставлен ли этот вопрос, в силу какой-либо случайности, без дальнейшего внимания. Сообщение по этому поводу Смитсоновского института меня очень обязало бы. За это время я получил другую посылку. Около 6 недель тому назад мной получено 2 тома Трудов Общества — Peabody, содержащих весьма тщательное и в высшей степени интересное описание жизни и учреждений древней Мексики,[11] которое является очень полезным добавлением к Вашей главе о Мексике в «Древнем Обществе». Так как мой учитель и коллега, покойный G. Müller,[12] проф. теологии университета в Базеле, издал около 20 лет тому назад свою работу «Über die Amerikan. Urreligionen», мой интерес к этой области американской археологии в течение долгого времени поддерживался и приятно возобновлялся этим ученым трудом. По всей вероятности, именно Вам я обязан за это послание и мой долг выразить Вам свою благодарность.

Больше не прибавлю ни слова.

Ваш

Д-р J. J. Bachofen, профессор.

5

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Йорк.

Bâle,
24 февраля 1879.

Мой дорогой сэр,

В ответ на Ваше дружеское письмо от 17 декабря я с радостью сообщаю Вам о получении нескольких документов о северо-американских индейцах, чем я обязан Вашему любезному посредничеству. Мне хотелось бы знать, на какой срок мне разрешено будет задержать у себя эту ценную посылку и когда она должна быть возвращена ее собственнику — Вашему правительству в Вашингтоне. Я надеюсь, что Вы будете так добры — при случае сообщить мне об этом. Что касается Вашей книги «Древнее Общество», я очень жалею, что не поставил Вас в известность о том, что она достигла места своего назначения. Она была доставлена мне значительное время тому назад и находится теперь в руках г-на Феликса Либрехта,[1] профессора бельгийского Атенеума в Льеже, ученого, которого я считаю наиболее подходящим, чтобы дать обстоятельный отзыв о ней в некоторых литературных обозрениях нашего континента, и который известен публике своими статьями подобного рода о разных английских изданиях.

Вопрос, который Вы затрагиваете в Вашем последнем письме, — о происхождении и сущности римского рода, — является предметом широкого изучения и, несмотря на все сделанные попытки, до сих пор еще не разрешен. Наши авторитеты в области истории древнего мира осветили этот вопрос далеко недостаточно для того, чтобы разъяснить раскрывающиеся перед нами различные его стороны. То, что мы знаем с полной достоверностью, можно свести к трем положениям, а именно: 1) род был исключительно у патрициев; 2) род владел исключительным правом на ауспиции и поэтому носил религиозный характер, что сохраняло его каждый раз при изменении формы управления; 3) род был теснейшим образом связан с системой патернитета в моногамных браках патрициев исключительно между собой. Брак между различными родами, как видно, разрешался с самого начала, но не требовался обязательно по закону. Gentis enuptio, как привилегия, простиралось, кажется, только на категорию вольноотпущенниц и может рассматриваться как остаток общественной системы, которая в историческое время потеряла свое влияние на родовую организацию.[2] Из трех вышеназванных особенностей наиболее выдающейся является та, которая относится к религии, и на нее больше всего указывают римские историки. Священный характер рода и в силу этого патрициев вообще составляет истинное отличие этой части римского общества от плебейской массы квиритов и образует основу, на которой покоилось само существование Рима как политического организма. Вплоть до времен римской империи патрицианские роды представляли собой звено, связующее государство с его небесными творцами и хранителями, которые отказывались иметь сношения с кем бы то ни было, кроме патрициев — исключительных выразителей их воли и предначертаний. Здесь мы видим, что римские роды приобретают значение политического учреждения уже с первых дней образования города, и таким образом мы оказываемся весьма удаленными от естественного роста этих кровнородственных единиц. Не исключена возможность (а часто это даже высказывалось как вероятное предположение), что с самого начала роды являлись искусственным объединением семей, не связанных между собой кровным родством, и что создатель римского государства, только пренебрегая родством, был в состоянии придать своей организации ту симметрию и равновесие, которые кровнородственные связи (если бы их строго придерживаться) не могли бы обеспечить в такой же мере. Я не берусь решить такой трудный вопрос; но во всяком случае естественную историю родов следует искать в доримском периоде, так как организация государства положила конец родовому принципу варварских народов. В этом основная разница между римлянами и американскими индейцами, которые никогда не доходили до соответствующей стадии политического развития, даже наиболее развитые из них — ирокезы со своей конфедерацией. Отсюда та крайняя осторожность, которую мы обязаны соблюдать при сравнении этих двух народов: римлян и ирокезов. Мы ни в коем случае не должны забывать того, что римляне никогда не были нацией, а составляли политическую организацию,

что они даже существованием своим обязаны отрицанию того, что составляет национальность, основанную на общем происхождении, и что в конечном счете с начала до конца только одна идея, а именно идея политического государства, управляла умами всех граждан. Возьмем предание о победоносном Горации, который убил свою сестру, когда она оплакивала потерю своего возлюбленного:[3] не олицетворяет ли оно принцип всей римской истории, а именно, что все естественные чувства, все требования глубокочтимого кровного родства теряют свою силу, как только они вступают в противоречие с идеей политического успеха? Sororium tigillum, как священная эмблема, стоит на границе отошедших веков.[4] Народ квиритов превратился в « populus Romanus Quiritium». В результате этого же процесса был оставлен счет родства по материнской линии. Он принадлежит доримскому периоду, так как позже естественная точка зрения больше не принималась во внимание. Мне совершенно ясно, что в древнейших преданиях могут быть найдены остатки старого зоологического принципа; что род Сильвиев из Альба-Лонги был материнским; что в истории римских царей наследование царской власти по женской линии не было еще совершено упразднено; что широко распространенное преступление отцеубийства не может быть объяснено иначе, как при помощи материтета, комбинированного с формой семьи, еще недалеко ушедшей от грубого промискуитета; — но одновременно с этим я не могу не видеть того решительного сопротивления, которое оказывал Рим этому преобладавшему прежде закону. Ничто не может быть установлено с большей ясностью, чем материнский принцип сабинской семьи: Рим захватил сабинских девушек, включил сабинские кланы в свою общину, но отбросил материнский принцип, как несовместимый с его политической идеей. То же самое можно сказать и об этрусках. Сын сестры последнего Тарквиния не нашел пощады в Риме. Род Фабиев, повидимому связанный с этрусками, оставил свой материнский принцип, сохранив в Риме лишь один признак своего прежнего права, а именно: употреблять в качестве имени предшествующего родовому имени (praenomen) — Numerius.[5] Египет в более позднее время противопоставил господство материтета римскому принципу патеритета,[6] о котором римский юрист в своем заключении утверждал, что он является единственно допустимым в римской империи. Много других еще примеров этой борьбы может быть приведено, но и те, которые здесь даны, достаточно иллюстрируют то, на чем я настаиваю, а именно, что только в доримском периоде следует искать первые шаги италийских наций к развитию того, что мы могли бы назвать естественным родом. Отсюда те затруднения, которые возникают при выработке определенного взгляда на вопрос, чем мог быть италийский род первоначально; классические источники не достаточны для того, чтобы мы могли притти к результату большему, чем гипотеза. Этот период человеческого существования должен быть изучен на основании наблюдений еще до сих пор существующих народов, как Вы это сделали так поучительно и с таким блестящим успехом. Что касается меня, то я еще не решаюсь дать какую бы то ни было критику Вашей главы

о римском роде. Самое детальное изучение вопроса должно предшествовать любой попытке в этом направлении. Этот вопрос слишком важен и для моих собственных исследований, чтобы я его оставил без внимания. Но требуется время для того, чтобы взвесить аргументы, изложенные в Вашем труде, и чтобы сопоставить их с теми, которые выдвинуты г-ном Тайлором в «Academy»[7] и г-ном Жиро-Телоном в его книге «La famille».[8] Я надеюсь, что буду в состоянии коснуться этого вопроса более обстоятельно в будущих письмах.

Около двух месяцев тому назад кураторы Peabody Museum оказали мне честь присылкой 11-го тома (выпуск 1 и 2) их годового отчета, изданного в Кэмбридже в 1878 г. Совершенно не зная, кому я должен выразить благодарность за этот ценный подарок, я был бы обязан Вам за указания на этот счет.

В момент окончания этого письма я получил предложение от Департамента внутренних дел от 7 февраля 1879 г. подписать расписку в получении присланных мне документов. Эта расписка будет уже второй, так как первая была отослана в Вашингтон непосредственно в тот же день, когда я получил книги, а именно 14 февраля с. г., если память мне не изменяет. С моей стороны небрежности не было допущено. Я надеюсь, что секретарь Департамента внутренних дел уже имеет мою расписку.

С глубоким уважением
Преданный Вам
Д-р J. J. Bachofen.

University of Bale.
№ 2. Place-Cathedral.
Switzerland.

6

Basel,
29 октября 1880.

Глубокоуважаемый г-н Морган,

Сегодня я отправил по почте 2 экземпляра небольшого тома мелких статей:[1] один для Вас, а другой для Смитсоновского института в Вашингтоне. Рассмотренные в нем вопросы находятся в тесной связи с материнским правом, и это явилось благоприятным поводом выразить Вам публично, путем посвящения этой книги, мою благодарность за приобретенные мной, благодаря Вашим работам, знания и за Ваше участие в моих собственных изысканиях.[2] Принцип, который положен мной в основу этой книги, тот же, что и высказанный Вами в Вашем последнем труде: я сопоставляю явления так называемой классической древности с подобными же явлениями либо у исчезнувших культурных народов, либо у еще живущих варварских племен, и пытаюсь все то, что кажется загадочным в первых, разъяснить и сделать понятным при помощи последних. Я намереваюсь применить этот метод значительно шире, чем это было сделано в первых 30 статьях, и таким же

образом подойти и к рассмотрению римских родов. Я глубоко убежден в том, что соответствие между ирокезскими (возьмем их в качестве примера) и римскими племенами, как в отношении их внутреннего устройства, так и в отношении принципа конфедерации, совершенно полное, и что только путем сравнительного изучения можно достигнуть большей, чем до сих пор, ясности и истинного понимания. Немецкие ученые, а именно филологи-классики, страдают достойной сожаления односторонностью. Их взор редко простирается за пределы узких границ древнего мира, а иногда даже отдельного его народа. Всякое явление прежде всего ими изолируется, насильственно отрывается от всего того, с чем оно связано; затем оно обсуждается с точки зрения современных ходячих идей, критикуется и, наконец, совершенно опошляется. Все это стоит в связи с прокуренными кабинетами германских ученых и с узостью политических интересов немецкого народа, чей взор не привык к широким горизонтам. Наконец, в этом же направлении действует воспитываемое уже в школе ложное преклонение перед так называемой классичностью римского и греческого мира. Римляне и греки считаются какими-то избранниками, которых никогда не следует сравнивать с варварскими племенами и которые ничего общего не имеют с другими смертными. Для более поздних стадий развития этот узкий кругозор менее пагубен, но он является совершенно роковым для понимания первобытного состояния и первых ступеней развития народов. Последние повсюду подчинены одним и тем же законам и во всех частях света одни и те же. В этих принципах мы с Вами, как я вижу, совершенно единодушны. Но Ваше непосредственное знание туземного американского населения дает Вам значительно более широкие возможности для проведения названных параллелей, чем мне, которому приходится приобретать свои знания только из литературы. Вообще, исключительные условия Вашей страны, в которой действуют мощные двигатели истории и которые доступны для изучения каждому, имеющему глаза, дают большие возможности для расширения кругозора, чего не хватает европейской науке, давно уже одержимой бесплодной критикой самого мелкого пошиба. Я заканчиваю выражением глубокой благодарности за предоставленные мне издания Peabody Museum и прошу сохранить ко мне надолго Ваше благосклоное отношение.

Искренне преданный

J. J. Bachofen.

2. Münsterplatz.
Basel.

7

СПИСОК ПОЛУЧЕННЫХ КНИГ

Archeological Institute of America. First annual Report etc. 1879—1880. Cambridge 1880. 1 vol. 8°.

Annual report of the commissioner of Indian affairs to the secretary of the interior. 1871—1877. (7 volumes)

Ethnography and Philology of the Hidatsa Indians by Washington Matthews, 1877 (one vol.)

Twenty first annual Report of the Regents of the state of New York etc. Albany 1871. (1 vol.)

Annual reports of the trustees of the Peabody museum of American archeology and ethnography, volume II. n⁰ 1. 2. 3. 4 (3 vols.)

Descriptive catalogue of Photographs of North-American Indians by W. H. Jackson. Washington 1877. (1 vol. 8⁰)

Are the Indians dying out? Washington 1877. (Brochure)

Exploration of the Colorade River of the West and its tributaries explored 1869—1872 etc. Washington 1875. 1 vol., in 4⁰.

Tribes of California by Stephen Powers. Washington 1877. 1 vol., in 4⁰.

Contributions to North American Ethnology, volume I. Washington 1877, in 4°.

Bale,
4 января 1881.

Уважаемый сэр,

В ответ на Ваше дружеское и поучительное письмо от 11 ноября 1880 г. и на любезную присылку «Первого Годового Отчета Американского Археологического Института» я считаю своим долгом начать этот год выражением Вам чувства признательности за все дружеские услуги, полученные мной от Вас лично и, при Вашем посредстве, от разных научных учреждений Вашей страны. Значительное число ценных и прекрасных изданий, предоставленных мне и перечисленных на первых двух страницах настоящего письма, свидетельствуют о щедрости, которая выше моей похвалы. Чтобы овладеть содержанием столь многих томов, требуется напряженная работа в течение продолжительного времени, работа, которую я не был в состоянии закончить полностью до настоящего момента. Я ограничился в первую очередь теми статьями, на которые Вы указывали в Ваших письмах, как на наиболее поучительные, в частности, статьями о мексиканцах и о строительном искусстве у некоторых индейских племен. Мое усиленное чтение продиктовано убеждением, что без расширения моих знаний я никогда не приду к настоящему пониманию истинного состояния умов, которым управлялось европейское общество во время основания Рима. Задача историка состоит в том, чтобы показать разницу между тем, что было и что есть теперь. Но такого рода историки являются в наши дни большим исключением: «редкие пловцы в обширной пучине». Особенно немецкие ученые идут по другому пути. Они предполагают сделать античность понятной, трактуя ее с точки зрения популярных идей наших дней. Они видят только себя в творениях прошлого. Отсюда их тупость, выражающаяся в отбрасывании всех преданий, которые не разрешают обходиться с собой подобным образом. Понять склад ума, отличный от нашего,

является трудной задачей: взять варварство само по себе, забывая при этом все, что касается нашей так называемой цивилизации, это считается признаком реакционности, как общественной, так и политической. Что же получается в конечном результате такого тщеславия? Не что иное, как жалкое и искаженное представление о начале человеческого развития, напоминающее картины прошлого века, на которых Кориолан[1] представлен в одежде телохранителя Людовика XIV, а Ветурия[2]—в туалете статс-дамы на придворном торжестве. Во что же превращен Кориолан? — Сказка для детей, не заслуживающая внимания серьезного человека. То же самое, кажется мне, происходит с родами и римскими царями. Они становятся прототипами германского императора и бедной аристократии, которая окружает трон. Во время революции как те, так и другие устраняются с одинаковой ненавистью, как будто они действительно были у власти. Вы видите, что я совершенно согласен с некоторыми из Ваших основных идей. Но в то же самое время я признаю, что остаются большие затруднения, которые не могут быть преодолены, исходя только из принципов родового строя, как это установлено в Вашем труде. Если бы мы имели дело только с туземным населением Италии, задача бы значительно упростилась, и параллелизм с Вашими индейскими племенами был бы совершенно полный. Но нельзя отрицать того факта, что народы, более развитые в политическом и социальном отношении, избрали Италию для своих колоний и обосновались на всем протяжении западного побережья, основывая города и империи путем насилия и завоевания. Этруски и троянцы в Альбе [-Лонге] являются только отдельными звеньями длинной цепи; и греки шли по тому же пути. Сравнение с эмиграцией европейцев на побережья Америки может пояснить мою точку зрения. Но одно большое отличие следует принять во внимание. В Италии два народных элемента смешались и превратились, наконец, в одну гомогенную массу: смешение крови, которое на Вашем континенте не имело места. Теперь мне кажется ясным, что соприкосновение, дружественное или враждебное, этих двух элементов должно было вызвать соединение разных принципов, что не позволяет нам основываться при разрешении проблем, связанных с началом римской истории, исключительно на одном только принципе. Основание вечного города отмечает начало нового периода в италийской истории. Именно упадок прежних форм существования, разложение старых городских центров дали жизнь государству Ромула. С самых первых дней мы можем распознать политическую идею, руководившую этим выдающимся вождем, который воссоединил разрозненные элементы соседних городских центров, пришедших в упадок. Период естественных систем существования отошел в прошлое, и новая идея вступает в силу. Отсюда та жестокая борьба противоположных друг другу принципов, которой сопровождался каждый шаг прогресса в первом столетии. Я заключаю: родовой принцип со всеми порожденными им образованиями является значительным фактором в римской истории, но не единственным. Он боролся за существова-

ние, которое уже оспаривалось. Он еще не совсем потерял свое значение, много следов его, сохранившихся в очень позднее время, указывают на его прежнюю значимость, но существование его в полной силе следует отнести к периоду, предшествующему всем историческим преданиям. Где мы можем надеяться встретить его совершенный образец? Нигде больше, как в учреждениях американских племен. Здесь мы можем непосредственно наблюдать его в полной неприкосновенности, незатронутым какой-либо идеей нового порядка. Здесь мы должны изучать структуру естественного общества, основанного на родстве, чтобы иметь возможность вскрыть в италийском Риме то, что осталось от его первоначальной чистоты, и то, что должно было в свою очередь уступить свое место другим новым требованиям. Носителем древнейших идей, кажется мне, является сабинское племя, представителями же политической идеи были без сомнения римляне. Их преобладание обеспечило Риму то превосходство, которым характеризуется вся его история. Это была новая идея, внесенная в западный мир городом пришельцев и беглецов, которые были враждебно настроены против государств, основанных на более древних принципах. Я думаю поэтому, что историк должен быть двуликим Янусом: он должен понимать как предшествующий период, так и наступающий новый, который придал Риму его выдающийся характер. Но пока довольно: вопрос этот неисчерпаем.

С уважением и благодарностью
Преданный Вам
J. J. Bachofen.[3]

8

BANDELIER, ADOLPH FRANCIS[1]

Highland, Illinois,
8 августа 1877.

Дорогой г. Морган!

Сегодня я посылаю Вам два экземпляра книги «Военное искусство».[2] Г-на Putnam'a[3] я так легко не забуду, так как в данном случае справедливо: «все хорошо, что хорошо кончается». Помимо приятного, более того, элегантного оформления статьи, я обязан ему за сто отдельных оттисков, полученных мной «бесплатно — даром», как говорят корнуэльские рудокопы. Он даже немного переборщил в этом, но ведь я же не могу отослать их обратно и, таким образом, должен буду их оставить и разослать. Это очень любезно с его стороны. Кроме того, он обещает посетить меня в сентябре месяце, что доставит мне большое удовольствие. Если бы и Вы могли прибыть! Сентябрь и октябрь — наши самые приятные месяцы. До ноября я должен буду окончить свою работу «Распределение земли»[4] и прибуду с ней в Рочестер, откуда я намереваюсь отправиться в Бостон и вернуться через Нью-Йорк. С «Распределением земли» трудно, очень трудно справиться. «Harper's Monthly» поместил короткую заметку

о Вашем «Древнем Обществе».[5] Я также видел, что эту Вашу книгу упоминают и хвалят в двух наших главных С.-Луизских газетах. Других, более обширных, рецензий я здесь не имею возможности видеть. Но я нахожу естественным, что до сих пор еще воздерживаются от высказывания мнений. Книга построена на столь новой основе, что серьезные и ученые умы не желают компрометировать себя. Я старался в моей рецензии на нее, которая появится в ближайших двух номерах «Nation»,[6] подготовить почву для будущей критики, путем попытки показать настоящее значение этой книги. Я полагаю, что мои выражения вызовут бурю негодования, так как они, если это возможно, еще сильнее и агрессивнее, чем Ваши. Легче напасть на рецензию, чем на книгу, и я думал бросить приманку ворчунам. Они несомненно начнут, мы можем быть в этом уверены, но они должны иметь повод. Безымянный рецензент является удобной жертвой, а автор с высоким положением и репутацией, устанавливающий новые исходные положения, новую точку отправления в какой-либо отрасли знания, является опасным противником, так как он больше знает в своей области, чем кто-либо другой. Критикуя рецензию, эта публика скорее обнаружит свое лицо.

9 августа: Я послал экземпляр «Древнего Общества» в Mexico. Кроме того, если время позволит, я может быть напишу рецензию на книгу для немецкой газеты. Но самые резкие выпады, однако, последуют из Англии. McLennan[7] и, я думаю, Markham[8] (по вопросам южно-американским) набросятся на нее.

Из Германии я, конечно, ожидаю острую критику, так как все, что не является чисто тевтонским производством, кажется им чуть ли не святотатством. О Франции, на Вашем месте, я бы не беспокоился. Французы раньше или позже согласятся с Вами, пока же они совсем дети в вопросах американской археологии, несмотря на те огромные фактические материалы, которыми они владеют.

Хотел бы еще послать книгу в N. Scituate. На этом я обрываю.

Много, много наилучших пожеланий всем.

Ad. F. Bandelier.

9

BRYANT, W. C. (?)[1]

Buffalo,
26 апреля 1880.

Мой дорогой г. Морган,

Сообщите мне пожалуйста, какие имеются теперь виды на новое издание «Лиги Ирокезов».

Я надеялся увидеть Вас раньше, но много обстоятельств мешало этому. Я надеюсь, что Вы здоровы и неустанно продолжаете Вашу работу пером,

создавая себе, таким образом, бессмертие, на которое не может рассчитывать ни один из беллетристов в этом мире, полном превратностей.

Как часто в небольшом кругу моих домашних говорят о Вас и о тех немногих коротких днях, когда Вы были под нашим кровом! Я молю о благополучии и счастии для Вас и для дорогих Вам.

Весьма преданный Вам
W. C. Bryant.

10

DARWIN, CHARLES ROBERT [1]

Down,
Beckenham, Kent.
7 июня 1871.

Мой дорогой сэр,

Я буду очень рад видеть Вас у себя в любой день, когда Вам это будет удобно; но прошу Вас известить меня заранее об этом. Самое удобное — отправиться с Charing Cross поездом в 11^{15} на станцию Orpington по юго-восточной дороге; ст. Orpington находится в четырех милях от моего дома. Вы прибудете сюда немного позже 12^{30}. Мы будем завтракать в час, и Вы сможете вернуться поездом в 2^{40}. Я сожалею о том, что Ваш визит должен быть столь кратким, но мое здоровье в течение последней недели было очень неважным, и я действительно в состоянии разговаривать с кем бы то ни было лишь непродолжительное время.

Буду очень рад видеть Вас.

Остаюсь, дорогой сэр,
искренне Ваш
Ch. Darwin.

11

Down,
Beckenham, Kent.

Railway Station
Orpington. S. E. R.
9 июня 1877.

Мой дорогой сэр,

Прошу принять мою сердечную благодарность за Вашу большую любезность, оказанную мне присылкой Вашего превосходного труда «Древнее Общество», который я надеюсь в скором времени прочесть.

Искренне Ваш
Ch. Darwin.

12

Down,
Beckenham, Kent.

Railway Station
Orpington. S. E. R.
9 июля [1877][1]

Мой дорогой сэр,

Искренне благодарю Вас за Ваше весьма любезное, длинное и интересное письмо. Я пишу собственно только для того, чтобы поблагодарить Вас, так как ничего больше не имею сказать. Последнее время я так усиленно работал над растениями, что не имел времени даже заглянуть в новую книгу Герберта Спенсера, а Ваш последний труд я имел возможность только бегло просмотреть. Но надеюсь в ближайшем будущем иметь больше времени. Для меня является большим несчастием то, что чтение теперь утомляет меня больше, чем писание, — особенно, если вопрос толкает меня на размышление. Едва ли найдется человек, который был бы большим поклонником гения Г. Спенсера, чем я, но его дедуктивный метод, которым он почти всегда пользуется, никогда меня не удовлетворял, и вывод к которому я постоянно прихожу, таков: «здесь великая мысль, требующая работы многих лет».

Ваша последняя книга должна была стоить Вам больших трудов, и отсюда я заключаю, что Вы совершенно здоровы.

Могу Вас уверить, что я нисколько не забыл моего короткого и очень приятного свидания с Вами.

Примите уверения, дорогой сэр,
в моей искренности
Ваш
Ch. Darwin.

13

ELY, SAMUEL P.[1]

Diamond, Juab Co., Utah,
21 января 1878.

Мой дорогой г. Морган,

Ваше очень приятное для меня письмо от 8-го получено мной во-время, на прошлой неделе. Между прочим, наши письма иногда попадают в Diamond City, Montana, и Почтовый департамент, во избежание этого недоразумения, предлагает нам пользоваться вышеприведенным адресом. Название нашего города не содержит в себе никакого особого значения, и когда наши границы настолько расширятся, что здешняя почтовая контора приобретет известное значение, мы должны будем позаботиться о новом названии.

Мне было очень приятно услышать такие хорошие вести о своих мальчиках. Я узнал от них самих, как прекрасно они себя чувствовали и как тепло их принимали, и я хочу еще раз выразить свою искреннюю благодарность за Ваше и г-жи Морган доброе отношение к ним. Я благо-

дарен судьбе за то, что влияние их матери и ее совместная с ними жизнь продолжались досточно долго, чтобы оставить на каждом из них свой отпечаток. В наше время, время большой активности и возбужденности, велика опасность для молодых людей, вступающих в жизнь, быть совращенными с узкого пути истины и чести; и я слежу за этими критическими годами, которые теперь переживают мои мальчики, с большим беспокойством, которого я не могу даже выразить. Но, с другой стороны, велико удовлетворение, когда испытание благополучно пройдено: и если они вырастут честными людьми и хорошими гражданами, я буду счастлив и благодарен богу. Как бы ни было раньше, но в наше время, кажется мне, принцип свободы в большей мере, чем принцип ограничения должен быть применен в семейном воспитании. Время, когда мальчик начинает распоряжаться собой, наступает быстро, и если он не был воспитан в духе свободы, не был научен самообладанию и не научен руководствоваться в своем выборе разумом и справедливостью только во имя разума и справедливости, то он не достаточно вооружен для борьбы с искушениями, которые со всех сторон обступают его.

Я бы очень хотел, чтобы один из моих мальчиков был здесь со мной, но неблагоприятные условия этого места, в смысле полного отсутствия общественных и культурных возможностей, настолько велики, что я бы не решился взять кого-нибудь из них сюда. Здесь предстоит сделать для создания выгодного предприятия и хорошего общества еще больше, чем в Marquette, когда я впервые туда прибыл. Там уже были налицо зачатки приятного и все развивающегося общества, здесь же — ничего подобного. Я могу себе ясно представить путь развития моего дела, но пока еще не вижу с такой же ясностью, окажется ли это место в будущем достаточно пригодным для молодого человека, чтобы обосноваться в нем и жить. Меня лично оно более или менее удовлетворяет. Кроме желания видеть некоторых людей, к которым я привязан, я в обществе уже не заинтересован; ибо я достиг такого возраста, когда чтение и размышление способны удовлетворить мои интеллектуальные потребности. Но Филиппу пришлось бы довольно туго, если бы я его взял сюда, где все его потребности в обществе остались бы неудовлетворенными и все его общественные задатки остались бы неразвившимися. Что Вы об этом думаете? Я очень хотел бы узнать Ваше мнение по этому поводу.

В связи с этим вопросом я замечу, что хотя мне не кажется вероятным, чтобы при моей жизни здесь возникло высоко-культурное общество, я поставил перед собой в качестве главной задачи, в случае осуществления моих надежд на развитие здесь некоторых больших и доходных рудников, начать проводить план религиозных, социальных и интеллектуальных усовершенствований на благо большого числа рабочих, которые сюда стекутся; так что с процветанием и ростом дела они почувствуют значительное улучшение своих жизненных условий, превышающее то, что они могут получить на свои собственные заработки. Свободные учреждения

нашей страны уже привели к свободе и равенству людей, и если они не создадут также и братства, им не удастся сдвинуть цивилизацию с той точки, на которой она сейчас находится. Братство людей — вот что должно стать доктриной будущего, если мы хотим двигаться вперед. (Цивилизация из-за этого задерживается в своем развитии во всех странах.) Последнее время я много размышлял на эту тему и я хотел бы быть в состоянии составить себе определенное мнение о том, что принадлежит рабочему в большом и процветающем предприятии сверх его заработка.

Я теперь читаю Вашу книгу «Древнее Общество» с той неторопливостью и с тем вниманием, которых она требует и за которые она вполне вознаграждает. Я почти закончил ее и если скажу, что я преисполнен восторгом от ясности мыслей, богатства материала и убедительности аргументации, я лишь частично выражу свои впечатления. Благодаря этой книге грядущими веками будет установлено за Вами имя мыслителя, далеко опередившего свою эпоху. Дело в том, что все наше историческое учение и характер нашей литературы зиждятся на предположении, что царская власть является изначальной и естественной для людей; и может потребоваться целый век после появления правильных суждений по этому вопросу для того, чтобы преодолеть укоренившиеся предрассудки и чтобы, по крайней мере, образованные люди решились на беспристрастное исследование его в научном духе.

Меня очень позабавил рассказ Henry Ward'a[2] об огорчениях нашего бедного пастора по поводу предполагавшихся добавочных ста долларов. Подразумевавшееся при этом необходимое условие (т. е. что он сам должен собрать их) напоминает того неспособного двигаться по усталости мальчика, который имел «сезонный билет» в цирк.

Никаких особых успехов на руднике, о которых я мог бы сообщить, со времени моего последнего письма нет; но все говорит за хорошее будущее; при том немногом, что мы делаем, результаты вполне удовлетворительные. Я намерен поработать один — два месяца более энергично; и тогда, если я осуществлю свои планы, я смогу показать Вам через шесть месяцев хороший рудник.

Капитан Johnson и его супруга просят передать привет.

Свидетельствую свои лучшие чувства г-же Морган.

Искренне преданный Вам

S. P. Ely.

14

FAY, MARIA D.[1]

Cambridge, Mass.,
21 января 1878.

Мой дорогой г. Морган,

Едва ли допустимо прочесть такую книгу, как «Древнее Общество», насладиться ею и не сказать ее автору ни слова благодарности, тем более, когда имеешь удовольствие быть лично с ним знакомой. Разрешите мне,

поэтому, сказать Вам, насколько меня заинтересовала Ваша книга и в особенности, какое я получила удовольствие от мысли, что все те наблюдения и исследования среди индейцев, которые Вы предприняли, как я полагаю, по искреннему увлечению и без какой-либо предвзятой теории — нашли теперь свое применение в обширном вопросе о древнем обществе и осветили его столь ярким образом. Вначале я была весьма смущена мыслью о низком своем происхождении, но если принять во внимание вечность, то окажется вполне резонным, что период в 4000 лет до Р. Х., указанный в школьных книгах, не является началом вещей, и отрадно думать, что, так сказать, все эти сотни тысяч лет не пропали даром. Все же можно продолжать относиться с благоговением к книге Бытия, как к истории Нового или Духовного Адама, когда идея закона или долга впервые сделала Человека как бы живой душой. Благодаря новой идее развития, вся история получает более глубокое значение и существующий порядок вещей — гораздо большую последовательность.

Я надеюсь, что когда Вы опять будете в Бостоне, у Вас найдется немного времени, чтобы посетить нас в Кэмбридже. Мне хотелось бы слышать Ваш разговор с г. Sophocles'ом [2] — достойным представителем древних греков, который является нашим ежедневным посетителем. Мы имеем свободную комнату, которую мы с радостью предоставили бы Вам и г-же Морган. Я хотела бы, чтобы Вы передали г-же Морган горячую благодарность от г-жи Greenough [3] и от меня за любезный прием, оказанный мальчикам Hally во время праздников. Рождество прошло у нас особенно радостно от сознания, что они находятся под Вашим кровом.

Искренне преданная Вам

Maria D. Fay.

15

FISON, LORIMER [1]

Navuloa, Fiji,
28 августа 1877.

Мой дорогой сэр,

Ваше письмо от 15 мая мной получено, равно как и Ваша книга «Древнее Общество», которую я читаю тщательно и медленно, с величайшим наслаждением. Я не разрешаю себе более одной главы в день, и то только по тем дням, когда у меня больше свободного времени, с тем, чтобы я мог обдумать и усвоить Ваши замечания. Мне кажется, что Ваш труд предоставляет возможность г-ну Хауитту и мне составить теперь, на основании материалов, которые нам дают австралийцы и другие племена, статью о «сегментации рода» и о влиянии «патриархальной семьи» (под этим термином я подразумеваю полигамию без одновременной полиандрии и счет родства по отцовской линии), — именно той формы семьи, которая существовала (т. е. фактически бытовала, а не той более древней формы, которую нам вскрывают термины родства) на островах Фиджи, когда я

впервые туда прибыл. Я осмеливаюсь думать, что институт патриархальной семьи сыграл весьма значительную роль в том отношении, что облегчил расчленение и распад старого общества. Но этот вопрос должен быть отложен до того времени, когда я смогу составить свою часть для статьи. Я уже написал г. Хауптту и просил его подобрать имеющиеся у него материалы. Мои наброски я пошлю ему для присоединения к его собственным, а все целиком будет затем направлено Вам. Пока же я буду продолжать читать Вашу книгу и когда кончу ее, напишу Вам опять.

Вы отмечаете, что «наша переписка вступила в состояние затишья», и даже любезно говорите, что Вам не хватает моих некогда более частых писем. Но разве Вы не помните того, что Вы мне как-то сказали? 20 мая 1876 г. я писал моему другу Хаупттy: «Г-н Морган отправился в Европу, окончив свою новую книгу. Я не думаю, что есть необходимость посылать ему еще таблицы до тех пор, пока мы не будем в состоянии послать ему наш собственный труд». И это соответствовало Вашему собственному указанию в письме, которое я получил незадолго перед тем. Никаких других писем от Вас, кроме того, на которое я сейчас отвечаю, в мои руки не попадало. И действительно, я работал очень мало, отчасти потому, что у меня не было свободного времени, а отчасти потому, что мне не позволяло здоровье. Прежняя энергия истощилась, и то, что раньше делалось само собой и с подъемом, требует теперь большого напряжения. Кроме того, я был занят тем, что писал для двух газет, от чего я не мог отказаться без ущерба для моей семьи. Таким образом, в общем я имел для нашей работы меньше времени, чем когда-либо прежде. Но, поскольку я буду в состоянии, я никогда не откажусь от ее продолжения и уже собираю те материалы, о которых Вы говорите в Вашем письме. В нашем учебном заведении здесь, директором которого я теперь являюсь (для чего я должен был уехать с острова Lakeba в апреле прошлого года), находится от 60 до 70 наиболее способных кандидатов миссии из всех районов этой группы островов. Это дает мне прекрасную возможность для сравнения туземных обычаев, бытующих у различных племен, и при этом обнаруживается много интересного. Я уже открыл ряд ценных фактов, относящихся к системе родства, о которых я раньше не знал, хотя и думал, что исчерпал область Фиджи в этом отношении полностью. Подробности я сообщу, когда соберу больше сведений. Погребение, человеческое жертвоприношение, институт вождей, политическая организация и т. д. — все это требует дальнейшего исследования на месте; я постараюсь собрать материал на несколько страниц по этим вопросам. Если Вы возьмете на себя заботу о них, то я с радостью Вам их перешлю. Может быть при Вашем содействии Смитсоновский институт обратит на них свое благосклонное внимание.

Я очень обязан Вам за то, что Вы написали обо мне г-ну Woodruff'у, но как бы мне ни хотелось по многим причинам участвовать в этой экспедиции, это просто невозможно. Я не мог бы оставить ни своей работы,

ни семьи. А как бы я хотел, чтобы невозможное было возможным! Сверх тех великолепных возможностей, которые путешествие дало бы для исследования систем родства различных племен, оно предоставило бы мне удобный случай для посещения моих родных, которых я никогда больше не увижу. Я отказываюсь от этой мысли с большим сожалением. Я должен также поблагодарить Вас за любезное упоминание моего имени в Вашей книге,[2] хотя, скажу попутно, я неправильно понял Ваш запрос о тканых изделиях у австралийцев, считая, что он относится только к одежде. Я предполагаю, что либо Ваш вопрос был выражен недостаточно ясно, либо я неправильно прочел одно из Ваших слов. Последнее предположение вероятнее. Австралийцы, по крайней мере некоторые из них, плетут сумки и, кажется, также корзины из травы с большим искусством. Однако они не имеют лука и стрел, так что часть данных мной сведений правильна. Между прочим, Вы утверждаете, что ни одно из полинезийских племен, за исключением тонганцев и фиджийцев, не знало гончарного искусства. Во-первых, я совершенно не уверен, что у нас достаточно данных для такого утверждения. Один или два из наших бродячих каботажников, которые шляются то туда, то сюда по Тихому Океану, говорили мне о гончарах у островитян, и хотя на утверждения этих господ нельзя полагаться, все же всегда возможно наличие некоторой доли истины в их словах. Во-вторых, тонганцы не имели гончарных изделий до получения их с Фиджи. Они не знали также лука и стрел и соли. Но они истинные полинезийцы. Они действительно способны к прогрессу. И они переняли все эти три вещи, как и военную лодку усовершенствованного образца, от фиджийцев и скоро превзошли своих учителей. Но даже в настоящее время они чаще всего готовят пищу в яме, выложенной камнями, тогда как это могло бы быть сделано лучше и успешнее в горшке.

Я несколько раз посылал в Мельбурн за «Первобытным Браком» МакЛеннана и пытался получить эту книгу до моего возвращения на о-ва Фиджи, но без успеха. Получить ее не было возможности. Один книготорговец рассказал мне, что имел в своем распоряжении некоторое количество экземпляров, которые случайно попали в руки его агента на книжной распродаже в Англии. Он заглянул в них и, увидя, что они содержат «только кучу ерунды о браке путем похищения» — как он выразился, — он их продал с аукциона по 1 шиллингу и 6 пенсов за экземпляр. Каким большим тормозом для науки является неприкрытая зависть среди ученых! И насколько безнадежно абсурдным может стать человек, если он выступает против истины только потому, что она ему не по вкусу. Ни МакЛеннан, ни Леббок не взяли на себя труда изучить классификаторскую систему настолько, чтобы быть в состоянии разобраться в ней. Поскольку это касается последнего, я мог бы доказать это на основании нескольких отрывков из его книги «Происхождение Цивилизации».[3] Что же касается смехотворной теории МакЛеннана о «способах обращения»,[4] то полное ее опровержение заключено в том факте, что племена, которые

не употребляют терминов родства при обращении друг к другу, все же имеют все термины, которые к этой системе относятся (напр., тонганцы). Его теория настолько абсурдна, что сама по себе является наиболее действительным ее опровержением. Она может служить примером только того, как судорожно человек способен цепляться за свою собственную теорию и как он способен искажать факты, противоречащие ей.

Мне нужно еще раз продумать то, что Вы говорите о классах племени камиларои. Мне думается, что они возникли обычным образом, вследствие дальнейшего подразделения двух первоначальных родов, но Вы, кажется, делаете различие. Я не думаю, что женские имена указывают на женские классы, отличные от мужских. Они представляются мне только формами женского рода, образованными от форм мужского рода, так, напр., Ippatha означает: женщина из класса Ippai. Классовые названия и основанный на них порядок встречаются и во многих других местах. Я недавно получил сообщение о том, что они употребляются далеко внутри до сих пор неисследованной страны, но нигде я не встречал женских названий, как у камиларои, и все же брачные законы и счет родства совершенно те же.

Хотя политическая организация у фиджийцев, когда наша миссия была впервые у них основана, представляла собой нечто более высокое, чем простой аггрегат родов, все же род, фратрия и племя находились и теперь еще находятся у них в полной силе. Но так как семья приняла у них патриархальную форму со счетом родства по отцовской линии, то существует некоторое различие между их родами и родами северо-американских индейцев. Я этой организации не понимал, когда составлял фиджийские таблицы, но она стала мне достаточно ясной теперь. Там имеется, во-первых, Vuvále — род, во-вторых Yavúsa — фратрия, и в третьих Mata-nggáli — племя. Matanggali {может быть / является} эндогамным, а Yavusa и Vuvale — экзогамны.[5] Именно недостаточное понимание этого различия привело, как Леббока, так и МакЛеннана, к такой путанице в этом вопросе.[6] Но я должен отложить этот вопрос до окончания чтения Вашей книги.

Я не могу кончить без того, чтобы не поблагодарить Вас еще раз за Ваш ценный труд. Значение его возросло бы для меня, если бы Ваше имя, как дарителя, было написано на титульном листе. Разрешите попросить Вас оказать мне честь и написать несколько соответствующих слов на листке бумаги и прислать мне при удобном случае, чтобы я мог наклеить на внутренней стороне переплета.

Последние письма из Англии свидетельствуют о том, что г. Waring, как видно, не выживет.

Примите уверения в моей преданности

Ваш

Lorimer Fison.

Досточтимому г. Льюису Г. Моргану.

16

Navuloa, Fiji,
10 августа 1878.

Мой дорогой сэр,

Я долго не писал Вам и не слышал о Вас. Последнее Ваше письмо касалась Вудрофской экспедиции, и я ответил без промедления. Экспедиция до наших берегов не добралась.

Теперь я пишу, чтобы сообщить Вам, что с пароходом, который уходит с Фиджи в сентябре, я, по всей вероятности, пошлю г. Хауитту рукопись небольшой статьи о классовых делениях у австралийцев, для того, чтобы он мог снабдить ее своими примечаниями, а затем немедленно передать Вам, не дожидаясь моего просмотра.[1] Мне очень не хотелось писать эту работу, так как наши материалы все еще недостаточны и ряд очень важных вопросов требует дальнейшего исследования, но серьезные поводы побудили меня к этому, а именно:

1) состояние моего здоровья, которое заставляет меня сомневаться в том, что, если я не сделаю сейчас всего того, что могу, буду ли я когда-либо в состоянии сделать это вообще;

2) безуспешность попыток получить при помощи напечатанных нами анкет дальнейшие сведения в какой бы то ни было степени ценные;

3) настоятельная просьба г. Хауитта, чтобы это было сделано сейчас, и

4) мое негодование по поводу надменных выражений МакЛеннана в его нелепом разборе Вашей гипотезы о происхождении классификаторской системы родства.

Основная цель моей статьи — показать, и это может быть, как мне кажется, удовлетворительным образом показано при помощи австралийских классов, что особенности туранской системы родства логически вытекают из тех законов, которыми эти классы регулируются (см. «Древнее Общество», стр. 422 и сл.). Я предполагаю взять эти особенности в виде нескольких отдельных теорем и доказать их диаграммами наподобие теорем Евклида.[2] Одной диаграммы, иллюстрирующей происхождение до третьего поколения, будет достаточно для всех случаев, и она может быть воспроизведена при помощи обычного шрифта и линейки, имеющейся в каждой типографии. Все может быть представлено так же убедительно, как любое из доказательств Евклида, если только мы примем три предварительных положения, а именно:

1) что австралийский брак был коммунальным, другими словами, был браком группы индивидов с другой группой;

2) что родственные отношения устанавливались между целыми группами, и

3) что каждая группа была экзогамной. Другими словами, члены каждого класса должны были вступать в брак вне пределов своего класса.

Из этих положений последнее может быть неопровержимым образом доказано достаточным количеством данных, имеющихся в моем распоряже-

нии и которые бытуют еще в настоящее время. Первое (групповой брак) может быть логически выведено из современного брачного порядка, который представляет собой наиболее непрочную форму полигамии, с которой мне когда-либо приходилось встречаться, и веские доказательства, которые могут быть выведены из фактов, имеющихся в моем распоряжении, достаточны для того, чтобы убедить каждого, кто не имеет, подобно МакЛеннану, предвзятой теории, которая опровергается этими фактами.

Второе — групповое родство — более трудно доказать в отношении австралийцев, так как их термины родства не во всех случаях так же логически последовательны, как у тамилов, северо-американских индейцев, фиджийцев и т. д. Я легко могу это объяснить. Классовые деления дают туранскую систему родства, в то время как австралийцы сохраняют еще некоторые термины из малайской системы.[3] Но об этом я больше скажу в своем месте. Однако, нашим главным затруднением в отношении австралийцев является то, что, говоря о родственных отношениях, в которых они находятся с определенными лицами, они принимают во внимание и моменты иные, чем родство и, таким образом, применяют слова, которые не являются специфическими терминами родства. Далее, они меняют это слово, когда данное лицо умирает, или когда имя кого-либо из родственников содержит хотя бы один слог из термина родства, которым обозначался умерший, или по каким-либо другим подобным поводам. Это имеет место и на некоторых из островов, хотя мне неизвестно, чтобы это влияло там на термины родства. В результате всего этого каждая таблица содержит большое количество терминов, понять смысл которых не в состоянии ни один из смертных, если он не обладает весьма основательным знанием языка. Однако, несмотря на все это, на основании их могут быть сделаны существенные выводы. Так, если мы можем показать, что брат отца называется *отцом*, сестра матери — *матерью*, дети брата моего отца и дети сестры моей матери — *моими братьями и сестрами*, сын моего брата (если говорящий — мужчина) — *моим сыном* и сын моей сестры (если говорящая — женщина) — *моим сыном*, тогда все остальное неизбежно будет отсюда вытекать. А это мы можем показать во многих диалектах. Полдюжины или около этого примеров будет пока достаточно.[4]

Что касается встречающихся тут и там малайских терминов, то разрешите мне обратить Ваше внимание на следующие факты.

Со времени моего возвращения на Фиджи мой лучший друг, г. Хауитт, прислал мне вместе с другими три частично заполненные таблицы. Две из них относятся к одному и тому же племени в Новом Южном Уэльсе и могут считаться за одну, а третья относится к одному племени в Гиппслэнде.[5] В обоих случаях мы имеем два деления: Merūng и Yūkemerūk или Yukembruk. Merung = гарпия, Yukemeruk = ворона. В обоих случаях *браки заключаются внутри каждого деления*, т. е. Merung вступает в брак с Merung, Yukembruk вступает в брак с Yukembruk. Каждое деление в свою очередь подразделено на ряд тотемов, но нет сведений о том, какое

влияние тотемы оказывают на отношения между полами. Правила счета родства различны, а именно:

Случай 1. Сыновья Merung — Merung, Дочери — Yukemeruk.
Сыновья Yukemeruk — Yukemeruk. Дочери — Merung.

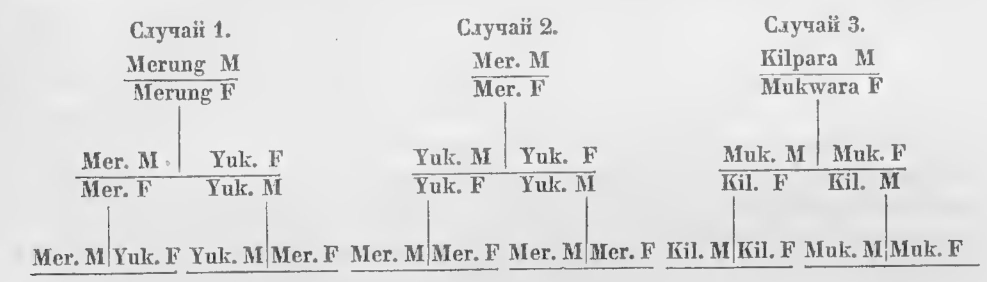
Случай 2. Все дети Merung — Yukembruk.
Все дети Yukemeruk — Merung.

В качестве третьего случая возьмем классовые деления, следующие обычным правилам, т. е. брак происходит между членами разных классов и счет родства ведется по материнской линии.

Случай 3. Мужчина Kilpara женится на женщине Mükwara.
Их дети — Mukwara.
Мужчина Mukwara женится на женщине Kilpara.
Их дети — Kilpara.

При помощи следующей диаграммы выясним результат, получающийся в третьем поколении.

Пояснение: $\frac{\text{Mer. M}}{\text{Mer. F}}$ значит: мужчина Merung женится на женщине Merung.

Во всех случаях мы имеем один и тот же результат, а именно: по одному мужчине и одной женщине каждого класса, при различном только порядке.[6]

Если к этим диаграммам добавить такие же диаграммы браков мужчин второго деления для каждого случая, то общий итог будет тот же во всех случаях, а именно: по двое мужчин и по две женщины каждого класса.

Но что здесь кажется мне наиболее важным, так это тот свет, который эти деления проливают на бытующие малайские термины.[7] Так, во втором случае мы видим, что сын брата моего отца и сын сестры моего отца называются одинаково — мой брат. Возьмем в качестве «я» — Yukembruk второго поколения, т. е. Yukembruk, являющегося сыном Merung. Сын брата моего отца будет Yukemeruk и поэтому моим братом; сын сестры моего отца будет Yukemeruk и поэтому — моим братом.

Обратите внимание на то, что в этом случае (во 2-м) класс м о ж е т б ы т ь эндогамным, т. е. братья и сестры могут вступать в брак друг с другом. Я говорю «может» только в том смысле: «может, поскольку мне неизвестны противоположные случаи». Мои сведения не полны.

1-й случай — странный. Классы здесь определенно экзогамны, несмотря на то, что мужчины и женщины, которые носят одно и то же классовое название, вступают в брак друг с другом. Так, обратите внимание, что ни одна женщина Merung не может быть сестрой Merung. Сестра мужчины Merung является Yukemeruk, так что, хотя брак и происходит внутри класса, брат и сестра вступать в брак не могут. И все же система родства дает нам один и тот же термин как для сына брата моего отца, так и для сына сестры моего отца.

Допустим, что «я» — мужчина Merung второго поколения.

Тогда, так как брат моего отца Merung, сын его будет Merung и моим братом.

Но сестра моего отца является Yukembruk и сын ее также Yukembruk, который уже не является моим братом, так как мой брат — Merung.

По этому одному случаю Вы уже до некоторой степени можете судить о тех трудностях, которые представляют австралийские термины родства. Я ни разу еще не получал таблицы, в которой термины были бы логичны до конца. Мы не можем поэтому на основании этих таблиц сделать окончательного вывода, как это возможно на основании тамильской или ганованских таблиц.

В моей статье мне придется только констатировать наличие этих двух классов и связанные с ними особенные порядки и оставить последние неразъясненными, несмотря на то, что они представляют большой интерес. Это совершенно не в моем духе. Терпеть не могу утверждать что-либо наполовину. Я написал о них г. Хаунтту и надеюсь, что он будет в состоянии восполнить мои пробелы. Если он не сумеет найти еще материалов, он не будет в состоянии решить этот вопрос окончательно; я боюсь, что мало надежды на получение им дополнительных и достаточных для этой цели сведений.

Что же касается доказательств в пользу коммунального или группового брака, то у австралийцев можно сказать «чертовски коммунальный брак». Не только система четырех классов найдена по всему материку от запада до востока, но мы убедились также в том, что и связанные с ней брачные права распространены у всех племен, у которых она имеется, — т. е., что право Ipai на определенный класс женщин в его собственном племени было бы признано за ним и в племени, живущем на расстоянии 1000 миль от его собственного, если бы он его посетил, хотя языки этих племен так далеки друг от друга, как французский от английского.[8] Это самая поразительная система коммунизма, которую свет когда-либо знал. Я думаю, что нигде в другом месте она не могла бы сохраниться, так как нигде на других континентах население не было предоставлено самому себе и не было свободно от внешних влияний.

Я подготовил таблицу, содержащую 5 образцов четырехклассовых названий и соответствующие им брачные нормы и счет родства, которые встречаются в разных местах от Западной Австралии до реки Герберт

в Куинслэнде; я легко мог бы привести и 20 образцов с теми же нормами, но с другими названиями. Один из них показывает переход от двух первичных классов к четырем.[9] Таблица составлена так, чтобы не затруднять типографию. Я попросил г. Хауитта набросать схематическую карту Австралии и нанести на нее те области, где встречаются упоминаемые нами классы.[10] Это потребовало бы клише и само собой разумеется должно быть предоставлено решению руководства Смитсоновского института, если оно согласится это печатать. Г-н Хауитт применяет диаграммы, похожие на химические формулы, которые уже при первом взгляде на них показывают главные термины родства; и так как все термины, обозначающие основные родственные отношения, равно как и некоторые другие, — взаимны, то эти диаграммы весьма полезны. Но я указал ему на затруднения с их напечатанием, так как каждая из них потребует отдельного клише. Две или три из них оказались бы очень полезными, как образцы, но было бы неудобно просить слишком много.

В одном пункте я с Вами расхожусь, хотя это расхождение скорее кажущееся, чем действительное. Это касается женских классовых названий.

Я вынужден признать, что окончание tha в Ipatha и так далее представляет собой не что иное, как форму женского рода от Ipai, и что Ipatha не является самостоятельным классом, а только обозначением женщин из класса Ipai. Названия, которые получены мной от г. Ridley[11] и посланы Вам, не совсем верны. Вы может быть помните, что я вскоре после этого имел случай сообщить Вам, что слух его чрезвычайно неточен. Вместо названий, которые он дает, мы должны писать: Ipai, Ipātha; Mūri, Mātha; Kubi, Kūbĭtha; Kumbo, Būtha, причем гласные произносятся так, как они пишутся, а не как в английском языке.

Если мы признаем, что tha есть аффикс женского рода, подобно an или gan, un или gun, встречающимся в других диалектах, то мы получим: Ipatha от Ipai, Muritha = Mātha от Muri, Kubitha от Kubi, Kumbotha (= Butha, в результате стяжения) от Kumbo. Что это именно так, видно, как мне кажется, из названий для классов в других диалектах. Некоторые из них имеют окончания женского рода, другие имеют только один термин, как для мужчин, так и для женщин, и все же связанные с ними правила во всех случаях совершенно одинаковы. Кроме того, мы можем показать, что эти 4 класса являются подразделениями двух первичных классов. Отсюда я должен заключить, что Ipai, Ipatha и т. д. представляют собой не 8 классов, а 4. Однако, несмотря на это, выводы, сделанные Вами, ни в коей мере этим не нарушаются. Будем ли мы считать, что женскими наименованиями обозначаются самостоятельные классы или нет, результат будет все тот же, так как счет родства во всех случаях ведется от женского предка. Я упоминаю об этом только в порядке разъяснения; касаться же этого вопроса в моей статье не будет надобности, так как выводы, которые Вы сделали из классовых делений, остаются в полной силе. Вы сами ведь говорите («Древнее Общество», стр. 53): «Камиларои, таким образом, организованы

в четыре больших первичных группы, каждая из которых состоит из мужской и женской ветвей».

Я предполагаю показать: 1. Деление на два класса, из коих каждый ведет свое происхождение от женского предка, а брак заключается вне своего класса. Сюда должны быть отнесены также классы Merung и Yukemeruk,[12] но беда в том, что я не могу проследить те промежуточные ступени, которые соединяют их с экзогамными классами. Я могу сделать это только теоретически, но что значит теория, не подкрепленная фактическими доказательствами!

2. Деление на четыре класса, причем будет показано, что эти классы являются подразделениями двух первичных классов.

3. Дальнейшее подразделение этих четырех классов на тотемы.

Это является еще одним важным моментом, который я вынужден оставить не вполне выясненным. Факты, сообщенные мне некоторыми из моих корреспондентов, дают основание думать, что в некоторых областях тотемические подразделения не оказывают влияния на взаимоотношения между полами, так, напр., хотя класс, соответствующий, скажем, классу Ipai, и подразделен на тотемы, все же мужчины этого класса не могут вступать в брак с какой-либо женщиной из класса, соответствующего Ipatha.[13] Это весьма настойчиво утверждают некоторые, заслуживающие доверия корреспонденты. И действительно верно, что у некоторых племен тотемы не образуют вступающих между собой в брак кланов. Но мои материалы недостаточны для решения этого вопроса.

Совсем не в моем духе печатать что-нибудь, когда я так неподготовлен, но что же я могу сделать? Ждать дольше — значило бы ждать слишком долго. Новые материалы возбуждают новые вопросы, требующие дальнейшего исследования, подобно вопросу о классах Merung и Yukemeruk. И это так будет, думаю я, до скончания веков. Чем больше мы учимся, тем яснее мы видим, что мы только ученики и что конец всем вопросам еще очень далеко впереди.

Многое можно было бы сказать об отсутствии наследования звания вождя у австралийцев и родственных им рас; много света проливает на этот вопрос то, что мы находим у островитян. Путешественники сообщали о царях и вождях у племен Тихого океана, которые не имеют даже слова для обозначения царя или вождя, и еще до настоящего времени, насколько я знаю, существует много племен, которые совершенно не имеют вождей. И все же у них имеются влиятельные люди, чье слово — закон. Этот кажущийся парадокс может быть объяснен следующим образом. Существует весьма своеобразная система тайных обществ с установленными степенями, тайными паролями и знаками отличия для особых случаев. Влияние этих обществ неимоверно велико, и люди, достигшие высших степеней, пользуются большой властью. Патриарх (условно назовем его так), имеющий высшую степень в наиболее влиятельном обществе, кажется чужеземцам царем, но сила его власти не в нем самом. Он является только представи-

телем своего общества, и люди повинуются ему потому, что они знают, что его распоряжения исходят не только от него, но и от «Vehmgericht», члены которого могут в то же самое время быть членами его собственного дома, и месть их, они уверены, неминуемо постигнет их, если они ослушаются. Преподобный R. H. Codrington[14] первый обратил мое внимание на эти общества. И то, что он мне сообщил, неожиданно пролило свет на те сведения об австралийцах, которые давно были в моем распоряжении и которым я не придавал особого значения. Я сразу же написал об этом моему другу Хауитту, на что он горячо откликнулся и сообщил мне известные ему факты. Некоторые церемонии, о которых мне написал наш миссионер на Новой Британии, преподобный G. Brown,[15] исключительно хороший человек, член Королевского Географического Общества, убедили меня в том, что тайные общества существуют и на Новой Британии. Я написал об этом Brown'у и умолял его вступить в члены одного из этих обществ и приобрести в нем степень как можно скорее. Замечательно, что степени приобретаются путем покупки и что островитяне имеют денежные знаки, достоинство которых хорошо известно. Сверх того, они занимаются ростовщичеством, причем процент самый скромный: цент за цент. Даже миссионеры, жившие у этих племен годами, рассказывают об их вождях и царях, а г. Codrington сообщает мне, что он встретил в печати в качестве обозначения некоего царя слово, выражающее на самом деле лишь степень в тайном обществе.

Можем ли мы в конце концов сказать, что племена, имеющие родовую организацию, непременно демократичны? Пока они продолжают вести счет родства по матери, у них — тенденция к демократизму, но как только они начинают вести счет родства по отцу, вступают в силу понятия о наследовании и появляется тенденция к разделам. Пока общество состоит из вступающих между собой в брак кланов со счетом родства по женской линии, это общество связано мощными узами в одно целое. Дети одного клана переходят в другой и являются как бы заложниками, гарантирующими привязанность их отцов. Но когда отец и сын становятся родственниками по одной линии, а жена переходит в класс своего мужа, тогда любой брат и сестра с принадлежащим каждому из них хозяйством имеет все необходимые данные для образования новой общины. Их дети могут вступать в брак друг с другом.

Далее, пока старые правила продолжают действовать, полигамия не оказывает на общество разлагающего влияния. Жены не принадлежат к клану своих мужей, а дети их не имеют никаких видов на имущество своих отцов. Они должны рассчитывать на другой клан. Но когда счет родства начинает вестись по отцу и понятия о наследовании — пускать глубокие корни, полигамия становится сильно разлагающим фактором.

У жен уже нет больше общих интересов. Каждая заинтересована в лучшей доле для своих детей, общее же благо совершенно упускается из виду из-за взаимной ревности и ненависти. Я это наблюдал в достаточной мере у фиджийцев, чтобы иметь об этом полное представление; и те, ко-

торые высмеивают миссионеров за то, что они настаивают на моногамии для обращенных обнаруживают свое невежество, даже если бы мы подошли к этому вопросу только с этой точки зрения.

Когда общество под этим влиянием начинает расчленяться, тенденция к дальнейшему распаду становится сильнее и сильнее, пока общество, ранее единое, не распадется на ряд мелких групп, враждующих между собой, истребляющих друг друга и оставляющих своим потомкам кровную вражду.[16]

Что же может после этого восстановить единство общества? Прежний здоровый уклад оставлен и забыт, и единственно сдерживающей силой является страх перед более сильным. Когда народ доходит до такого состояния, тогда деспотизм является благодетельным, а жестокая тирания — благодеянием. „Чего нам не хватает, — сказал англичанин Гереуард, — так это достаточно сильного человека, который брал бы каждого из нас за шиворот и говорил: «Сделай это, или умри!»".[17] И как бы это ни противоречило нашим собственным понятиям и особенно (я это вполне понимаю) идеям американца, это несомненно правильно в отношении приведенного мной случая. Такому народу предстоит выбор между деспотизмом и анархией, и спорить об относительных преимуществах того или другого из них не приходится.

Кроме того, для военных целей, при прочих равных условиях, я думаю, что предпочел бы дикаря-деспота со своей армией Вашим северо-американским индейцам с их вечными совещаниями, просто потому, что первый, вероятно, действовал бы более решительно, чем последние. А в древние времена существование народа зависело от его мощи и от постоянной готовности нанести удар. Конечно, это относится только к дикарям. Цивилизованные люди повинуются лицам, которых они сами назначили, так как они понимают, что, поступая таким образом, они в действительности сами выполняют функции властителей. Власть, которой они повинуются, — их собственная власть. И акт их повиновения является актом проявления власти.

Мои теории по этому вопросу, конечно, не вызваны тем обстоятельством, что я родился подданным монарха. Хотя, к слову сказать, после прочтения De Tocqueville'я,[18] я пришел к заключению, что мы в Англии на деле более демократичны, чем Вы в Америке. Это значит, что народ в Англии имеет фактически больше возможности влиять на английское правительство, чем американцы на правительство Соединенных Штатов. Но это — отступление. Становишься особенно болтливым, когда пишешь после обеда. Я хотел сказать, что стою за деспотизм для дикарей типа фиджийцев потому, что я верю, что в нем их единственное спасение от анархии,[19] но конечно не потому, что верю в деспотизм вообще. Мое убеждение состоит в том, что когда народ научился повиноваться закону и вырабатывать такие законы, которые ему необходимы, то форма правления, которую он устанавливает, не так существенна; но при условии, что правительство будет достаточно сильным, чтобы заставить подчиняться закону, но не настолько сильным, чтобы стать выше закона.

И еще. Можем ли мы считать, что первоначальное установление царской власти связано с организацией городов? Мне кажется, что институт царей древнее городов. Во всяком случае, мы находим этот институт у таких племен, которые никогда не знали ничего похожего на город. Не мог ли институт царей возникнуть в результате войны? Даже племена, не имеющие вождей, назначают царей на время войны; а там, где война была нормальным явлением, не могла ли эта форма власти сделаться постоянной? Вначале власть, может быть, была узурпирована, потом удерживалась силой, пока люди не стали преклоняться перед ней и, наконец, не уверовали в нее, как в божественное установление. В особенности побежденные легко могли проникнуться подобным убеждением. Именно богами считались в древности вожди на Фиджи. И даже среди современных англичан еще встречаются некоторые тори старого направления, которые твердо убеждены в правильности древней доктрины дикарей — о божественных правах царей.[20]

Если бы я был уверен, что Смитсоновский институт напечатает небольшую брошюру, я с удовольствием написал бы что-нибудь по этому вопросу, начиная с австралийского Rupúle,[21] который властвует сегодня (если это сегодня является днем сражения, но не вчера и не завтра), переходя к меланезийским тайным обществам и кончая фиджийским, рожденным от неба вождем с рабом, припавшим к его ногам. Тайное общество у дикарей, поскольку я знаю, является темой новой и вызовет к себе интерес. Я привык относиться к утверждениям о древности франкмасонства как к мифу, но, исходя из того, что я нашел у дикарей, я готов поверить, что это «ремесло» может быть таким же древним, как горы.[22]

Примите уверения в искренней
преданности Вам
Lorimer Fison.

Досточтимому г. Льюису Г. Моргану.

17

Levuka,
1 октября 1880.

Мой дорогой сэр,

Нахожусь здесь и участвую в заседаниях нашего годового съезда. Сегодня утром был сильно обрадован прибытием новозеландского парохода, который доставил мне Ваши письма от 30 июля и 19 августа. Хотя большая часть почты еще не роздана, я спешу обратной почтой послать Вам свою благодарность за те брошюры etc., о которых Вы меня уведомляете и которые я несомненно получу без задержки. Я был очень рад увидеть Ваш сравнительно твердый почерк и считаю это признаком восстановления Вашего здоровья. Последнее время я был нездоров; кроме того, я был перегружен работой, связанной с нашей миссией, которая имеет преимущественное право на мое время и силы. Я боюсь, что этнологическая работа несколько подорвала мое здоровье. Особенно, когда я был в Австралии,

этой работой приходилось заниматься ночью и большей частью после полуночи. Но тогда я был очень силен и даже не представлял себе возможности потерять здоровье.

Вы узнаете из моего последнего письма, что оффициальное уведомление о присуждении мне ученой степени Magister Artium получено как раз вовремя, чтобы обозначить на заглавном листе. Я надеюсь получить мою книгу ближайшей почтой.[1] Еще раз выражаю глубокую благодарность за Вашу большую услугу в этом деле. Вы не должны нас благодарить за посвящение Вам книги. По выражению Хауитта, это «само собой разумеется».

Письмо моего друга и сотрудника, преподобного Benj. Chapman'a, Вы давно должны были получить. Г-н Chapman является оффициально главой нашей миссии в Океании. Он — мой очень близкий друг. К несчастью, он один из наиболее забывчивых и неделовых людей на свете, а потому вечно беспокоится и суетится. Он написал мне, в ответ на мою просьбу, что перешлет Вам оффициальную справку о занимаемом мной в церкви положении и т. д., а затем по обыкновению забыл это сделать. Зная особенности его характера, я послал ему со следующей почтой напоминание. На это последовало от него извинение за забывчивость и за досадный случай, что он затерял предыдущее письмо, и так как он не знал Вашего адреса, то вынужден был ждать моего следующего письма. По меньшей мере 4 месяца, таким образом, пропали даром.

Сообщение о предстоящем появлении Вашего труда[2] было действительно для меня неожиданностью и притом очень приятной. С большим интересом буду ждать возможности прочесть его.

Я отметил для себя сообщение Bandelier о «несвязанном с родом классе людей».[3] В известном смысле он существует и здесь, на Фиджи, но потомки этих «несвязанных» людей, по крайней мере частично, с течением времени становятся у нас «связанными». Действительным классом «рабов» являются у нас «низкорожденные люди». Это результат счета родства по мужской линии.[4] Объяснение этому Вы найдете в моей статье: «Землевладение на Фиджи», которая будет издана Антропологическим институтом.

Теперь относительно кровнородственной семьи. Моя позиция такова. Теоретически я принимаю ее, так как она дает единственно разумное объяснение терминов родства в таких системах, как гавайская, ротуманская и т. д. Но то, что я могу говорить о ней, совершенно совпадает с тем, что Вы сами говорите, а именно, что ни одного племени, у которого она бы еще теперь существовала, не было найдено. Следы ее прежнего господства кажутся мне ясными и несомненными, но я не могу о ней говорить так, как мы можем говорить об экзогамных, вступающих между собой в брак, классах, по той причине, что последние мы еще находим в полной силе. Вы должны принять во внимание тот факт, что мое положение требует крайней осторожности в утверждениях. Без такой осторожности я шокировал бы и огорчил многих из моих лучших друзей, которые такими вещами могут быть легко огорчены, как, напр., некоторые из наших старомодных пасторов. И так

как я не считаю себя в праве обходить этот вопрос молчанием, чтобы не оказаться трусливым и нечестным, то вынужден быть крайне осторожным в своих утверждениях. Я считаю, что прежнее существование кровнородственной семьи фактически доказано, но я этого не утверждаю. Я указываю, что имеющиеся данные, повидимому, устанавливают этот факт; но так как мы не можем найти примера существования кровнородственной семьи в настоящем, нам нет надобности при изучении современных родовых институтов и при сравнении их с родовыми институтами, упоминаемыми в исторических памятниках, спускаться ниже «расчлененного общества».[5] Я надеюсь, что это станет совершенно ясным из моей книги.[6] Коротко, мое утверждение заключается в следующем: доказательства убедительнейшим образом говорят в пользу прежнего существования нерасчлененного общества.[7] Из него и из Вашего «реформистского движения»[8] все остальное логически вытекает. А это кажется мне веским аргументом в пользу существования в древности нерасчлененного общества, но я всячески остерегался категорических утверждений по этому вопросу. Кроме того, я не уверен, что это брачное право когда бы то ни было фактически осуществлялось в полной мере. Оно существовало и признавалось только как право. Оно является той основой, на которой зиждется вся система родственных отношений. Кажется вероятным, что фактическое осуществление этого права в отдельных случаях должно было уже очень скоро, в большей или меньшей степени, подвергнуться ограничению. Это, однако, ни в коей мере не нарушает теории по существу. Это право полностью установлено, и при случае до сих пор еще осуществляется. Только с последней почтой Хауитт прислал мне описание одного австралийского племени (не камиларои), у которого девочки выдаются замуж в раннем детстве. Когда «муж» считает, что девочка достигла соответствующего возраста, он отправляется вслед за ней в лес вместе со своими друзьями, и там они ею овладевают. Не он, а его друг осуществляет брачное право. В течение нескольких дней девочка принадлежит всем его племенным братьям и только после того, как они все осуществили свое право на нее, вступает в силу его собственное право. Но с этого момента его право становится преимущественным.

Это очень разительный пример искупления за брак. Я сам вполне удостоверился путем исследований на Фиджи в том, что браки в раннем детстве являются мерой защиты против старого коммунального права. Но это мы вскоре изложим в особой статье.

Больше я писать не могу, так как чувствую себя совершенно разбитым и нуждаюсь в небольшом отдыхе, чтобы быть в состоянии завтра работать.

Примите уверения,
мой дорогой сэр,
в искренней преданности Вам

Lorimer Fison.

Досточтимому г. Льюису Г. Моргану, д-ру прав.

18

Levuka,
7 октября 1880.

Мой дорогой сэр,

Я отправил Вам письмо с новозеландским пароходом, который ушел 3—4 дня тому назад. Письмо было написано наспех (как приходится писать и настоящее), так как наш годовой съезд сейчас в самом разгаре, а обязанности секретаря миссии берут у меня все мое время. После отправки письма я все думал о том, что писал Вам о кровнородственной семье etc., и мне кажется, что надо было бы сказать еще кое-что. Я боюсь, что мои слова будут истолкованы Вами, как можно судить по Вашим замечаниям, равно как и другими, более широко, чем я имел в виду.

Что касается меня, то мне совершенно ясно, что нам нет необходимости итти дальше экзогамного класса или клана для объяснения всех более поздних стадий развития вплоть до и даже позже римского рода, если только мы всегда будем учитывать огромное значение перехода от счета родства по женской линии к счету родства по мужской линии. Это и есть та задача, которую я перед собой поставил, и все, что находится вне ее границ, не является необходимым для моих целей. Если бы я намеревался охватить всю громадную область Ваших исследований, — работа, которая мне не по силам, — то я считал бы себя обязанным коснуться всех тех вопросов, которые Вы затрагиваете, по крайней мере попытался бы сделать это. При данных же обстоятельствах я беру только некоторые вопросы и стараюсь детально исследовать небольшую часть той огромной области, которую Вы целиком «триангулировали». Если я говорю, что до того пункта, на котором я останавливаюсь, «достаточно далеко нам итти», то я имею в виду, что до него достаточно далеко именно для моих собственных целей. Путь, лежащий за ним, в высшей степени заманчив. Он представляется мне ясным и четким. С моей точки зрения доказательством существования «нерасчлененного общества» служит то, что ничто, кроме признания его существования в прошлом, не может объяснить имеющихся фактов. Но мы не можем найти ни одного примера его существования в настоящем. Как Вы сами утверждаете, оно уже исчезло с лица земли; задачей же, которую я себе поставил, является проследить стадии образования рода на основании современных обычаев у диких племен, и поэтому все то, что не отражено в современных обычаях, не входит в круг моих интересов. Но и это, однако, требует разъяснений и оговорок, так как на деле мне приходится итти дальше существующих еще теперь обычаев; я только должен был остерегаться категорических утверждений о прежнем существовании «нерасчлененного общества». Как бы то ни было, а некоторые места в «Камиларои и Курнаи» предполагают его существование. Лично я принимаю его и считаю достаточно доказанным, но категорически я этого не утверждаю по следующим двум причинам:

1. Я предвижу сильное сопротивление, и поэтому решил по мере возможности сузить область спора.

2. «Нерасчлененное общество» значит не более и не менее, как промискуитет, а это очень шокировало бы многих из моих лучших друзей среди пасторов. Они предположили бы, что из этого могут быть сделаны выводы, которые, по моему, вовсе не вытекают отсюда, и никакие мои доводы не смогли бы убедить их в том, что эта теория нисколько не пагубна для «веры». Как бы то ни было, я уже имел небольшие неприятности и ожидаю бо́льших.

В силу этих причин я тщательно ограничил поле моих исследований и пограничные столбы поставил по эту сторону кровнородственной семьи. Я сам не иду дальше того пункта, на котором я остановился, так как мне нет необходимости итти дальше, но я вовсе не утверждаю, что тот, кто идет дальше — заблуждается. И если мы когда-нибудь найдем племя дикарей, живущих в том состоянии, о котором свидетельствуют наши данные, то я сам буду вынужден итти дальше и утверждать то, что сейчас я допускаю лишь, как весьма вероятное. В моей книге я это допускаю как вероятность, но внутреннему же моему убеждению это — больше чем вероятность. Коротко говоря, я не сомневаюсь в прежнем существовании «нерасчлененного общества», но не считаю для моих целей обязательным это утверждать, и, кроме того, в силу окружающих меня условий, для меня было бы лучше этого не утверждать, пока такое утверждение не является необходимостью.

Мне было довольно трудно определить свою позицию в этом вопросе, но надеюсь, что Вы меня поняли. Не так легко ясно высказываться по такому щекотливому вопросу, когда одним ухом надо слушать дискуссию по делам церкви, которая происходит в этот момент, и когда отвечаешь за протокол заседания. А я сейчас пишу при таких условиях.

Вы говорите: «Если Вы признаете, что существование кровнородственной семьи с необходимостью вытекает из полинезийской системы, то я почувствовал бы себя очень уверенным». Могу без колебания сказать, что я ее так и рассматриваю, так как другим образом я никак не могу объяснить эту систему. Мне кажется, что брачная теория дикарей несомненно покоится на том основном понятии, что единицей, т. е. социальной единицей, является группа индивидов. Отсюда логически вытекает вся система родства и счет происхождения. А структура такой группы определена терминами родства. Как я выразился в главе о «Групповом браке и родстве»: «Употребляемые теперь ежедневно термины родства указывают на группы, а группы, взятые как единицы, объясняют смысл существования этих терминов».[2] Но для специальных целей моей работы я не считаю необходимым итти дальше разделения первоначальной группы на такие экзогамные группы, которые встречаются и в настоящее время. Поскольку это касается меня, я намеренно сузил область спора до этих пределов. Таким образом, я занял, так сказать, передовую позицию, которая кажется мне неприступной и которая прикрывает лежащую позади нее область. Если эта позиция будет удержана, мы сможем отразить попытки врага обойти ее с тыла.

Когда «Антропологическое общество» напечатает мою статью «Землевладение на Фиджи», Вы увидите, как образовался «несвязанный с родом класс людей» у фиджийцев. Но в большинстве случаев несвязанные с родом лица путем брака включались в тот или другой клан, по меньшей мере, их дети присоединялись, хотя и не полностью, к какому-либо клану. Я того мнения, что целые ныне существующие кланы, возможно, состоят полностью из потомков таких родителей с обеих сторон.[3] В обществе дикарей, по меньшей мере там, где клановая организация не разложилась, человек не может существовать вне некоторой связи с тем или иным кланом. На Фиджи, где мы имеем особый, рожденный от бога, класс вождей или благородных, люди, изгнанные из своего рода, часто примыкают к какому-либо вождю и приносят ему много пользы. Они не имеют правового положения в его клане. В силу этого они стремятся отличиться в мирное время услугами, в военное время — храбростью, так как только таким путем они могут приобрести право на существование. Отсюда ведет свое начало практика протекционизма. Изгнанный из рода человек должен примкнуть к комунибудь, или он погибает. «Ничей» человек подобен улитке, которая заблудилась и не находит к чему прилипнуть. Здесь нет возможности самостоятельного существования.

На этом я должен неожиданно оборвать.

Искренне преданный Вам

Lorimer Fison.

Досточтимому г. Льюису Г. Моргану, д-ру прав.

19

GARRISON, WENDELL PHILLIPS[1]

THE NATION.

Box 25.

New York,
2 февраля 1878

Дорогой сэр,

Я надеюсь, что Вы получили «Saturday Review»,[2] который я Вам послал и без которого мы можем вполне обойтись, так как мы не подбираем комплекта этого журнала. Я прочел заметку о Вашей книге и думаю, что по вопросу о классическом обществе возможно имеются, как это кажется на первый взгляд, возражения против Вас, но я слишком слабый классик, чтобы судить об этом. Один мой друг, ученый, профессор, пишет мне сегодня утром, по собственному побуждению и не ссылаясь на заметку в «Saturday Review», следующее: «У меня есть некоторые возражения против применения г. Морганом своих теорий к народам классического мира... Но в то же самое время надо сказать, что он сделал действительный вклад в дело понимания развития общества в классическое время».

О прилагаемой рукописи Вы уже осведомлены г. Bandelier.

Искренне Ваш

W. P. Garrison.

Г-ну Л. Г. Моргану.

20

HALE, HORATIO EMMONS[1]

Clinton, Ontario, Canada,
30 декабря 1878.

Мой дорогой сэр,

Только недавно я имел возможность прочитать Ваш превосходный труд «Древнее Общество». Будучи в Нью-Йорке несколько недель тому назад, я достал экземпляр этой книги в издательстве и прочел ее с тем тщательным вниманием, которого она вполне заслуживает, и могу прибавить — с большим интересом и пользой для себя. Ваше толкование рода кажется мне особенно замечательным. Никто не мог бы предположить, что организация племени у американских индейцев может быть так изучена и анализирована, чтобы бросить новый и яркий свет на раннюю историю Греции и Рима. Мне кажется, однако, что Вам это удалось и что Ваш труд впоследствии займет место рядом с трудом Нибура,[2] как открывающий новую эру и дающий новый метод для изучения древней истории. Я был рад узнать в издательстве, что Ваша книга имела хороший сбыт в Англии, где — равно как и в Германии и Франции — ее достоинства будут, вероятно, оценены.

Вы едва ли можете ожидать, что Ваши взгляды на «древнюю семью» (Ваша 3-я часть) встретят такое же всеобщее одобрение, как Ваши взгляды на общественное управление и собственность. Последние, кажется мне, вовсе не зависят от первых. Род мог бы с таким же успехом возникнуть в обществе, практикующем моногамию, как и во всяком другом. Мой взгляд, я должен откровенно признаться, состоит в том, что человек всегда был «парным животным». Я не могу убедить себя в том, что он начал свою общественную жизнь при беспорядочных половых сношениях — порядке более низком, чем у большинства животных — и только постепенно и после долгих веков развития достиг уровня тигра, ласточки и шимпанзе. Мне кажется, что эта склонность к парности является прирожденным инстинктом, подобно родительской любви, и совершенно отлична от простого полового влечения. Я сомневаюсь, чтобы брак между братьями и сестрами был когда бы то ни было всеобщим. Это нарушило бы другой закон человеческой природы (и возможно природы животных), который, я думаю, не был достаточно изучен — я имею в виду тот закон или принцип, который делает необычным и почти невозможным возникновение полового влечения у лиц различных полов, долго живущих вместе. Этот закон, согласно моим наблюдениям, влияет не только на родителей и детей, братьев и сестер, но и на лиц, не родственных между собой, которые живут вместе. Именно в силу этого закона найдено, что «совместное обучение полов» является безопасным — к удивлению многих лиц, которые рассматривали оба пола как искру и порох. Думаю, что я наблюдал влияние этого закона и у низших животных. И я считаю, что именно этот закон и вызвал к жизни в коммунистических домовых хозяйствах обычай «экзогамного брака».

Ваше исследование систем родства, господствующих у различных народов, кажется мне очень интересным и ценным. Однако, я делаю из них выводы, отличные от тех, которые Вы так искусно изложили. Я рассматриваю «классификаторскую систему» как необходимое следствие «коммунистического домового хозяйства», в котором несколько близко родственных семей живут под одной крышей, а дети их образуют единую группу или стадо, и между всеми этими детьми и всеми взрослыми существует естественная и, так сказать, неиндивидуализированная привязанность. Легко представить себе, как мог возникнуть такой способ выражения. Предположим, что я — женатый гаваец и живу в большом доме вместе с моими женатыми братьями и, может быть, с замужними сестрами и с кузенами. Маленькие дети, которые играют около меня, когда я работаю в поле, или которые отправляются вместе со мной в моей лодке на рыбную ловлю — все одинаково дороги мне. Когда я говорю о них или обращаюсь к ним, я не употребляю слов: сын или дочь, племянница или племянник. Я классифицирую их. Они все — «маленькие»; и если это необходимо, я могу прибавить слова «мужчина» или «женщина» для дальнейшего различения. Точно так же я в их речи не являюсь ни отцом ни дядей. Я — «старший», и если это необходимо, они равным образом могут обозначить пол. Дети не имеют слова, которое бы точно соответствовало «брату», «сестре» или «кузену». Они имеют выражения, которые означают «товарищ», и путем добавления слов и изменения форм они могут точнее обозначить, является ли товарищ мужчиной или женщиной, старше или моложе говорящего. Все это — по классификаторскому принципу и это чисто по гавайски. Keiki не означает «ребенок», а только «маленький». Это сложное слово, составленное из kahi, один (в результате стяжения — ke) и iki, маленький — прилагательное в гавайском языке всегда следует за именем. Makua означает «старый» или «зрелый». Этот термин применяется к деревьям и плодам так же, как и к людям. Makua kane и makua wahine означает только «старый мужчина» (или взрослый мужчина) и «старая женщина».[3] Весь список терминов родства может быть анализирован таким же образом. Я могу об этом говорить с некоторой уверенностью, так как тщательно изучал этот язык при составлении сравнительной грамматики и словаря полинезийских языков.

Таблицы терминов родства, которые Вы собрали с таким усердием и с такой тщательностью, кажется мне, доказывают не то, что мужчины и женщины жили когда бы то ни было в беспорядочных половых сношениях и не то, что братья и сестры вступали в брак между собой, равно как и не то, что братья и сестры владели сообща своими женами и мужьями, — но только и единственно то, что в древнем обществе у большинства народов близко родственные семьи обычно жили вместе большими домовыми хозяйствами для взаимной поддержки и защиты. Это — интересный факт, и он особенно ценен, так как он показывает вероятное происхождение рода. Я не могу не думать, что попыткой распространить значение терминов

родства за пределы вышесказанного Вы создали теории, которые противоречат законам человеческой природы, и, таким образом, умалили ценность Ваших собственных исследований.

Я знаю, что Вы сочтете откровенное выражение моих взглядов наилучшим комплементом, который я могу сделать Вашему превосходному труду. Если бы он своей значительностью не произвел на меня такого глубокого впечатления, я не счел бы нужным указывать на те немногие места, которые, как кажется мне, нуждаются в пересмотре.

Разрешите мне прибавить, что Ваши любезные ссылки на меня доставили мне большое удовольствие.[4] Но я был бы рад сделать небольшую поправку, когда представится возможность, скажем, в следующем Вашем издании, которое, я уверен, скоро потребуется. На стр. 153 я упомянут, как доказавший связь tutelo с ирокезами. Следует исправить: «с sioux». Я нашел, что язык tutelo близко родственен языку dakota. Это тем более удивительно, что племена, говорящие на этих языках, живут так далеко друг от друга.

Я надеюсь в недалеком будущем иметь удовольствие встретиться с Вами опять и обсудить те вопросы, которые нас обоих интересуют.

Остаюсь, дорогой сэр,
искренне преданный Вам

Досточтимому г. Льюису Г. Моргану, Horatio Hale.
Рочестер, Нью-Йорк.

21

HOWITT, ALFRED WILLIAM[1]

Bairnsdale, Victoria,
Australia,
27 июля 1877.

Мой дорогой сэр,

Я должен поблагодарить Вас за то, что Вы любезно вспомнили обо мне и прислали Ваше «Древнее Общество», а также за Ваше письмо от 17 мая. Прежде всего разрешите мне сказать, какой большой восторг и интерес я испытал при чтении Вашей книги. Мне кажется, что Вы доказали Ваши положения окончательно, и я поражен тем неимоверным количеством труда, который должен был быть здесь затрачен. Я, пробовавший, как новичок, свои силы в этой же самой области, могу полностью оценить те трудности, с которыми Вам приходилось бороться и которые Вы так успешно преодолели. Я совершенно согласен с Вами относительно Вашего взгляда на развитие идеи семьи и я поистине был удивлен, когда увидел (а это доставило мне не мало удовлетворения), как полностью совпадают составленные мной самим взгляды с теми, которые Вы так тщательно разработали.

Сейчас я собираюсь тщательно перечитать Вашу книгу и отметить все то, что нуждается в исследовании здесь на месте. Сами собой напраши-

ваются для изучения некоторые новые вопросы. Я уже начал с вопроса о пище и нахожу, что у нашего племени здесь[2] распределение пищи внутри семейной группы регулируется строго установленными законами,[3] так же, как расположение стойбищ и порядок, по которому размещеются лица, живущие в стойбище.[4] Передо мной открылись широкие перспективы.

В качестве примера возьмем следующее: человек поймал семь речных угрей; они распределяются следующим образом (предположим, что его семейная группа состоит только из ниженазванных лиц):

1. Передняя половина — себе; задняя половина — жене.
2. Передняя половина — брату жены; задняя половина — сестре жены.
3. Передняя половина — старшим сыновьям; задняя половина — младшим сыновьям.
4. Передняя половина — старшим дочерям; задняя половина — младшим дочерям.
5. Передняя половина — сыновьям брата; задняя половина — дочерям брата.
6. Целый угорь — мужу дочери.
7. Целый угорь — замужней дочери.[5]

Второй пример: пойман сумчатый медведь (*Phascolarctus cinereus*).

Правая половина — отцу и матери, которые заднюю ногу оставляют себе, а переднюю отдают.

Левые передняя и задняя ноги — отцу и матери жены; они поступают так же.

Левая ступня — брату.

Голова, хребет и печень — себе и жене. В первую очередь съедается печень, а затем голова,

Уши — жене; правое ухо она отдает сестре.

Муж берет шею. Спинную часть едят оба.

Я пока сделал первый шаг, и может случиться, что когда я стану проверять имеющиеся у меня сведения, эти два примера окажутся не вполне точными. Но это уже показывает, чтó следует здесь искать. Я поставил себе задачей постараться полностью выяснить социальную жизнь этого племени. Что же касается работы вообще, то она подвигается медленно. Но я работаю без устали. Я, к счастью, как мне кажется, из тех, которые упорствуют. Но совершенно удручает то обстоятельство, что я не получаю никаких ответов на 95% моих анкет. На остальные же я едва ли получаю один хороший ответ. Приходится опять запрашивать о дальнейших подробностях, на что может быть получишь ответ, а может быть и нет. И опять приходится писать, на что следует молчание. Я постараюсь сделать что-нибудь с Камиларои и попытаюсь выяснить то, что Вы предлагаете. Брачные привилегии здесь в классе не существуют. Семья, как видно, пошла в своем развитии дальше, по направлению к синдиасмической. Замечательно также, что деление племени на Гарпию и Ворону (перевод туземных названий для этих птиц) не существует здесь.

Я могу иллюстрировать примерами: у Cooper's Creek (Barcoo) племя (Yantruwunter) разделено на классы: Moquarra (гарпия) и Kilparra (ворона). На реке Дарлинг то же самое.

Тотемами являются:

Moquarra Гарпия			Kilparra Ворона	
Karnee ящерица	Bilyarra ястреб	Boorkinga бэндикут	Toorayree вид змеи (*demansia psammorphis*)	Nambaree вид рыбы
Taltaree кенгуру	Youlary утка	и т. д.	Koonwoora лебедь	Boalbarry вид кенгуру

Пример: мужчина тотема Karnee женится на женщине тотема Toorayree. Все дети — Toorayree, и т. д.

Племя Carrawong на плоскогорьи Maneroo (Новый Южный Уэльс) около 130 миль отсюда:[6]

Merung Гарпия (*uroaëtus audax*)		Yuckembruck Ворона
Bullet Bullet лирохвостка	Nadjinajan летучая мышь	Brārgurgur небольшой ястреб
Bullimba вид летучей мыши	Nundarung небольшой серый летучий фалангер	But-the-wārk вид птицы
Moollan вид рыбы (*oligorus macquariensis*)	и т. д.	Berribang эму
		Burroo кенгуру

Пример: мужчины Merung должны вступать в брак с женщинами Merung; их дети — Yuckembruck. Эти дети должны вступать в брак с Yuckembruck; их дети — Merung.

Здесь у племени Brabrolong[7] имеются только два класса:

Yeerung вид птицы (*Stipiturus malachurus*)	и	Djeetgun вид птицы (*Malurus cyaneus*).

Все мужчины — Yeerung, все женщины — Djeetgun. Все дети мужского пола — Yeerung, а все дети женского пола — Djeetgun.

Первый пример является обычным типом для Австралии, третий — свойственен, насколько я знаю, Гиппслэнду. Второй пример является промежуточным между этими двумя системами, как и само племя Carrawong расположено на границе между чернокожими Гиппслэнда и Нового Южного Уэльса.

Небольшое и очень дикое племя обитало некогда в густых джунглях морского побережья, частью между территориями племен Brabrolong

и Carrawong.[8] Оно теперь почти исчезло. Один из последних преставителей этого племени, который всего лишь 12 лет тому назад был «диким», сообщил мне следующее:

Meroong / Гарпия		Yuckembruck / Ворона
Billingang / вид птицы	Beewing / ястреб	
Bellet Bellet / лирохвостка		
Burreo / кенгуру		

Мой информатор сам был из тотема Billingang и не мог вспомнить ни одного тотема Yuckembruck. Он утверждал, что все мальчики — Meroong, а все девочки — Yuckembruck.

Эта система также, кажется, является промежуточной между системами племен Carrawong и Brabrolong, как и само это племя расположено между названными племенами.[9]

Возникает вопрос, почему племена Гиппслэнда имеют такую особую систему. Есть ли это постепенное отмирание системы классов и тотемов, что синхронично с отмиранием пуналуальной системы и упрочением синдиасмической семьи? Я склоняюсь так думать, несмотря на то, что вначале я был склонен рассматривать систему Гиппслэнда как пример архаического типа. Если исходить из первого взгляда, племена Гиппслэнда, которые продвинулись дальше в своем развитии по направлению к парной семье, должны были бы также обнаружить и другие соответствующие признаки развития. Этот вопрос для меня еще недостаточно ясен. Племена Гиппслэнда были, благодаря физическим условиям страны, отрезаны от остальной Австралии, как сама Австралия отрезана от остального мира, и поэтому эти чернокожие должны обнаруживать много специфических особенностей. Море с юга, густые, почти непроходимые джунгли с востока и запада, на севере — Great Dividing Range, покрытый месяцами снегом, — все это способствовало их изолированности. По теории эволюции, которая теперь начинает входить в силу, следовало бы ожидать, что племя Brabrolong является отклонением либо в сторону более развитого либо же в сторону архаического типа. Вопрос в том, что считать более правильным.

Если бы только было время, как много можно было бы сделать! Отсутствие интереса, с которым я встречаюсь, убивающее всякий энтузиазм, могло бы довести меня до отчаяния относительно дальнейшего человеческого прогресса, если бы не находил утешения, обращая взор назад. Действительно, когда я думаю о том огромном количестве материалов, которые ежедневно здесь исчезают из-за вымирания туземных племен,

а вместе с ними и их обычаев, я чувствую себя вдвойне, втройне обязанным возобновить свои усилия. Отсутствие нашего друга, г. Файсона является большим ущербом, и у меня нет никого во всей Австралии, кто мог бы в какой бы то ни было мере заменить его в этом деле. Кроме того, мои служебные обязанности в качестве Police Mogistrate и директора золотых приисков в очень большом округе оставляют мне очень мало свободного времени; если еще учесть время, которое у меня уходит на геологическую работу, как полевую, так и кабинетную, и которую мне приходится производить одному, то Вам станет ясным, что немного остается для этнологии. Все же Вы можете быть уверены в том, что, хотя мне возможно никогда и не удастся завершить хоть сколько-нибудь стоящий этнологический труд, я все же, не покладая рук, по крупицам все больше и больше буду накапливать материалы и, может быть, когда-нибудь мне посчастливится встретиться с такими лицами, которые также почувствуют интерес и важность этого дела. Я рад, что до вас дошел «Progress Report»; надеюсь, что Вы не понесли дополнительных расходов. Наверно произошла какая-нибудь ошибка на почте. Другие экземпляры, которые я послал, дошли благополучно. Я думаю, что предельный вес у нас для книг — 3 фунта. Недавно я послал Вам последний «Report», в котором Вы найдете и мою работу.

Я не имел никаких сведений от г. Файсона в течение некоторого времени, но надеюсь скоро получить. Я полагаю, что, когда он прочтет Вашу книгу, он напишет и мы обменяемся мнениями.

Примите уверения, мой дорогой сэр,
в искренней преданности
A. W. Howitt.

P. S. Ваши замечания на стр. 52 о четырех мужских классах и четырех женских находятся в известной степени в связи с системой одного мужского и одного женского класса в Гиппслэнде. Но племя Brabrolong, кроме того, еще распадается на три рода, которые не имеют специальных названий, а обозначаются только по местности...[10]

22

HOWLAND, EDWARD[1]

Casa Tonti.
Hammonton, New Jersey,
Box 88.
30 июля 1877.

Мой дорогой сэр,

Я прочел Вашу книгу «Древнее Общество» с таким удовольствием, что разрешил себе лично поблагодарить Вас за нее — вольность, которую, я уверен, Вы мне простите. По моему мнению, она создает эпоху в деле исторического изучения общественного развития, и метод, примененный Вами

в ней, предназначен исправить те методы, которые господствуют сейчас в историческом исследовании, как это произошло с ранее господствовавшими философскими теориями при установлении закона притяжения. Она делает историю человечества связной и последовательной, и я использую все случаи, которые мне представятся, чтобы высказать свое мнение в печати. Я уже говорил с г. Alden'ом[2] о возможности сделать это в «Harper's Magazine» и осуществлю это в виде статьи о развитии наших исторических методов или как-нибудь иначе, так как статья, специально посвященная Вашей книге, едва ли подойдет для этого журнала.

Чтобы выполнить мое намерение так, как мне хотелось бы, мне крайне необходимо увидеть Ваш труд «Системы родства»,[3] опубликованный Смитсоновским институтом, поэтому не могли ли бы Вы мне сообщить, как мне получить экземпляр этой книги. Смитсоновский институт, думаю я, не пустил ее в продажу, а библиотеки здесь нет.

С уважением
Ваш
Edward Howland.

Г-ну Льюису Г. Моргану.

23

MAINE, HENRY JAMES SUMNER[1]

London,
30 июля 1877.

Мой дорогой сэр,

Много недель прошло с тех пор, как я получил Вашу книгу «Древнее Общество», но не сообщал об этом только потому, что читал ее медленно, но зато очень внимательно от начала до конца. Теперь, когда я кончил ее, чувствую, что было бы совсем не любезно высказать о ней лишь краткое или суммарное суждение; скажу только, что я читал ее с величайшим интересом и едва ли в ней найдется такая глава, которая не давала бы каких-либо новых материалов для размышления. Какое мнение у меня составится о тех многих новых теориях, которые она выдвигает, я еще не знаю; но я намерен уделить им все то внимание, которого они заслуживают, за ту добросовестность и усердие, которые явствуют из каждой части Вашей книги, за новизну и остроумие Ваших выводов. Эта книга не может не оставить глубокого следа на том пути исследования, по которому мы оба идем.

Благодарю за любезное упоминание моего имени.

Примите уверения в искренней преданности
Ваш
H. S. Maine.

Досточтимому г. Л. Г. Моргану.

24

27 Cornwall Gardens, London. S. W.,
30 апреля 1878.

Мой дорогой сэр,

Вы вероятно помните, что, когда я благодарил Вас за присылку мне Вашего труда «Древнее Общество», я писал Вам, что намереваюсь прочесть его с большой тщательностью. Сейчас я изучаю его с большим вниманием, с большим интересом и пользой и не сомневаюсь, что буду иметь возможность выразить свое мнение о нем в печати. Но это не значит, что я намерен вторгнуться в область, которая является по преимуществу Вашей. Поле деятельности для исследователей ранней истории учреждений стало настолько обширным, что было бы полезно разделить его на отдельные участки, разрабатываемые отдельными работниками. Но я долго думал над тем, что исследователи вроде Вас, работа которых основывается на непосредственном наблюдении обычаев дикарей, и такие, как я, которые имеют дело, главным образом, с древними источниками и сводами писаных законов, должны будут найти точку соприкосновения в вопросах о роде, и в силу этого я очень хочу удостовериться в правильном понимании мной всех описанных Вами социальных явлений, которым Вы придаете такое большое значение.

Вряд ли нужно говорить о том, что род, по древним источникам и законам, относящимся к высшим или более развитым расам, оказывается прежде всего не только самодовлеющей группой, но и группой, занимающей определенную территорию. Имеется также достаточно доказательств в пользу того, что род являлся военной группой; возьмем хотя бы поразительный рассказ, отмеченный и Вами, о походе фабиев против Вейи. Все это совершенно понятно, поскольку это относится к «мужскому» роду, т. е. к такому роду, который теоретически производит себя от мужского предка и счет родства ведет по мужской линии. В этом случае мужчины, которые являются мускулами рода, всегда в нем остаются и выполняют трудовые и военные функции. Из некоторых Ваших замечаний в 7-й главе о «Конфедерации ацтеков» я заключаю о Вашем мнении, что члены каждого «мужского» индейского рода жили совместно на одной и той же территории; и Вы, вероятно, непосредственно наблюдали это в действительности.

Что же касается «женских» родов, т. е. родов, которые производят себя от женского предка и ведут счет родства по женской линии, то мне трудно представить их связанными с одной какой-либо определенной территорией или же военными единицами. Но очень возможно, что мои недоумения происходят только из незнания фактов, и это является причиной того, что я решаюсь беспокоить Вас некоторыми вопросами по поводу этих родов.[1]

Всегда ли женщины, по линии которых только эти роды ведут свой счет родства, остаются на территории своего рода, а их мужья приходят

к н и м из других родов? Всегда ли остаются жить их дочери вместе с ними, а их сыновья отправляются жить со своими женами в других родах?

Такую организацию легко себе представить, и мой друг, который был главным судьей в Британской Колумбии, описывает нечто, очень похожее на это, как господствующее у индейцев этой местности. Он рассказывает, что каждый мужчина-индеец ищет себе жену не в том селении, где он родился, а в другом, и что он уходит к ней жить и п о л у ч а е т е е и м я, — я думаю, ее родовое имя.

Но я хотел бы быть совершенно уверенным в этих фактах, и поэтому разрешите мне задать Вам вопрос: кто те взрослые мужчины, которые живут в «женском» роде? Я не сомневаюсь в том, что Вы сразу можете на это ответить на основании собственных наблюдений. Я, конечно, мог бы это легко выяснить из Вашей книги «Лига ирокезов», но эту книгу, кажется, нельзя достать в нашей стране.

Мои сомнения по этому вопросу возникают из трудности представить себе «женский» род, если он выше описан правильно, как самодовлеющую и военную организацию, так как все мужчины, которых нужно считать ядром группы, являются ей чужими от рождения.[1]

Не можете ли Вы мне также сообщить, в какой степени существование «женского» рода является препятствием к бракам между близкими родственниками. Если индеец имеет двух жен из разных «женских» родов, то ведь невероятно, чтобы их дети могли вступать в брак, хотя они и принадлежат к разным родам.[2]

Простите, что я Вас беспокою этими вопросами в интересах наших общих, близких друг другу исследований.

Примите уверения
в моей искренней преданности
Ваш

Досточтимому г. Л. Г. Моргану. H. S. M a i n e.

25

27 Cornwall Gardens, London,
30 июля 1878.

Мой дорогой сэр,

Я должен поблагодарить Вас за Ваше письмо и за номер «North American Review», в котором напечатана Ваша статья «Montezuma's Dinner». Эта статья была уже отмечена в Англии, и я добыл один экземпляр и прочел с величайшим интересом. Я тщательно следил за всеми Вашими исследованиями, поскольку они мне были известны, и в моей последней книге писал о значении Вашего труда «Системы родства и свойства».[1] С большим удовольствием я узнал, что в печати находится Ваш новый труд.[2]

Как Вы справедливо замечаете, мы подошли к одному и тому же вопросу с противоположных сторон. Вы, как видно, начали с непосредственного наблюдения обычаев дикарей, в то время как я начал в качестве

профессора юриспруденции и, весьма вероятно, никогда не заинтересовался бы примитивными обычаями, если бы не моя глубокая неудовлетворенность методами толкования юридических норм, которые были в моде тогда, когда я начинал писать. Но все же я склонен ограничиться в моих исследованиях древними учреждениями, которые я в состоянии более или менее отчетливо связать с современными идеями и способами мышления.

Нет сомнения в том, что эти два пути исследования все более и более обнаруживают тенденцию слиться во-едино, и если я еще не могу сказать, что связь между ними уже установлена, я все же готов это признать в каждом случае, когда для этого имеется достаточно данных. Ваша книга «Системы родства» etc. продвинула этот вопрос значительно дальше, чем это было до того, и я с большим интересом буду ждать Вашего нового труда. Несомненно, что история собственности теснейшим образом связана с историей общественного развития, и я думаю, что для полного выяснения вопроса должны быть привлечены физиология и биология.[3] Я несколько усомнился в безоговорочном признании антропологами теологического предположения о происхождении человечества от одной пары, чем, кажется, проникнута значительная часть современных исследований обычаев дикарей.

Примите уверения в моей искренности

Ваш

Досточтимому г. Л. Г. Моргану. H. S. Maine.

26

Master's Lodge,
Trinity Hall,
Cambridge,
8 ноября 1880.

Мой дорогой г. Морган,

Адрес, указанный в начале этого письма, отчасти объяснит Вам, как это случилось, что вы не получили ответа на письмо, которое Вы были так добры написать мне в начале лета. Я окончательно покинул Оксфорд и принял должность в другом нашем университете; круг обязанностей по этой должности было бы трудно Вам описать, а именно — это должность главы колледжа «Trinity Hall». Свой дом в Лондоне я все еще сохраняю за собой, хотя и не жил в нем в течение лета и осени. Но главная причина, по которой я не получил Вашего письма во-время, заключается в том, что я путешествовал с женой по континенту. Даже когда Ваше письмо попало мне в руки, я не мог отыскать упомянутых в нем книг, и только сегодня обнаружил их в пакете, пересланном несколько времени тому назад из Лондона.

Теперь я имею Вашу собственную статью «On the ruins of a stone pueblo on the Animas River in New Mexico» и две брошюры г. Bandelier о землевладении и социальной организации у мексиканцев.[1] Все эти работы кажутся мне в высшей степени интересными, и я не замедлю изучить их.

Я огорчен не очень хорошими сведениями о Вашем здоровье. Я сам имел рецидив индийской лихорадки, но воды Спа окончательно вылечили меня. Вероятно Вы слышали, что J. F. McLennan опасно болен, и я боюсь, что безнадежно. Я должен с сожалением сказать, что, как мне передали, болезнь еще больше увеличила его желчность и, как говорят, он занялся, насколько это ему возможно, писанием книги, которая должна уничтожить всех его воображаемых врагов, в том числе и меня.[2]

Если книги, которые Вы мне прислали, возбудят какие-либо вопросы, требующие ответа, я, возможно, решусь написать Вам опять. Пока разрешите мне заверить Вас, что я с глубоким интересом читал все, что Вы печатали, несмотря на то, что в некоторых пунктах я не совсем с Вами согласен.

Весьма преданный Вам

Досточтимому г. Л. Г. Моргану. H. S. Maine.

27

POWELL, JOHN WESLEY[1]

Департамент внутренних дел.
Северо-Американское Управление по географическому
и геологическому изучению области Скалистых гор.
J. W. Powell, главный геолог.

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Йорк.

Washington,
16 ноября 1876.

Мой дорогой сэр,

Первый и второй том моих «Contributions to North American Ethnology»[2] находятся в правительственной типографии, и дело быстро подвигается вперед. В добавление к материалам, собранным лично мной и моими отрядами, Смитсоновский институт передал мне все материалы, собранные различными его сотрудниками, для объединения и издания вместе с моими материалами. Гг. Trumbull,[3] Dall,[4] Powers и проф. Roehrig помогают мне в этой работе.

Я откладываю дальнейшее изучение всех материалов, относящихся к организации общества и управления у индейцев, и особенно желал бы получить Вашу новую книгу до того, как опять приняться за них, с тем, чтобы мы могли пересмотреть уже имеющиеся у нас материалы, равно как и те, которые еще предстоит получить, в том свете, который будет пролит на указанные вопросы изданием Ваших исследований. Пожалуйста сообщите мне, когда Вы ожидаете выхода в свет Вашей книги.

Будете ли Вы этой зимой в Вашингтоне? Я был бы рад продолжить с Вами обсуждение предполагаемой работы среди индейцев пуэбло.

С уважением
Ваш
J. W. Powell.

28

Департамент внутренних дел.
Северо-Американское Управление по географическому
и геологическому изучению области Скалистых гор.
J. W. Powell, главный геолог.

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Иорк.

Washington,
23 мая 1877.

Мой дорогой сэр,

Я должен поблагодарить Вас за Ваше любезное письмо. Ваша книга получена своевременно, и в первый же вечер я читал ее до двух часов. Я возьму ее с собой в поле и в свободные часы буду тщательно ее изучать, перечитывая много раз. С тех пор, как я ее прочел, я увидел, что у меня имеется много фактов, которые вполне укладываются в изложенную Вами систему; значения этих фактов я до сих пор не понимал. Если бы я прежде в большей степени оценил Вашу систему, думаю, что я мог бы представить Вам много добавочных данных. Я вполне убежден, что Вы правы в своем утверждении о необходимости того, чтобы американской этнологией занимались американцы. Американские языки совершенно неправильно трактовались всеми, кто о них писал, за исключением г. Trumbull. Американская мифология, как она до сих пор понималась, особенно европейцами, представляет собой кучу бессмыслицы, на самом же деле мы имеем в ней систему, полную глубокого интереса и красоты, и я думаю, что нам скоро удастся поставить изучение мифологии на должную основу. Прошу извинения за мой эгоизм, проявленный в этом замечании, но оно служит только введением для моих дальнейших рассуждений. Прочитав Вашу книгу, я убедился в том, что Вы открыли истинную систему организации общества и управления у индейцев. Когда вернусь с поля, я надеюсь иметь некоторый материал, который Вас заинтересует.

С уважением
Ваш покорный слуга
J. W. Powell.

29

RECLUS, MICHEL ELIE[1]

Милостивый Государь,

С этой же почтой посылаю Вам номер журнала, в котором я познакомил французское общество с Вашей основательной книгой: «Древнее Общество», благодаря которой, я уверен, наука о происхождении человеческого общества сделала важный шаг вперед. Этот первоначальный отзыв является материалом для более пространной статьи, которую я направил в Ваш американский журнал: «Radical Review», издаваемый г-ном Tucker'om в Нью-Бедфорде. В одной из предшествующих работ я разбирал «Primitive

Marriage» г-на МакЛеннана. Справедливость требовала, чтобы я не менее пространно разобрал Вашу книгу, которая дополнила и поправила во многих отношениях труд шотландского ученого. Я не касался возникшего между Вами спора, в котором преимущество лежит, очевидно, на Вашей стороне, так как, по моему, основным принципом, с которым следовало бы познакомить общество скорее, чем со второстепенными обстоятельствами, является принцип материнской филиации, принцип, по которому у Вас с Вашим соперником наблюдается полное единогласие.

Несколько месяцев тому назад я был в Нью-Иорке, и уже тогда мне хотелось съездить в Рочестер, чтобы повидаться с Вами. Но я воздержался от этого, по правде сказать, из-за недостатка времени и денег. Если бы Ваша книга уже появилась к тому времени, я, конечно, нашел бы как-нибудь возможность посетить Вас и лично засвидетельствовать Вам мое почтение и мои симпатии.

51 Ouerstone Road. Elie Reclus.
Hammersmith. Londres, W.
Суббота, 1 декабря [1877].

30

ROBERTS, T. N.

Г-ну Льюису Г. Моргану.

Columbia S. C.,
2 сентября 1877.

Дорогой сэр,

Я надеюсь, что Вы извините вольность, которую я себе позволяю, обращаясь к Вам, но, испытывая большой интерес к Вашим исследованиям древней (архаической) структуры общества, я не мог удержаться, чтобы не обратиться к Вам с просьбой. Я недавно занимал кафедру истории в Южно-Каролинском университете, — теперь закрытом по случаю перехода к новому политическому режиму, — и в процессе этой работы у меня возник глубокий интерес к исследованиям, которые Вы проводите в этой стране, равно как к исследованиям Герберта Спенсера, Мэна, Тайлора и др. в Британии и на континенте.

Только что получил Ваш труд «Древнее Общество», и слежу за Вашей аргументацией, глубоко ощущая при этом те великие проблемы, которые открываются нашему взору, равно как и те плодотворные мысли, которыми полон этот труд.

Большое практическое значение, которое эти вопросы имеют для исхода текущих политических событий, кажется, совершенно упускается из виду горе-политиками нашей страны.

Однако, как мне кажется, мало-по-малу вырабатывается более верное мнение, что функции и структура современного общества могут быть полностью поняты лишь при изучении архаических форм, через которые проходило всякое общество на пути его дальнейшего развития.

С практической точки зрения, я считаю, что Ваши исследования, равно как и исследования Тайлора, Мэна, Спенсера и других, имеют огромное значение и что им суждено действительно произвести большие изменения в современном мышлении. Кстати сказать, я искренне надеюсь, что здоровье г. Г. Спенсера сохранится еще долго в достаточно хорошем состоянии, чтобы он имел возможность закончить свой труд «Принципы социологии», который он довел до конца 1-го тома.

Просьба же, о которой я упомянул, заключается в следующем: я несколько раз просил одного из членов Конгресса добыть мне экземпляр Вашей книги «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family», но пока не представилось возможным ее получить.

Поэтому я хотел бы получить от Вас либо экземпляр этой работы, если у Вас имеется лишний, либо указание, где я мог бы получить тот том «Smithsonian Report», который содержит ее. Точно так же, где я мог бы достать экземпляр «The League of the Iroquois».

Надеясь, что Вы не сочтете нескромностью с моей стороны, что я позволил себе обратиться к Вам по собственному почину,

остаюсь
преданный Вам
T. N. Roberts.

31

SPENCER HERBERT[1]

19 июля 1877.

Дорогой сэр,

Я весьма обязан Вам за экземпляр Вашего труда «Древнее Общество». Он был бы мне полезен, если бы я имел его раньше, когда я работал над социальным строем и семейной организацией. Я не сомневаюсь, что позже, когда мне придется иметь дело с политической организацией, я найду в нем много ценного для меня материала.

Искренне Ваш
Herbert Spencer.

32

VALENTINI, PHILIPP JOHANN JOSEPH[1]

Профессору Г. Л. Моргану,
Рочестер.

New York,
5 декабря 1879.

Дорогой сэр,

Когда я впервые прочел Вашу книгу «Древнее Общество» (это было в Альбионе прошлым летом), то я счел Ваше объяснение господствовавшей у древних мексиканцев социальной организации из социальной организации,

существовавшей у северо-американских индейцев — теорией остроумной, но не очень вероятной.

В настоящее время я несколько более подготовлен и лучше осведомлен. Теперь я полностью оцениваю мудрость Ваших выводов. Благодаря труду Вашего друга и последователя, г. A. Bandelier, мы вынуждены теперь признать обнаруженные факты за историческую истину, и, поздравляя науку и тех, кому удалось добиться таких значительных результатов, я могу только удивляться тому обстоятельству, что в течение столь продолжительного времени это не признавалось всеми теми, которые считают себя историографами цивилизованных народов Мексики. Теперь, когда эти факты открыты, их истинный смысл понять не трудно, особенно если принять во внимание, что ацтекские эмигранты принадлежат прямо или косвенно к обширной семье американских индейцев, и поэтому мы должны так или иначе предположить, что они имели общественные учреждения, если не тождественные, то, по крайней мере, похожие на учреждения соседних племен и народов. Но такова судьба всех открытий; наиболее известным примером этого надолго останется колумбово яйцо.

Как работающий в той же самой области, по вопросам мексиканской доистории, я позволил себе выразить мое мнение в этих строках и преподнести Вам две монографии, которые я недавно написал, о каменном календаре и о медных орудиях. Разрешите мне также при этом удобном случае выразить желание установить связь с человеком, чьи любезные советы и откровенную критику я готов принять с сердечной благодарностью и почтением.

Искренне Ваш

Ph. Valentini.

33

WARD, J. H.

REGISTER IN BANCRUPTCY.
ATTORNEY AT LAW.
Office no. 206 Jefferson St., opposite Court-house.

Г-ну Льюису Г. Моргану,
Рочестер, Нью-Иорк.

Marquette, Michigan,
17 сентября 1878.

Сэр,

Я получил так много удовольствия при чтении Вашей книги «Древнее Общество» и почерпнул из нее так много ценных сведений, что мне хочется выразить Вам свою благодарность за Ваш труд и за то, как Вы его выполнили. Изучая литературу с намерением издать брошюру о «представительстве», в частности, у германских племен, когда они впервые появились на арене истории, я начал сомневаться в авторитетах, которые считали монархию архаической формой управления, а также усомнился в том, является ли избирательное право в демократическом обществе исключительно результатом соглашения и не может ли оно более справедливо быть

названо естественным правом. При таком состоянии мыслей и при намерении посвятить чтению литературы по этим вопросам ближайшие год-два, Вы, может быть, хотя бы смутно, представите себе, каким ценным кладом для меня явилась Ваша книга. Зная великодушие, которым преисполнены подобные Вам люди в отношении оказания помощи всем ищущим истины, я прошу Вас, если Вы знаете какое-либо авторитетное лицо, которое могло бы осветить вопрос, является ли избирательное право естественным правом или же результатом договора, связать меня с ним.

Изложенная Вами история развития семьи и законов наследования представила для меня, как для юриста, необычайный интерес.

Еще раз благодарю Вас за опубликование книги, которая является для меня величайшим сокровищем.

Остаюсь и т. д.

Jno. H. Ward.

Нахожусь временно здесь, так как страдаю сенной лихорадкой. Посылаю Вам свою брошюру.

34

WHITE, RICHARD GRANT [1]

118 East South St.,
New York,
5 апреля 1878.

Дорогой сэр,

Я далек от того, чтобы иметь притязание считаться авторитетом по вопросам, которые в Вашем письме предоставляются на мое усмотрение, равно как и по другим. Некоторое знание родного языка и некоторое знакомство с литературой на нем — это все, на что я могу претендовать и когда-либо претендовал.

Я не берусь сказать, является ли форма «monogamian» допустимой или недопустимой. Однако, меня лично удовлетворила бы форма «monogamous». Я также склоняюсь к тому мнению, что слово «monogamy» в практике хорошего английского языка означает абсолютное ограничение человека одним брачным партнером на всю жизнь, а не ограничение одним партнером на определенный отрезок времени. Но и Ваша форма «monogamian», возможно, правильна. Английский язык журнала «Saturday Review» обычно очень хорош, но его критика языка других часто невежественна и придирчива. Я это должен сказать, несмотря на то, что по отношению ко мне он был очень корректен.

С глубоким уважением

Rich. Grant White.

Г-ну Л. Г. Моргану.

3

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ

Notes on the Letters

К № 1

[1] Adams, Henry (16 II 1838—27 III 1918) — выдающийся американский историк, президент Американской Исторической Ассоциации (1894); автор большого числа оригинальных исследований, из коих главные: History of the United States from 1801 to 1817 (9 vols, 1889—1891); Mont-Saint-Michel and Chartres (1904); The Education of Henry Adams (1906); Documents relating to New England Federalism, 1800—1815 (1877); профессор истории в Гарвардском университете с 1870 до 1877 г.; основатель и руководитель первого исторического семинара в США. Результатом работы этого семинара явился коллективный труд: «Essays in Anglo-Saxon Law» (1876), где Adams'у принадлежит первая статья: «Anglo-Saxon Courts of Law». В течение 1875—1876 гг. Adams состоял редактором журнала «North American Review».

Настоящее письмо интересно в двух отношениях: во-первых, оно содержит ряд замечаний по поводу древних германцев и прогресса арийцев в связи с разведением домашних животных, и, таким образом, дает нам возможность установить господствовавшие в то время взгляды на эти вопросы среди представителей американской исторической науки, во-вторых, оно ярко иллюстрирует то влияние, которое оказало «Древнее Общество» Моргана на широкие круги ученых и каким толчком оно явилось для организации дальнейшего изучения американских индейцев.

[2] Marsh, Othniel Charles (29 X 1831—18 III 1899) — знаменитый американский зоолог и палеонтолог; президент Американской Академии Наук (1883—1895); организатор и руководитель целого ряда научных экспедиций в область Скалистых гор и др. Кроме большого числа работ по специальности, перу Marsh'а принадлежат и некоторые статьи на этнографические темы, из коих следует особо отметить его «Statement of Affairs at Red Cloud Agency made to the President of the United States», 1875.

[3] King, Clarence (6 I 1842—24 XII 1901) — американский геолог; в течение многих лет руководил геологическими исследованиями в области 40-й параллели, южной Сиерры и в пустынных районах южной Калифорнии и Аризоны.

[4] Agassiz, Alexander Emanuel (17 XII 1835—27 III 1910) — американский натуралист и филантроп; занимался исследованиями естественных богатств Перу и Чили.

[5] Pumpelly, Raphael (8 IX 1837—10 VIII 1923) — американский геолог; занимался геологическими и археологическими исследованиями в Америке и Азии.

[6] «Смитсоновский институт для увеличения знаний и распространения их среди людей» в Вашингтоне — одно из крупнейших и старейших научно-исследовательских учреждений в мире. Основан актом Конгресса от 10 августа 1846 г.

[7] Powell, John — см. примечание 1 к № 27.

[8] Рассуждения крупнейшего в свое время американского историка о древних германцах ярко рисуют доэнгельсовский период в изучении древней истории германцев. Автор, допустив методологическую ошибку и признав, что германцы перескочили через родовую организацию (аргументы Моргана, который касался этого вопроса вскользь, его не удовлетворили), вынужден был объяснить способность германцев к «организации политического общества» и «согласованию свободы с законом» врожденными качествами и расовыми особенностями германцев, в то время как Энгельс вскрыл настоящую причину этой способности и убедительнейшим образом доказал, что она является логическим и неизбежным следствием именно родовой организации германцев.

«Но в чем — пишет Энгельс — состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу? Была ли это особая, прирожденная германскому племени чудодейственная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет. Германцы, особенно тогда, были высоко одаренным арийским племенем, и притом в процессе полного жизненного расцвета. Но омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а просто — их варварство, их родовая организация.

«Их личная энергия и храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, который во всех общественных делах видел свое собственное дело, одним словом — все те качества, которые римлянин утратил и при наличии которых только и возможно было образовать из тины римского мира новые государства и создать почву для возникновения новых национальностей, — чем они были, как не характерными чертами варвара высшей ступени, как не плодами его родовой организации?

«Если германцы преобразовали античную форму моногамии, смягчили мужское господство в семье, дали женщине более высокое положение, чем это когда-либо знал классический мир, — что сделало их способными на

это, как не их варварство, их родовые обычаи, их еще живые пережитки эпохи материнского права?» (Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats, 4. Aufl., 1892, S. 161).

[9] Правда салических франков (VI в. нашей эры).

[10] Общее название для законов, обнародованных Юстинианом (кодекс, дигесты, институции, новеллы), VI в. нашей эры.

[11] Schweinfurth, Georg (29 XII 1836—19 IX 1925) — известный путешественник, исследователь Африки, этнолог, археолог и ботаник. До 1877 г. написал около 60 научных работ, в том числе двухтомное сочинение, вышедшее одновременно на немецком и английском языках: «Im Herzen von Afrika, Reisen and Entdeckungen im centralen Aequatorial-Afrika» (1874).

[12] McLennan, John Ferguson (14 X 1827—16 VI 1881) — шотландский юрист. Стал известным благодаря выпущенной им в 1865 г. книге: «Primitive Marriage. An inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonics». В этой книге МакЛеннан, независимо от Бахофена (см. примечание 1 к № 3), указал на то, что «the most ancient system in which the idea of blood-relationship was embodied, was a system of kinship through females only» (p. 124). Это явление (т. е. счет родства исключительно через женщин) он считал неизбежным следствием полиандрического брака, при котором действительный отец ребенка оставался неизвестным, а полиандрический брак в свою очередь он рассматривал как результат господствовавшего, по его мнению, некогда повсюду убийства девочек, вызванного недостатком средств к существованию в первобытном обществе (p. 132). Далее, он в этой книге впервые указал на повсеместное распространение того социального института, который он назвал экзогамией. Происхождение экзогамии он точно так же объяснял убийством девочек, которое «seriously disturbing the balance of the sexes within the hordes, forced them to prey upon one another for wives. Usage, induced by necessity, would in time establish a prejudice among the tribes observing it — a prejudice strong as a principle of religion, as every prejudice relating to marriage is apt to be — against marrying women of their own stock» (p. 112).

Блестящая критика взглядов МакЛеннана дана Энгельсом в предисловии к четвертому изданию его книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1892).

В 1876 г. МакЛеннан выпустил книгу «Studies in Ancient History» (куда вошла и напечатанная раньше работа «Primitive Marriage»), где в особой статье под названием «The Classificatory System of Relationships» (pp. 331—407) подверг резкой критике книгу Моргана «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family» (1871). МакЛеннан обрушился на предложенное Морганом объяснение генезиса и сущности классифика-

торской системы родства и на всю книгу в целом, объявив ее «совершенно ненаучной» (p. 371), и в противовес теории Моргана, по которой классификаторская система родства отражает фактически существовавшие и еще теперь у многих народов существующие семейно-брачные отношения и имеет свое основание в групповом браке, выдвинул положение, что «the classificatory system is a system of mutual salutations merely» (p. 366), что она является «a system of modes of addressing persons» (p. 372) и никоим образом не может считаться системой родства и свойства.

Эта статья МакЛеннана вызвала ответ Моргана, который вошел в «Ancient Society» в виде особой заметки под названием „Mr. J. F. McLennan's «Primitive Marriage»“ (pp. 509—521). В своем ответе, написанном в спокойном тоне и строго научно, Морган опроверг необоснованные нападки МакЛеннана и окончательно доказал несостоятельность и искусственность всех его построений.

К № 2

Alvord, Benjamin (18 VIII 1813—16 X 1884) — американский военный деятель и математик. В течение 21 года, с 1833 до 1854, Alvord служил в армии в качестве офицера. Гражданская война застала его в Орегоне, где он оставался до 1865 г. В течение всего времени его службы в Орегоне на нем лежала миссия защиты поселенцев от нападения индейцев, с одной стороны, и охраны мирных индейцев от агрессии белых — с другой. В 1876 г. получил чин бригадного генерала. Alvord написал несколько статей по этнографии американских индейцев и ряд оригинальных работ по математике.

Настоящее письмо, являющееся, как видно из его содержания, ответом на запрос Моргана о возможностях перевода индейцев на пастушескую жизнь, представляет интерес в двух отношениях: с одной стороны, оно ярко рисует произвол, хаос и безответственность, которые царили в управлении делами индейцев, и, таким образом, дает богатый фактический материал для характеристики отношения американского правительства к исконным хозяевам страны, а с другой — оно дает нам возможность судить о том большом внимании, которое Морган уделял индейскому вопросу, и характеризует Моргана как человека и общественного деятеля.

Морган не только изучал индейцев, но и все свои усилия прилагал к тому, чтобы облегчить их участь и изменить условия их жизни. Он наивно думал, что можно добиться существенного улучшения положения индейцев путем петиций к правительству, путем взывания к гражданскому чувству американских колонизаторов. Начиная с его выступления против Odgen Land Company (компания, которая обладала преимущественным правом на скупку земель индейских резерваций в Нью-Йорке), в результате чего ему удалось добиться расторжения кабального договора, заключенного названной компанией с индейским племенем сенека, Морган неоднократно

поднимал свой голос в защиту прав индейцев. Так, уже первая его монография «The League of the Ho-de'-no-sau-nee or Iroquois» (1851) заканчивается резким осуждением политики американского правительства в отношении индейцев.

«Наши взаимоотношения с индейцами — писал Морган — с самого основания республики и до настоящего момента преследовали в конечном счете исключительно выгоду правительства, в то время как поднятие культурного уровня индейцев было делом второстепенным, если оно вообще принималось в расчет в какой бы то ни было степени. Правда, затрачивались миллионы денег и даже соблюдалась некоторая видимость справедливости в их сложных делах, но во всех значительных сделках с ними правительство, как правило, оказывалось в выигрыше, а индейцы терпели убыток. В наших договорах с индейцами можно найти примеры искусной дипломатии, недостойного насилия и жестокой несправедливости — вечное пятно на гербе нашей республики» (ed. Lloyd, 1922, vol. II, p. 121).

И дальше:

«Не следует забывать того, что в последующие годы наша Республика должна будет дать отчет цивилизованному миру в том, как она обходилась с индейцами. Перед лицом этого трибунала недостаточно будет ссылаться на неизбежную обреченность индейцев, а нужно будет со всей убедительностью доказать, что ни один принцип справедливости не был нарушен, что ни одна возможность избавить их от ужасного положения не осталась неиспробованной... Великой обязанностью американского народа является прежде всего оградить их от агрессий в будущем, а затем создать такую систему наблюдения и опеки, которая в конце концов вывела бы их из глубокой примитивности индейской жизни и подготовила бы к использованию тех прав и привилегий, которые обычны для нас самих» (ibid., p. 123).

В 1876 г., в связи с знаменитым походом против индейцев генерала Custer'a, а также в связи со ставшей совершенно очевидной беспомощностью Бюро по индейским делам справиться со своими задачами, Морган выступил в журнале «Nation» с двумя статьями: «The Hue-and-cry against the Indians. Letter on the Custer Massacre» (July 20, 1876, p. 40—41) и «Factory System for Indian Reservations» (July 27, 1876, p. 58—59), в которых рекомендовал правительству определенную программу действий в отношении индейцев. Что особенно интересно, это то, что свою программу Морган научно обосновал, исходя из выработанной им теории развития человеческого общества, изложенной в «Древнем Обществе». Морган особенно рекомендовал правительству создать Департамент по индейским делам «and place it in the hands of one of the first men of the nation».

Морган решает обратиться со своими предложениями непосредственно к президенту. Но для этого он должен собрать некоторые дополнительные

фактические материалы, а также подготовить общественное мнение. С этой целью он обращается в Национальную Академию Наук и к целому ряду влиятельных лиц. Среди этих лиц был и автор настоящего письма — Alvord. Alvord хорошо знал положение индейцев на местах, сочувственно относился, как видно, к моргановским планам и был знаком (вероятно по армии) с новым президентом Hayes, Rutherford B. (4 III 1877—4 III 1881). Весьма вероятно, что в своем письме к Alvord'у Морган просил также представить его президенту. Немедленно по получении Морганом настоящего письма Alvord'а он обратился к президенту Hayes со следующим письмом (датировано 6 августа 1877):

«Как гражданин, я считаю себя в праве обратиться к Вам по общественному вопросу, который может быть заслуживает Вашего внимания как президента Соединенных Штатов.

Как мне кажется, наступило время, когда — начну прямо с конечных выводов — Конгрессу следовало бы создать «Департамент по индейским делам» с членом правительства во главе, с целью установления новой системы управления делами наших индейских племен. Основная моя мысль состоит в том, что этими племенами нельзя успешно управлять при помощи комиссии, возглавляемой министром внутренних дел. Мы имеем право считать, что предшествующий опыт доказал правильность этого положения. Несомненно новый Департамент с компетентным лицом во главе с этой задачей справится. Такая мера является самой действительной, какую американский народ может предложить для успешного управления делами наших индейцев. Необходимость в какой-то реформе, радикальной по характеру и достаточно обеспеченной поддержкой власти, всем очевидна. Страна подготовлена к такой реформе и, я уверен, встретит ее весьма сочувственно.

В Вашей власти решить вопрос о целесообразности такого Департамента, и если Ваше решение будет утвердительным — начать осуществление этого мероприятия с рекомендации его Конгрессу. Я очень надеюсь, что Вы сделаете это на предстоящей сессии и наметите проект законоположения с указанием во вступительной части на власть, обеспечивающую его проведение в жизнь.

Хотя в Соединенных Штатах имеется всего лишь 400 000 индейцев, — количество в итоге незначительное, — но они рассеяны по всем Территориям, где имеют много точек соприкосновения с нашим народом; их можно найти также в разных Штатах. Они и их потомки будут жить среди нас еще много веков, так как индейские способы производства средств к существованию гораздо более устойчивы и эффективны, чем мы склонны думать.

Индейские племена занимают по отношению к нам более значительное положение, чем следовало бы по их численности. Это потому, что они не являются частью нашей общественной и политической

системы. Они находятся вне нашего политического общества и не представляют составной части нашего народа. Но как туземцы этой страны и ее древние владельцы, они находятся к нам в особом отношении,—отношении, о котором, в известном смысле, даже страшно подумать. Мы ответственны за них перед человечеством.

Два мероприятия могут быть названы, которые, по крайней мере, обещают хорошее в будущем. Одно — это установление системы факторий для тех племен, которые уже давно привыкли к оседлой жизни в резервациях. Это будет вознаграждать и стимулировать их трудолюбие, в котором никогда не было недостатка у их женщин. Другое — это пастушеская система для индейцев равнин. Последнее наиболее существенно, так как оно захватывает те племена, где больше всего имеют место волнения.

Мы проглядели тот факт, что главные индейские племена перешли путем естественного развития от дикости к варварству. В своем относительном развитии они находятся в данное время на той ступени, на которой находились наши собственные предки-варвары в тот момент, когда они, благодаря приручению животных, перешли от низшего к более высокому состоянию варварства, т. е. отстояли почти на два этнических периода от цивилизации. Их усиленный прогресс начался с момента, когда они, благодаря стадам домашних животных, получили постоянную молочную и мясную пищу. После этого мы удивляемся тому, что наши индейцы не могут стать цивилизованными; но как они могут перескочить через этнические периоды, если этого не могли сделать наши отдаленные предки! Они имеют черепа и мозги варваров и должны продвигаться к цивилизации тем же путем, что и все человечество, которое достигло цивилизации благодаря развитию опыта.

Ближайшее состояние, к которому должны естественно перейти индейцы, есть пастушество. Без всякой помощи они научились разводить стада лошадей. И их можно научить разводить стада домашних животных. В этом им должно помочь правительство, снабжая их стадами животных и пастухами для ухода за ними до тех пор, пока они сами не убедятся в том, что естественный прирост может дать им обильную мясную и молочную пищу. Это разрешит индейскую проблему и облегчит их участь. Со временем они будут разводить на равнинах домашний скот в таких огромных количествах, как теперь размножаются на тех же равнинах буйволы. Индейские племена, таким образом, будут счастливы и довольны и освоят такие области, которые для нашего народа в настоящее время не имеют никакого значения.

С экономической точки зрения мы сами в этом непосредственно заинтересованы. Если в обширных центральных прериях будут разведены бесчисленные стада домашних животных, то они станут источником мясных припасов для всей страны к востоку от Миссисипи. Для осуществления этого великого дела правительству придется затратить

лишь небольшую часть той суммы, которая тратится ежегодно на индейцев, с той только разницей, что это разрешит индейскую проблему, подняв индейские племена равнин до состояния процветания, не говоря уже о здоровьи, и сделав их вместо бича источником пользы для страны, способствующим ее процветанию.

Нет надобности отнимать у Вас время и развивать перед Вами эти предложения. Современная система доказала свою полную несостоятельность. Она дискредитирует страну. Какое-либо новое мероприятие, обещающее успех, будет встречено с полным одобрением, так как вся страна будет рада увидеть индейские дела в более упорядоченном состоянии». (Приведено у Stern. Bernhard J. — «Lewis Henry Morgan, Social Evolutionist.», 1931, p. 56 sqq.)

Письмо Моргана не осталось без влияния. В своем первом годовом послании Сенату и Нижней Палате от 3 декабря 1877 г. президент Hayes коснулся и индейского вопроса, причем в таких выражениях, в которых явно чувствуется влияние Моргана. (Правда, вопрос о создании особого Департамента по индейским делам, к чему сводится по сути письмо Моргана, в послании совершенно не затронут.) Охарактеризовав в самых общих чертах положение индейцев и указав, что «многие, если не большинство войн индейцев с нами были вызваны нарушением обещаний и несправедливостью с нашей стороны, и приобщение индейцев к цивилизации происходило медленно вследствие того, что наше обхождение с ними мешало быстрому и широкому его развитию», Hayes далее говорит:

«Я искренне одобряю политику управления делами индейцев, обрисованную в отчетах министра внутренних дел и комиссара по делам индейцев. Честное выполнение наших обещаний есть первое условие для хороших взаимоотношений с индейцами. Я не могу слишком настойчиво рекомендовать Конгрессу отпустить быстро и щедро средства для добросовестного выполнения всех обязательств, взятых на себя правительством в отношении индейских племен. Но задерживать средства, необходимые для выполнения обещания, является всегда экономией неправильной и по своим последствиям может оказаться пагубной. Особенную заботу рекомендуется проявлять в отношении снабжения индейцев резерваций скотом и сельскохозяйственными орудиями, в оказании им помощи при всех проявляемых ими усилиях для поддержания своего существования, а также в деле устройства и субсидирования школ для них, с целью поставить их под влияние цивилизации. Я не вижу причин, почему индейцы, которые могут представить удовлетворительные доказательства тому, что они собственным трудом содержали свои семьи в течение ряда лет, и которые согласны порвать со своими племенными традициями, не должны пользоваться выгодами акта Конгресса о землепользовании и преимуществами гражданства. И я рекомендую издать закон по этому поводу. Это будет как делом

справедливости, так и мерой поощрения. Серьезные меры должны быть приняты для упорядочения дела управления индейцами, так чтобы каждый доллар, ассигнованный Конгрессом, был употреблен на пользу индейцев, как это предназначалось. Эти мероприятия встретят с моей стороны полную поддержку. С усовершенствованием управления и с введением всевозможных поощрений для индейцев, способствующих улучшению их положения и поднятию их на уровень цивилизации, можно надеяться, что мы совершим хорошее дело как для них, так и для нас самих». (James D. Richardson. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, vol. VII, 1902, p. 475 sqq.)

Как и следовало ожидать, все усилия Моргана и те небольшие успехи, которых ему иногда удавалось добиться, не могли приостановить наступление молодого американского капитала, который кровавой рукой сметал на своем пути все, что мешало его бурному росту.

[2] Эта статья напечатана под названием: «Winter Grazing in the Rocky Mountains» (Journal of the American Geographical Society of New York, vol. XV, 1883, pp. 257—288). О пучковых травах см. названную статью, p. 278 sqq.; о травах, высыхающих на корню — там же, p. 262.

[3] Индейское племя ирокезской языковой семьи. Некогда заселяло всю горную область южных Эллегенов.

[4] Индейское племя языковой семьи мускоги, жившее по среднему течению р. Миссисипи.

[5] Индейское племя сагаптинской языковой семьи, жившее по нижнему течению р. Снэк и по ее притокам.

[6] Группа индейских племен, обитавших первоначально во всей долине Миссури до Иеллоустона.

[7] Navaho — индейское племя атапаскской языковой семьи, жившее по реке Сан Хуан и южнее — в сев. Новой Мехико и Аризоне.

[8] Статья напечатана под названием: «Concerning the manners and customs, the superstitions, etc., of the Indians in Oregon» (Schoolcraft, Henry R., Information respecting the History, Condition and Prospects of the Indian Tribes of the United States, Part V, 1855, pp. 651—657). Статья датирована: 17 июля 1853. Fort Dalles, Columbia River, Oregon.

См. о политике Hudson Bay Co. по отношению к индейцам названную статью Alvord'a, p. 656.

*

К № 3

[1] Bachofen, Johann Jakob (22 XII 1815—25 XI 1887) — швейцарский филолог и историк. В 1861 г. вышел в свет его знаменитый труд «Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur» (Stuttgart, XL + 435 S.). Этим трудом своим Бахофен произвел полный переворот в существовавших взглядах на ранние формы семьи и человеческого общежития и положил начало научному исследованию истории семьи. На основании огромного количества фактов, почерпнутых из древней классической литературы и совершенно наново истолкованных, Бахофен впервые попытался доказать, что ни моногамная семья, ни патриархальный строй не могут считаться исходными в развитии общества, и что человеческое общество повсюду начало с беспорядочного общения полов, что неизбежно, в виду неизвестности отца, обусловило счет родства по материнской линии, а это в свою очередь привело к материнскому праву, а затем к господству женщин, гинекократии. Свою концепцию Бахофен продолжал развивать и в более поздних своих сочинениях, в частности в вышедшей в 1862 г. книге «Das lykische Volk und seine Bedeutung für die Entwicklung des Altertums» (Freiburg i. Br., VII + 87 S.) и в вышедшей в 1870 г. книге «Die Sage von Tanaquil. Eine Untersuchung über den Orientalismus in Rom und Italien» (Heidelberg, LVI + 356 S.). Венчает же его работы в этом направлении книга «Antiquarische Briefe vornemlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegiffe» (Strassburg, Band I, 1880, 278 S.; Band II, 1886, 244 S.), которая является самым ярким сочинением Бахофена и одним из лучших сочинений по истории семьи вообще.

Все значение теорий Бахофена освещено Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (предисловие к 4-му изданию и 2-я глава).

Публикуемые нами письма Бахофена относятся к тому периоду, когда он работал над своим последним сочинением «Antiquarische Briefe», и представляют интерес в следующих отношениях:

1. Они показывают, какое огромное влияние оказал Морган на названное сочинение Бахофена. В этом сочинении Бахофен впервые выходит за пределы классического мира и широко пользуется для доказательства своих основных положений этнографическими материалами. В этом следует усмотреть влияние как «Древнего Общества», так и личных указаний Моргана. Кроме того, мы из этих писем узнаем, что, усиленно работая в последние годы над этнографическими источниками, Бахофен получал все необходимые документы и книги по американским индейцам, социальным отношениям которых для понимания истории античного общества он придавал исключительное значение, непосредственно от Моргана или же через него.

2. Они содержат ряд мыслей, которые не нашли своего отражения в опубликованных произведениях Бахофена, и, таким образом, дают нам возможность составить более полное представление о научном мировоззрении Бахофена.

3. Они иллюстрируют влияние Моргана на развитие эволюционных взглядов Бахофена. Впервые с такой четкостью сформулированные Морганом в «Древнем Обществе» положения эволюционистов о единстве человеческого рода, о единообразном пути развития человеческого общества и закономерности человеческого развития были полностью восприняты Бахофеном и отражены в его последней работе. Именно влиянию прежде всего Моргана следует приписать то место в письме от 29 октября 1880 г., где Бахофен, говоря о ступенях развития первобытного общества, указывает: «Diese folgen überall denselben Gesetzen und sind in allen Welttheilen dieselben», а также следующие места в «Antiquarische Briefe», где Бахофен, настойчиво защищая идеи эволюционизма и решительно возражая против расовых теорий в историческом исследовании, говорит:

> «Hüten wir uns, die Innigkeit der Geschwistergesinnung zu einem besondern Ruhmestitel unserer Nation zu erheben und die Theilnahme des Mutterbruders an dem Wohl und Wehe des Schwestersöhne als einen Beweis hoher Sittlichkeit des germanischen Familienlebens geltend zu machen. Eine Bildungsstufe der Menschheit, keine Eigenthümlichkeit eines einzelnen Volksthums liegt hier vor». (B. I, S. 187.)

И дальше, говоря о том, что дети сестер являются между собой братьями и сестрами, он прибавляет:

> «sie bildet überhaupt keine Volksauszeichnung, sondern die Eigenthümlichkeit einer bestimmten Culturstufe». (B. I, S. 196.)

Там же, на стр. 204:

> «Doch der Mensch ist stets derselbe, in jeder Zone, welche Bildung sein Schädel, welche Farbe seine Haut, welchen Wuchs sein Haar auch zeigen mag. It is always the same brain...... Nicht überraschen wird Sie daher die Ideenübereinstimmung welcher ich bei meiner Wanderung um den Globus allerwärts begegne».

Или:

> «Der menschliche Schädel birgt überall dasselbe Gehirn. In den Steppen jenseits des kaspischen Meeres wie in den blühenden Gefilden zwischen Arno und Tiber herrscht nur eine Naturanlage, nur ein Gesetz der Entwicklung». (B. II, S. 95.)

4. Они рисуют резко отрицательное отношение Бахофена к немецкой исторической науке того времени и показывают, что Бахофен обладал здоровым историческим чутьем, которое дало ему возможность, несмотря на

идеалистическое мировоззрение и даже мистицизм, придти к своим гениальным выводам.

Эти письма приобретают для нас исключительное значение особенно теперь в связи с той страстной полемикой, которая разгорелась за последнее время в немецкой литературе вокруг Бахофена и его теорий.

В начале 20-х годов нашего века в небольшом кругу молодых немецких исследователей (главным образом психологов и философов) стал проявляться оживленный, на первый взгляд даже непонятный, интерес к сочинениям Бахофена, и появилась тенденция к возрождению его идей. Результатом этого было частичное переиздание сочинений Бахофена (Oknos der Seilflecher, hrsg. und eingeleitet von Manfred Schroeter, München 1923; Das lykische Volk. Hrsg. von M. Schroeter («Die Schweiz im deutchen Geistesleben», 30. Bändchen), Frauenf. u. Leipz. 1924; Versuch uber die Gräbersymbolik der Alten, hrsg. von C. A. Bernoulli, Basel, 1925; Der Mythus von Orient und Occident. Eine Methaphysik der alten Welt. Aus den Werken von J. J. Bachofen mit einer Einleitung von Alfred Bäumler, hrsg. von M. Schroeter, München, 1926; Urreligion und antike Symbole. Systematisch angeordnete Auswahl, hrsg. von C. A. Bernoulli, Leipzig, 1926, 3 Bände; Selbstbiographie und Antrittsrede über das Naturrecht, hrsg. von A. Bäumler («Philosophie und Geisteswissenschaft», 5. Band), Halle a. S., 1927; Mutterrecht und Urreligion. Eine Auswahl hrsg. von Rudolf Marx, Lpz., 1927; и др.), и целый ряд работ, посвященных его творчеству (Schroeter, Zum Geistesgeschitlichen Bedeutung J. J. Bachofens — предисловие к книге «Oknos der Seilflechter», 1923; Bernoulli, J. J. Bachofen als Religionsforscher («Die Scheiz im deutchen Geistesleben», 37. Bändchen), 1924; Bernoulli, J. J. Bachofen und das Natursymbol, 1924; Bäumler, Bachofen der Mythologe der Romantik («Der Mythus von Orient und Occident, Einleitung), 1926; и т. д. и т. д.).

Это течение глубоко реакционное. Оно коренится в возрождающемся в последнее время на Западе романтизме и мистицизме. Только Бахофен-романтик, Бахофен-мистик интересует этих авторов и привлекает их внимание. Они опираются на Бахофена и используют его авторитет, чтобы придать бо́льший вес и широкую популярность своим собственным идеям. Очень ярко реакционная направленность этого течения выражена в статье, помещенной в «Preussische Jahrbücher» (Bd. 209, H. 1, Juli 1927, S. 75) — Deubel Werner, Der Kampf um Johann Jakob Bachofen»:

> «... так пора уже, несмотря на смехотворную и отвратительную полемику Bäumler'а, вспомнить о важности и неоценимости сокровища, оставленного Бахофеном, сокровища, которое искали и ищут по существу все романтики.
>
> Ибо то обстоятельство, что религиозное и метафизическое содержание сочинений Бахофена через два примерно поколения вновь воссияло полным светом, свидетельствует о том, что немецкая романтика не есть забытая, в музей истории сданная духовная эпоха, а непрерыв-

ный, правда, иногда бьющий под землей, поток, от «живой воды» которого, может быть действительно когда-нибудь немецкая сущность, а вместе с этим и мир, — именно религия, философия и науки, — опять воспрянут. Только надобно следить, чтобы воды этого потока, в нашу фальшивую, с ослабленными инстинктами эпоху, не оказались бы, по недосмотру, отравленными».

Этот возврат к Бахофену вызвал бурю негодования среди группы других авторов, для которых теории Бахофена также страшны и ненавистны, как и идеи эволюционизма и марксизма. Разгорелась ожесточенная полемика. Появился ряд работ, направленных против Бахофена, в которых поносится его имя, и его концепция материнского права подвергается чрезвычайно резким и совершенно голословным нападкам. (См. напр., Ernst Karl Winter, Bachofen-Renaissance, «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Bd. 85. H. 2, 1928, S. 316—342; Ernst Howald, Der Kampf um Creuzers Symbolik, 1926, S. 28; idem, Wider J. J. Bachofen, «Wissen und Leben», 17, 1928, S. 757 ff.)

Публикуемые нами письма в значительной мере помогают нам вскрыть социально-политическую сущность этой полемики. В них перед нами выступает не Бахофен метафизик и не Бахофен романтик, а прежде всего Бахофен эволюционист, Бахофен, отрекшийся от рутинных методов исследования, Бахофен — прокладыватель новых путей, Бахофен — честный ученый и гениальный мыслитель. Эти письма лишний раз подчеркивают, что сила Бахофена не в его романтизме и мистических формулировках (как это нам хотят представить его новые «последователи» на Западе), а в тех социологических выводах и положениях, которые кроются за этими формулировками и которые, по выражению Энгельса, в то время означали настоящую революцию («eine vollständige Revolution». Vorworte zur vierten Auflage: «Ursprung der Familie, etc.», S. XIV). Ярость его противников после этого совершенно понятна.

[2] Имеется в виду труд Моргана «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family» (Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII, 1871).

[3] См. прим. 12 к № 1.

[4] Интересно сопоставить отзыв Бахофена о МакЛеннане с отзывом Энгельса о нем же. Так, в предисловии к 4-му изданию «Происхождения семьи и т. д.» (S. XV) Энгельс, сравнивая МакЛеннана с Бахофеном, пишет: «Вместо гениального мистика (т. е. Бахофена. *И. В.*) мы имеем в его лице сухого юриста; вместо буйной поэтической фантазии — правдоподобные комбинации выступающего в суде адвоката». См. еще стр. XX («Так и кажется, что слушаешь прокурора...»).

[5] Продолжая дальнейшее изучение материнской семьи, ее внутренней организации и взаимоотношений между отдельными ее членами, Бахофен уделяет большое внимание вопросу об отношениях между братом и сестрой, между братом и сыном сестры, между братом и дочерью сестры (т. е. между дядей по матери и племянником и племянницей). Выяснению этого вопроса и посвящена по существу его работа «Antiquarische Briefe».

Вопрос об авункулате имеет большое теоретическое значение, так как он является одним из центральных моментов в проблеме материнского права и материнской организации общества. Это прекрасно понял Бахофен. Огромное значение этого института отметил и Энгельс. Так, говоря о германцах и выявляя у них пережитки родового строя, Энгельс пишет: «Решающим является одно место у Тацита, где говорится: брат матери рассматривает своего племянника как своего сына; некоторые даже считают кровную связь между дядей по матери и племянником более священной и тесной, чем связь между отцом и сыном, так что, при требовании заложников, сын сестры считается большей гарантией, чем собственный сын того, кого хотят связать поручительством. Hier haben wir ein lebendiges Stück aus der nach Mutterrecht organisirten, also ursprünglichen Gens... Если бы мы не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, одного этого места было бы достаточно». (Ursprung der Familie, etc. 4 Aufl., S.139.)

Действительно, загадочные до известной степени отношения между дядей по матери и племянником, отмеченные у многих народов на всем земном шаре, находят свое единственно удовлетворительное объяснение только в материнском роде. Как известно, материнский род состоит из сестер и их родных братьев, детей сестер и потомков этих детей по женской линии. Из него исключены мужья сестер, следовательно отцы детей, а также дети братьев сестер, которые принадлежат роду своей матери. При таком положении вещей совершенно естественно, что брат матери, являющийся членом общего со своей сестрой и ее детьми родового союза и коммунистического хозяйства, занимает по отношению к детям своей сестры то же самое положение, что отец по отношению к своим детям в отцовском роде. А так как пережитки этих отношений между дядей по матери и детьми его сестер сохранились у огромного числа народов, организованных уже на отцовском начале, мы имеем возможность на основании этого факта восстановить пройденную этими народами стадию общественного развития и утверждать о повсеместном существовании материнского рода и его приоритете.

Надо сказать, однако, что, собрав и обработав большой материал по авункулату, Бахофен вместе с тем не совсем уяснил себе природу этого института. Материнскую семью («natürliche Familie», «Mutterfamilie», «Schwesterfamilie», «Schwestersohnfamilie», «vaterlose Familie», как ее Бахофен называет) и авункулат Бахофен считает результатом беспорядочных половых сношений, промискуитета. Он рассматривает материнское право вне его связи с родовым строем, все время говорит о «материнской семье»,

а не, что было бы правильнее, о материнском роде (открытие, которое является величайшей заслугой Моргана). Но ведь материнская система вне родовой организации — голая формула, лишенная социального содержания. Отсюда, при прекрасном понимании Бахофеном, что особые отношения между братом и сестрой, между братом и детьми сестер являются особенностью семьи, построенной на материнском начале, результатом матернитета,' — не понимание им причин этого явления. Генезис этих отношений следует искать не в промискуитете, а, как мы уже говорили выше, в материнском роде. Очень возможно, что на отношения между братом и сестрой и между дядей по матери и племянником еще продолжали влиять и те порядки, которые существовали до возникновения рода, при кровнородственной семье (семье, основанной на групповом браке между братьями и сестрами), когда брат и сестра были мужем и женой и когда брат матери был мужем матери и, следовательно, отцом ее детей. Именно этим прекрасно объясняется и тот факт, что у многих народов брат матери еще продолжает называться отцом, а сын сестры — сыном. В то время, как семья у этих народов уже развилась в пуналуальную, система родства (или вся в целом или только отдельные черты ее) осталась еще прежняя — гавайская, соответствующая кровнородственной семье.

[6] Имеется в виду труд Моргана «League of the Ho-de'-no-sau-nee or Iroquois», 1851.

К № 4

[1] См. прим. 2 к № 3.

[2] См. подробно об этом статью Бахофена «Matris genus Peridiae» (Antiquarische Briefe, B. I, 92—101).

[3] К такому же толкованию лангобардских «pharae» склонялся и Энгельс:

«Dasselbe dürfte denn auch von der fara gelten, mit welchem Ausdruck bei Burgundern und Langobarden — also bei einem gothischen und einem herminonischen oder hochdeutschen Volksstamm — so ziemlich, wenn nicht genau dasselbe, bezeichnet wird wie mit genealogia im alamannischen Rechtsbuch. Was hier in Wirklichkeit vorliegt: Gens oder Hausgenossenschaft, muss noch näher untersucht verden». (Ursprung der Familie, etc. S. 137.)

[4] Имеется в виду следующее место у Тацита:

«Sororum filiis idem apud avunculum quam apud patrem honor. Quidam sanctiorem, arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur et in accipiendis obsidibus magis exigunt, tamquam ii et animum firmius et

domum latius teneant». [Сыновья сестер пользуются у дяди по матери таким же почетом, что и у отца. Некоторые (племена) считают эту кровную связь еще более священной и тесной и, получая заложников, они настаивают на сыновьях сестер, так как последние крепче связывают и шире захватывают домашние интересы] (Germania, c. XX).

[5] См. по этому вопросу статью Бахофена «Bruder und Schwester in der Chrimhildsage der Nibelungen» (Antiquarische Briefe, B. I, 169—177).

[6] См. Antiquarische Briefe, B. II, 121.

[7] См. статью Бахофена «Bruder und Schwester in der Chrimhildsage der Edda» (Antiquarische Briefe, B. I, 178—188).

[8] Lex Salica, LVIII: De chrene cruda. Там говорится, что в случае, если виновный в убийстве человека не в состоянии сам уплатить следуемую от него по закону виру, к уплате таковой привлекаются его родственники, причем в следующей последовательности: мать, брат и сестра, сестра матери и дети сестры матери, т. е. ближайшие родственники по материнской линии, а затем уже родственники по отцу.

«Quod si jam mater et fratres solserunt, tunc super sororem matris aut super filios suos debet illa terra jactare, id est super tres de generatione matris et super tres de generatione patris qui proximiores sunt». [Если матери и братьев и сестер уже больше нет, тогда земля (речь идет о земле, взятой с четырех углов дома и игравшей символическую роль при обозначении лиц, которые должны платить виру, *И. В.*) должна ложиться на сестру матери или на сыновей сестры матери, т. е. на трех из рода матери и на трех из рода отца, которые являются наиболее близкими].

(См. Georg Waitz, Das alte Recht der Salischen Franken, 1846, S. 265, 109 f. Этой именно книгой, я предполагаю, пользовался Бахофен по вопросам, касающимся Салической Правды).

Lex Salica XLIV: De reipus. Там говорится о том, что, если человек пожелает жениться на вдове, он должен получить на это право у ее родственников путем символической покупки. В судебном заседании он должен уплатить ее родственникам 3 солида и 1 денарий. При этом указаны в последовательном порядке те родственники, коим следует reipus: старший сын сестры вдовы, сын племянницы, сын двоюродной сестры с материнской стороны, брат матери, а затем уже идут родственники мужа.

«4. Hoc discernendum est cui reipi debeantur.
5. Si nepus sororis filius fuerit senior, ipse accipiat.
6. Si nepus non fuerit, neptis filius senior eos accipiat.
7. Si vero neptis filius non fuerit, consobrinae filius, qui ex materno genere venit, ipse eos accipiat.

8. Si vero nec consobrinae filius fuerit, tunc avunculus frater matris reipus accipiat.

9. Si vero nec avunculus fuerit, tunc frater illius qui eam mulierem ante habuit, si in hereditatem non est venturus, ipse reipus accipiat».

[4. Разграничение, кому следует уплачивать выкуп за брак со вдовой.

5. Если имеется старший племянник, сын сестры, — он получает.

6. Если племянника нет, то получает старший сын племянницы.

7. Если нет сына племянницы, то получает сын двоюродной сестры с материнской стороны.

8. Если нет сына двоюродной сестры, выкуп получает дядя, брат матери.

9. Если нет брата матери, тогда выкуп получает брат того, кто ее раньше имел женой, если он не получит наследства от брата.]

(См. Waitz, op. cit. S. 252, 111 f.).

Эти места в Салической Правде, равно как и титул LIX: De alodis, в котором говорится о порядке наследования, могут быть поняты только как пережитки материнского права.

[9] Ancient Society, p. 429. Цезарь пишет о брачных обычаях у древних бриттов: «Uxores habent deni duodenique inter se communes, et maxime fratres cum fratribus parentesque cum liberis». [По 10 и 12 (мужчин) имеют общих жен и преимущественно братья с братьями и отцы с сыновьями.] (De Bell. Gall., V, 14).

[10] Т. е. пуналуальный брак.

[11] Имеются в виду: Tenth Report of the Peabody Museum, 1877, в котором напечатана работа Ad. Bandelier «On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans», и Eleventh Report of the Peabody Museum, 1878, в котором напечатана работа того же автора: «On the distribution and tenure of lands, and the customs with respect to inheritance, among the ancient Mexicans».

[12] Müller, Johann Georg (8 V 1800—31 VIII 1875) — профессор теологии в университете в Базеле с 1835 г. Читал курсы экзегетики Нового завета и сравнительной истории религий. Основные сочинения: «Geschichte der amerikanischen Urreligionen», 1854; 2.Aufl. 1867; «Die Semiten in ihrem Verhältniss zu Chamiten und Japhetiten», 1872.

К № 5

[1] Liebrecht, Felix (13 III 1812—3 VIII 1890) — мифолог и фольклорист. С 1849 г. преподаватель в «Collège communal» в Lüttich, а с 1851 г. профессор немецкого языка в «Athénée royal» там же. В 1867 г. вышел на пенсию и продолжал заниматься почти исключительно научной работой.

Как видно из библиографии его работ, напечатанной в «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», 12. Jahrg., 1902, S. 252—262, рецензия на книгу Моргана «Древнее Общество» им не была написана.

[2] Gentis enuptio — выражение, встречающееся один раз в римской литературе у Ливия (XXXIX, 19) и означающее: «выход замуж вне рода». Ливий рассказывает, что в 568 г. с основания Рима, т. е. в 186 г. до нашей эры, сенат постановил, «чтобы Феценин Гиспале было предоставлено право располагать своим имуществом, уменьшать его, выйти замуж вне рода (gentis enuptio) и избрать себе опекуна так, как если бы муж передал ей (это право) по завещанию». Это место у Ливия, давшее повод Момзену построить совершенно неверную гипотезу об эндогамности римского рода (Römische Forschungen, 1864, B. I, 9—11), было вполне правильно истолковано Энгельсом (Ursprung der Familie, etc. S. 122—126). Энгельс считал (вместе с Морганом), что римский род был первоначально экзогамным и в этом отношении ничем не отличался от рода у других народов. Что же касается привилегии, предоставленной сенатом вольноотпущеннице Феценин Гиспале выйти замуж вне рода, то отсюда вовсе не следует, что женщина обычно должна была выходить замуж обязательно внутри своего рода. Феценния Гиспала вышла в первом браке за мужчину из другого рода и вследствие этого брака перешла в род мужа. После смерти мужа она, как член его рода, унаследовала его имущество. И совершенно естественно, что род, в целях сохранения имущества своего члена, был весьма заинтересован в том, чтобы Феценния Гиспала вышла вторично замуж внутри данного рода, а не за члена другого рода. При этом нисколько не был бы нарушен принцип экзогамности, ибо хотя Феценния Гиспала и принята в род мужа, но она не связана с ним кровным родством, а имущество покойного члена рода осталось бы в роде. Привилегия выйти замуж вне рода своего первого мужа, таким образом, оказывается совершенно ясной и само собой понятной.

Бахофен, как видно, также держался того мнения, что римский род был экзогамным. Что же касается gentis enuptio, то в этом вопросе он, по всей вероятности, находился под влиянием Ludw. Lange. Последний в своей книге «Römische Alterthümer» (Band I, 3.Aufl., 1876, S. 115) писал:

> «Dass es bei feststehendem conubium noch eines besondern Beschlusses des Geschlechts rücksichtlich der gentis enuptio bedurft hätte, ist nicht wahrscheinlich, da die Verleihung der gentis enuptio nur bezüglich einer Freigelassenen bezeugt ist, und der Schluss von den libertae auf ingenuae schwerlich erlaubt ist».

Между прочим, Энгельс (loc. cit.) также допускал такое толкование.

[3] По преданию, во время войны Рима с Альба-Лонгой, при царе Тулле Гостилии, три Горация были выставлены борцами против трех Куриациев,

борцов Альбы, причем было условлено, что исход борьбы решит судьбу войны. Два Горация пали; третьему, благодаря примененной хитрости, удалось разъединить преследовавших его Курациев и убить их одного за другим. Когда Гораций победоносно возвращался в Рим, ему на встречу вышла его сестра — невеста одного из убитых Курациев. Увидев на плечах своего брата военную одежду своего жениха, она стала его громко оплакивать. В гневе Гораций убил свою сестру. Приговоренный к смертной казни за совершенное убийство, Гораций аппелировал к народу и был помилован.

[4] Sororium tigillum — древний памятник в Риме; состоял первоначально из двух столбов, из коих один олицетворял мужское божество Ianus, а второй — женское божество Soror, и из третьего поперечного, который их соединял и который назывался «sororium tigillum» («сестрин столб»). Позже этот памятник был изменен и превращен в место культа: поперечный столб, перегораживавший улицу, был вделан в стены противостоявших домов, а под ним по обеим сторонам были установлены два жертвенника, один богу Ianus Curiatius, а другой — Iuno Sororia. Ежегодно 1 октября на этих жертвенниках совершалось публичное жертвоприношение, исполнителем которого первоначально являлся род Горациев.

Sororium tigillum и связанный с ним культ приписывается преданием изложенному в предыдущем примечании событию. Так, по Ливию, отец Горация, чтобы искупить вину своего сына, совершил жертвоприношение (которое затем стало родовым жертвоприношением Горациев), положил поперек дороги столб и заставил сына пройти под ним с закутанной головой.

Истолкованию генезиса и трансформации sororium tigillum Бахофен посвятил особую статью под названием «Sororium tigillum» (Antiquarische Briefe, B. I, 188—203), которая, по своему остроумию, четкости и убедительности, является одним из самых ярких сочинений Бахофена.

> «Это предание — пишет Бахофен (названное соч., стр. 193) — подводит нас к поворотному пункту, который наступил в культе sororium tigillum в первом веке существования Рима. Этот культ возник у скотоводов и охотников и, не ослабевая в своем значении, передавался из рода в род в течение бесконечных периодов времени. Но при Тулле он подвергся изменению. Политические идеи Рима не могли примириться с естественными взглядами, лежавшими в основе этого культа. Борьба с Альбой сломила его господство, и с ним вместе рухнул освященный веками сестринский принцип (Schwester-Prinzipat). Сестра Горация была его последней представительницей, а ее брат, Гораций, убивший ее, — есть уже представитель нового времени. Сестра не выражает победоносно возвращающемуся брату родственных чувств и платит за это своей жизнью. Какой закон должен с этого времени господствовать, закон крови или государственности, закон, основанный на естественном или на политическом начале?

Если sororium tigillum олицетворял ранее нерасторжимость наиболее тесного и священного кровного союза и невозможность искупления за преступления, совершенные против него, то с этих пор он является памятником преодоления древнего права, памятником господства политического начала над всеми требованиями родства и семьи».

И далее:

«Гораций стоит на границе первой (т. е. на естественном начале основанной. *И. В.*) и второй (т. е. на политическом начале основанной. *И. В.*) эпохи: корнями он уходит в первую, а через его поступок восторжествовала вторая» (там же, стр. 200).

Приходится только удивляться тому, что единственно верное толкование Бахофена до сих пор упорно замалчивается. Так, напр., у Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. d. class. Alterth., Suppl. III, 1918, S. 1178, говорится, что «первоначальное значение того очень древнего культа, который носил название Tigillum sororium, остается для нас, к сожалению, скрытым во мраке», и среди приведенных авторов, писавших об этом культе, фигурируют даже такие, которые касались этого вопроса вскользь, а имя Бахофена совершенно отсутствует.

[5] О связи praenomen Numerius с материнским правом см. «Das Mutterrecht», S. 299. О роде Фабиев см. «Die Sage von Tanaquil, S. 77f. См. также «Antiquarische Briefe», B. II, 133 f.

[6] Говоря о господстве принципа матриитета в Египте, Бахофен имеет в виду главным образом следующее место у Геродота (II, 35): «Женщины отправляются там в места общественных собраний, производят торговлю и занимаются промыслами, тогда как мужчины сидят дома и ткут», а также место у Диодора (I, 27), где говорится: «за многие благодеяния Изиды было постановлено, что царица будет пользоваться бо́льшим могуществом и уважением, нежели царь; этим и объясняется, почему у частных людей, в силу брачного контракта, мужчина принадлежит женщине, и в контракте постановляется, что муж должен повиноваться жене».

[7] Имеется в виду рецензия Edward B. Tylor'а на «Древнее общество» Моргана, напечатанная в еженедельном журнале «The Academy» (London, vol. XIV, July 20 1878, p. 67—68).

[8] A. Giraud-Teulon, Les origines de la famille. Genève, 1874. Взгляды автора на римский род изложены в 5-й главе, трактующей о происхождении рода.

К № 6

[1] Речь идет о первом томе «Antiquarische Briefe», вышедшем в 1880 г. Том содержит 30 статей.

[2] Посвящение гласит:

«Den Herrn

Lewis H. Morgan in Rochester (New-York),
Felix Liebrecht in Lüttich,
Ludolph Stephani in St. Petersburg
aus Dankbarkeit für fielfach
empfangene Belehrung
gevidmet von
dem Verfasser.
Basel, im September 1880».

К № 7

[1] Cn. Marcius Coriolanus — знаменитый римский патриций.

[2] Veturia — мать Кориолана.

[3] В письмах Бахофена на английском языке имеется много описок, которые мы оставили без исправления.

Морган ссылается на «Das Mutterrecht» Бахофена в следующих местах: Ancient Society, pp. 349, 350, 455, note; Houses and House-Life etc., p. 121.

К № 8

[1] Bandelier, Adolph Francis Alphonse (род. 6 VIII 1840 г. в Берне, ум. 18 III 1914 г. в Севилье) — археолог, этнолог и историк. Специальным предметом его исследований был общественный строй древних мексиканцев — ацтеков. Его основные работы в этой области следующие: «On the Art of War and Mode of Warfare of the Ancient Mexicans» (Tenth Report of the Peabody Museum, Harvard University, pp. 95—161, Cambridge, 1877); «On the Distribution and Tenure of Land, and the Customs with Respect to Inheritance, among the Ancient Mexicans» (Eleventh Report of the Peabody Museum, 1878, pp. 385—448); «On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans» (Twelfth Report of the Peabody Museum, 1879, pp. 557—699); «On the Sources for Aboriginal History of Spanish America» (Proceedings of the American Association for the Advancement of Science, St. Louis, 1878, XXVII, pp. 315—337. Salem, Mass., 1879); «The Romantic School in American Archaeology» (Read before the New-York Historical Society, Febr. 3, 1885; New-York, 1885, 14 pp.).

На основании огромного количества архивных документов, археологических и этнографических материалов Bandelier решительно опроверг укоренившееся в науке, благодаря сообщениям ранних испанских авторов, ложные представления об «империи» ацтеков и их «монархах» и убедитель-

нейшим образом доказал, что основной общественной единицей у ацтеков к моменту испанского завоевания был род («calpulli», испанское «barrio»), и блестяще выявил основные функции ацтекского рода. Эти функции сводятся к следующему:

«I. Род пользовался правом давать имена своим членам.
II. Род был обязан давать своим членам воспитание и подготовлять их ко всем видам общественной жизни.
III. Род имел право регулировать и контролировать брак.
IV. Род пользовался общим кладбищем.
V. Право рода на «самостоятельный культ», кажется, существовало не только в пределах родовой территории, но и было признано в центральной «ложе врачевателей» (medicine-lodge) племени.
VI. Род был обязан охранять и защищать личность и имущество своих членов, мстить и карать за всякий вред, причиненный им, как за преступление, совершенное против самого рода.
VII. Род имел право избирать своих должностных лиц, а также смещать их за проступки». (По Моргану, Houses and House-Life etc., p. 250.)

Далее Bandelier показал, что племя ацтеков состояло из двадцати родов, которые составляли четыре фратрии, и что племя управлялось советом, в который входили вожди всех родов.

Таким образом, Bandelier вместе с Морганом (см. сочинения Моргана: «Laws of descent of the Iroquois», Americ. Assoc. for the Advancement of Science, Proceedings of 11th Meeting at Montreal, Aug. 1856, Sec. 2, pp. 132—148; «Seven cities of Cibola», North American Review, 108, pp. 457—498, Apr. 1869; «Montezuma's dinner», North American Review, 122, pp. 265—308, Apr. 1876; «Ancient Society», ch. VII: The Aztec Confederacy, pp. 186—214; «Houses and House-Life of the American Aborigines», 1881, ch. X: Houses of the Aztecs or Ancient Mexicans, pp. 222—250) впервые поставили на прочную научную основу изучение истории древне-мексиканского общества и пролили яркий свет на столь важную в социологическом отношении проблему.

Следует также отметить и метод, которым пользовался Bandelier в своей научной работе. Bandelier мог притти к своим неоспоримым выводам только потому, что он широко использовал все виды источников, которые были ему доступны и которые в какой бы то ни было степени могли быть полезны для разрешения поставленных им проблем. Он производил археологические раскопки пуэбло в Мексике, собирал среди туземного населения легенды и предания, связанные с древними пуэбло, изучал быт и нравы туземцев, работал в архивах — Archivo General в Мехико и Archivo de Indias в Севилье — над историческими документами, относящимися к древней Мексике (между прочим, Carnegie Institution в Вашингтоне приступил к изданию на испанском и английском языках скопи-

рованных Bandelier в названных архивах документов, в виду их большой важности; том 1-й, состоящий из 502 стр., вышел в 1923 г.; том 2-й—497 стр. вышел в 1926 г.; ed. Ch. W. Hackett) и широко привлекал лингвистические данные.

Bandelier считал себя учеником Моргана, любил называть его «revered teacher», был его ближайшим другом и соратником, «Morgan's most militant advocate and defender», как выразился один американский исследователь (Stern, L. H. Morgan, 1931, p. 111). Bandelier полностью воспринял историческую концепцию Моргана и в своих работах всецело находился под его влиянием. Он — достойный продолжатель идей Моргана: его работы по изучению древне-мексиканского общества являются логическим продолжением работ Моргана в этой области. С другой стороны, Bandelier, как прекрасный знаток источников (в своих работах о древних мексиканцах он цитирует около 40 испанских источников одного только XVI в.) и испанского языка, много помогал Моргану в вопросах, касающихся общества ацтеков.

В публикуемом письме Bandelier дает весьма остроумную и очень меткую характеристику состояния этнографической науки того времени в разных странах. Это письмо также ярко рисует отношение Bandelier к Моргану и его теориям.

[2] См. прим. № 1.

[3] Putnam, Frederic Ward (1839—1915) — американский этнолог; с 1874 г. до 1909 г. — куратор Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology of Harvard University (Cambridge, Mass.).

[4] Имеется в виду работа «On the Distribution and Tenure of Land, and the Customs with Respect to Inheritance, among the ancient Mexicans».

[5] Harper's New Monthly Magazine. New York, vol. LV, № CCCXXVII. August, 1877, p. 473 (Editor's Scientific Record).

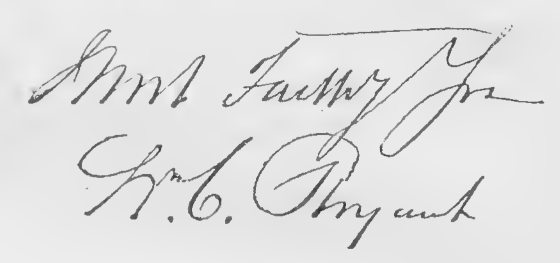
[6] Рецензия напечатана в двух номерах «Nation», от 9-го и 16-го августа 1877 г.

[7] См. прим. 12 к № 1.

[8] Markham, Sir Clements Robert (20 VII 1830—30 I 1916) — английский путешественник, географ и историк; в течение 1852—1853 гг. изучал древние памятники инков в Перу; с 1858 до 1887 г. секретарь «Hakluyt Society» (географическое об-во, основанное 6 XII 1846 г.); с 1863 до 1888 секретарь Royal Geographical Society. Написал: Travels in Peru and India (1862); Peru (1880); The War between Chili and Peru (1879—1881); The Incas of Peru (1910) и др.

К № 9

[1] Мне не удалось установить автора данного письма. В чтении «Bryant»— не уверен. Во всяком случае, это письмо не принадлежит перу известного американского поэта William Cullen Bryant (как думает Stern, op. cit., 189), который умер 12 июня 1878 г. Прилагаю последнюю строку письма и подпись автора.

К № 10

[1] Darwin, Charles Robert (12 II 1809—19 IV 1882).

Несмотря на то, что Дарвин высоко ценил работы Моргана, он не был сторонником его теории о происхождении семьи и ранних формах брака. Правда, определенных суждений по этому вопросу Дарвин высказывать не решался, считая себя недостаточно компетентным, но после некоторых колебаний он все же приходит к следующему заключению: «Поэтому, оглядываясь далеко назад в глубь времен и принимая во внимание социальные привычки современного человека, наиболее вероятным кажется тот взгляд, что люди первоначально жили небольшими общинами, причем каждый мужчина с одной женой, а наиболее сильные с несколькими, которых они ревниво охраняли от всех других мужчин. Или же, человек мог и не быть социальным животным, а жить с несколькими женами, подобно горилле; относительно последней все туземцы утверждают, что в каждом стаде можно встретить только по одному взрослому самцу; когда подрастают молодые самцы, начинается борьба за господство, и наиболее сильный, убив или прогнав других, становится главой общины». (Darwin, Descent of Man, and Selection in Relation to Sex. Second ed., L., 1882, p. 591.) Отчасти понятны причины, по которым Дарвин не принял теории Моргана.

1. При работе над «Происхождением человека» Дарвин по настоящему и не знал теории Моргана о групповом браке, которая впервые была со всей ясностью им сформулирована только в «Древнем Обществе». («Происхождение человека» вышло — 1-е издание в 1871 г. и 2-е в 1874 г., а «Древнее Общество» вышло в 1877 г.)

2. Из всех сочинений Моргана в этой области Дарвин пользовался только его докладом «A Conjectural Solution of the Origin of the Classificatory System of Relationship», зачитанным в Собрании Американской Академии искусств и наук 11 февраля 1868 г. и напечатанным в Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, vol. VII, 1868, pp. 436—477.

3. Сведения о ранних формах семьи и брака Дарвин заимствовал, главным образом, у своих соотечественников МакЛеннана (Primitive Marriage,

1865) и Леббока (Origin of Civilisation, 1870; Prehistoiric Times, 1865), которых он высоко ценил. Но эти авторы, несмотря на встречающиеся в их сочинениях отдельные верные мысли, в общем вопрос этот скорее запутали, чем разъяснили. Отсюда отождествление Дарвином коммунального брака с беспорядочными половыми сношениями (явление, столь характерное для доморгановского периода в изучении истории семьи) и отсюда его колебания.

4. С другой стороны, над Дарвином довлело его учение о половом подборе, которое никак не увязывалось с беспорядочными половыми сношениями, а его теория о присущем всему животному царству чувстве ревности исключала возможность существования когда бы то ни было коммунального брака и общности жен.

5. Весьма возможно, что Дарвин пришел бы к совершенно другим выводам, если бы он знал теорию Моргана о групповом браке, по которой групповой брак вовсе не исключает сожительства парами и право на групповой брак является часто скорее потенциальным, чем фактическим.

Выводами Дарвина воспользовались многие исследователи для опровержения теорий Моргана. Тут надо прежде всего назвать Каутского (см. его работу «Die Entstehung der Ehe und Familie», Kosmos, VI. Jahrg., 1882, XII. Band, S. 190—207, 256—272, 329—348); Вестермарка (History of Human Marriage, 1889 и 1891), а затем Andrew Lang'a и J. J. Atkinson'a (Social Origins; Primal Law, 1903) и многих других.

Очень интересно мнение Энгельса по поводу выводов Дарвина. В своем письме к Каутскому от 10 февраля 1883 г. Энгельс писал:

> «Вас не удивит, что в отношении Вашей статьи о гетеризме (имеется в виду названная нами выше работа Каутского. *И. В.*) я все еще стою на старой точке зрения: что общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом половых отношений внутри племени. Напротив, психологическое объяснение ревностью подставляет позднейшие воззрения и опровергается сотнями фактов (о чем ниже). Дарвин в этой области так же мало авторитетен, как и в экономии, откуда он заимствует свое мальтузианство. Об обезьяне мы не знаем в этом отношении почти ничего, так как наблюдения в зверинце ничего не доказывают, делать же наблюдения над стадом диких обезьян трудно, и произведенные яко бы наблюдения не могут быть ни точными, ни окончательными, ни, тем более, пригодными для обобщений». (Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), М., 1932, стр. 217.)

К № 12

[1] В письме не обозначен год. Полагаю, что письмо написано в 1877 г. Говоря о книге Спенсера, Дарвин, по всей вероятности, имеет в виду его «Principles of Sociology», vol. I, 1876.

К № 13

[1] Ely, Samuel P. — один из крупнейших в свое время промышленников в Рочестере (Нью-Йорк), который, вместе со своими братьями George H., John F., Heman B. и дядей Hervey Ely, разрабатывал железные рудники на южном берегу оз. Верхнего. С этим предприятием Морган был связан и как юрист-консультант и как директор компании, которая строила железную дорогу в районе рудников. Конечной станцией этой дороги было селение Marquette, где Морган имел свой коттедж, и где он проводил в течение ряда лет свой летний отдых. В этой местности, тогда почти необитаемой, водились в несметных количествах бобры. Морган сильно заинтересовался жизнью бобров и занялся серьезным их изучением, в результате чего появился его труд «The American Beaver and his Work» (Philadelphia, 1868), который до сих пор еще не превзойден.

Ely был в течение очень многих лет близким другом Моргана и его большим почитателем. Морган очень дорожил этой дружбой. Свой вышеназванный труд «The American Beaver» он посвятил Ely со следующей надписью: «as a slight memento of the long and uninterrupted friendship which has subsisted between him and the author». Он с благодарностью отмечает дружеское отношение Ely и в труде «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family» (1871): «Among many others whom I ought to mention I must not omit the names of my friends . . . and Samuel P. Ely, Esq., of Marquette, at whose hospitable home on Lake Superior the plan for the prosecution of this investigation was formed» (Preface, IX).

Настоящее письмо ярко иллюстрирует настроения американской либеральной буржуазии в период бурного роста и расцвета промышленного капитализма в Америке. Это письмо, равно как и следующее (№ 14), рисуя ту среду, в которой жил и работал Морган, с особой силой подчеркивает величие Моргана, который сумел так высоко подняться над своей средой и далеко опередить свою эпоху.

[2] Ward, Henry Augustus (1834—1906) — американский натуралист. С 1860 до 1865 г. состоял профессором естественной истории в Рочестерском университете. Основатель «Ward's Natural Science Establishement» — (Рочестер).

К № 14

[1] Совершенно естественным было желание у близких Моргану лиц, которые относились с большой любовью и с великим уважением, как к нему лично, так и к его работам, но которых в то же самое время шокировали революционные выводы Моргана, находившиеся в явном противоречии с библейскими сказаниями, примирить учение Моргана с библейским рассказом. Так поступает в данном письме знакомая и почитательница Моргана Maria D. Fay, которая считает, что можно высоко ценить и признавать теории Моргана и в то же самое время относиться с благоговением к книге

Бытия, которая, по ее мнению, повествует о «Новом или Духовном Адаме», об Адаме, одаренном «живой душой», т. е. излагает историю только культурных народов, историю только нашей, белой расы.

Так поступил и другой очень близкий друг Моргана J. H. McIlvaine. В своей речи на похоронах Моргана он, коснувшись отношения Моргана к эволюционной теории, сказал:

«Я не думаю, чтобы его выводы относительно продолжительности времени, в течение которого земля была заселена людьми, равно как и его выводы относительно низкого состояния, из которого человечество постепенно поднялось, находились бы в каком бы то ни было противоречии с указаниями библии. Я не могу найти в священном писании достаточных данных, разрешающих говорить об определенной хронологии. В этом вопросе, как мне кажется, науке предоставлена полная свобода посредством своих собственных методов открыть, когда началась человеческая жизнь на земле. Точно так же из первых глав кн. Бытия не видно, чтобы человек был создан высоко развитым, хотя, конечно, и совершенно невинным. Здесь он изображен не имеющим опыта, без орудий и не начавшим еще работать над подчинением природы своим целям и потребностям, без чего совершенно нельзя себе представить человеческое развитие. Он не был в состоянии изготовить для себя необходимейшей одежды — она должна была быть изготовлена для него. Также не видно, чтобы он владел в полной мере и способностью речи... Приведением этим фактов я хочу только высказать мое убеждение в том, что даже и в далеко идущих выводах, к которым пришел наш друг в своих исследованиях, нет ничего такого, что противоречило бы христианской религии и нашей вере в священное писание». (Rochester Historical Society, Publication Fund Series, vol. II, 1923, p. 56.)

К сожалению, подобные рассуждения, которые кажутся нам сейчас глубоким анахронизмом, до сих пор еще имеют место в этнографической литературе на Западе, особенно среди представителей так наз. «культурно-исторической» школы. Для примера приведу некоторые отрывки из дискуссии по докладу одного из столпов «культурно-исторического» направления в этнографии W. Koppers'а — «Wirtschaftsethnologie und Soziologie»:

«W. Schmidt: Общее крушение, которое сейчас произошло, представляет собой последний этап всемирно-исторического культурного движения. Кочевые народы создали аристократические династии и высокую культуру. В настоящее время происходит вытеснение высших слоев, восходящих к кочевому периоду, ниже лежащими народными слоями. Точка зрения социал-демократии и ее программа уничтожения отдельной семьи этнологически не выдерживает критики. Напротив, католическая церковь с ее воззрениями блестяще оправдана

и этнологически. Первые главы кн. Бытия показывают основы человеческого общества, а именно: прочность брачного союза, равно как и прочность уз родительской любви. Почитание и любовь, в том виде, как они господствовали в первобытные времена, должны спасти также и современное поколение.

L. Wolff: Здесь говорилось, что скотоводство, как позднейшая стадия развития, следовало за земледелием. Но в Библии мы находим наряду с земледельцем Каином уже и скотовода Авеля.

W. Schmidt: Авель действительно был скотоводом, но он разводил только мелкий скот. Разведение крупного скота и кочевой быт возникают уже позднее. В кн. Бытия 4,20 отцом обитателей шатров и скотоводов назван именно Иавал».

(Отдельный оттиск из книги «Der Düsseldorfer Missionskursus», 1919).

[2] Sophocles, Evangelinus Apostolides (1807—1883) — греко-американский филолог-классик. Эмигрировал в США в 1829 г. и продолжал свое образование в Amherst College. С 1842 до 1849 г. преподавал греческий язык в Harvard College, а в 1849 г. был назначен профессором классического и современного греческого языка. Основные труды: Catalogue of Greek Verbs (1844); History of the Greek Alphabet (1848); Glossary of Later and Byzantine Greek (1860).

[3] Жена американского филолога и профессора латинского языка в Harvard College — Greenough, James Bradstreet (1833—1901).

К № 15

[1] Fison, Lorimer род. 9 XI 1832 г. в деревне Barningham (Suffolk) в семье землевладельца. В 1855 г. он поступил в Кэмбриджский университет (Gonville и Caius College), но после двух семестров (осеннего 1855 г. и весеннего 1856 г.) оставил университет и отправился в Викторию (Австралия) на золотые прииски. Около 1861 г. Файсон покинул прииски и поступил в Мельбурнский университет. Вскоре он примкнул к веслеянским методистам и в 1863 г. был направлен в качестве миссионера на о-ва Фиджи, где пробыл с 1863 до 1871 г. (в пунктах Viwa, Lakemba и Rewa), а затем с 1875 до 1884 г. (в Navuloa, директором миссионерского учебного заведения для туземцев). С 1871 до 1875 г. Файсон работал миссионером в Австралии (Виктория и Новый Южный Уэльс). В 1884 г. он оставил Фиджи и вернулся опять в Викторию, где работал миссионером до 1888 г. (в пунктах Hawthorn и Flennington). В 1888 г. он, по состоянию здоровья, оставил миссионерскую деятельность и, поселившись в Эссендоне, около Мельбурна (где оставался до конца своих дней), посвятил себя почти исключительно журналистике. С 1888 до 1905 г. он редактировал мель-

бурнскую весленскую газету «The Spectator» и участвовал в еженедельнике «The Australasian», где поместил ряд статей под названием «The Testimony of Fijian Words». Принимал активное участие в организации при мельбурнском университете «Queen's College» и в течение ряда лет состоял секретарем Совета Колледжа. В 1892 г. был избран в Гобарте (Тасмания) президентом Антропологической секции Австралазийской Ассоциации развития науки, а в 1894 г. был представителем от Австралии на годовом собрании Британской Ассоциации в Оксфорде, где выступил с докладом о классификаторской системе родства. Во время своего пребывания в Англии он познакомился с целым рядом выдающихся ученых, в том числе с Максом Мюллером, Эдуардом Тайлором и Джемсом Фрэзером (с последним он затем состоял в переписке до самой своей смерти). Файсон умер 29 октября 1907 г.

Этнографией Файсон начал заниматься под влиянием Моргана. Когда Морган окончательно убедился в том, что открытая им в 1846 г. у ирокезов классификаторская система родства не является «собственно ирокезским изобретением» (of their own invention), как он думал первоначально, а что она распространена среди огромного числа и других индейских племен, у него появилась мысль проверить, не существует ли подобная система родства у народов других частей света. Зная хорошо, что частным путем ему не удастся получить нужных сведений, он обратился за содействием к секретарю Смитсоновского института в Вашингтоне, проф. Joseph Henry. Последний отнесся к просьбе Моргана весьма сочувственно. Он дал свое согласие на то, чтобы вся переписка по этому вопросу с иностранными корреспондентами шла от лица Института, а также добился письма от Департамента иностранных дел к дипломатическим агентам и консулам США в разных странах с просьбой помочь в этом деле. Письмо Департамента иностранных дел гласило следующее:

«To the Diplomatic agents and Consuls of the United States in foreign countries:

The accompanying circular and blank form have been prepared by L. H. Morgan, Esq., of Rochester, New York, for the purpose of extending ethnological investigations relative to the Indians of this continent to the other parts of the globe.

As the results of his investigations are to be published in the Smithsonian Contributions to Knowledge, I have been requested by the Secretary of the Smithsonian Institution, in this city, to commend the matter to your favor. I will consequently thank you to do whatever you conveniently can towards furnishing the information desired.

I am, gentlemen,
Your obedient servant,
Lewis Cass.

Department of State,
Washington, 5th January, 1860.»

Проф. Henry также написал обращение следующего содержания:

«In behalf of the Smithsonian Institution, I beg to commend to attention the accompanying letter and schedule of Mr. Lewis H. Morgan, of Rochester, N. Y. This gentleman has been engaged, for several years, in studying the ethnological peculiarities of the Indians of the North American Continent; and has discovered among them a system of relationship, which he wishes to compare with the systems of consanguinity existing among the natives of other countries.

From the annexed letter, it will be seen that General Cass has given this interesting enquiry the official sanction of the Department of State.

The answers to the circulars may be addressed to the Smithsonian Institution, care of the Department of State; and full credit will be given to all who furnish information bearing on this subject, when the results of these investigations are published.

I am, very respectfully,
Your obedient servant
Joseph Henry,
Secretary of the Smithsonian Institution.

Smithsonian Institution,
Washington, D. C., Jan. 20, 1860».

Письмо Департамента иностранных дел и обращение Смитсоновского института были приложены к составленным Морганом таблице (в таблице были указаны 234 степени родства и свойства и она имела три графы: 1) описание степени родства — заполненную Морганом; 2) туземный термин и 3) перевод этого термина на английский язык — оставленные пустыми), вопроснику (на 17 вопросов) и обстоятельной записке, в которой были изложены принципы системы родства американских индейцев и дана инструкция для заполнения таблицы. Все это было напечатано и разослано.

Через профессора истории Cornell University, New York, Goldwin Smith'а (1824—1910), который взялся доставить Моргану систему родства фиджийцев, моргановская таблица попала в руки Файсона. Файсон сразу же составил сравнительную таблицу систем родства тонганцев (о-ва Дружбы) и фиджийцев (Рева) и, снабдив ее обширными примечаниями, переслал через проф. G. Smith'а Моргану. Таблица датирована декабрем 1869 г.

Так как таблица Файсона была получена Морганом после того, как сводная таблица систем родства туранских и малайских народов, куда эта таблица должна была быть включена, была уже частью напечатана, Морган напечатал таблицу Файсона и его примечания к ней отдельно, как «Supplement» (Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family, pp. 568—583).

Уже в этой своей первой этнографической работе, выполненной, по свидетельству Моргана, «with much care and precision», Файсон обнаружил глубокое понимание поставленных Морганом вопросов и конечной цели, которую исследования Моргана преследуют.

Повидимому, Файсон сразу же после этого обратился к ряду знакомых ему лиц в Австралии с просьбой заняться подобными исследованиями и среди австралийских туземцев. Таким образом, вскоре после своего возвращения с Фиджи в Австралию (1871 г.) Файсон уже имел возможность выслать Моргану некоторые материалы о социальной организации австралийцев, о которых у Моргана до того не было почти никаких сведений. 1 мая 1871 г. он выслал ему «Memorandum A. Australian Aborigines», который содержал краткое сообщение W. Ridley о брачных классах австралийских племен, говорящих на языках kamilaroi и balomer, а также племен, живущих у Moreton Bay и Wide Bay (Н. Ю. Уэльс и Куинслэнд) и его собственный анализ брачных норм kamilaroi; 5 мая 1871 г. он выслал ему «Memorandum B. Australian Aborigines» с сообщением T. E. Lance о классах и брачных нормах kamilaroi, а 7 августа 1871 г. он выслал «Memorandum C. Australian Aborigines», который содержал новые данные о классах, тотемах, брачных нормах и праве наследования у kamilaroi, собранные W. Ridley во время его поездки в область рек Namoi и Barwon в период от 20 июня до 24 июля 1871 г.

На основании полученных материалов Морган представил в заседании Американской Академии искусств и наук 12 марта 1872 г. обстоятельный доклад «Об австралийском родстве». Правда, Морган, по скромности своей, заявляет: «They (т. е. три memoranda Файсона) have been prepared with so much care and precision that but little can be added to render them more complete. Since, however, they were written at different times, it may prove an advantage to the reader to have them presented in a form uniting the three papers in one, thus giving him the option of the secondary or the original», на самом же деле Морган не только «объединил три записки Файсона в одну», но впервые попытался дать анализ социального строя австралийцев и показать их место в общем развитии человеческого общества. (Этот доклад напечатан в «Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences», vol. VIII, 1873, pp. 412—438. Этот же доклад с несущественными изменениями составил затем главу Древнего Общества: «Организация общества на основе полового различия».)

Для получения дальнейших сведений Файсон напечатал в главных местных газетах и журналах обращения, в которых он указывал на важность изучения систем родства, «классовой» и тотемистической организации австралийцев и призывал всех, знакомых с жизнью туземцев, приступить к собиранию материалов по указанным вопросам. Собранные материалы он просил направлять ему. Таким образом, Файсон приобрел около двух десятков корреспондентов в разных пунктах Австралии. Но так как большая часть его корреспондентов не имела отношения не только к этнографии, но к исследовательской работе вообще, сообщенные ими сведения очень часто носили случайный характер и были мало удовлетворительны.

Некоторые письма Файсона, напечатанные в журнале «The Australasian», привлекли внимание A. W. Howitt'а (см. примечание 1 к письму № 21),

которому по своей работе в южной и юговосточной Австралии приходилось сталкиваться с туземным населением и который уже до этого успел собрать довольно значительные материалы о племенах dieri и kamilaroi. Около 1873 г. Хауитт вступил в переписку с Файсоном, а вскоре после этого они лично встретились и наметили план дальнейшей совместной работы. Ими были написаны циркуляры и составлена программа для сбора материалов по родовому строю и системам родства, которые, благодаря влиянию Хауитта, были напечатаны в правительственной типографии в Виктории, и распространены ими почти во всех австралийских колониях. Это несколько увеличило число корреспондентов и вызвало некоторый приток новых материалов. О ходе своей работы они регулярно информировали Моргана и в свою очередь все время получали от него подробные инструкции.

Таким образом, Файсон в лице Хауитта нашел весьма серьезного, широко образованного, преданного этнографической науке и влиятельного соратника. Их совместными усилиями, дружным, самоотверженным и неустанным трудом было положено прочное основание для австралийской этнографии. Их заслуга перед этнографической наукой далеко не исчерпывается их блестящими конкретными исследованиями, поражающими своей оригинальностью, глубиной и тонкостью анализа; этнографическая наука обязана им не в меньшей мере и тем, что они сумели привлечь внимание к вопросам австралийской этнографии, заинтересовать и направить на должный путь многих исследователей.

В 1875 г. Файсон уехал из Австралии на о-ва Фиджи.

Это было вскоре после того, как английское правительство, наконец, «великодушно» согласилось принять от фиджийского «короля» Такомбау предложенные им, в результате усиленных стараний миссионеров и английских консулов, в дар острова Фиджи, и последние были присоединены к великобританским владениям (1874 г.). Еще задолго до этого на этом архипелаге устроилось некоторое количество германских и английских фирм, которые за бесценок скупали земли у фиджийских вождей. Скупали земли и французские и американские капиталисты. Господствующим тогда был тот взгляд (взгляд, который был очень выгоден капиталистам и который настойчиво защищался выразителями их интересов), что на о-вах Фиджи существует с незапамятных времен феодализм, что во главе фиджийского государства стоит король, обладающий деспотической властью, а рядом с ним — целый ряд крупных вождей с почти неограниченной властью над своими подданными, и что вся земля принадлежит королю и его вассалам-вождям, которые имеют полное право распоряжаться по своему усмотрению как землей, так и жизнью народа, населяющего эту землю. Английское правительство, отказавшись признать законными все заключенные до 1875 г. купчие крепости на земли, нанесло крупный ущерб капиталистам, скупавшим земли и в первую очередь германским и английским, что вызвало большие волнения и споры о том, кто является действительными собственниками земли

на Фиджи. С другой стороны, росло и негодование фиджийцев, которые беспощадно сгонялись с насиженной земли и совершенно разорялись.

Файсон, как глубокий знаток быта туземцев и безукоризненно честный человек и ученый, не мог отнестись равнодушно к той вопиющей несправедливости, которая царила в отношениях европейцев к фиджийцам. Он специально занялся изучением вопроса о землевладении у фиджийцев с тем, чтобы вмешаться в это дело. Значительно облегчила ему эту задачу вышедшая к тому времени книга Моргана «Древнее Общество», особенно глава о «Конфедерации ацтеков», которая дала ему ключ к пониманию весьма сложной структуры фиджийского общества.

Перед началом работ Lands Commission Файсон выступил с обширным докладом о туземной системе землевладения, который затем был напечатан в сокращенном виде в «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland» под названием «Land Tenure in Fiji» (vol. X, 1881, pp. 332—352). После мастерского анализа имущественных отношений и социального расслоения фиджийской общины, Файсон приходит к следующему, обличающему политику империалистов, заключению:

«Я вполне убежден, что землевладение на островах Фиджи племенное и что правом на землю владеют все full born члены племени, как рядовые, так и вожди [под «full born» Файсон разумеет членов племени, принадлежащих к какому-либо роду уже от рождения и связанных с последним узами кровного родства], а не какой-либо один индивид или класс индивидов, что исключило бы рядовых членов. Хотя земля, принадлежащая племени, и разделена во многих местах между отдельными хозяйствами и лицами, тем не менее каждый владеет ею не как личной собственностью, а только как собственностью племени. Он не может отчуждать ее у племени, а также не может распоряжаться ею так, чтобы лишить своих наследников права на нее. Он может, как я уже указывал, отдать участок земли вместе со своей дочерью чужому (kai tani), которого он хочет принять к себе. Но этот участок земли, однако, отдается не чужому, а дочери или, точнее, сыну, который от нее родится. Ее ребенок является одним из наследников ее отца, поскольку дело касается этого участка земли. Если женщина умирает бездетной, то земля возвращается в ее род. Эта земля не принадлежит ее мужу.

Никто, ни рядовой член рода, ни вождь, не являются абсолютными собственниками земли. Они владеют ею только пожизненно; они могут распоряжаться доходом от нее по их усмотрению, но не больше. Точно так же и племя в целом не является абсолютным собственником земли. Каждое поколение получает ее на сохранение для следующего поколения и оно обязано передавать племенные владения всегда в неуменьшенном виде. Земля у фиджийцев не есть собственность, которую можно купить и продать. «Земля не находится у нас в руках», говорит фиджиец».

«Если тем не менее главным основанием для политики правительства ее величества служит то, что вожди имеют право делать все, что они сделали, только потому, что они имеют силу так поступать, то больше ничего не остается сказать. Вопрос окончательно решен; и мы можем сразу же согласиться с тем, что рядовые члены племени не имеют ни земельного права, ни какого-либо другого права вообще, раз какой-то пьяница вождь, как Tue Cakau, имел достаточно силы, чтобы продать целые острова и области белым и вынудить свой народ в других районах дать место несчастным жителям, которых он согнал с насиженных мест. Его же соплеменники, даже люди его класса, презирали его за это». (Op. cit., p. 350, 351 sqq.)

После выхода в свет «Древнего Общества» Файсон нашел возможным приступить к обработке собранных им и Хауиттом материалов по социальной организации австралийцев и вместе с Хауиттом написать работу о системе классов и групповом браке у австралийских племен. Этой работой он намеревался подтвердить новыми фактическими данными правильность теорий Моргана о групповом браке и классификаторской системе родства, в особенности его основное положение, на котором в значительной степени зиждется его теория о групповом браке, что классификаторская система родства отражает фактически существовавшие и у многих народов еще и теперь существующие семейно-брачные отношения. Правда, Файсон сознавал, что имеющиеся в его распоряжении материалы далеко для этой цели недостаточны, что его материалы часто носят отрывочный характер и что многие особенности классовой системы австралийцев еще не вполне выяснены, но дальше ждать нельзя было: резкое отношение, которое встретили к себе теории Моргана в Англии, пренебрежительный и глубоко оскорбительный тон английских критиков, в частности МакЛеннана не давали ему, преданному ученику и убежденнейшему последователю Моргана, покоя. Работа эта предназначалась для трудов Смитсоновского института. Но так как Смитсоновский институт не имел возможности быстро ее напечатать, авторы вынуждены были, к большому своему сожалению, отказаться от преимуществ издания этой работы названным институтом и напечатали ее в Австралии. Всю работу тщательно редактировал Морган; она посылалась ему авторами отдельными частями; последняя часть была отправлена ему в феврале 1879 г. В мае того же года Морган написал к работе предисловие на двадцати страницах, а в 1880 г. она вышла особой книгой в издательстве George Robertson (Melbourne, Sydney, Adelaide, and Brisbane) под названием «Kamilaroi and Kurnai». Книга эта состоит из 372 страниц и посвящена Моргану. Файсону принадлежат в ней разделы: «Брак, происхождение и родство у камиларои», стр. 21—96; «Групповой брак и групповое родство», стр. 97—176; «Теоретический анализ системы брака, происхождения и родства у племени курнаи», стр. 293—314; а Хауитту — «Курнаи, их обычаи в мирное и военное время»,

стр. 177—292; «Резюме и общие выводы», стр. 315—366. Книга «Kamilaroi and Kurnai», которая по отзыву Фрэзера представляет собой «a document of primary importance in the archives of anthropology» (Folk-Lore, vol. XX, 1909, p. 151), является дальнейшим развитием и углублением взглядов Моргана и одним из самых ярких и талантливых сочинений в мировой этнографической литературе. Именно этой книгой пользовался Энгельс, когда он писал о групповом браке в Австралии (Ursprung der Familie, etc., 4. Aufl., S. 26 ff.).

Вместе с Хауиттом Файсон написал еще две этнографические работы:

1. From Mother-right to Father-right (Journ. Anthrop. Inst., vol XII, 1883, pp. 30—46);

2. On the Deme and the Horde (ibid., vol. XIV, 1885, pp. 142—168).

Фактические материалы для указанных совместных работ Файсона и Хауитта добывались главным образом Хауиттом, в то время как на Файсоне лежала научная обработка и интерпретация материалов.

Основные этнографические работы Файсона, кроме названных:

Notes on Fijian Burial Customs (Journal Anthrop. Inst., vol. X, 1881, pp. 137—149); On Fijian Riddles (J. A. I., vol. XI, 1882, pp. 406—410); The Nanga, or Sacred Stone Enclosure, of Wainimala, Fiji (J. A. I., vol. XIV, 1884, pp. 14—30); Group Marriage and Relationship (Anstralasian Ass. Advanc. Sci., 1892); The Nair Polyandry and the Dieri Pirauru (ibid., 1892); The Classificatory System of Relationship (J. A. I., vol. XXIV, 1895, pp. 360—371); Tales from old Fiji, London, 1904.

Публикуемые нами письма Файсона составляют лишь незначительную часть его богатой переписки с Морганом и представляют интерес в следующих отношениях:

1. Они уточняют ряд весьма существенных моментов в учении Моргана и в частности вопрос об «организации общества на основе пола».

2. Они несколько разъясняют сложный и запутанный, а вместе с тем чрезвычайно важный вопрос об австралийских брачных классах.

3. Они содержат ценные данные о групповом браке в Австралии и о тайных обществах в Океании.

4. Они помогают нам составить более полное представление о научном мировоззрении Файсона.

5. Они дают богатый материал для суждения о взаимоотношениях между Файсоном и Хауиттом, об условиях научной работы Файсона, равно как и о других вопросах, очень важных для биографии Файсона, с одной стороны, и для истории этнографической науки — с другой.

6. Они лишний раз убеждают нас в том, как осторожно следует относиться к сообщениям старых авторов, в особенности миссионеров, которые, в силу занимаемого ими положения, вынуждены бывали часто многое из того, что они видели, скрывать или же представлять в ином свете.

Остановлюсь на первых двух пунктах, как имеющих особо важное значение.

Как известно, Морган в главе о социальной организации австралийцев («Древнее Общество»), которая, как мы уже видели выше, была написана им на основании сообщенных ему Файсоном фактов, полученных Файсоном в свою очередь от W. Ridley и T. E. Lance, приходит к заключению, что «существовала еще более древняя и более архаическая организация (чем родовая. *И. В.*), а именно классовая, на основе полового различия» (p. 49). Основанием для такого заключения Моргану послужила социальная организация камиларои (Новый Южный Уэльс). Камиларои, как это себе представлял Морган, разделены на 6 родов, которые в брачном отношении распадаются на два деления:

I. 1) Игуана (Duli), 2) Кенгуру (Murriira), 3) Опоссум (Mute).

II. 4) Эму (Dinoun), 5) Бэндикут (Bilba), 6) Черная змея (Nurai).

Первоначально, полагал Морган, члены родов каждого деления не могли вступать в брак между собой, а должны были вступать в брак с членами родов другого деления, так как роды в каждом делении являются подразделениями одного первоначального рода. Позже этот порядок стал нарушаться, и в брак между собой начали вступать роды одного и того же деления.

Кроме этого деления на роды, у камиларои, по мнению Моргана, существует «еще дальнейшее и более древнее деление народа на 8 классов, из которых четыре (Ippai, Kumbo, Murri, Kubbi) состоят исключительно из мужчин и четыре (Ippata, Buta, Mata, Kapota) — исключительно из женщин» («Др. Общ»., 52). Члены каждого из четырех классов мужчин могут вступать в брак только с членами одного какого-либо определенного класса женщин. Так,

Ippai	может	жениться	только	на Kapota,
Kumbo	»	»	»	» Mata,
Murri	»	»	»	» Buta
Kubbi	»	»	»	» Ippata.

«Из более близкого рассмотрения, — пишет Морган, — ясно следует, что мужские и женские классы древнее, чем роды, так как, во-первых, родовая организация стоит выше, чем классовая, и, во-вторых, у камиларои первая вытесняет последнюю» (p. 50).

«Родовая организация, как более высокая, совершенно естественным путем вытеснила классы, — она просто включила их в неизменном виде в свой состав» (p. 55). Так, роды: Игуана, Кенгуру, Опоссум включили в себя классы: Murri, Kubbi и Mata, Kapota, а роды: Эму, Бэндикут, Черная змея — классы: Kumbo, Ippai и Buta, Ippata. Брачный закон установился следующий: Игуана-Murri может жениться на любой Buta; Игуана-Kubbi — на Бэндикут-Ippata и т. д. и т. д.

«Эта организация (т. е. классовая. *И. В.*), — говорит Морган, — основанная на половом различии, а не на родстве, древнее родовой

организации и более архаична, повторяю, чем какая-либо другая из известных нам до сих пор форм общества» (p. 53).

Но эта организация не является, по Моргану, специфически австралийской.

«Если факты подтвердят это заключение, — писал он, — то надо будет признать, что организация в мужские и женские классы, которая еще теперь в полной жизненной силе у австралийских туземцев, имела в древнее время такое же широкое распространение среди человеческих племен, как и первоначальная родовая организация» (p. 49).

Утверждение Моргана, что в Австралии существует организация общества на основе пола и что эта организация, как наиболее древняя, повсюду предшествовала родовой организации, сыграло большую роль в дальнейшем развитии взглядов на ранние стадии общественного развития. Особенно сказалось влияние этого утверждения Моргана у нас и в частности за последние годы, когда сильно возрос интерес к первобытному обществу, его истории и периодизации.

С одной стороны, с легкой руки Моргана, австралийские материалы стали широко привлекаться для иллюстрации дородового состояния общества, больше того, сплошь и рядом все содержание «дородового общества» заимствовалось у австралийцев, и австралийское общество стало синонимом дородового общества; с другой стороны, на основании утверждения Моргана о половом расчленении общества и разработанной затем Куновым, опять-таки только на австралийском материале, в противовес теориям Моргана и Энгельса, под влиянием Каутского (см. его «Die Entstehung der Ehe und Familie», Kosmos, B. XII, 1882) и Вестермарка (см. его «History of Human Marriage», 1889 и 1891), теории о возрастном расслоении общества, как стадии, предшествовавшей родовому строю (см. его «Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger, 1894), возникло комбинированное понятие о «поло-возрастной группе», «поло-возрастной коммуне», поло-возрастном расслоении общества, как о неизбежном этапе в развитии дородового общества.

Из публикуемых нами писем Файсона мы узнаем, что теория Моргана об организации общества на половом различии основана на досадном недоразумении. Когда Файсон более детально и глубоко изучил классы камиларои, он увидел, что посланные им еще в 1871 г. Моргану сведения о классах камиларои были неточными, что ввело Моргана в заблуждение. Оказалось, что у камиларои существует не 8 классов, четыре мужских и четыре женских, а только 4 класса с двумя ветвями каждый: мужской и женской. Так, в своем письме к Моргану от 10 августа 1878 г. Файсон пишет:

«Я вынужден признать, что окончание «tha» в «Ipatha» и т. д. представляет собой не что иное, как форму женского рода от «Ipai»,

и что «Ipatha» не является самостоятельным классом, а только обозначением женщин из класса «Ipai». Названия, которые получены мной от г. Ridley и посланы Вам, не совсем верны. Вы, может быть, помните, что я вскоре после этого имел случай сообщить Вам, что слух его чрезвычайно неточен. Вместо названий, которые он дает, мы должны писать: Ipai, Ipātha; Mūri, Mātha; Kubi, Kūbītha; Kumbo, Būtha, причем гласные произносятся так как они пишутся, а не как в английском языке.

Когда мы признаем, что «tha» есть аффикс женского рода, подобно «an» или «gan», «un» или «gun», встречающимся в других диалектах, то мы получим: Ipatha от Ipai; Muritha = Mātha от Muri; Kubitha от Kubi; Kumbotha (= Būtha, в результате стяжения) от Kumbo.

Что это именно так, видно, как мне кажется, из названий для классов в других диалектах. Некоторые из них имеют окончания женского рода, другие имеют только один термин, как для мужчин, так и для женщин, и все же связанные с ними правила во всех случаях совершенно одинаковые. Кроме того, мы можем показать, что эти четыре класса являются подразделениями двух первичных классов. Отсюда я должен заключить, что Ipai, Ipatha и т. д. представляют собой не восемь классов, а четыре».

Совершенно ясно после сказанного, что вывод, сделанный Морганом из классов камиларои о половой организации австралийского общества, должен нами сейчас быть полностью оставлен, как основанный на недоразумении и несоответствующий австралийской действительности, а вместе с ним должен быть оставлен и тот взгляд, будто австралийцы являют собой пример дородового состояния общества.*

Если еще будет признано (а для нас это является аксиомой!), что теория Кунова о возрастном расслоении общества, созданная им исключительно на австралийском материале, австралийским материалом на самом деле не подтверждается, что она была специально придумана для опровержения сделанных Морганом выводов из классификаторской системы родства о существовании на заре человеческого общества группового брака (Кунов доказывал, что классификаторская система родства вовсе не отражает родственных отношений, а только возрастные, и, следовательно, нельзя заключать из нее о прежнем существовании группового брака); для опровержения выработанного Морганом метода для изучения истории семьи, метода, который Энгельс считал объективным и сравнивал даже с соответствующими методами в естественных науках; для опровержения теории

* Несмотря, однако, на эти указания Файсона (см. также Kamilaroi and Kurnai, p. 37), Морган не изменил своей точки зрения на природу австралийских классов и в своем предисловии к «Kamilaroi and Kurnai», написанном им в мае 1879 г., продолжает говорить об организации общества на основе пола у австралийцев. Как видно, Моргану уже было трудно вносить какие бы то ни было изменения в выработанные им в течение ряда лет концепции.

первобытного коммунизма; для доказательства приоритета индивидуального брака и моногамной семьи, — то тем самым само собой отпадет теория о поло-возрастной группе, о поло-возрастном расслоении дородового общества.

Необходимо заметить, что Морган, вынужденный, на основании имевшихся в его распоряжении фактов, сделать вывод о половом расчленении австралийского общества, как видно, и сам не был вполне убежден в правильности сообщенных ему фактов и сделанного им из них вывода. В той же главе, где он дает анализ австралийского общества, проскальзывают отдельные выражения, которые находятся в явном противоречии с его конечным выводом и которые приближаются к тому пониманию сущности австралийских классов, к которому мы приходим после разъяснения Файсона. Так, на стр. 50 («Др. Общ.») мы читаем: «Класс с его мужской и женской ветвями представляет единицу их общественной системы, место которого законно принадлежит роду, после его полного развития». На стр. 53: «По существу Ippai и Ippata составляют один класс с двумя ветвями, и так как они не могут вступать между собой в брак, то класс представил бы основу рода, если бы он не разделялся на две ветви с различными именами...». На той же стр.: «Следовательно, камиларои организованы в четыре больших первоначальных группы братьев и сестер. Каждая группа состоит из мужской и женской ветвей...». (Всюду разрядка наша).

Остается теперь выяснить вопрос, что же представляют собой австралийские классы на самом деле и к какой стадии общественного развития должны быть отнесены австралийцы.

По нашему мнению, никакой особой, специфически австралийской организации общества в «классы» не существовало. Так называемые австралийские классы представляют собой не что иное, как первичные роды, на которые распались первоначально австралийские племена. Эти роды, распавшись в свою очередь и дав начало целому ряду более мелких родовых образований, тем самым, как таковые, прекратили свое существование и сохранили за собой лишь некоторые социальные функции, свойственные той общественной единице, которую принято называть фратрией.

Типичной и в то же самое время, по мнению большинства исследователей, наиболее архаической формой общественного устройства для Австралии является «двухклассовая» организация племени, т. е. когда все племя разделено на два экзогамных, вступающих в брак между собой класса, со счетом родства по материнской линии. Каждый класс в свою очередь распадается на тотемные группы, количество которых варьирует у различных племен.

Для примера возьмем племя dieri, к югу и юго-востоку от оз. Эйр в Центральной Австралии.

Все племя разделено на два экзогамных класса, которые называются: kararu и matteri.

Кроме того, все племя распадается на тотемы, которые распределяются между двумя классами следующим образом:

KARARU	Дождь. Ковровая змея. Ворона. Журавль (*Grus australis*). Красная охра. Небольшая лягушка. Семя одного из видов *Claytonia*. Крыса. Летучая мышь. *Helaeus perforatus*. Лягушка. *Perameles lagotis*. Песчаная мышь. Небольшая мышь.
MATTERI	Гусеница. Баклан. Эму. Гарпия. Вид рыбы. Вид акации. Динго. *Dasyurus maculatus*. Небольшая двуутробка. *Cissus antarctica*.

Dieri не почитают своих тотемов и не оказывают им никаких знаков уважения. Если они съедобны, они употребляются в пищу обычным образом, наряду с остальными животными и растениями (не тотемами).

> «Люди одного и того же тотема держатся вместе, едят и живут вместе и друг другу одалживают и уступают своих жен. Если в лагере появляются даже люди чужие и незнакомые, живущие на расстоянии от 300 до 400 миль, им оказывается такое же гостеприимство. Первый вопрос, который задается такому чужому человеку, это: «Minna Murdu?», что означает: «Из какого тотема?» Соседние и более отдаленные племена имеют ряд тотемов, отличных от тотемов dieri, но у них имеются и тотемы, одинаковые с ними» (Howitt, The Dieri and other kindred Tribes of Central Australia, J. A. I., vol. XX, 1891, p. 41).

Брачные нормы — таковы: члены одного какого-либо класса могут и должны вступать в брак только с членами другого класса. Так, мужчина класса kararu может вступить в брак только с женщиной класса matteri

и vice versa. Что же касается тотемов, то мужчина имеет право жениться на женщине любого тотема из другого класса. Так, мужчина класса kararu, тотема «дождь», может жениться на женщине класса matteri, тотема «гусеница», или «баклан», или «эму», или «гарпия» и т. д. и т. д.

Как класс, так и тотем наследуется по материнской линии. Другими словами, ребенок получает название класса и тотема своей матери. Так, если мужчина класса kararu, тотема «дождь», женился на женщине класса matteri, тотема «гусеница» — их дети, как мальчики, так и девочки, будут: matteri-гусеница.

Подобная «двухклассовая организация» широко распространена у племен Нового Южного Уэльса и Южной Австралии; она встречается также в Виктории.

По господствующему в науке взгляду, мы здесь имеем дело с двумя различными по своему назначению общественными организациями, которые каким-то образом переплетаются и друг друга перекрывают и которые далеко не всегда согласованы между собой. Но в то время, как назначение «классов» представляется более или менее ясным, а именно они должны регулировать брачные отношения внутри племени и не допускать браков между определенными категориями родственников (отсюда и само название «брачные классы»), этого нельзя сказать про тотемные группы. Тут среди исследователей царит полный разнобой. Еще до сих пор не ясен вопрос о природе и генезисе этих тотемных групп, о взаимоотношениях между «классами» и тотемами, какую из этих двух организаций следует считать более примитивной и архаичной, какое влияние оказывают тотемы на брачные и половые отношения, в какой связи с тотемами находится институт экзогамии, каковы взаимоотношения между классами, тотемами и локальными группами и т. д. и т. п. вопросы.

Для разрешения всех этих вопросов создано неимоверное количество всевозможных гипотез и теорий, написаны сотни работ, но приходится констатировать тот факт, что результатов пока никаких, наоборот, с каждой новой теорией вопрос об австралийском обществе все более и более усложняется и запутывается и, как это ни странно, мы в 80-х и 90-х гг. прошлого века, во время Файсона и Хауитта, были значительно ближе к истинному пониманию сущности австралийского общества, чем сейчас.

Главная причина этого явления, по моему, заключается в том, что исследователи все время исходят из того неверного положения, что в Австралии существует какая-то особая, специфически австралийская социальная организация, которая, в силу этого, нуждается для своего объяснения в каких-то особых теориях.

Мне думается, что вопрос об австралийском обществе обстоит значительно проще. Для правильного его разрешения надо только отрешиться от укоренившихся в науке взглядов и в свете выработанной Морганом и Энгельсом теории родового строя наново пересмотреть имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

*

Не имея здесь, естественно, возможности подвергнуть анализу все встречающиеся в Австралии разнообразные варианты общественного устройства, хочу ограничиться рассмотрением лишь так наз. «двухклассовой» организации общества и на этом примере показать наш подход к разрешению вопросов, связанных с социальной организацией австралийцев.

Воспользуемся материалами, которые нам дают Файсон и Хауитт.

Племена Нового Южного Уэльса, живущие к западу и к северо-западу от р. Дарлинг, вплоть до границ Куинслэнда на севере и Южной Австралии на западе, а именно: wilya, kongait, tongaranka, bulalli; milpulko, naualko, guerno, barrumbinya; badjeri, barunga, paruinji; к югу от реки Дарлинг — barkinji; к югу от реки Меррэй — wiimbaio и т. д. — разделены на два класса, которые носят названия: mukwara и kilpara. Племя yantruwunta по Купер-Крик (Центральная Австралия) разделено на два класса: kulpuru и tiniwa. Племя ngarigo, живущее на плоскогории Манеро (Н. Ю. Уэльс), разделено на два класса: merung и yukembruk. Племя wolgal, к северу от племени ngarigo, разделено на два класса: malian и umbe.

Племена Южной Австралии, живущие в области оз. Эйр, — dieri, wonkanguru, urabunna; по Эйр-Крик — ngameni, wonkamala, yaurorka и т. д. — разделены на два класса: kararu (или kirarawa — племя urabunna) и matteri (или matthurie — племя urabunna).

Все эти племена занимают сплошную территорию, которая граничит на юге с Портлэндом, на юго-востоке — со Сван Хиллом, на юго-западе — с Большим Австралийским заливом, на западе — с Большой пустыней Виктории, на севере — с Куинслэндом, а на востоке ограничена приблизительно 147° в. д.

Названия двух классов (в тех случаях, когда смысл этих названий нам известен) — тотемные. Так мы знаем, что mukwara означает «ворона», а kilpara — «гарпия»; merung означает «гарпия», а yukembruk — «ворона»; точно так же и названия malian и umbe означают: «гарпия» и «ворона».

Между прочим, эта тождественность в названиях и тотемах разрешает нам предполагать о родстве всех этих племен, о том, что все они, вероятно, общего происхождения.

Члены одного и того же класса в брак между собой вступать не могут, другими словами — класс экзогамен. Брак разрешен только между членами разных классов. Так, напр., мужчины класса mukwara могут вступать в брак только с женщинами класса kilpara, а мужчины класса kilpara — только с женщинами класса mukwara.

Счет родства ведется по линии матери, т. е. дети получают название класса своей матери, а не отца. Так, напр., дети мужчины класса mukwara будут называться не mukwara, а kilpara, так как мать их из класса kilpara; точно так же дети мужчины kilpara будут называться mukwara, по классу своей матери.

Таким образом, мы видим, что класс характеризуется тремя отличительными признаками:

1) экзогамностью,

2) счетом родства по материнской линии и

3) тотемным названием.

Я думаю, что не будет слишком большой смелостью сказать, что эти два класса являются не чем иным, как первичными двумя родами, на которые распалось первоначально племя.

Когда человеческое общество, вследствие ли осознанного вреда кровосмесительства или же по каким-либо другим причинам, вынуждено было исключить из брака близких родственников, первоначальное племя, практиковавшее эндогамию и групповой брак и в силу этого состоявшее в каждом поколении из находившихся между собой в браке родных братьев и сестер (единоутробных и единокровных), а также коллатеральных братьев и сестер всех степеней родства, распалось на две экзогамные половины, каждая из коих обнимала родных братьев и сестер (на первых порах только единоутробных, а затем уже и единокровных) с их потомством. Таким образом, каждая из двух половин состояла из родных братьев и сестер, а члены двух половин находились между собой в отношении двоюродных братьев и сестер. Каждая половина была экзогамной, а брак заключался между членами двух половин, т. е. брак был перекрестным кузенным. Так как брак продолжал оставаться групповым, то естественно, что счет родства велся по линии матери, а не отца. Эти две половины, обособившись с течением времени и в хозяйственном отношении и образовав каждая более или менее самостоятельное коммунистическое хозяйство, превратились в два рода.

Таким образом, мы видим, что характерными признаками первичных родов, на которые распалось первоначальное племя, являются:

1) экзогамность и

2) счет родства по материнской линии.

В австралийских двух классах мы, таким образом, с полным правом можем усматривать эти первичные два рода.

Австралийские классы, сохранив первичное деление племен, разрешают нам восстановить и третий отличительный признак первичных родов, а именно тотемное название. [Под тотемным названием мы разумеем название рода по какому-либо предмету (животному, растению и т. д.) или явлению природы, в отличие от названия рода, в позднейший отцовский период, по местности, предку, герою и т. д., причем на данной стадии общественного развития с этим названием еще не связываются никакие религиозные представления и никакие магические обряды; оно того же порядка и выполняет такую же роль, что название или имя вообще. Термин «тотемный» употреблен нами за отсутствием пока более подходящего термина.]

С дальнейшим ростом производительных сил, а вместе с ним и численности населения, при бродячем образе жизни на обширных территориях,

неизбежно должно было уже очень скоро иметь место дальнейшее подразделение первичных родов на более мелкие единицы. Они первоначально состояли из нескольких сестер, имевших общих мужей, с их потомством, и более или менее обособившись и несколько увеличившись в своей численности, образовали новые социально-экономические единицы. Эти единицы получали новые и опять-таки тотемные названия, но в то же время сохранили и названия тех первичных родов, ответвлением которых они являются. Совершенно естественно, что новые родовые образования, новые тотемные роды, которые произошли от одного первичного рода, являясь родственными между собой, не должны были в силу этого вступать в брак между собой.

Таким образом, мы получаем австралийское племя в его современном виде, т. е. с двойным делением — на классы и тотемы.

Для примера возьмем упоминавшееся уже нами племя wilya. Это племя распадается прежде всего на два класса, которые называются mukwara (гарпия) и kilpara (ворона), — с нашей точки зрения, это первичные два рода, на которые распалось первоначально племя wilya с возникновением экзогамии.

Далее, каждый класс состоит из ряда тотемов, — по нашему, из мелких родов, которые являются дальнейшими подразделениями первичных двух родов, а именно:

Род mukwara распался на роды:
1. Гарпия.
2. Кенгуру.
3. Бэндикут.
4. Утка.
5. Воротниковая ящерица.
6. Опоссум.
7. Динго.

Род kilpara распался на роды:
1. Эму.
2. Ковровая змея.
3. Вид рыбы.
4. Падимелон (разновидность кенгуру).
5. Уэллэби (разновидность кенгуру).

Так как роды: Гарпия, Кенгуру, Бэндикут и т. д. все произошли от одного первоначального рода, то, естественно, что между ними, как между родами близко родственными, брак не допускается. Равным образом, как и между родами Эму, Ковровая змея и т. д., которые также произошли от одного общего рода. Брак должен заключаться только между родами, происшедшими от рода mukwara, и родами, происшедшими от рода kilpara. А так как счет родства, в силу группового брака, ведется по материнской линии, то получается следующее: мужчина mukwara-Кенгуру (или какого-либо другого тотема) должен жениться на женщине kilpara-Эму (или какого-либо другого тотема), а дети будут kilpara-Эму, kilpara-Ковровая змея и т. д. в зависимости от тотема матери.

Очень возможно, что первоначально каждый тотем брал себе женщин из одного определенного тотема другого первичного рода и в этот же тотем отдавал своих женщин, но, ввиду малочисленности тотемной группы, вряд ли такой порядок долго удержался.

Весьма интересны в данном отношении легенды самих туземцев о происхождении подразделений племени. Так, Samuel Gason, который долго жил среди туземцев и очень хорошо был знаком с их обычаями и преданиями, приводит следующую легенду племени dieri о происхождении «murdoo», т. е. подразделений племени (S. Gason, The Dieyerie Tribe of Australian Aborigines, Adelaide, 1874, p. 13):

> «После сотворения, отцы, матери, братья, сестры и другие наиболее близкие родственники вступали в брак между собой беспорядочным образом. Когда вредные последствия этих связей стали проявляться, собрался совет главарей, чтобы обсудить вопрос, каким образом отвратить это зло. В результате их совещания была направлена просьба к «Mura-mura» (один из мифических предков dieri), в ответ на которую последовало его распоряжение, чтобы племя разделилось на ветви, которые отличались бы одна от другой разными названиями по предметам одушевленным и неодушевленным, как, например, собака, мышь, эму, дождь, игуана и т. д.; чтобы члены каждой ветви не вступали между собой в брак, а чтобы одна ветвь смешивалась с другой. Так, сын «собаки» не может жениться на дочери «собаки», но должен вступить в брачный союз с дочерью «мыши», «крысы» или другой семьи. Этот обычай соблюдается еще и теперь, и первый вопрос, который задается чужому, это: «из какого murdu?», т. е. к какой семье принадлежишь?» (у G. Taplin, Folklore, Manners, Customs, and Languages of the South Australian Aborigines, Adelaide, 1879, p. 67).

Приходится только сожалеть, что Gason не приводит эту легенду словами туземцев, а ограничивается ее пересказом.

Другой вариант этой же легенды приводит A. W. Howitt (A. W. Howitt and Otto Siebert, Legends of the Dieri and Kindred Tribes of Central Australia, Journ. Anthr. Inst., vol. XXXIV, 1904, p. 129):

> «The several families of m a d u s (murdus) married in themselves without shame. This occasioned great confusion, and sexual disorder became prevalent. The P i n n a r u s (elders) observing this came together, to consider how these evils might be avoided. They agreed that families should be divided; that is, members of one family should marry those of another family. In accordance with this it was ordered that «Yídni padi madu wapanai kaualka kuraterila, yidni kaualka wapanai warukati kuraterila, etc.», that is to say, «thou grub totem go to produce crow; thou crow totem go to produce emu», and so on for the other totems».

В силу целого ряда обстоятельств (как-то: сокращение численности родов, которые вступают между собой в брак, вымирание отдельных родов, отдаленность расстояния и т. д.) может случиться, что роды, происшедшие, скажем, от первичного рода mukwara, окажутся вынужденными вступать в брак между собой, но и тогда прежний порядок счета родства все еще долгое время будет оставаться в силе. Этим объясняется та «аномалия», которую приводят в своих письмах Файсон и Хауитт, а именно, что у племени ngarigo мужчины первичного рода merung, хотя и вступают в брак с женщинами какого-либо подразделения того же первичного рода, дети все же будут не merung, а yukembruk. При прежнем порядке вещей, когда мужчины merung могли вступать в брак только с женщинами yukembruk, именно так и должно было быть. Брачное нововведение не успело еще, как видно, преобразовать веками существовавший порядок счета происхождения.

Таким образом, каждый член племени в Австралии, помимо принадлежности к племени, принадлежит еще к одному из первичных родов и к какому-нибудь тотемному роду и соответственно этому носит три названия. При этом, в племени сосредоточена, главным образом, его религиозная жизнь и отчасти социальная, первичный род регулирует его брачно-половую жизнь, а в тотемном роде сосредоточена вся его хозяйственная деятельность.

Последовательные стадии в развитии австралийского общества, после всего сказанного, представляются нам в следующем виде:

I. Первоначальное племя.

Основные признаки: 1) эндогамия; 2) нерасчлененность в социальном отношении (расчлененность в хозяйственном отношении могла иметь и вероятно имела место, что выражалось в образовании отдельных хозяйственных коллективов — орд); 3) племенное название.

II. Первичный род.

Основные признаки: 1) экзогамия; 2) счет родства по материнской линии; 3) объединение всех родственников, между которыми брак запрещен; 4) тотемное название.

III. Ранний тотемный род.

Основные признаки: 1) экзогамия; 2) счет родства по материнской линии (ребенок принадлежит тотемному роду своей матери и, кроме того, еще получает название первичного рода, из которого произошел род его матери); 3) объединение только части родственников, между которыми брак запрещен; 4) связь со всеми тотемными родами, происшедшими от того же первичного рода, выражающаяся прежде всего в запрете вступать между собой в брак; 5) однородность состава (в нем отсутствуют представители других родов), так что состав рода полностью совпадает с составом производственного коллектива; 6) единое коммунистическое хозяйство; 7) тотемное название, с которым не связываются никакие религиозные представления

и никакие магические обряды, но с которым связана функция регулирования брака (в этом регулировании появилась потребность особенно после расчленения первичного рода)

IV. Переход к позднему тотемному роду.

Это выражается в следующем: 1) распад рода на несколько производственных коллективов, на несколько самостоятельных коммунистических хозяйств. При этом в производственный коллектив часто входят и представители других родов; 2) общность происхождения от первичного рода начинает утрачивать свой социальный смысл, и в брак между собой начинают вступать роды, происшедшие от одного первичного рода; 3) начало превращения родовой группы в локальную, пока еще неустойчивую, и начало перехода от тотемных названий к названиям по местности; 4) тотемное название теряет свою социальную функцию, и, в связи с дальнейшим развитием анимистических представлений и мифологии, с развитием культа животных, растений, явлений природы и т. д., начинает возникать идеологическая концепция тотемизма; 5) род все еще попрежнему экзогамен, и счет родства ведется по материнской линии; хотя в некоторых случаях, в связи с сильным сокращением брачной группы и вынужденной в силу этого практикой парного брака, намечается переход к счету родства по отцовской линии, что, однако, ничего общего не имеет со счетом родства по отцовской линии при отцовском роде.

Правда, и теперь еще многие вопросы, связанные с социальной организацией австралийцев, остаются невыясненными, но ключ к пониманию австралийского общества, кажется, найден, а это — главное.

[2] Речь идет о ссылке Моргана на Файсона в «Древнем Обществе», стр. 14. Ссылка гласит: The Rev. Lorimer Fison, an English missionary residing in Australia, informed the author in answer to inquiries, that «the Australians had no woven fabrics, no pottery, and were ignorant of the bow and arrow».

В «Древнем Обществе» Морган еще несколько раз ссылается на Файсона: стр. 51, 54, 374, 375 и 403.

[3] См. об этом «Kamilaroi and Kurnai», p. 83, note; 118.

[4] См. прим. 12 к письму № 1.

[5] Анализ Файсона структуры фиджийского общества с полной очевидностью показал, что еще до самого последнего времени основной общественной единицей у фиджийцев был род.

Основой общества на Фиджи являлось «vuvale», состоявшее из братьев и их семей, живших либо в одном общем доме, либо в нескольких, прилегавших друг к другу, домах. Несколько родственных vuvale составляли

yavusa, а несколько yavusa — mataqali. См. «Land Tenure in Fiji», J. A. I., X, 1881. Как видно из этого письма, Файсон рассматривал «vuvale» как род, javusa как фратрию, а mataqali как племя.

[6] МакЛеннан, указав впервые на широкое распространение и большое значение того социального института, который он назвал экзогамией, не понял сущности этого института. Он не понял того, что экзогамия является функцией именно рода и создал поэтому теорию об экзогамных и эндогамных племенах. Под влиянием МакЛеннана находился в этом вопросе и другой английский исследователь, Леббок. Лишь Моргану впервые удалось показать, что эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности, что в то время как род строго экзогамен, племя, объединяющее целый ряд родов, как правило, эндогамно.

К № 16

[1] Эта статья составила первую часть книги «Kamilaroi and Kurnai» (pp. 21—96). Предисловие Файсона к этой части книги датировано августом 1878 г. Примечания Хауитта, взятые в квадратные скобки, имеются на стр.: 52, 53, 55, 57, 61, 65 и 67.

[2] Привожу один образец для показа того метода, которым пользовался Файсон при своих доказательствах.

«Proposition.

«Ego being male, all the children of my several brothers, own and collateral, are my sons and daughters». (Ancient Society, p. 442.)

Kumite.		Kumite A.	
Krokigor.		Krokigor A.	
Kroki B.	Krokigor B.	Kroki B.	Krokigor B.

Let Ego be Kumite, a male. All my brothers, own and collateral, are Kumite.

Let any one of them be represented by Kumite A.

Then, because my wife is Krokigor, my children are Kroki B and Krokigor B.

But the wife of Kumite A is also Krokigor.

Therefore his children also are Kroki B and Krokigor B.

But Kroki B and Krokigor B are my children.

Therefore, Ego being male, my brother's children are my sons and daughters. Q[uod] E[rat] D[emonstrandum]».

«Kamilaroi and Kurnai», p. 78.

[3] См. об этом подробно «Kamilaroi and Kurnai», pp. 76—96.

[4] Файсон приводит 10 примеров. «Kamilaroi and Kurnai», p. 61, 62.

[5] Речь идет о племенах: ngarigo (на плоскогории Манеро, Н. Ю. У.) и biduelli (на востоке Гиппслэнда, Виктория). О классах и брачных нормах племени ngarigo (Случай 2) см. прим. 1 к письму № 15. Что же касается брачных норм и необычного счета родства у племени biduelli (Случай 1: брак происходит внутри каждого класса, причем сын получает классовое название отца, а дочь — название второго класса), то, если сведения о счете родства у biduelli достоверны (от этого племени уже в 70-х годах прошлого века осталось лишь несколько человек, и сведения о нем были получены Хауиттом от одного biduelli, отец отца которого был из племени kurnai, а отец был женат на женщине из племени yaitmathang. Сам туземец женился на женщине из племени ngarigo и, по словам Хауитта, был «диким» 12 лет тому назад), мы, как видно, имеем здесь дело с переходной формой от счета родства по материнской линии к счету родства по отцовской линии.

[6] Это замечание Файсона верно только для 1-го и 3-го случаев. Во 2-м же случае мы имеем не одного мужчину и одну женщину каждого класса, но двух мужчин и двух женщин одного и того же класса. Повидимому, неправильное замечание Файсона вызвано допущенной им при составлении диаграммы ошибкой. Первоначально Файсон вместо «Mer. M. Mer. F. Mer. M. Mer. F.» во 2-м случае по ошибке написал «Mer. M. Mer. F. Yuk. M. Yuk. F.», а затем, после того как уже было написано замечание, им была вычеркнута вторая часть строки (Yuk. M. Yuk. F.) и над строкой написано «Mer. M. Mer. F.». Замечание же он оставил без изменения. Допущенная Файсоном ошибка не отражается на правильности его аргументации. См. «Kamilaroi and Kurnai», p. 39.

[7] Под «малайскими терминами» следует разуметь те термины родства, которыми обозначались родственные отношения при кровнородственной семье, т. е. при семье, основанной на групповом браке братьев и сестер.

Встречающиеся в системе родства племени ngarigo малайские термины находятся в полном соответствии с существующими брачными нормами и счетом родства. Так, сын брата отца и сын сестры отца одинаково обозначаются у ngarigo термином tidyang, а это прекрасно объясняется тем обстоятельством, что класс у ngarigo эндогамен, т. е. братья и сестры могут вступать в брак друг с другом. При таком браке не только сын брата отца, но и сын сестры отца будет называться «братом», так как сестра отца является в то же самое время и женой отца.

У племени же biduelli (Случай 1) братья и сестры из брака исключены (если Я — Merung, то моя сестра — Yukembruk, а Merung может вступать

в брак только с Merung), и естественно, что сын сестры отца уже не является братом Я, а его двоюродным братом, тем не менее, в системе родства племени biduelli сын сестры отца обозначается тем же термином, что и сын брата отца — tidyang, брат.

[8] Классовые названия камиларои (Ipai, Kumbo, Murri, Kubbi) встречаются и у целого ряда других, повидимому, родственных с камиларои, племен в Новом Южном Уэльсе и Куинслэнде. Так, у племен: wiradjuri (в центральной части Н. Ю. У.) и baraba-baraba (к югу от племени wiradjuri) находим названия для классов: Yibai, Wumba, Murri, Kubbi; у племени wonghibon (к северу от р. Lachlan) — Ipai, Kumbo, Murri, Kubbi; у племени unghi (между рр. Maranoa и Warrego в Куинслэнде) — Hepai, Kombo, Muri, Kubi; у племени bigambul — Hipai, Kombo, Murri, Kobi, и т. д.

[9] Эта таблица напечатана в «Kamilaroi and Kurnai», p. 36. Она содержит классовые названия, брачные нормы и счет родства следующих 5 племен: 1) kamilaroi; 2) antakerinja (Центр. Австралия); 3) одного западноавстралийского племени; 4) племени по р. Герберт (Н. Ю. У.); 5) одного племени в Куинслэнде.

Говоря, что один образец показывает переход от двух первичных классов к четырем классам, Файсон имеет в виду куинслэндское племя. Это племя распадается на 4 класса: Gurgela, Burbia, Wungo, Kuberu. Но в то же самое время у него еще сохранилось в полной силе деление племени на два класса: Yungaru и Wutaru. Брачные нормы и счет родства у этого племени, полагает Файсон, доказывают, что эти четыре класса получились в результате разделения первичных двух классов. См. «Kamilaroi and Kurnai», p. 38 sqq.

[10] Схематическая карта Австралии с обозначением распространения классовой системы приведена Хауиттом впервые в его статье «Notes on the Australian Class Systems» (Journ. Anthr. Inst., vol. XII, 1883, после стр. 510). В этой же статье Хауиттом применены «химические формулы», о которых говорит дальше Файсон.

[11] Ridley, William (14 IX 1819—26 IX 1878) — миссионер пресвитерианской церкви. Он начал свою миссионерскую деятельность в Австралии в 1850 г. в Balmain (предместье Сиднея); после этого он работал в Dungog (1851 г.), в New England (1852 г.), в области, лежащей между Liverpool Plains и Darling Downs (1852—1856), среди племен, говорящих на языке «Kamilaroi»; в 1856 г. переехал в Викторию, а в 1861 г. опять вернулся в Новый Южный Уэльс. Главные этнографические работы Ridley: Kamilaroi, Dippil, and Turrubul (1866); Report on Australian Langugaes and Traditions (J. A. I., II, 1873, pp. 257—291); Kamilaroi and other Australian Languages (1875).

[12] Классы Merung и Yukembruk, как мы видели выше, являются в настоящее время эндогамными.

[13] Это совершенно понятно, так как эти тотемы являются подразделениями первоначального рода.

[14] Codrington, Robert Henry (15 IX 1830—11 IX 1922) — миссионер в Меланезии в течение 30 лет. Его главные этнографические сочинения: The Melanesian Languages (1885); The Melanesians. Studies in their Anthropology and Folk-Lore (1891); Dictionary of the Mota Language (1896). О тайных обществах см. его «The Melanesians», ch. V, VI, pp. 69—115.

[15] Brown, George (7 XII 1835—7 IV 1917)— веслеянский миссионер. Он начал свою миссионерскую деятельность в 1860 г. на о. Самоа. В 1874 г. он переехал на Новую Британию, где основал миссию и возглавлял ее до 1881 г. В 1881 г. он перешел на работу в Сиднеи. С 1887 г. до 1908 г.—генеральный секретарь Board of Missions. В 1891 г. он основал миссию на Новой Гвинее, а в 1902 г. — на Соломоновых островах. Всего Brown работал миссионером около 58 лет. Его главные этнографические работы: Papuans and Polynesians (J. A. I., vol. XVI, 1887, pp. 311—327); George Brown, Pioneer Missionary and Explorer (автобиография), 1908; Melanesians and Polynesians, 1910.

[16] См. подробно о взглядах Файсона на причины распада первобытнокоммунистических отношений и перехода от материнского рода к отцовскому «Land Tenure in Fiji» (Journ. Anthrop. Inst., vol. X, 1881, p. 346 sqq.); Fison and Howitt, From Mother-right to Father-right (Journ. Anthr. Inst., vol. XII, 1883, p. 30 sqq.).

[17] Думаю, что имеется в виду англичанин Hereward (XI в.), прославившийся своим упорным сопротивлением королю Англии Вильгельму Завоевателю.

[18] Alexis Charles Henri Clérel de Tocqueville (29 VII 1805 — 16 IV 1859) — французский государственный деятель. В 1831 г. он получил поручение от французского правительства изучить пенитенциарную систему в Америке. Впоследствии он написал книгу «De la Démocratie en Amérique», 1835—1840. Полное собрание его сочинений издано de Beaumont'ом под названием: «Oeuvres complètes de Tocqueville», 9 vols., 1860—1865.

[19] То, что Файсон видел выход для восстановления нарушенного единства родового общества (в данном случае фиджийского) в деспотизме, объясняется в известной мере той растерянностью, той неорганизованностью и беспомощностью, которые он наблюдал у фиджийцев после оккупации островов европейцами. Файсону, как видно, казалось, что дикарь-деспот, который объединил бы и сплотил фиджийцев и заставил бы всех действо-

вать заодно, мог бы приостановить наступление капиталистов, которые именно и пользовались назревшими к тому времени в фиджийском обществе социальными противоречиями.

[20] Тори — старая консервативная политическая партия в Англии, которая отстаивала, особенно в первые периоды своего существования, теорию божественного происхождения царской власти.

[21] «Rupulle» или «Rupulli» назывался вождь у племени narrinyeri, обитавшего в Южной Австралии к югу от оз. Александрины. Сведения о вождях narrinyeri Файсон, повидимому, получил от миссионера George Taplin, который был его корреспондентом. См. о «Rupulle» подробно: Rev. G. Taplin, «The Narrinyeri» в «Woods, Native Tribes of South Australia», Adelaide, 1879, p. 32 [«Каждое племя Narrinyeri имеет своего вождя, который носит название «rupulle» (т. е. владелец земли); он является их вождем на войне, и личность его тщательно охраняется во время сражения воинами его клана. Rupulle является посредником и представителем племени при всех недоразумениях, возникающих с другими племенами; к его совету обращаются при всех затруднениях и недоумениях... Должность вождя — не наследственная, а выборная»] и «The Folklore, Manners, Customs, and Languages of the South Australian Aborigines», Adelaide, 1879, p. 35 sqq. [«Каждый клан имеет вождя, который носит название rupulli, т. е. владелец земли. Клан фактически управляется советом старших, называемым tendi, который управляет всеми делами. Когда один из членов tendi умирает, оставшиеся члены избирают из членов клана подходящего человека на его место. Число членов этого совета обыкновенно десять или двенадцать»].

[22] Файсон имеет в виду сходство во внутренней организации франкмасонских лож, особенно в отношении таинств, степеней, отличительных знаков, способов получения высших степеней и т. д., с организацией тайных обществ у первобытных народов.

К № 17

[1] Речь идет о книге «Kamilaroi and Kurnai», которая вышла в 1880 г. На заглавном листе указана ученая степень Файсона «M[agister] A[rtium]», полученная им, как видно из этого письма, незадолго до выхода в свет книги. Книга эта посвящена авторами Моргану. Посвящение гласит:

«To the Honourable
Lewis H. Morgan, LL.D.,
this volume
is
dedicated,
as a token of esteem,
by the authors».

[2] Имеется в виду книга Моргана «Houses and House-Life of the American Aborigines», которая вышла в 1881 г.

[3] См. Bandelier, On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans (XII. Annual Report of the Peaboby Museum, 1879, p. 608 sqq.), где он говорит о классе людей у ацтеков, не связанных ни с одним из их родов, «outcasts from the band of kinship».

[4] Анализ Файсона общественных отношений у фиджийцев вскрыл, что фиджийская община, хотя она по существу и построена на родовом начале, далеко не однородна по своему социальному составу. Она, подобно общине ацтеков, включила в себя ряд чужих и не связанных с ней родством лиц, которые только принадлежат к общине, но не являются ее полноправными членами. Эти чужие, «несвязанные» с общиной лица распадаются на: 1) men who are born but not fullborn, и 2) men who are not «born» at all или base-born men.

Первые являются выходцами или изгнанниками из других племен, военнопленными и т. д., которые находятся в некотором подчиненном положении и за предоставленную им общиной землю должны выполнять известные обязанности по отношению к полноправным членам общины, владельцам земли. Потомки этих чужих, по крайней мере, у некоторых племен, могут с течением времени стать полноправными членами общины, что прежде всего выражается в получении права на владение родовой землей.

Вторые, «низкорожденные» или «совсем не рожденные» лица, т. е. лица, которые не имеют отца, рожденные вне санкционированного обществом брака, находятся на положении рабов, и их потомки никогда не могут стать полноправными членами общины.

> «Ни земли, которые они обрабатывают, ни участки, на которых они живут, им не принадлежат. Они даже не арендаторы. Они — потомственные рабы, adscripti glebae, обязанность которых состоит в том, чтобы производить предметы питания для своих хозяев; господа могут притеснять их, и они лишены защиты. В мирное время они должны работать на них, а во время войны должны сражаться за них, не щадя своей жизни» (Fison, «Land Tenure in Fiji», J. A. I., X, 1891, p. 338 sqq.).

[5] Т. е. общества, состоявшего уже из родов.

[6] Имеется в виду книга «Kamilaroi and Kurnai».

[7] «Нерасчлененное общество», т. е. общество, практиковавшее групповой брак между братьями и сестрами (кровнородственная семья).

[8] Морган неоднократно высказывал тот взгляд, что «the institutions of mankind have sprung up in a progressive connected series, each of which

represents the result of unconscious reformatory movements to extricate society from existing evils» (Ancient Society, p. 59 et passim).

Результатом такого «reformatory movement» Морган считал и происхождение экзогамии.

К № 18

[1] См. Kamilaroi and Kurnai, pp. 99, 107, 110, 117, 127, 143.

Несмотря на тяжелое материальное положение Файсона и полную его зависимость от миссии, научная добросовестность всегда брала у него верх над соображениями всякого другого порядка.

[2] Kamilaroi and Kurnai, p. 130. Файсон, как видно, цитировал это место на память, и поэтому его цитата не буквально совпадает с напечатанным текстом. В книге: «the terms of relationship, as they are heard in daily use, point out the groups; and the groups, taken as units, explain the raison d'être of the terms».

[3] См. примечание 4 к письму № 17.

К № 19

[1] Garrison, Wendell Phillips (1840—1907) — американский литератор. С 1865 до 1906 г. состоял литературным редактором нью-йоркского журнала «The Nation», где Морган поместил в 1876 и 1878 гг. три статьи по индейскому вопросу.

Garrison является автором следующих работ: What Mr. Darwin saw on his Voyage around the World (1879); William Lloyd Garrison (4 vols, 1885—1889) — биография отца, которую он написал вместе со своим братом F. J. Garrison; Parables for School and Home (1897); The New Gulliver (1898); Memoirs of Henry Villard (1904). После его смерти была издана книга: «Letters and Memorials of W. P. Garrison» (Cambridge, Mass., 1908).

[2] Речь идет о номере журнала «Saturday Review», где была напечатана очень резкая рецензия на книгу Моргана «Древнее Общество» (№ 1, 158, January 5 1878, London).

К № 20

[1] Hale, Horatio Emmons (3 V 1817—28 XII 1896) — американский этнолог и лингвист. Очень рано Hale заинтересовался лингвистикой и уже в 1834 г., незадолго до поступления в Гарвардский университет, напечатал работу под названием: «Remarks on the Language of the St. John's or Wlastukweek Indians, with a Penobscot Vocabulary». Сразу по окончании университета (1837 г.) он был приглашен для участия в первой научной экспедиции, организованной правительством Соединенных Штатов (Акт Конгресса

от 18 мая 1836 г.), в качестве филолога. Экспедиция имела целью исследование Тихого океана и продолжалась с 1838 до 1842 г. Во время этой экспедиции Hale собрал огромный лингвистический и этнографический материал, который вошел в 6-й том трудов экспедиции (United States Exploring Expedition. During the years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842. Under the Command of Charles Wilkes, U. S. N. — Vol. VI. Ethnography and Philology. By Horatio Hale, Philologist of the Expedition. Philadelphia. 1846. XII + 666 pp.). Этот том состоит из двух частей: этнографической и филологической. Этнографическая (pp. 1—225) посвящена Полинезии (pp. 4—43), Меланезии (pp. 43—46), Фиджи (pp. 47—69), Микронезии (pp. 69—106), Австралии (pp. 106—116), северо-западу Америки (Орегон и Калифорния) (pp. 119—225) и содержит также главу о миграциях племен Океании (pp. 117—196), а филологическая часть состоит из сравнительной грамматики полинезийских языков и полинезийского словаря (pp. 229—356), из кратких грамматик и словарей языков островов: Факаофу и Вайтупу (pp. 357—364), Фиджи (pp. 365—424), Тоби (pp. 425—429), Милле (pp. 431—434), Тарова (pp. 435—468), Ротума (pp. 469—478), из грамматики и словаря австралийских языков (kamilaroi и wiradurei) (pp. 479—531), языков северо-запада Америки (pp. 533—650), Патагонии (pp. 651—656) и южной Африки (pp. 657—666).

В 1855 г. Hale получил право на адвокатскую практику в Чикаго, а в 1856 г. переехал в Клинтон (Канада), где продолжал заниматься адвокатской практикой. В Клинтоне Hale оставался до конца своих дней. Главные научные работы Hale, кроме названных: Indian Migrations as Evidenced by Language (1883); The Iroquois Book of Rites (1883) — о верованиях ирокезов, связанных со смертью и с жизнью в загробном мире; The Tutelo Tribe and Language (Proceedings of the American Philosophical Society, vol. XXI, 1883, № 114, pp. 1—45), — где он доказывает, что язык племени tutelo в Виргинии принадлежит к языковой семье dakota; Report on the Blackfoot Tribes, 1885; The Origin of Languages and the Antiquity of Speaking Man, 1886; The Origins of Primitive Money, 1886; The Development of Language (1888); An International Idiom: A Manual of the Oregon Trade Language, or «Chinook Jargon» (1890); Was America Peopled from Polynesia? (1890).

Настоящее письмо любопытно в том отношении, что в нем Hale в значительной степени предвосхитил основные возражения, которые приводились и еще до сих пор продолжают приводиться против теорий Моргана.

Против утверждений Моргана, что групповой брак между близкими родственниками является исходной формой брака и что классификаторская система родства представляет собой неоспоримое доказательство существования групового брака — Hale выдвигает два возражения: одно — биологическое, другое — филологическое, точнее — этимологическое. Первое возражение — биологическое — сводится к тому, что в силу существующей у людей, равно как и у животных, прирожденной склонности к парности,

а также в силу «закона человеческой природы», который «делает необычным и почти невозможным возникновение полового влечения у лиц различных полов, долго живущих вместе», нельзя допустить, чтобы когда бы то ни было люди практиковали групповой брак и брак между близкими родственниками, которые, в виду их принадлежности к одному общему хозяйству, неизбежно жили вместе. Второе возражение опирается на этимологию терминов родства и состоит в том, что классификаторская система не может служить доказательством прежнего существования группового брака уже потому, что она вовсе не отражает семейно-брачных отношений, а только и единственно отношения, существовавшие в коммунистическом хозяйстве и в первую очередь возрастные. Классификаторские термины не содержат никаких указаний на родство и обозначают только возраст различных членов общего хозяйства, как-то: «маленький», «старший» и т. д.

В первом возражении Hale отразилось влияние Дарвина, с одной стороны, и английского юриста и философа Bentham, Jeremy (15 II 1748—6 VI 1832) — с другой. Теория Дарвина о врожденном инстинкте ревности, изложенная им в «Происхождении человека», известна, и мы ее не будем касаться (см. прим. к письму № 10). Bentham же, еще задолго до Hale, писал: «Очень редко бывает, чтобы чувство любви развилось у тех лиц, которым запрещено вступать в брак между собой, т. е. у близких родственников, живущих обычно вместе. Для того, чтобы зародилось это чувство, требуется известного рода сюрприз (a certain degree of surprise) и сильное действие новизны. Лица, привыкшие видеть друг друга с такого периода, когда они еще не способны ни питать страсть, ни возбуждать ее, будут смотреть друг на друга такими же глазами до конца своих дней» (Bentham, Theory of Legislation. Translated from the French. London, 1864, p. 220).

Оригинально в этом возражении то, что Hale связывает с инстинктивным половым отвращением у лиц, с детства живущих вместе, возникновение экзогамии. «И я считаю, — пишет Hale в своем письме, — что именно этот закон и вызвал к жизни в коммунистических домовых хозяйствах обычай экзогамного брака».

Этим последним своим замечанием Hale предвосхитил взгляды ряда крупных исследователей первобытного брака и в первую очередь Вестермарка, Эллиса и Кроули. Все названные авторы являются противниками теорий Моргана и для объяснения происхождения экзогамии они выдвигают теорию, которую в общих чертах сформулировал уже Hale в своем письме к Моргану. Так, Westermarck, Edward Alexander пишет:

> «Вообще говоря, у людей, живущих с детства в большой близости, существует поразительное отсутствие эротических чувств. Больше того, в этом случае, как и во многих других, сексуальное равнодушие сочетается с активным чувством отвращения при мысли о половом акте. Это я считаю основной причиной экзогамных запрещений. Люди, жившие с детства вместе, как правило были близкими родственниками;

отсюда их отвращение к половым сношениям между собой нашло свое выражение в обычае и законе, как запрещение половых сношений между близкими родственниками» (History of Human Marriage, 5th ed., 1921, vol. II, 192 sqq. См. также его Origin and Development of the Moral Ideas, 1908, vol. II, p. 368 sqq.).

Английский психолог Ellis, Henry Havelock пишет:

«Between those who have been brought up together from childhood all the sensory stimuli of vision, hearing, and touch have been dulled by use, trained to the level of calm affection, and deprived of their potency to arouse the erethistic excitement which produces sexual tumescence» (Studies in the Psychology of Sex, vol. IV, 1906, p. 205 sqq.).

К Эллису примкнул в 1907 г. и английский этнолог Crawley, Alfred Ernest (1869—1924). (См. A. E. Crawley, Exogamy and the mating of cousins, Anthropological Essays presented to Edw. B. Tylor, 1907, p. 52 sqq.)

Обстоятельную критику взглядов названных авторов дал R. Briffault в «The Mothers», 1927, vol. I, p. 244 sqq., и нет надобности поэтому на них останавливаться.

Что касается второго возражения Hale, то отчасти оно уже было высказано Пешелем. Знаменитый немецкий географ Peschel, Oskar (17 III 1826—31 VIII 1875) в своем труде «Völkerkunde», вышедшем в 1874 г., критикуя высказанные Морганом в «Systems of Consanguinity etc.» (1871) взгляды на групповой брак и классификаторскую систему родства, приходит к тому выводу, что классификаторская система родства обозначает не отношения родства, а только «последовательность поколений» и занимаемое различными лицами в семье в зависимости от возраста положение, и поэтому она не может служить доказательством существования группового брака.

«Если мы еще примем во внимание, — писал Пешель, — что все языки, в которых обращения отец, брат, сын применяются к членам семьи, в зависимости от той степени близости, в какой они находятся по отношению к общему предку, имеют особые названия для старшего и младшего брата или старшего и младшего брата отца, для старшей и младшей сестры или старшей и младшей сестры матери, — то нам станет ясным, что не степень близости кровного родства должна была обозначаться, а последовательность поколений и положение, занимаемое внутри семьи, потому что с этим были связаны существенные порядки в домашней жизни, а именно: большее уважение к старшим и, что еще вероятнее, более или менее строгие требования в отношении осуществления кровавой мести» (Vöolkerkunde, 7. Aufl., unveränderter Abdruck des Urtextes, 1897, S. 242).

*

«Подавляющее большинство народов различает в языке в гораздо меньшей степени близость кровного родства, чем различные поколения, а внутри последних, опять-таки, преимущественное положение старших членов перед младшими» (ibid., S. 240).

Я не думаю, чтобы Hale в данном вопросе находился под влиянием Пешеля. Во всяком случае, основной момент, на котором базируется второе возражение, а именно, что этимология родственных терминов говорит против предложенного Морганом объяснения происхождения классификаторской системы родства, Hale здесь выдвигает впервые.

Особенно интересно то, что Карл Каутский в своих возражениях против Моргана полностью повторяет возражение Hale. В своей работе «Die Entstehung der Ehe und Familie» (Kosmos, XII. Band, 1882) Каутский, пытаясь опровергнуть теорию Моргана о групповом браке, выдвигает, выработанную им под влиянием Пешеля, следующую теорию для объяснения происхождения классификаторской системы родства.

«Термины родства, таким образом, обозначают не степени происхождения, а поколения (nicht den Graden der Abstammung, sondern der Generation). Все члены одного поколения обобщаются в один класс под одним общим наименованием без всякого отношения к их происхождению. Вероятно и сам Морган пришел бы к такому заключению, если бы он мог освободиться от того представления, что узы происхождения (Band der Abstammung) были первичными узами, соединявшими людей, так что всякая позднейшая классификация их должна была обязательно исходить из отношений происхождения (von den Abstammungsverhältnissen). Его обозначение этих классов терминами: «отец», «мать», «сын», «дочь» и т. д. тоже, собственно говоря, ложное. Классификаторская система основывается не на распространении наименований происхождения на целые классы, а на том, что внутри этих классов еще не обращалось внимания на происхождение. Не потому называют всех сверстников отца таким же термином, как и отца, что отец неизвестен наверное, а потому, что отца еще не выделяют из среды его сверстников посредством особого термина. Что так это действительно и было, подтверждается переводом гавайских наименований «родства», насколько, конечно, эти наименования вообще переводимы. Сын называется по гавайски: keiki-kane, что означает: маленький мужчина; дочь — kaika-mahine (необъяснимая аномалия, вместо kaika-wahine) — маленькая девочка. Брат называется: hoáhánau, от hoá — товарищ и hanau — рожденный: товарищ по рождению, принадлежащий к одинаковому поколению, сверстник» (назв. соч., стр. 197).

Разница между Hale и Каутским заключается только в том, что в то время как Hale рассматривает классификаторскую систему родства, как «необходимое следствие коммунистического домового хозяйства», у Каутского

классификаторский принцип возникает (уж совершенно непонятным образом!) при моногамной семье, которую Каутский считает исходной в развитии общества («die urwüchsigste Form des geschlechtlichen Verkehrs des Menschen sei nicht die der Weibergemeinschaft, sondern der Monogamie», ibid., S. 204).

К объяснению происхождения классификаторской системы, выдвинутому Пешелем и Каутским, примкнул и Вестермарк. В своей диссертации «The History of Human Marriage» (Helsingfors, 1889) Вестермарк подвергает резкой критике теорию Моргана о групповом браке, равно как и выработанный Морганом метод для изучения истории семьи, и приходит к заключению, что человек не был вначале стадным животным («Man originally not a gregorious animal») и что первичной общественной единицей была парная семья («And I firmly believe that, among our earliest human ancestors, it (т. е. семья) formed, if not the society itself, at least the nucleus of it», p. 53); что же касается классификаторской системы родства, то «the names being given chiefly with reference to sex and age, as also to the external, or social, relationship in which the speaker stands to the person whom he addresses» (p. 111).

В 1894 г. точку зрения Каутского широко развил Кунов в своей работе «Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger», работе, направленной против «Древнего Общества» Моргана и книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Взгляды Кунова очень скоро проникли в этнографическую литературу и в настоящее время они являются господствующими на Западе.

Вопрос о генезисе классификаторской системы родства имеет для нас кардинальное значение, так как классификаторская система является одним из основных столпов, на котором зиждется теория группового брака. В самом деле, если не считать то незначительное количество засвидетельствованных бесспорных случаев группового брака и отдельные переживания группового брака, встречающиеся на более высоких стадиях общественного развития, то классификаторская система родства, которая распространена у огромного числа первобытных народов в разных частях света, является, если понимать ее в духе Моргана и Энгельса, самым сильным аргументом в пользу группового брака. Именно поэтому Энгельс придавал такое большое значение новому методу Моргана в изучении истории семьи, состоящему прежде всего в восстановлении исчезнувших форм семьи на основании уцелевших классификаторских систем родства. И именно поэтому противники Моргана прежде всего обрушиваются на его метод и всячески стараются придумать другие объяснения для происхождения классификаторской системы.

Приступая к разбору изложенного объяснения природы классификаторской системы, объяснения, названного нами этимологическим и автором которого, как теперь выясняется, должен, по праву, считаться Horatio Hale, надо прежде всего отметить тот факт, что этимология гавайских терминов родства, на которую больше всего и ссылаются Каутский и Кунов, была

хорошо известна и Моргану, и что именно у Моргана эти авторы-то и заимствуют свои данные о гавайской системе. В своих „Systems of Consanguinity etc.“ Морган приводит in extenso примечания судьи в Гонолулу Andrews к присланной им Моргану гавайской системе родства (pp. 452, note). В этих примечаниях говорится:

«Гавaец не имеет специального слова для обозначения сына. Keíki означает: ребенок или, как первоначально, маленький; ìkì — маленький, небольшой; член ke в новейшее время стал префиксом, т. е. присоединенной частицей, и составленное таким образом слово получило в настоящем другой член ke; отсюда — современная форма ke keiki — маленький, младший и т. д. Чтобы выразить понятие «сын», нужно прибавить прилагательное káne, мужчина.

Гаваец не имеет в обиходе определенного слова для обозначения брата вообще. Kaíkuaána служит для обозначения любого из братьев старше говорящего, т. е. старшего брата брата.

Гаваец не имеет слова «брат» в том смысле, какой это слово имеет в языках Западной Европы. Слово hóahánau, от hóa, товарищ, и hanau, рожденный, т. е. товарищ по рождению, употребляется в широком смысле и большей частью применяется теперь к членам церкви. Он редко применяет это слово к человеку, рожденному от тех же родителей, что и он сам».

Из этих-то замечаний, приведенных у Моргана, собственно и пошли возражения против моргановского толкования классификаторской системы, как системы родства. Следовательно, и Морган знал этимологическое значение указанных гавайских терминов, только он не придавал этому того значения, которое придавали его противники.

Что же касается вопроса по существу, то несостоятельность объяснения классификаторской системы, как системы, обозначающей возрастные различия, становится очевидной уже из следующего:

1. Классификаторская система именно тем и отличается, что в ней возраст не играет никакой роли. В самом деле: раз один и тот же термин — отец, скажем, — одинаково применяется, как к действительному отцу, так и ко всем его братьям всех степеней родства, то значение возраста при этом, естественно, совершенно пропадает: не только «отец», но даже «дед» может быть моложе «сына» или «внука». Классификаторский «отец» может быть на много моложе «сына» и тем не менее он будет принадлежать к классу действительного отца этого сына; он должен жениться в классе жен отца и ни под каким видом не может жениться на женщине класса жен «сына»; брат или сестра отца могут быть моложе своего племянника или племянницы, или одних с ними лет, и тем не менее запреты вступать в брак, установленные между восходящими и нисходящими, одинаково действительны и для них. Существующие в классификаторской системе отдельные термины для старшего и младшего брата, для старшей и младшей сестры

связаны не с возрастом вообще, а опять-таки с определенными брачными нормами, с определенными семейно-брачными правами и обязанностями.

2. Классификаторская система уже потому не может обозначать возрастных различий, что никакого возрастного расчленения в первобытном обществе не существует, по крайней мере на ранних стадиях его развития. Различие в занятиях отдельных возрастных групп не есть там результат общественного разделения труда, а обусловлено исключительно естественными причинами, имеет исключительно естественное происхождение. Классификаторская система, таким образом, оказалась бы призванной обозначать категорию не социальную, а биологическую, что совершенно не правдоподобно.

3. Если допустить, что классификаторская система, по той причине, что на родство и происхождение не обращалось внимания и они еще не сознавались, отражает не родство, а только возраст, то никак нельзя объяснить ни того, чем был вызван запрет вступать между собой в брак представителям разных возрастных групп, ни происхождения экзогамии, ни, наконец, того, почему, после установления экзогамии, сестра отца и сестра матери, брат отца и брат матери, дети братьев или сестер и дети брата и сестры стали обозначаться разными терминами, тогда как они принадлежат к одному и тому же возрастному слою.

4. Ссылки на этимологию отдельных терминов родства совершенно неубедительны. Термины родства очень древнего происхождения и с большим трудом поддаются более или менее достоверной этимологизации. Ученые, которые неоднократно пытались найти этимологию того или другого термина родства, сплошь и рядом впадали в ту неизбежную ошибку, что принимали производное значение термина за исходное. Самым ярким примером в данном отношении может служить Макс Мюллер, который производил термин «pitár», «pater», «father», от корня «pa», что означает защищать, содержать или кормить, а термин «mâtár», «mater», «mother» от корня «ma», что означает оформлять, придавать вид (Max Müller, Comparative Mythology в «Oxford Essays», 1856, p. 14 sqq.; Biographies of Words and the Home of the Aryans, 1888, p. XVI). Ошибочность подобного толкования давно уже всеми признана.

Ведь, оттого, что и мы в нашем разговорном языке иногда называем «отцом» или «дедушкой» такого человека, который вовсе не является нам действительным отцом или дедом, а только потому, что этот человек одинакового возраста с нашим отцом или дедом, или же одинаково нам дорог, никому не придет в голову утверждать, что термином «отец» или «дед» раньше обозначались все лица одинакового возраста, а лишь впоследствии этот термин стал применяться только к действительному отцу или деду!

С другой стороны, при этимологизации терминов родства следует еще помнить, что очень часто один и тот же термин встречается в разных языках и у различных народов, и этимологизация такого термина на основании данных одного только из языков, где он встречается, легко может

привести к поспешным и ошибочным выводам, к этимологии не научной, а так наз. «народной».

Так, например, в нашем случае, гавайский термин «măkŭă», который Морган переводит «отец», а его противники «старший», встречается, кроме гавайцев, еще на островах Самоа, Тонга, Тонгарева, Нпуэ, где он только звучит «matua»; на о-вах Товарищества, где он звучит «metua»; на Маркизских о-вах, где его произносят «motua», и, наконец, на о-вах Паумоту, где он звучит «makui» (см. Rivers, The History of Melanesian Society, vol. I, p. 400; R. W. Williamson, The Social and Political Systems of Central Polynesia, vol. II, 1924, pp. 149, 178, 198 sqq., 201, 204, 205, 208, 209). Этимологизировать этот термин, исходя только из гавайского языка, означает объяснять общее явление частным случаем, что вряд ли может кого нибудь убедить.

[2] Niebuhr, Barthold Georg (27 VIII 1776—2 I 1831) — немецкий историк. Имеется в виду его знаменитый, создавший эпоху в науке, труд «Römische Geschichte», I. Band — 1811; II. Band — 1812; III. Band — 1832.

[3] См. его «Polynesian Lexicon», где слово «matua» означает не только «старший», но и «отец» или «дядя» (M a t u a, Samoa, Tonga, New Zealand, Hawaii; M e t u a, Rarotonga, Tahiti, Nukuhiva; M o t u a, Mangareva—full-grown, mature, elderly; N. Z., Tah., Rar., Mang., Haw., Nuk. — a parent or uncle (m a t u a-t a n e, a father, m a t u a-h í n e, a mother). Horatio Hale, Ethnography and Philology, U. S. Expl., Exp., vol. VI, p. 335.

[4] Морган ссылается на Hale в «Древнем Обществе» три раза: стр. 127, прим., 153, 175.

К № 21

[1] Howitt, Alfred William родился в Nottingham (Англия) 17 апреля 1830 г. Его родители William и Mary Howitt — были в свое время хорошо известными писателями. Высшее образование Хаунтт получил в Лондонском университете. В 1852 г. Хаунтт попал в Австралию (Мельбурн). Вначале он был фермером, а затем стал заниматься торговлей скотом.

То было время обширных и интенсивных исследований Австралии. Неведомые громадные области внутренней части континента, с таящимися в них возможностями, в первую очередь для развития скотоводства, возбуждали фантазию колонистов и открывали новые перспективы. Исследователь за исследователем отправлялись в глубь страны, и многие из них больше оттуда не возвращались. После большого интереса, вызванного отчетом исследователя Warburton'а, который побывал в области оз. Эйр как раз в дождливое время года, когда вода и трава были в изобилии и страна имела цветущий вид, был образован в Мельбурне Комитет для исследования и освоения Центральной Австралии. Хаунтт, хорошо известный к тому времени как опытный, осторожный и бесстрашный «bushman», был направлен

названным Комитетом в 1859 г. во главе небольшого исследовательского отряда в Центральную Австралию. После возвращения из этой экспедиции Хауитт был назначен управляющим Mount Napier cattle station, но в 1860 г. он был послан правительством Виктории на разведки месторождений золота в неведомую еще тогда область Гиппслэнд (юго-восток Виктории). Во время этой экспедиции Хауитт сильно заинтересовался эвкалиптами, изучению которых он в последующие годы уделил много внимания. (В 1889 г. появилась в Transactions of the Royal Society of Victoria его работа, посвященная эвкалиптам: «The Eucalypti of Gippsland».) В 1861 г. Хауитту было поручено возглавить отряд, посланный правительством Виктории на поиски участников экспедиции в Центральную Австралию Burke и Wills. 28 XI 1861 г. Хауитт вернулся в Мельбурн, доставив туда единственного оставшегося в живых участника экспедиции — John King. Вскоре после этого Хауитт опять отправился в Ц. Австралию (в область Cooper's Creek), чтобы доставить в Мельбурн останки погибших Burke и Wills, что он и выполнил 28 XII 1862 г. В награду за свою самоотверженность Хауитт был назначен в 1863 г. Police Magistrate и директором золотых приисков в Гиппслэнде. Эти должности он занимал до 1889 г. В 1889 г. Хауитт был назначен Secretary for Mines в Виктории, а в 1896 г. — Audit Commissioner. Эти посты он занимал до 1901 г. В 1901 г. Хауитт вышел в отставку и посвятил себя исключительно научной работе. Хауитт умер 7 марта 1908 г.

Еще во время экспедиции 1862 г. Хауитт заинтересовался жизнью туземцев, с которыми ему приходилось сталкиваться, и стал собирать этнографические материалы. При помощи переводчика, туземца из племени narrinyeri, он изучил практически язык племени dieri, обитавшего в области Купер-Крик и оз. Эйр, и таким образом получил возможность познакомиться с социальной организацией этого племени. Область Гиппслэнд, куда затем Хауитт скоро переехал, простирается от мыса Вильсон на юге до Cape Howe на востоке; она была в то время дикой и почти неизведанной страной. Хауитту ежегодно приходилось совершать верхом на лошади поездки в тысячи миль, и во время этих поездок он все время знакомился с туземным населением этой области — с племенем kurnai. Он настолько завоевал доверие kurnai, что они стали считать его полноправным членом племени, наравне с прошедшими обряд инициации, и благодаря этому Хауитт сумел так глубоко их изучить и проникнуть во все тайны их общественной и религиозной жизни. Приходится только пожалеть, что от kurnai, которые некогда были обширным племенем и которых в 1839 г., к началу колонизации области Гиппслэнд, насчитывалось около 1500 человек, осталось в 1877 г. всего 140 человек (46 мужчин, 35 женщин и 59 детей), так что Хауитт уже не имел возможности изучать это племя, к тому времени очень сильно деформированное, в его нормальных условиях и должен был ограничиваться, главным образом, расспросами у старых, помнивших еще древние обычаи, членов племени.

После своего знакомства с Файсоном (около 1873 г.) Хауитт понял все значение имевшихся в его распоряжении этнографических материалов; он сразу же приступил к их обработке, а также к интенсивному и систематическому собиранию новых материалов путем личных наблюдений и через корреспондентов. (См. о совместной работе Хауитта с Файсоном примечание 1 к письму № 15). Около 10 лет Хауитт работал вместе с Файсоном. За это время они опубликовали свой труд «Kamilaroi and Kurnai» и две небольших статьи (см. выше). После этого Хауитт продолжал свои исследования в Австралии один. Благодаря его обращениям, письмам, анкетам и циркулярам, которые он постоянно помещал в местных периодических изданиях и которые он рассылал разным лицам (миссионерам, правительственным чиновникам, отдельным колонистам и т. д.), ему удалось получить огромное число корреспондентов в самых различных частях Австралии. (Всего у Хауитта было около 60 корреспондентов.) В 1904 г. вышел его основной труд «The Native Tribes of South-East Australia». Этот труд, который является результатом сорокалетней неутомимой исследовательской работы и который охватывает свыше 130 австралийских племен, до сих пор еще не превзойден и является основным сочинением по этнографии Австралии. Фрэзер справедливо писал об этом труде:

> «It must always remain an anthropological classic and the standard authority on the subject with which it deals» (Folk-Lore, XX, 1909, p. 169).

Основные этнографические работы Хауитта:

Notes on the Aborigines of Cooper's Creek, in: R. Brough Smyth, Aborigines of Victoria, vol. II, 1878, pp. 300—309; — Notes on the System of Consanguinty and Kinship of the Brabrolong Tribe, North Gippsland, ibidem, pp. 323—330; — Notes on the Australian Class Systems. Journal of the Anthropological Institute of Great Britain & Ireland, vol. XII, 1883, pp. 496—510 (Фрэзер писал об этой работе, что она «is second to none in importance for its clear enunciation of the principles underlying the seemingly complex marriage system of the Australian aborigines». Folk-Lore, vol. XX, 1909, p. 166); — Australian Group Relations. Smithsonian Report for the year 1883; 1885, pp. 797—824; — On Some Australian Beliefs. J. A. I., vol. XIII, 1884, pp. 185—198; — Remarks on the Class Systems collected by Mr. Palmer. J. A. I., vol. XIII, 1884, pp. 335—346; — On Some Australian Ceremonies of Initiation. J. A. I., vol. XIII, 1884, pp. 432—459; — The Jeraeil, or Initiation Ceremonies of the Kurnai Tribe. J. A. I., vol. XIV, 1885, pp. 301—325; — On the Migrations of the Kurnai Ancestors. J. A. I., vol. XV, 1886, pp. 409—421; — On Australian Medicine Men; or Doctors and Wizards of some Australian Tribes. J. A. I., vol. XVI, 1887, pp. 23—58; — Notes on Songs and Songmakers of some Australian Tribes. J. A. I., vol. XVI, 1887, pp. 327—335; — On the Organization of Australian Tribes. Transactions of the Royal

Society of Victoria, vol. I, part 1. Melbourne, 1889; — Further Notes on the Australian Class System. J. A. I., vol. XVIII, 1889, pp. 31—70; — Notes on Australian Message-Sticks and Messengers. J. A. I., vol. XVIII, 1889, pp. 314—332; — On the Use of Gesture Language in Australian Tribes. Australasian Association for the Advancement of Science, vol. II, 1890, p. 637; — Notes as to Dessent in the Diere Tribe. J. A. I., vol. XIX, 1890, p. 90; The Dieri and other kindred Tribes of Central Australia. J. A. I., vol. XX, 1891, pp. 30—104; — Anthropology in Australia. Aust. Ass. Ad. Sci., vol. III, 1891, p. 342; — On Trade Centres in Australian Tribes. Aust. Ass. Ad. Sci., 1901; — The Native Tribes of South-East Australia. London, 1904, XIX + 819 pp.; — A. W. Howitt and Otto Siebert, Legends of the Dieri and kindred Tribes of Central Australia. J. A. I., vol. XXXIV, 1904, pp. 100—129; — The Native Tribes of South-East Australia. Folk-Lore, vol. XVII, 1906, pp. 107—110; 174—189; — The Native Tribes of South-East Australia. J. A. I., vol. XXXVII, 1907, pp. 268—278; — Personal Reminiscences of Central Australia and the Burke and Wills Expedition, Inaugural Address. Report of the Australasian Association for the Advancement of Science, Adelaide, 1907 (separate reprint, pp. 1—43); — Australian Group Relations. J. A. I., vol. XXXVII, 1907, pp. 279—289; — A Message to Anthropologists. Revue des Études Ethnographiques et Sociologiques, 1908, pp. 481—482. См. биографию Хауитта и Файсона — J. G. Frazer, Howitt and Fison. Folk-Lore, vol. XX, 1909, pp. 144—180.

² Речь идет о племени kurnai в Гиппслэнде.

³ В «Kamilaroi and Kurnai» (pp. 261—264) Хауитт подробно описывает существующие у племени kurnai нормы распределения добычи.

«Кенгуру. Допустим, что человек убил кенгуру на некотором расстоянии от лагеря. С ним было еще двое, но они не успели принять участия в этом. Пока первый занят разведением огня, двое других потрошат добычу. Все трое жарят внутренности и поедают их. Если расстояние от лагеря значительное, кенгуру жарится тут же. Туша распределяется следующим образом: 2-й и 3-й человек получают одну ногу и хвост и еще одну ногу и часть бедра за помощь при разрезании кенгуру. Все остальное получает первый человек (убивший кенгуру); он уносит мясо в лагерь и поступает с ним следующим образом: голову и спину он отсылает через жену ее родителям, а остальное отдает своим родителям. Если у него мяса нет, он может взять и себе кусок, но если он имеет, скажем, опоссума — то должен отдать все. Его мать, если она наловит некоторое количество рыбы, может дать ему немного. Если у него нет другого мяса, родители жены могут ему дать немного, но они это делают на следующее утро. О детях всегда заботятся родители родителей.

То, что родители жены дают мясо именно на следующий день, основано на том, что, как предполагается, зять сам обеспечил свою

семью пищей на предыдущий день, но он уже может нуждаться в пище прежде чем отправиться вновь на охоту.

Мясо, полученное родителями мужа и родителями жены, распределяется ими между всеми членами их семей.

Черный уэллэби. Допустим, убито два уэллэби. В зависимости от расстояния их могут зажарить или не зажарить на месте. Одно отдается охотником его отцу, а второе отсылается через жену ее родителям.

Вомбат. Если убит вомбат и если далеко от лагеря, внутренности извлекаются, а животное насаживают на вертел и несут в лагерь. Но если лагерь близко и можно получить помощь, добыча уносится в лагерь целиком. Все животное отсылается родителям жены, так как оно считается самой лучшей пищей. Отец жены распределяет мясо между всеми в лагере, но ничего не дает охотнику, который, как предполагается, съел внутренности на месте и поэтому не голоден. На следующее утро, однако, он посылает немного через дочь ее мужу.

Сумчатый медведь. В зависимости от расстояния, он жарится на месте или уносится в лагерь в сыром виде. Если убит один, его отдают родителям жены; если два, то одного родителям жены, а другого — родителям мужа. Если три, то двух — родителям жены, а одного — родителям мужа, и т. д. Охотник обычно оставляет себе и жене печенку. На следующее утро родители жены дают ей немного мяса, в случае если у нее нет пищи.

Эму. Эму жарится на месте, за исключением тех случаев, когда лагерь близко. Внутренности, зоб и печенка съедаются на месте охотником. Ноги он отдает родителям жены, а туловище — своим родителям.

Игуана. Эта ящерица распределяется между всеми, находящимися в лагере.

Опоссум. Допустим, что убито несколько. Охотник оставляет одного для себя и для жены, а если у него имеются дети, то иногда и двух. Остальные отдаются родителям жены.

Лебедь. Если их убито несколько, охотник может оставить себе одного или больше, в зависимости от потребности его семьи. Остальных он отдает родителям жены. Если убито много, то бо́льшую часть он отдает им, а остальную — своим родителям.

Морской угорь. Он отсылается родителям жены, которые распределяют его среди членов своей семьи.

Во всех случаях бо́льшая и лучшая часть пищи отсылается родителям жены. Внуки снабжаются родителями родителей. Вся добываемая женщиной растительная пища принадлежит ее мужу, ее детям и ей.

Во всех вышеприведенных случаях предполагалось, что вместе с охотником в лагере живут только его родители и родители его жены. Я приведу несколько примеров, чтобы показать нормы распределения в тех случаях, когда в лагере имеются и другие члены группы.

Кенгуру. Допустим, что оно убито женатым мужчиной с помощью неженатого мужчины: родители жены получают все, за исключением левой ноги, которую получает брат, и правой ноги, которую получает помогавший неженатый мужчина.

Сумчатый медведь. Допустим, что он убит только одним мужчиной: родители получают правый бок с двумя лапами. Родители жены — левый бок с двумя лапами. Он сам — голову и печенку, но отдает жене часть головы, а жена отдает своей сестре уши.

Рыба. Если она средней величины, то она делится пополам: он получает хвост, а жена — голову. Если она больших размеров, или если ее поймано много, имеет место следующее распределение (допустим, что поймано 6 речных угрей — 4 больших и 2 маленьких):

муж и жена	получают	большого	угря,
брат матери и его жена	»	»	»
старшие и младшие братья	»	»	»
старшие и младшие сестры	»	»	»
дети брата матери	»	маленького	угря,
замужняя дочь и ее муж	»	»	» ».

Приведенные в настоящем письме два примера несколько расходятся с соответствующими примерами, изложенными выше.

См. подробно о нормах распределения пищи у разных племен Австралии «Native Tribes of South-East Australia», pp. 756—770.

[4] В «Kamilaroi and Kurnai» (p. 208 sqq.) Хауитт следующим образом описывает порядок, по которому размещаются члены группы в лагере:

«Обычай регулировал не только распределение готовой или еще не приготовленной пищи между членами группы, которым пища сообща принадлежала, но также строго определял место, которое могли занимать различные члены группы в лагере.

С целью узнать что-либо об этих правилах, я однажды попросил некоторых kurnai показать на определенном участке земли, как бы здесь расположились лагерем различные члены семейной группы, которых я назвал. С их слов я составил диаграмму, из которой привожу следующие подробности; предполагается, что в центре помещаются мужчина и его жена. Направления даны по компасу, а расстояния — в шагах. Устройство поверхности требовало размещения лагеря в определенном направлении.

Сын и его жена — 5 шагов к северу.

Отец и мать — 20 шагов к северу, 30° на восток.

Брат и жена брата — 20 шагов к северу, 60° на восток.

Отец и мать жены — 100 или более шагов на восток.

Брат жены и его жена — рядом с предыдущими.

Сестра отца и ее муж — 10 шагов к югу, 30° на восток.

Сестра матери и ее муж — 10 шагов к югу, 60° на восток.

Сын брата матери и его жена — 20 шагов к югу.

Не следует, конечно, думать, что указанные направления и расстояния всегда должны быть обязательно такими. Но этот пример является возможным случаем, который иллюстрирует общее правило. Необходимо заметить, что термин, переведенный нами как «муж сестры отца», служит также для обозначения жены брата матери, и расположение этих лиц в лагере, следовательно, одинаковое».

Хауитт также описывает (ibid., p. 209 sqq.) порядок, по которому размещаются в хижине члены семьи:

«Обычай регулирует также размещение отдельных лиц внутри хижины. Если взять для примера вышеупомянутую центральную группу, т. е. мужа и жену, то первый спит слева от очага, а последняя — позади очага; близко за женой — дети; ближе всего к ней маленький мальчик, если таковой имеется, за ним маленькая девочка. В случае, если отец и мать мужа ночуют у них, то дедушка помещается справа от очага, а бабушка позади него, в глубине хижины. Жена сына и дети заняли бы соответствующее место около их собственного «главы семьи» («housefather»).

Существует правило, что сестра жены, хотя она и называется мужем этой последней «женой», а она называет его «мужем», тем не менее не должна спать в его хижине, а где-нибудь поблизости. Иные правила существуют относительно других членов семьи».

[5] В «Houses and House-Life of the American Aborigines», p. 70, note 1, Морган цитирует это место из письма.

В письме Хауитта написано не «wife's mother» (мать жены), как прочел Морган, а «wife's brother» (брат жены).

[6] Речь идет о племени ngarigo. См. об этом племени: Kamilaroi and Kurnai, p. 34, 324; Native Tribes of South-East Australia, p. 77 sqq., 101 sqq., 197 sqq.

[7] «Brabrolong», как вскоре после этого установил Хауитт, является не племенем, а только одним из родов племени kurnai. Племя kurnai состояло из следующих пяти родов:

1. Krauatungalung, 2. Brabralung, 3. Brayakaulung, 4. Brataualung, 5. Tatungalung.

Численность kurnai по родам на 1 января 1879 г.

	М.	Ж.	Детей	Всего
Krauatungalung	26	11	12	49
Brabralung	15	7	9	31
Brayakaulung	5	8	12	25
Brataualung	3	3	1	7
Tatungalung	17	8	22	47
	66	37	56	159

См. о классах и брачных нормах kurnai: Kamilaroi and Kurnai, p. 200 sqq., 320 sqq.; Native Tribes of South-East Australia, pp. 135, 148 sqq., 168 sqq., 171, 269 sqq., 272 sqq.

[8] Речь идет о племени biduelli.

См. об этом племени: Kamilaroi and Kurnai, p. 322; Native Tribes of S.-E. Australia, p. 79 sqq., 102 sqq.

[9] О классах, брачных нормах и счете родства у племен ngarigo и biduelli говорит и Файсон в своем письме от 10 августа 1878 г. со слов Хауитта. См. прим. 1 к письму № 15 и прим. 5 к письму № 16.

[10] Речь идет о локальных группах рода Brabralung. В Kamilaroi and Kurnai, p. 227 и Native Tribes of S.-E. Australia, p. 76 Хауитт приводит пять локальных групп рода Brabralung: 1. bruthen, 2. waiung, 3. wuk-wuk, 4. dairgo, 5. munji.

Мне не удалось разобрать последние несколько слов в письме Хауитта, так как чернила почти совершенно выцвели.

К № 22

[1] Howland, Edward — американский журналист; род. в 1832 г. в Charleston, S. C., умер в 1890 г., в Sinaloa, Mexico. Вместе с женой, Marie Howland, издавал «The Credit Foncier of Sinaloa», раньше в Hammonton, N. J., а с 1885 до 1890 г. в Mexico. См. National Cyclopaedia of American Biography, vol. IV, 1897, p. 91.

[2] Alden, Henry Mills (11 XI 1836—7 X 1919) — редактор «Harper's New Monthly Magazine» с 1869 г. до своей смерти.

[3] Речь идет о книге Моргана «Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family», Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII, 1871.

К № 23

[1] Maine, Henry James Sumner (15 VIII 1822—3 II 1888) — знаменитый английский историк права.

В целом ряде трудов Мэн, путем сравнительного анализа правовых учреждений народов классической древности, пытался научно обосновать «патриархальную теорию» происхождения общества. Причем, патриархальную теорию общества Мэн формулировал следующим образом: «The Patriarchal theory is the theory of the origin of society in separate families, held together by the authority and protection of the eldest valid male ascendant» (Early Law and Custom, 1883, p. 193). Первый его большой труд «Ancient Law: its connection with the early history of society, and its rela-

tion to modern ideas» вышел в 1861 г., в том же самом году, что и труд Бахофена «Das Mutterrecht», положивший начало матриархальной теории общества. В 5-й главе этого труда, озаглавленной «Первобытное общество и древнее право», Мэн пишет:

> «Доказательства, выведенные из сравнительной юриспруденции, заставляют признать тот взгляд на первоначальное состояние человеческого рода, который известен под названием патриархальной теории» (Ancient Law, Sec. Ed., 1863, p. 122).

И далее:

> «Если бы я пожелал, для более специальных целей юристов, представить вкратце характеристику того состояния, в котором находилось человечество на заре своей истории, мне было бы достаточно для этого привести несколько стихов из Одиссеи Гомера:
>
> τοῖσιν δ' οὔτ' ἀγοραὶ βουληφόροι οὔτε θέμιστες.
> . . . . θεμιστεύει δὲ ἕκαστος
> παίδων ἠδ' ἀλόχων οὐδ' ἀλλήλων ἀλέγουσιν.
>
> «Нет у них ни сходбищ народных для общих советов, ни фемид, но каждый властвует над своими женами и детьми, зная себя одного, о других не заботясь».
>
> ...Как бы то ни было, стихи Гомера представляют собой итог тех неясных указаний, которые дают нам древние источники права. Люди вначале были рассеяны отдельными изолированными группами, каждая из которых объединялась только через подчинение старшему (родителю)» (ibid., p. 124 sqq.).

Более обстоятельно Мэн развил свои взгляды на первобытное общество в указанном направлении в своей книге «Lectures on the Early History of Institutions», вышедшей в 1875 г.

В 1883 г. вышел последний большой труд Мэна: «Dissertations on Early Law and Custom», 7-я глава которого, озаглавленная «Теории первобытного общества», посвящена определению понятия патриархальной семьи, доказательствам ее изначальности и критике противоположных теорий происхождения общества, в частности, теории Моргана.

Характернейшими чертами патриархальной семьи Мэн считает **половую ревность и власть**. Патриархальная семья, по Мэну, это — семья, построенная на чувстве половой ревности в связи с принципом власти («...sexual jealousy, indulged through Power, might serve as a definition of the Patriarchal Family». Early Law and Custom, p. 209).

> «Как на главный фактор образования групп — пишет далее Мэн, p. 215, — в которых впервые развилось понятие родства, патриархальная теория указывает на власть, на власть сильного мужчины. Противоположные теории, наоборот, предполагают, что в течение длинного ряда веков власть вовсе не имела места. Не говоря уже о неправдо-

подобности такого предположения, я здесь только замечу, что единственным известным нам источником новых форм родства является власть. Именно особая форма власти, именуемая юристами термином суверенитет, создала современное родство, известное под названием национальности, которое позволяет нам говорить об англичанах, французах, австралийцах, американцах. Далее, патриархальная теория предполагает, что мотивом, приводившим к проявлению власти, была половая ревность. Противоположные ей теории предполагают, наоборот, что в течение длинного ряда веков половая ревность совершенно отсутствовала. По некоторым данным можно, конечно, допустить, что та страсть, которая вызвала у Ахиллеса гнев мщения, а у Отелло агонию, была первоначально неизвестна людям, или же нейтрализовалась под давлением других обстоятельств, но раз только будет признано, что страсть эта, являющаяся одной из могущественнейших сил, действующих как на нравственную, так и на интеллектуальную сторону человека, была одним из наименее сдерживаемых инстинктов и тогда, когда в человеке преобладала еще животная сторона, то совокупность наблюдаемых в последнее время явлений получит, как мне кажется, освещение, существенно отличное от того, какое дают им сами наблюдатели».

Критикуя взгляды Моргана, Мэн по существу выдвигает только одно возражение, которое полностью заимствовано им у Дарвина, а именно, что взгляды Моргана находятся в непримиримом противоречии с присущей в одинаковой мере как людям, так и всем животным высшего порядка сильнейшей из всех страстей — половой ревности.

Мэн указывает, что когда он писал свое «Древнее право», ему еще не были ясны те мотивы, которые побуждали людей соединяться в семейный союз. На этот вопрос, полагал он тогда, юриспруденция без помощи других наук не может дать ответа (Ancient Law, p. 270). Но вот ожидаемая от биологической науки помощь явилась, и «замечательно, — говорит Мэн, — что как в древности патриархальная теория разделялась величайшим светилом древней науки (т. е. Аристотелем. *И. В.*), так и в наше время с ней связано имя величайшего представителя современной науки (т. е. Дарвина. *И. В.*). От этой теории (т. е. патриархальной. *И. В.*), по моему мнению, никоим образом не может быть отделено то воззрение на первобытное состояние человечества, к которому пришел Дарвин в результате своих наблюдений и изысканий. (Дальше идет известная цитата из «Происхождения человека» Дарвина, которая приведена нами в примечании к письму № 10. *И. В.*)... В то время, когда в человеке преобладали еще чисто-животные стороны, он принадлежал собственно к числу животных высшего порядка; и вот почему, именно, взгляды Дарвина имеют в данном случае такое важное значение. Можно, пожалуй, отвергать или ограничивать абсолютность конечных выводов той книги («Происхождение человека»), в которой

изложены его взгляды; и, несмотря на это, все же останется налицо изумительное собрание фактов, свидетельствующих о том громадном влиянии, какое имеет в животном мире половая ревность, при этом, чем выше подымается животное по лестнице видов, тем более возрастает в своей интенсивности сила этого влияния, заставляя полы соединяться в группы, весьма сходные с теми, в которых, по мнению Платона и Аристотеля, были соединены первобытные люди. Большая часть иностранных исследователей в той области знания, которой в Англии занимались МакЛеннан и Морган, имеет перед ними преимущество в смысле большей биологической эрудиции; и они все, как кажется, приходят к тому же заключению, что и Дарвин. (Имеются в виду Letourneau и его книга «La Sociologie» и Dr. Le Bon и его книга «L'Homme et les Sociétés». *И. В.*)» (Early Law and Custom, p. 206 sqq.)

Но чем же тогда объяснить, спрашивает Мэн, многие из тех явлений дикого состояния человечества, на основании которых Морган построил свои теории и которые, как будто, находятся в противоречии с патриархальной теорией?

> «Объяснение указанным явлениям — говорит Мэн — лежит, как мне кажется, отчасти в предположении Дарвина, что эти явления относятся к «более позднему периоду, когда человек подвинулся вперед в развитии своих интеллектуальных способностей, но деградировал в своих инстинктах», отчасти же в гипотезе МакЛеннана о значительной (и как, повидимому, думает он, повсеместной) малочисленности женщин в первобытных человеческих группах» (ibid., p. 209 sqq.).

Именно малочисленность женщин, вызванная частыми войнами (при которых женщины уводились в плен), убийством девочек, способом заселения завоеванных территорий и т. д., породила в отдельных случаях такие явления, как полиандрию, счет родства по материнской линии и т. п. институты, «очень несходные с теми, какие, по мнению биологов и согласно патриархальной теории, существовали у первобытных людей» (ibid., p. 215).

Но все эти явления носили временный характер, и то состояние, при котором они возникали, было не более, как временным состоянием. Ибо то племя, в котором в течение долгого времени число женщин было бы меньше числа мужчин, оказалось бы в крайне невыгодном положении сравнительно с теми племенами, в которых количественное отношение между обоими полами было приблизительно одинаковое, и такое племя неизбежно погибло бы.

С другой стороны, вовсе не обязательно, чтобы эти явления имели место у в с е х ветвей человеческого рода, ибо, по мнению Мэна, развитие человеческого общества шло не о д н и м путем и не было е д и н о о б р а з н ы м, и поэтому не все человеческие расы обязательно подверглись на своем пути к цивилизации одним и тем же общественным изменениям.

«... было даже не два, а множество путей последовательных изменений и развития, из которых каждый имел место в своей собственной сфере. Насколько мне известно, в писаной истории общества нет ничего такого, что могло бы дать опору утверждению, будто в течение того обширного периода его развития, который не зафиксирован письменно (which is wholly unwritten), следовали одно за другим повсюду единообразно, если не одновременно — одни и те же видоизменения общественного строя» (ibid., p. 218 sqq.).

Во всяком случае, арийская раса избегла беспорядочных половых сношений и счета родства по материнской линии — участи слабых и неспособных к развитию рас.

«Но всегда должны были существовать отдельные общества, более сильные, искусные, поставленные в более благоприятные условия — общества, которые менее других имели побуждения убивать детей женского пола и которые с большим успехом снабжали себя женщинами, похищая их у других племен. Если арийская раса оказалась наиболее способной к развитию, то для этого она должна была быть одной из сильнейших человеческих рас, — и вот почему, собственно, можно усомниться в вескости доказательств, приводимых в пользу того, что и среди различных ветвей арийской расы господствовало когда-то беспорядочное смешение полов» (ibid., p. 220).

Не приходится сейчас останавливаться на критике взглядов Мэна, так как их тенденциозность, полная несостоятельность и искусственность совершенно очевидны для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с первобытным обществом и его структурой. (Хотя надо сказать, что на Западе неоднократно делались и еще теперь делаются попытки воскресить, в том или другом виде, давно отжившие и глубоко реакционные взгляды Мэна.)

Я хочу только отметить то, что Мэн совершенно не понял сущности учения Моргана и, возражая против отдельных деталей в книге «Древнее Общество», он не заметил основного и главного в ней. Для иллюстрации достаточно будет указать хотя бы на следующее:

1. Мэн все время возражает против «беспорядочного общения полов» (promiscuity) и ни разу не упоминает теории Моргана о групповом браке, что является самым существенным в учении Моргана. Мэн, как видно, отождествляет эти два понятия, что совершенно недопустимо.

2. В вопросе об экзогамии и эндогамии Мэн приписывает Моргану взгляды МакЛеннана, т. е. как раз те взгляды, против которых Морган боролся. А в своих возражениях против предложенного МакЛеннаном объяснения природы названных институтов он пользуется теми аргументами, которые приводил Морган против МакЛеннана, и эти же аргументы, выдавая их за свои, направляет и против Моргана.

*

К № 24

[1] Это недоумение Мэна было полностью рассеяно, когда были более обстоятельно изучены общества, построенные на материнском начале. При материнском роде мужчины, — «братья» и «сыновья» женщин материнского рода, — хотя они могли жить и обычно жили в родах своих жен, являлись членами родов своих матерей и сестер, и во время войн (которые, между прочим, вовсе не были таким частым явлением на ранних стадиях общественного развития, как это думают Мэн и другие) сражались на стороне рода, из которого они произошли, и очень часто даже против того рода, где они жили и к которому принадлежали их дети.

[2] Счет родства по женской линии действительно является препятствием к бракам между близкими родственниками, но дело в том, что родственниками при материнском роде являются только те лица, которые связаны между собой родством именно по материнской линии, так что дети двух жен человека вполне могут вступать в брак между собой, так как они вовсе не считаются родственниками.

К № 25

[1] Речь идет о книге Мэна «Lectures on the Early History of Institutions», вышедшей в 1875 г. См. p. 68 sqq., 70, 212 sqq.

[2] Имеется в виду книга Моргана «Houses and House-Life of the American Aborigines».

[3] См. прим. к письму № 23.

К № 26

[1] См. прим. 1 к письму № 8.

[2] Эта книга, которую Мак Леннан начал писать вместе со своим братом Donald McLennan в 1880 г., была издана его братом только в 1885 г. (четыре года спустя после смерти МакЛеннана), под названием «The Patriarchal Theory» (Edited and Completed by Donald McLennan). Мак Леннану удалось при жизни написать вместе с братом только первые шесть глав и девятую главу книги. Все же остальные главы (VII, VIII, X—XIX) были составлены его братом, который при этом использовал также отдельные отрывочные заметки МакЛеннана.

См. статью Мэна по поводу этой книги, напечатанную в «Quarterly Review», January, 1886 (vol. 162, № 323), pp. 181—209.

К № 27

[1] Powell, John Wesley (24 III 1834—23 IX 1902) — американский геолог, этнолог и лингвист и выдающийся деятель в области этнографического изучения индейских племен Соединенных Штатов.

Powell учился раньше в подготовительных отделениях Wesleyan College в Wheaton, Ill. и Illinois College, а затем в течение 1857—1858 гг. — в Oberlin College. Когда началась гражданская война, Powell вступил в армию, как волонтер, и во время одного из сражений потерял правую руку. В 1865 г. он был назначен профессором геологии в Illinois Wesleyan University и куратором музея при университете, а вскоре был назначен профессором в Illinois State Normal University. В 1867 г. он начал свои геологические исследования в области Скалистых гор, которые затем продолжались много лет.

Уже с самого начала своей экспедиционной работы Powell сильно заинтересовался языками индейских племен, обитавших в области Скалистых гор, с которыми ему приходилось сталкиваться. Он начал производить лингвистические записи и при помощи индейцев, которых он брал в свои отряды и с которыми старался общаться на их языках, стал интенсивно изучать индейские языки. Спустя 10 лет в распоряжении Powell'a уже имелось большое число словарей, составленных им самим и, по его просьбе и указаниям, его сотрудниками и помощниками по экспедиционной работе. Из них одни состояли только из нескольких сот слов, а другие — из двух и трех тысяч слов. Ему также удалось получить огромный лингвистический и этнографический материал от Powers, Stephen — результаты его многолетней работы среди индейцев Калифорнии,— равно как и от целого ряда других лиц. Powell решил, что необходимо приступить к немедленному печатанию этих материалов, в виду их огромной важности. Зная, что и Смитсоновский институт обладает большим количеством подобных лингвистических и этнографических материалов, собранных в разное время и среди различных племен его сотрудниками, он обратился к секретарю Смитсоновского института, профессору Joseph Henry со следующим предложением:

«Department of the Interior,
U. S. Geog. and Geol. Survey of the Rocky Mountain Region
J. W. Powell, Geologist in Charge,
Washington, D. C., October 2, 1876.

Сэр:

Так как мне известно, что Смитсоновский институт в течение многих лет занят собиранием словарного материала по различным северо-американским языкам и диалектам, я прошу разрешить мне сделать следующее сообщение и предложение:

Я сам собирал словарный материал у тех же самых племен, в чем мне помогали некоторые лица, которые изучают индейцев Северной Америки. Таким образом в моих руках имеется большое количество лингвистического материала, состоящего из словарей, грамматических заметок и т. д., которые я хочу опубликовать возможно скорее. Для этой лингвистической работы было бы очень полезно немедленное издание имеющегося у Смитсоновского института материала, чтобы таким образом избегнуть возможности повторения того, что уже сде-

лано. Было бы также разумно объединить смитсоновский материал с моим. В виду сказанного я позволяю себе предложить Вам передать мне для напечатания имеющийся в Ваших руках материал.

Если Вы найдете благоразумным доверить мне этот материал, я немедленно приступлю к его опубликованию, как только он будет подготовлен к печати. При его опубликовании я буду иметь счастье должным образом отметить выполненную Институтом большую работу по собиранию материала, а также и тех лиц, которые принимали участие в этой работе.

С глубоким уважением
Ваш покорный слуга
J. W. Powell.

Prof. Joseph Henry,
Secretary Smithsonian Institution,
Washington, D. C.»

Проф. Henry сразу же откликнулся на это предложение и согласился предоставить все имевшиеся в распоряжении Смитсоновского института лингвистические материалы Powell'у для их опубликования. (Ответ Henry о своем согласии на предоставление материалов датирован 10 октября 1876 г.) Всего было передано Powell'у 670 словарей.

При помощи некоторых ученых Powell редактировал эти материалы и начал их издавать особой серией под названием «Contributions to North American Ethnology» (Department of the Interior. U. S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region). Всего вышло в этой серии 8 томов (I—1877, II, Part 1 и 2—1890, III—1877, IV—1881, V—1882, VI—1890, VII—1890, IX—1893). Между прочим, четвертым томом этой серии вышла книга Моргана «Houses and House-Life of the American Aborigines».

Когда актом Конгресса от 3 марта 1879 г. действовавшие самостоятельно отдельные геологические и географические научные организации, которые в известной мере занимались также и собиранием этнографических материалов, были преобразованы в единое «United States Geological Survey» и вся работа по этнографическому изучению туземного населения была возложена на Смитсоновский институт, в составе последнего было образовано «Bureau of Ethonology» (в 1897 г. переименованное в «Bureau of American Ethnology»), и Powell был назначен директором этого нового Бюро (1879). Этот пост Powell занимал до конца своих дней. Громадная роль, которую сыграло «Бюро Американской Этнологии» в деле изучения индейских племен Северной Америки, общеизвестна и всеми надлежащим образом оценена. Powell был основателем этого Бюро, и именно ему Бюро всецело обязано своим направлением, методами работы, организационной четкостью и своими огромными успехами. За время, когда Powell состоял директором Бюро, вышло 23 Годовых отчета, в которых напечатано кроме обстоятельных годовых отчетов директора о деятельности Бюро, 96 оригинальных научных исследований.

Кроме Годовых отчетов, Powell учредил и ряд других периодических изданий. Так, с 1880 г. Бюро стало издавать «Miscellaneous Publications», с 1887 — «Bulletins» и т. д. и т. д.

Значение Powell'а для этнологической науки лучше всего охарактеризовано его приемником по Бюро — W. H. Holmes:

«Бюро американской этнологии — собственно его детище; методы исследования, введенные им, должны будут применяться пока будет существовать Бюро — фактически до тех пор, пока человеческая раса будет предметом изучения. Хотя исследования Powell'а, как его личные, так и те, которыми он руководил, относятся почти исключительно к американской расе, результаты их так обширны, что имеют значение и для всего человечества. Удачным стечением обстоятельств было то, что Powell направил свою энергию на изучение области еще мало стесненной формами, методами и определениями предшествующих исследователей, что дало ему возможность проводить свои изыскания новыми путями и этим поднять науку на более высокий уровень.

Серия томов, опубликованных Бюро, которые являются вернее трудом исключительно самого Powell'а, о чем мир вряд ли когда-либо узнает, является блестящим ему памятником. Этот памятник не утратит своего великого значения, несмотря на истекшие годы и смену поколений. И когда немного позднее от индейской расы и ее уникальной культуры останутся на земле одни только тени, и другие примитивные народы точно так же навсегда исчезнут, этот воздвигнутый Powell'ом памятник останется не только для него самого, но и для всей нации одним из самых важных вкладов в историю человечества, сделанных когда-либо отдельной личностью, учреждением или государством. Все будущие поколения, обозревая жизненный путь Powell'а, возблагодарят путеводную звезду, которая направила крестьянского мальчика стать учителем, учителя стать солдатом, солдата — исследователем, исследователя — геологом, а геолога — историком исчезающей расы» (24. Annual Report, Bureau of American Ethnology, 1902—1903; 1907, p. XXXVII).

Powell был другом Моргана и в своих исследованиях находился под сильным его влиянием.

Главные сочинения Powell'а:

Statement made before the Committee of Indian Affairs as to the Condition of the Indian Tribes West of the Rocky Mountains (H. R., Misc. Doc. No. 265, 43d Cong., 1st Sess., Washington, 1874); — J. W. Powell and G. W. Ingalls. Report of Special Commissioners J. W. Powell and G. W. Ingalls on the Condition of the Ute Indians of Utah; the Paiutes of Utah, northern Arizona, southern Nevada, and southeastern California; the Go-si-utes of Utah and Nevada; the northwestern Shoshones of Idaho and Utah, and the western Shoshones of Nevada (1874); — The Ancient Province of Tusayan (Scribner's Monthly Mag., vol. XI, pp. 193—213, Dec. 1875); — Explorations of the Colorado

River of the West and its Tributaries. Explored in 1869, 1870, 1871, and 1872, under the Direction of the Secretary of the Smithsonian Institution. W., 291 pp. (1875); — Report on the Geology of the eastern portion of the Uinta Mountains and a region of country adjacent thereto. With Atlas. W. 218 pp. (1876). Report on the Lands of the Arid Region of the United States, with a more detailed account ot the lands of Utah (45th Congress, 2d Sess., H. R., Ex. Doc. No. 73, W., 195 pp., 1878; sec. ed 1879); — Introduction to the Study of Indian Languages, with words, phrases, and sentences to be collected, W., 104 pp. (1877); sec. edition — with charts, W., 228 pp., 1880; — Outlines of the Philosophy of the North American Indians, N. Y., 19 pp. (1877); — Ethnology of the North American Indians (46th Congress, 2d Sess., H. R., Mis. Doc. No. 35, 1880); — Mythologic Philosophy (Amer. Ass. for the Advanc. of Science, 28. Meeting, held at Saratoga Springs, N. Y., 1879, pp. 251—278; Salem, 1880); — On the Evolution of Language, as exhibited in the specialization of the grammatic processes, the differentiation of the parts of speech, and the integration of the sentence; from a study of Indian languages (1. Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1879—80; 1881, pp. 1—16); — Sketch of the Mythology of the North American Indians (ibid., pp. 17—56); — Wyandot Government: a short study of tribal society (ibid., pp. 57—69); — On Limitations to the Use of Some Anthropologic Data (ibid., pp. 71—86); — Outlines of Sociology (Transactions ot the Anthropological Society of Washington, vol. I, pp. 106—129, 1882); — The Philosophic Bearings of Darwinism (W., 1882); — A Classification of the Sciences (Science, vol. II, p. 370, Cambridge, Mass., 1883); — Human Evolution (Trans. Anthr. Soc. Wash., vol. II, pp. 176—208, 1883); — The Three Methods of Evolution (Bull. Philos. Soc. Wash., vol. VI, pp. XXVII—LII, 1884); — On Kinship and the Tribe; On Kinship and the Clan; Tribal Marriage Law; On Activital Similarities (3. Annual Report of the Bur. of Ethnology, pp. XXXVIII—XLV, XLVI—LV, LVI—LXII, LXV—LXXIV, 1884); — Marriage Law in Savagery (Science, vol. IV, pp. 471—473, 1884); — Inheritance among the Ancient Arabs (Science, vol. V, pp. 16—18, 1885); — From Savagery to Barbarism (Trans. Anthr. Soc. Wash., vol. III, pp. 173—196, 1885); — The Patriarchal Theory (Science, vol. V, pp. 345—348, 1885); — On the Organization of the Tribe (Scientific American Supplement, vol. XIX, pp. 7889—7891, 1885); — Museums of Ethnology and their Classification (Science, vol. IX, pp. 612—614, 1887); — From Barbarism to Civilization (American Anthropologist, vol. I, pp. 97—123, 1888); — Competition as a Factor in Human Evolution (Amer. Anthrop., vol. I, pp. 297—323, 1888); — Evolution of Music from Dance to Symphony (AAAS, 38. Meeting, held at Toronto, 1889, pp. 1—21; Salem, 1890); — Prehistoric Man in America (Forum, vol. VIII, pp. 489—503, N. Y., 1890); — Problems of American Archaeology (Forum, vol. VIII, pp. 638—652, 1890), — The Four Modes of Life (Forum, vol. X, pp. 667—677, 1891); — Indian Linguistic Families of America North of Mexico (7. Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1885—86; 1891, pp. 1—142); — Remarks on the

Classification and Nomenclature of Anthropology (Amer. Anthrop., vol. V, pp. 266—271, 1892); — Simplified Spelling (ibid., vol. VI, pp. 193—195, 1893); — Are our Indians becoming extinct? (Forum, vol. XV, pp. 343—354, 1893); — The North American Indians (in: A Study of the American Commonwealth, ed Shaler, vol. I, pp. 190—272, N. Y., 1894); — The Humanities (Science, n. s., vol. I, pp. 15—18, 1895); — Stone Art in America (Americ. Anthrop., vol. VIII, pp. 1—7, 1895); — The Five Books of History (Science, vol. I, pp. 157—161, 1895); — Canyons of the Colorado (Meadville, Pa., XIV, 15—400 pp., 1895); — Physiographic Processes. Physiographic Features. Physiographic Regions of the United States (National Geografic Monographs, vol. I, pp. 1—32, 33—64, 65—100, 1895); — Seven Venerable Ghosts (Americ. Anthrop., vol. IX, pp. 67—91, 1896); — Relation of Primitive Peoples to Environment, illustrated by American Examples (Smithsonian Report for 1895, pp. 625—637); — On Primitive Institutions (Report of the 19. Meeting, American Bar Association, pp. 573—593, 1896); — Whence came the American Indians? (Forum, vol. XXIV, pp. 676—688, 1898); — Truth and Error, or the Science of Intellection, Chicago, 428 pp, 1898; — How a Savage Tribe is governed (Forum, vol. XXV, pp. 712—722, 1898); — Esthetology, or the Science of Activities designed to give Pleasure (Amer. Anthr., n. s., vol. I, pp. 1—40, 1899); — Technology, or the Science of Industries (ibid., pp. 319—349); — Sociology, or the Science of Institutions (ibid., pp. 475—509, 695—745); — The Lessons of Folklore (ibid., vol. II, pp. 1—36, 1900); — Philology, or the Science of Activities designed for Expression (ibid., pp. 603—637); — Sophiology, or the Science of Activities designed to give Instruction (ibid., vol. III, pp. 51—79, 1901); — The Categories (ibid., pp. 404—430); — Classification of the Sciences (ibid., pp. 601—605); — An American View of Totemism (Man, Article № 75, pp. 101—106, 1902).

См. о жизни и деятельности Powell'а — John Wesley Powell. Proceedings of the Washington Academy of Sciences, vol. V, 1903, pp. 99—187; W. M. Davis, Biographical Memoir of J. W. Powell, 1834—1902. National Academy of Sciences, Biographical Memoirs, vol. VIII, 1919, pp. 11—83.

2 Имеются в виду первый и третий том «Contributions to North American Ethnology», вышедшие в 1877 г.

Первый том содержит следующие работы:

1-я часть: Tribes of the Extreme Northwest — W. H. Dall, pp. 1—106 [О распространении и названиях туземных племен Аляски и прилегающих территорий; о раковинных кучах (shell-heaps) на Алеутских островах; о происхождении племен «innuit»].

Приложение к 1-й части: Лингвистика.

Notes on the Natives of Alaska — J. Turuhelm, pp. 111—116; — Terms of Relationship used by the Innuit — W. H. Dall, pp. 117—119; — Comparative Vocabularies — Gibbs and Dall, pp. 121—153; — Note on the Use of Numerals among the T'sim si-an' — Gibbs, pp. 155—156.

2-я часть: Tribes of Western Washington and Northwestern Oregon — George Gibbs, pp. 157—241.

Приложение ко 2-й части: Лингвистика.

Comparative Vocabularies, — Gibbs, Tolmie, and Mengarini, pp. 247—283; — Dictionary of the Niskwalli — Gibbs, pp. 285—361.

Третий том содержит следующие работы:

Tribes of California — Stephen Powers, pp. 1—438. Приложение: Лингвистика (edited by J. W. Powell). Словари языковых семей: Ka'-rok, Yu'-rok, Chim-a-ri'-ko, Wish—osk, Yu'-ki, Pomo, Win-tūn', Mūt'-sūn, Santa Barbara, Yo'-kuts, Maï'-du, A-cho mâ'-wi, Shas'-ta (pp. 439—613).

Проф. F. L. O. Roehrig принадлежит: Notes on the Chwachamaju (pp. 515—517); — Notes on the Olamentke (pp. 558—559).

[3] Trumbull, James Hammond (20 XII 1821—5 VIII 1897) — знаменитый американский филолог. С 1849 до 1863 г. состоял секретарем «Connecticut Historical Society», а с 1863 г. и до конца своих дней президентом этого общества. С 1863 г. и до смерти работал библиотекарем «Watkinson Library» в Гартфорде. В 1874 и 1875 гг. избирался президентом Американской филологической ассоциации. В 1873 г. начал читать курс лекций по туземным языкам Северной Америки в Yale University.

Его основные труды:

The Composition of Indian Geographical Names (1870); — On the Algonkin Name «manit» (or «manitou»), sometimes translated «great spirit», and «god» (Old and New, vol. I, Boston, 1870); — The Best Method of Studying the Indian Languages (1871); — On Algonkin Names for Man (Trans. Am. Philol. Assoc., 1871; 1872); — Words derived from Indian Languages of North America (ibid., 1872; 1873); — Indian Languages of America (Johnson's New Universal Cyclopaedia, vol. II, 1877); — Indian Names of Places, etc., in and on the Borders of Connecticut, with Interpretations (1881); — Natick Dictionary (Bulletin 25, Bur. Am. Ethnology, 1903).

[3] Dall, William Healey (21 VIII 1845—27 III 1927) — американский натуралист и этнолог. С 1865 до 1868 г. участвовал в «International Telegraph Expedition» на Аляске. С 1871 до 1884 г. работал в «United States Coast Survey of Alaska». В 1884 г. был переведен из «Coast Survey» в «Geological Survey», где работал до 1905 г. по палеонтологии. В 1893 г. он был назначен профессором палеонтологии в «Wagner Institute of Science» (Филадельфия).

Главные труды, кроме названных в прим. 2:

On the Distribution of the Native Tribes of Alaska and the Adjacent Territory (Proc. Am. Ass. Adv. Sci., 1869; 1870); Alaska and its Resources (1870); On the Remains of Later Pre-historic Man (Smithson. Contrib. to Knowledge, vol. XXII, 1878); On Masks, Labrets, and Certain Aboriginal Customs (3. Annual Report, Bur. of Ethnology, 1881—82; 1884); The Native

Tribes of Alaska (Proc. Am. Ass. Adv. Sci., 1885; 1886); Alleged Early Chinese Voyages to America (Science, vol. VIII, Nov. 5, 1886).

К № 29

[1] Reclus, Michel Elie (16 VI 1827—12 II 1904) — французский публицист, революционер и этнолог. Принимал участие в революции 1848 г. и после переворота 2 декабря 1851 г. был выслан из Франции. Вернулся на родину в 1855 г. При Коммуне Reclus был назначен директором Национальной библиотеки (30 апреля 1871 г.), а после подавления Коммуны был опять выслан из Франции и жил в Швейцарии и Англии.

Elie много помогал своему младшему брату, знаменитому географу Elisée Reclus, в его географических работах. Сам он написал ряд работ по этнологии и мифологии, из коих главная — Les Primitifs, études d'ethnologie comparée. Paris, 1885.

В 1876 г. вышла на русском языке его книга: «Современные политические деятели. Биографические очерки и характеристики». После этого он стал активно участвовать в русских журналах: «Отечественные Записки», «Дело» и «Слово». (См. об Elie Reclus — Nettlau, Max: Elisée Reclus, Anarchist und Gelehrter (1830—1905), 1928, passim. Там же указаны работы, посвященные биографии Elie.)

К № 31

[1] Spencer, Herbert (27 IV 1820—8 XII 1903) — знаменитый английский философ и социолог. Первый том его основного социологического труда «The Principles of Sociology», состоящий из частей: 1) The Data of Sociology, 2) The Inductions of Sociology и 3) Domestic Institutions, вышел в 1876 г.; 4-я часть 2-го тома: Ceremonial Institutions вышла в 1879 г., а 5-я часть — Political Institutions — в 1882 г. Ни в четвертой, ни в пятой части Спенсер ни разу не цитирует «Древнее Общество» Моргана.

К настоящему письму приложен литографированный «Общий ответ», который Спенсер посылал своим многочисленным корреспондентам в ответ на их письма, вместе того, чтобы отвечать им непосредственно (in a more direct way).

К № 32

[1] Valentini, Philipp Johann Joseph — историк и археолог. Родился в 1824 г. в Берлине, умер 16 III 1899 г. в Нью-Йорке. Получил юридическое образование в Берлинском университете. В 1854 г. Valentini отправился в Центральную Америку, где основал город Puerto Limon (на Атлантическом побережьи Costa Rica). В 1858 г. он вернулся в Германию, чтобы заняться там изучением вопроса о колонизации Costa Rica испанцами. В 1861 г. Valentini опять вернулся в Центральную Америку, где в течение 11 лет изучал историю древних культурных народов Ц. Америки, а также

историю колонизации Ц. и Ю. Америки. В 1871 г. Valentini переехал в Нью-Йорк. Valentini хорошо знал языки Maya и Nahuatl, что оказало ему большую помощь в его научных исследованиях.

Главные работы Valentini:

The Calendar Stone (доклад, читанный на немецком языке в Нью-Иорке в 1878 г.; этот доклад был затем напечатан в сокращенном виде на англ. языке (перевод Salisbury) в издании Antiquarian Society of Worcester); — A New and an Old Map of Yucatan, 1879; — Mexican Copper Tools. Illustrated. (Proceedings of the American Antiquarian Society of Worcester, 1879); — The Katunes of Maya History. Illustrated. (Ibid., 1879); — Mexican Paper. Illustrated., (Ibid., 1881); — Two Mexican Chalchihuites, the Humboldt Celt and the Leyden Plate. Illustrated. (Ibid., 1881); — The Olmecas and the Tultecas. Plates and Map. (Ibid., 1883); — Semi-lunar and Crescent-shaped Tools, with special reference to those of Mexico. Illustrated. (Ibid., 1885); — The Portuguese in the Track of Columbus. (Journal of the American Geographical Society of New York, vol. XX, 1888, p. 432 sqq.; vol. XXI, 1889, pp. 35—56, 167—196, 359—379); — The Landfall of Columbus at San Salvador. Plate. (Pross. Amer. Antiquarian Society of Worcester, 1892); — Analysis of the Pictorial Text inscribed on Two Palenque Tablets, Parts I and II. Plates. (Ibid., 1895, 1896); — Das Geschichtliche in den mythischen Städten «Tulan». (Ztschr. f. Ethnology, XXVIII, 1896, S. 44—55); — Clay Figures found in Guatemala. (American Anthropologist, VIII, pp. 402—406, 1895); — Pinzon-Solis. 1508. (Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, B. XXXIII, 1898, S. 254—282).

См. краткую биографию Valentini — American Anthropologist, vol. I, 1899, pp. 391—394 (A. S. Gatschet).

К № 34

[1] White, Richard Grant (1821—1885) — американский лингвист и известный знаток Шекспира.

Его главные сочинения: Shakespeare's Scholar (1854); критическое издание сочинений Шекспира (1857—1865); Essay on the Authorship of the Three Parts of Henry VI (1859); Memoirs of William Shakespeare (1865); Studies in Shakespeare (1885); в области лингвистики: Words and their Uses (1870); Every-Day English (1881); England Without and Within (1881).

После появления в «Saturday Review» (vol. XLV, № 1, 158, January 5, 1878) очень резкой рецензии на «Древнее Общество», где, между прочим, указывалось также и на неправильность, с точки зрения английского языка, употребленной Морганом формы «monogamian», Морган, повидимому, обратился к White с запросом по этому поводу. Настоящее письмо White является ответом на запрос Моргана.

ПОПРАВКИ МОРГАНА НА ПОЛЯХ ЛИЧНО ЕМУ ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО ЭКЗЕМПЛЯРА «ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА»

Morgan's Corrections in his Copy of «Ancient Society»

(DONALD B. GILCHRIST)

Charles A. Dewey, кому принадлежал экземпляр «Древнего Общества» с поправками Моргана на полях, был врачем в Рочестере, и Морган в течение многих лет прибегал к его медицинской помощи. Dewey является автором статьи «Sketch of the Life of Lewis H. Morgan with Personal Reminiscences» (Rochester Historical Society, Publication Fund Series, vol. II, 1923, pp. 29—45), которая содержит весьма ценные данные о жизни и деятельности Моргана. *И. В.*

ANCIENT SOCIETY

or

RESEARCHES IN THE LINES OF HUMAN PROGRESS

FROM SAVAGERY THROUGH BARBARISM

TO CIVILIZATION

by

LEWIS H. MORGAN., LL.D

New York
Henry Holt and Company
1878

* [«This copy of Ancient Society was Mr. Morgan's own copy. It contains pencilled typographical errors, corrections, changes and additions in his own hand.

«Pages 10, 28, 70, 91, 149, 153, 357, 406, 436, 437, 456, 477, 482, 502, 541, 550.

«Property of Charles A. Dewey»].

* A loose sheet in Morgan's own copy, purchased from the estate of Charles A. Dewey.

Page 10 — Last line under II. Middle Status of Savagery.
«to give one or more exemplifications of each status».
two substituted for more.

Page 28 — V. The Monogamian Family.
Footnote added in pencil at the bottom of the page: «Gr. μονογαμία, Lat. monogamia. The adjectives «monogamian» and «monogamous» have been specially appropriated to Botany. We here, therefore, have no adjective to distinguish this form of family without reclaiming monogamian».

Page 70 — Line 4.
After leggins insert shirts.

Page 70.
Footnote referring to the gentes of the Oneidas and the Mohawks: «If other clans existed, only as serpents or owls. They probably were created, taken, or introduced from conquered nations.»

Page 91 — Next to the last paragraph.
«The Beaver and the Turtle gentes also have exchanged phratries».
Snipe substituted for Turtle.

page 149 — Last sentence in first paragraph.
tribes has been moved from before the phrase «under one government» to read as follows:
«It was impossible in this state of society to unite under one government tribes who spoke different languages.»

Page 153 — Footnote 3.
Dakotas substituted for Iroquois.

Page 357 — Last line of small capitals.
REWAS substituted for PEWAS.

Page 406 — Next to the last paragraph.
«father's and mother's» have been changed to read as follows:
«In the male branch of this line on the father's side, my grandfather's brother is my grandfather; his children are my fathers and mothers; their children are my brothers and sisters, elder or younger».

Page 436 — Next to the last line.
monogany corrected to monogamy.

Page 437 — Next to the last line in the second paragph — last word.
cateories corrected to read categories.

Page 456 — Second paragraph, line 7.
Clavgero corrected to read Clavigero.

Page 477— 8th line from the last in the first paragraph.
«An implication to this effect arises from the circumstance»
changed to read:
«An implication to this need arises from the circumstance»

Page 482— 8th line from the bottom of the page.
To «It would be difficult to find any other.» add again —
«to find any other again.»

Page 502 — Footnote 1.
The last letter of the fourth word in the first line «σ», changed to «ς».

Page 541 — Second paragraph, line 7.
tribe substituted for tribes.

Page 555.
Aristocracy, its future, 549 replaced by 551.

5

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ МОРГАНА

Material for a Bibliography of Lewis H. Morgan's Works

Библиография трудов Моргана составлена, главным образом, на основании статьи Donald B. Gilchrist'a «Bibliography of Lewis H. Morgan» (Rochester Historical Society, Publication Fund Series, vol. II, 1923, pp. 83—97). В дополнение к названиям неопубликованных работ Моргана, которые приводит Gilchrist (52 №№), мной приведено еще 43 названия. Там, где это особо не оговорено — рукописи находятся в Библиотеке университета в Рочестере. Звездочкой обозначены те рукописи, местонахождение которых мне неизвестно.

I. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ МОРГАНА

1843. (1). Aristomenes the Messenian, by a new cortributor, signed Aquarius. The Knickerbocker, January, 1843, pp. 25—30.

(2). Thoughts at Niagara, by Aquarius. The Knickerbocker, September, 1843, pp. 193—196.

(3). Mind or Instinct, an Inquiry concerning the Manifestation of Mind by the Lower Orders of Animals, by Aquarius. In 2 parts. The Knickerbocker, November—December, 1843, pp. 414—420, 507—515.

1844. (4). Vision of Kar-is-ta-gi-a, a Sachem of Cayuga, by Aquarius. The Knickerbocker, September, 1844, pp. 238—245.

1847. (5). Letters on the Iroquois, by Skenandoah, addressed to Albert Gallatin, President of New York Historical Society.

American Review: Letters 1—3, vol. V, pp. 177—190;
Letters 4—8, vol. V, pp. 242—257;
Letters 9—11, vol. V, pp. 447—461;
Letters 12—13, vol. VI, pp. 477—490;
Letter 14, vol. VI, pp. 626—633.

— Same. In N. B. Craig's «Olden Time». Pittsburg, 1848. 2 vol. (First 11 letters only.)

1849. (6). Communication concerning the Indian Collection. 2. Annual Report of the Regents of the University of the State of New-York, on the Condition of the State Cabinet of Natural History, and the historical and antiquarian Collection annexed thereto, for 1848; Albany, 1849, pp. 81—83.

(7). Report on Articles furnished the Indian Collection. 2. Ann. Rep. Regents Univ. of State of New-York, for 1848; 1849, pp. 84—91; 3. Report, for 1849; 1850, pp. 65—95. Colored plates.

1850. (8). Schedule of Articles obtained from Indians. 3. Ann. Rep. Regents Univ. of State of New-York, for 1849; 1850, pp. 57—62; 5. Report, for 1851; 1852, pp. 51—54.

1851. (9). League of the Ho-de'-no-sau-nee or Iroquois. Rochester, Sage & Co., New York, M. H. Newman & Co., 1851.

— Same. London, Chapman, 1851.

— Same. New edition, edited and annotated by Herbert M. Lloyd. New York, Dodd, 1902. 2 vols.

— Same. New edition with added matter. New York, Dodd, 1904. 2 vols in one.

— Same. New edition, with additional matter. New York, Dodd, 1922, 2 volumes in one.

1852. (10). Report on the Fabrics, Inventions, Implements and Utensils of the Iroquois. 5. Ann. Rep. Regents Univ. of State of New-York, for 1851; 1852, pp. 67—117. Colored plates.

An abbreviation of this article in Stryker's American Register and Magazine, vol. IV. July, 1850.

(11). Diffusion against Centralization. Lecture delivered before the Rochester Athenaeum and Mechanics Association, January 6, 1852. Rochester, Dewey, 1852.

(12). Laws of Consanguinity and Descent of the Iroquois. Rochester, 1852.

1853. (13). Athenian Democracy. Review of «Public Economy of the Athenians» by F. Boekh, in two pts., Berlin, translated by Lewis. The New York Quarterly, October 1853, pp. 341—367.

1856. (14). Narrative of the Life of Mary Yemison: Deh-he-wa-mis, by J. E. Seaver. 4-th edition. Edited with geographical and explanatory notes by Lewis H. Morgan. New York, Miller; Rochester, Dewey, 1856.

Morgan is responsible for publisher's note dated Rochester, March, 1856, pp. 7—9, and also notes in Appendix V, pp. 300—312.

All subsequent editions of this work carry the notes written by Morgan.

1858. (15). Laws of Descent of the Iroquois. American Association for the Advancement of Science, Proceedings of 11-th Meeting at Montreal, August, 1857; 1858, Part II, pp. 132—148.

— Same. Cambridge, Massachusetts, 1858.

1859. (16). Two Circular Letters in regard to the Possibility of Identifying the System of Consanguinity of the North American Indians with that of Certain Peoples of Asia. Rochester, Monroe County, New York, January 1859 and October 1, 1859, respectively.

1860. (17). Indian Mode of Bestowing and Changing Names. American Association for the Advancement of Science, Proceedings of 13-th Meeting, held at Springfield, Mass., August, 1859; 1860, pp. 340—343.

(18). Circular in reference to the Degrees of Relationship among Different Nations. Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 2, art. 10, January, 1860. — 33 pp.

1861. (19). Suggestions for proposed Ethnological Map of North America. Letter in Smithsonian Institution, Annual Report, 1861, 37th Congress, 2d Sess. House Misc. Docs., LXXVII, 397—398.

1862. (20). The Migrations of the Indian Family. Paper read before the Albany Institute, February 28, 1862. Brief digest in their Transactions IV, 299.

1868. (21). The American Beaver and his Works. Philadelphia, Lippincott, 1868. (In-8⁰. 330 pp., with plates and woodcuts.)

(22). Conjectural Solution of the Origin of the Classificatory System of Relationship. American Academy of Arts and Sciences, Proceedings, vol. VII (1865—1868), 1868, pp. 436—477.
(Read at the monthly meeting, February 11, 1868.)

1869. (23). Seven Cities of Cibola.
North American Review, CVIII (April, 1869), pp. 457—498.

(24). Indian Migrations.
North American Review, CIX (October, 1869), pp. 391—442; CX (January, 1870), pp. 33—82.
— Same. In W. W. Beach's «Indian Miscellany», Albany, Munsell, 1877, pp. 158—257.

1871. (25). Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. XVII, Washington, 1871. (In-4⁰. XII + 590 pp., with XIV plates.)

(26). The Stone and Bone Implements of the Arickarees. 21. Ann. Rep. Regents Univ. of State of New-York for 1867; 1871, pp. 25—46. (With VI plates: 25 figures.)

1873. (27). Australian Kinship; with Appendices, by Rev. Lorimer Fison. Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, vol. VIII, 1873, pp. 412—438.
(Read at the monthly meeting, March 12, 1872.)

1876. (28). Arts of Subsistence. Read before the Americ. Assoc. for the Advancement of Science, 24. Meeting, Detroit, August, 1875. Proceedings of the A. A. A. S., 1876, pp. 274—282.

(29). Ethnical Periods. Read before the Americ. Assoc. for the Advancement of Sciences, 24. Meeting, Detroit, August, 1875; Proceedings of the A. A. A. S., 1876, pp. 266—274.

(30). Factory System for Indian Reservations. Nation, XXIII (July 27, 1876), pp. 58—59.

(31). Houses of the Mound Builders. North American Review, CXXIII (July, 1876), pp. 60—85.

(32). The Hue-and-cry against the Indians. Letter on the Custer Massacre. Nation, XXIII (July 20, 1876), pp. 40—41.

(33). Montezuma's Dinner. North American Review, CXXII (April, 1876), pp. 265—308.

1877. (34). Ancient Society; or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. New York, Henry Holt & Co., 1877 (in-8⁰. XVI + 560 pp.); re-issued, 1878; id., new edition, reprint, 1907.
— Same. London: Macmillan, 1877.
— Same. Chicago, Charles H. Kerr & Co., several editions.

1878. (35). Architecture of the American Aborigines. Johnson's New Universal Cyclopaedia, I (New York, 1878), pp. 217—229.

(36). Indian Question in 1878. Letter dated November 22, 1878. Nation, XXVII (November 28, 1878), pp. 332—333.

(37). Migrations of American Aborigines. Johnson's New Universal Cyclopaedia, III (New York, 1878), pp. 481—484.

1880. (38). Lorimer Fison and A. W. Howitt, Kamilaroi and Kurnai. With an Introduction by Lewis H. Morgan. Melbourne, Sydney, Adelaide, and Brisbane: George Robertson, 1880. Introduction, pp. 1—30.

(39). On the Ruins of a Stone Pueblo on the Animas River in New Mexico; with a Ground Plan. Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 12th Report (Cambridge, 1880), vol. II, № 3, pp. 536—556.

(40). Response as President of the Boston Meeting of the American Association for the Advancement of Science to Mayor F. O. Prince's Welcome to Boston. Proceedings of the A. A. A. S., 29th Meeting, held at Boston, August, 1880; 1881, pp. 743—745.
— Same. Boston Daily Advertiser, August 26, 1880.

(41). Study of the Houses of the American Aborigines with Suggestions for the Exploration of the Ruins of New Mexico, Arizona, the Valley of the San Juan and in Yucatan and Central America. Archaeological Institute of America, Ist Annual Report (Cambridge, 1880), pp. 27—80.

1881. (42). Houses and House-Life of the American Aborigines. Contributions to North American Ethnology, vol. IV. Washington, 1881. (In-4⁰. XI + 281 pp., with 58 figures.)

1882. (43). Letter to the American Association for the Advancement of Science. Proceedings of the A. A. A. S., 30th Meeting, Cincinnati, August, 1881; 1882, p. 365.

II. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ МОРГАНА

1840. (1). An address on «Non-Resistance», delivered before the Members of the Aurora Lyceum, April 7, 1840. — 29 pp.

1841. (2). Essay on «Geology», Aurora, June 7, 1841. — 25 pp.

(3). Essay on «The History and Genius of the Grecian Race», delivered before the Students of Cayuga Academy on Monday Evening, November 8, 1841. — 34 pp.

1842. (4). An address on «Temperance», pronounced at Tuppers Corners on Sunday, August 21, 1842. — 21 pp.

1843. (5). An address on «Temperance», delivered by Invitation at Geneva, May 5, 1843; also at Spring Port, May 14, 1843. — 27 pp.

(6). An address by Skenandoah delivered on the Second Anniversary of the We-yo Hao-de-za-da-na Ha-de-nan-saw-nee, Aurora, August 9, 1843. — 24 pp.

(7). An address on «Temperance», delivered at Scipio on Sunday Evening, December 10, 1843. — 29 pp.

1844. (8). Copy of an Address read by Skenandoah at the Monthly Council of the Cayugas, April 17, 1844. — 11 pp.

(9). An Address read by Skenandoah before the Gue-u-gweh-o-noh, Aurora, April 17, 1844. — 17 pp.

(10). Grand Order of the Iroquois. Form of Initiation adopted at the Anniversary of the Grand Order of the Iroquois, August 9, 1844.

1845 (11). Oneida Nation. Census of the Two Tribes of the Oneidas. № 20.
„ Dates of Initiation range from June, 1844, to June, 1845.

1846. (12). Cayuga Nation—Wolf Tribe. Schedule of the Warriors up to August 14, 1845. № 76.

(13). Cayuga Nation—White Deer Tribe. Schedule of the Warriors to August 13, 1846. № 12.

(14). — Schedule of the Warriors from August 14, 1845, to August 13, 1846. № 18.

(15). Seneca Nation—Beaver Tribe. Schedule of the Chief Warriors. Canandaigua, August 14, 1845. № 15.

(16). Seneca Nation—Turtle Tribe. Special Form of Initiation adopted at the Monthly Council of the Turtle Sachemship of the Senecas. Moon of Te-ah-noat-nah, 7th day, 1845.

(17). Seneca Nation—Turtle Tribe. Constitutional Resolution 9. May 18, 1846.

(18). Seneca Nation—Turtle Tribe. Record of the Names of the Warriors and Chiefs. August 13, 1846.

(19). Seneca Nation—White Deer Tribe. Names of the Officers. 1845.

(20). Seneca Nation—Wolf Tribe. Census. Waterloo, New York. January 25, 1846.

(21). Address by Skenandoah on the Geography and Trails of the Ho-de-no-sau-nee, delivered August 13, 1846, before the Council of Delegates of the «New Confederacy of the Iroquois», at Aurora, Cayuga County, N. Y. — 56 pp.

(22). New Confederacy of the Iroquois. Constitution of the New Confederacy of the Iroquois, adopted at the 4th Annual Council. Sr-is-gak-nah 13, 1846. — 6 pp.

(23). New Confederacy of the Iroquois. Laws of the New Confederacy of the Iroquois, adopted at the Fourth Annual Council, Aurora, August 14, 1846.

(24). A Sketch embracing the Doings and Facts obtained at the Grand Council of the Iroquois, held at the Council House of the Senecas on the Reservation in Genesee County, State of New York, October 1, 2, and 3, 1845. — 30 pp.

(25). Address by Skenandoah on «The Government and Institutions of the Iroquois», delivered before the Turtle Tribe of the Nun-da-wa-ro-noh at the Falls of the Genesee before the Monthly Council, November 7, 1845.

Read before the New York Historical Society, April 6, 1846. — 33 pp.

The same, as Constitutional Government of the Six Nations. Paper read before the New York Historical Society, April 7, 1846. (Original in Reynolds Library, Rochester.)

1847. (26). Horatius Flaccus, Quintus. Translation of the Art of Poetry: Epistle to the Pisos. Rochester, October, 1877. — 14 pp.

(27). Horatius Flaccus, Quintus. Satires. Book 1, Satire 5. — 4 pp.

(28). Horatius Flaccus, Quintus. Odes. Lib. 1: IV and XII; Lib 3: XIII, XXVIII and XXX; Lib. 4: V, VI and XII. Epoden Lib.: VII and XV. — 14 pp.

[Epoden Lib.: VII dated August 5, 1846.]

(29). Ovidius Naso, Publius. Epistle of Paris to Helen. Translated from the 16th Epistle of Ovid. Heroides, 76th page. Rochester, November 19, 1847. — 9 pp.

(30). On the Territorial Limits, Geographical Names and Trails of the Indians. A Paper read before the New York Historical Society, May 4, 1847. With an Indian Map of Ho-De-No-Sau-Nee-Geh. — 52 pp. and 2 folded maps.

(Original MS. in the archives of the New York Historical Society.)

1849. (31). Cicero, Marcus Tullius. Translated from De natura deorum. Book 1. Aurora, July 20, 1849. — 8 pp.

(32). Cicero, Marcus Tullius. The Syllogism of Aristotle as explained by Cicero: De inventione, cap. 34 and 35. — 2 pp.

(33). Cicero, Marcus Tullius. Translation of the concluding Part of the 4th and the first Part of the 5th Chapter of the 1st Book of «Cicero de inventione». — 2 pp.

(34). Cicero, Marcus Tullius. Book first of the Books of rhetoric to an unknown author (C. Herennius). — 14 pp.

1854. (35). The Andes. Paper read before «The Pundit Club», December 19, 1854. — 15 pp.

*(36). English Slavery. Paper read before «The Pundit Club», November 13, 1854.

1857. (37). Animal Psychology. Paper read before «The Pundit Club», April 7, 1857. — 35 pp.

1858. (38). The Laws of Descent of the Iroquois. Read before «The Pundit Club», February 23, 1858. — 35 pp.

*(39). Res Ratione Regenda. Read before «The Pundit Club», April 25, 1858.

*(40). Res Ratione Regenda (second paper.) Read before «The Pundit Club», May 4, 1858.

(41). The Origin and Results of the Club. Read before «The Pundit Club», October 5, 1858. — 14 pp.

1859. (42). Agassiz's Theory of the Diverse Origin of the Human Race. Read before «The Pundit Club», May 16, 1859. — 25 pp.

(43). System of Consanguinity of the Red Race in its Relations to Ethnology. Read before the American Association for the Advancement of Science, 13th Meeting, August, 1859, at Springfield, Mass. — 23 pp.

1860.*(44). The Indo-European System of Consanguinity and Relationship. Read before «The Pundit Club», January 17, 1860.

(45). Discussion of the Feasibility of Organizing a Rochester Academy of Science. Read before «The Pundit Club», March 27, 1860. — 10 pp.

*(46). Beaver Dams and Lodges. Read before «The Pundit Club», October 16, 1860.

1861. (47). Memoir of Calvin Huson, Jr. Read before «The Pundit Club», November, 5, 1861.

— Same. Read before the Rochester Historical Society, March 31, 1862. — 36 pp.

1862.*(48). The Migrations of the Indian Family. Read before «The Pundit Club», January 21, 1862.

*(49). The Migrations of the Indian Family. Read before «The Pundit Club», February 3, 1862.

1863.*(50). The System of Consanguinity and Affinity of the Semitic Nations; and

*(51). The Growth of Nomenclature of Relationship. Read before «The Pundit Club», March 31, 1863.

1864.*(52). Iroquois System of Consanguinity and Affinity. Read before «The Pundit Club», January 4, 1864.

*(53). On the Celebration of the Tenth Anniversary of the Club. Read before «The Pundit Club», September 27, 1864.

1865.*(54). Comparison of the System of Relationship of the Several Families of Mankind. Read before «The Pundit Club», January 12, 1865.

*(55). Comparison of the System of Relationship of the Several Families of Mankind. Read before «The Pundit Club», January 24, 1865.

1866.*(56). Architecture of the Several Stocks of the American Aborigines. Read before «The Pundit Club», January 23, 1866.

*(57). The Missouri River. Read before «The Pundit Club», April 24, 1866.

1867.*(58). Indian Architecture.
*(59). The American Beaver.
Read before the American Association for the Advancement of Science, 16. Meeting, held at Burlington, Vermont, August, 1867.

1868.*(60). Migrations of Indian Family. Read before the Americ. Assoc. Adv. Science, 17. Meeting, held at Chicago, August, 1868.

*(61). A Conjectural Solution of the Origin of the Classificatory System of Relationship. Read before «The Pundit Club», September 29, 1868.

1869.*(62). Speech on the Albany Basin in the Senate, February, 1869. — 17 pp.

(63). The Seven Cities of Cibola. Read before «The Pundit Club», June 1, 1869. — 51 pp.
(Pages 10—19, 32 and 41 missing.)

*(64). Indian Migrations. In Four Sections. Sec. 1. Physical Geography of North America, with Reference to Natural Highways; and Means of Natural Subsistence afforded by its Areas. Sec. 2. Agricultural Subsistence, and the Character and Extent of Indian Agriculture. Sec. 3. Migrations of Roving and Partially Village Indians; deduced from Languages, Traditions, and known Migrations. Sec. 4. Migration of Village Indians; as deduced from the Same Sources.
Read before the A. A. A. S., 18. Meeting, held at Salem, August, 1869.

*(65). A Conjectural Explanation of the Uses of the Embankments of the Mound Builders.
Read before the A. A. A. S., 18. Meeting, held at Salem, August, 1869.

1870.*(66). Indian Migrations. Read before «The Pundit Club», January 11, 1870.

1871.*(67). Heidelberg Castle. Read before «The Pundit Club», November 7, 1871.

1872. (68). Genesis of Human Development. July 18, 1872. — 15 pp.

1873.*(69). The Totemic System. Read before «The Pundit Club», March 4, 1873.

*(70). Roman Gentile System. Read before «The Pundit Club», April 1, 1873.

*(71). Indian Architecture. Read before «The Pundit Club», October 7, 1873.

*(72). Architecture of the American Aborigines. Section 1, Architecture of the Northern and Partially Village Indians. Section 2, Architecture of the Village Indians of New Mexico, Mexico, and Central America.
Read before the Amer. Assoc. for the Advanc. of Science, 22. Meeting, held at Portland, August, 1873.

1874.*(73). Human Progress as Shown by the Development of the Arts and Sciences. Read before «The Pundit Club», February 10, 1874.

1875.*(74). Aztec Architecture. Read before «The Pundit Club», November 9, 1875.

1875.*(75). Aztec Confederacy.
*(76). Ratio of Human Progress.
} Read before the A. A. A. S., 24. Meeting, held at Detroit, August, 1875.

1876.*(77). The Iroquois Gens.
*(78). The Iroquois Phratry.
*(79). The Iroquois Tribe.
*(80). The Iroquois Confederacy.
} Read before the A. A. A. S., 25. Meeting, held at Buffalo, August, 1876.

*(81). The Institution of Greek Political Society. Read before «The Pundit Club», October 31, 1876.

1878.*(82). Classical Hypotheses of Human Development. Read before «The Pundit Club», February 5, 1878.

*(83). Remarks on the Ruins of a Stone Pueblo on the Animas River, New Mexico, with a Ground Plan. Read before A. A. A. S., 27. Meeting, held at St. Louis, Aug., 1878.

*(84). Observations on the San Juan River District, as an Important Ancient Seat of Village Indian Life.
Read before A. A. A. S., 27 Meeting, St. Louis, Aug., 1878.

1879.*(85). A Pueblo House in New Mexico. Read before «The Pundit Club», March 25, 1879.

*(86). Memoir of Judge Humphrey and Dr. Ely. Read before «The Pundit Club», November 4, 1879.

1880.*(87). A Study of the Houses of the Indian Tribes, with Suggestions for the Explorations of the Ruins in New Mexico, Arizona, and the San Juan Region, Mexico and Central America, Under the Auspices of the Archaeological Institute. Read before «The Pundit Club», May 11, 1880.

(88). The Onondaga Nation: their New Year's Feast, the Sacrifice of the White Dog, their Dances, their Present Condition, the School lately established among them, with a few Reflections. (Без даты) — 16 pp.
Note on back: «Address before Order of the Iroquois».

(89). Political Organization of the Onondaga Nation. (Без даты) — 15 pp.

(90). Seneca Nation. Names of Seneca Chiefs and Headmen who signed the Treaty by which they conveyed away their Lands in Western New York. (Без даты).

(91). Seneca Nation — Turtle Tribe. Rules and Orders of the Councils of the T. T. S. N. (Без даты).

(92). The Indian Trail from the Central Council Fire at Onondaga to the Council Fire at Buffalo Creek. (Без даты) — 3 pp.

(93). Erodephecin Society, Aurora, N. Y. Constitution (Без даты) — 10 pp.

(94). The Condition Moral and Political of Europe and America. On back: «Le mystere». (Без даты) — 43 pp.

(95). Vision of Kanstagia, a Sachem of Cayuga, by Skenandoah. (Без даты) — 10 pp.

6

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВНОВЬ ОБНАРУЖЕННЫХ РУКОПИСЕЙ МОРГАНА

Short Description of Recently Discovered Manuscripts by Morgan

(DONALD B. GILCHRIST)

«Краткое описание вновь обнаруженных рукописей Моргана» получено мной от Mr. Gilchrist'а в феврале 1934 г. со следующим письмом, которое я привожу полностью:

«Dear Dr. Vinnikov:

The last time I was digging through the Morgan material for you. I discovered, much to my embarrassment, that in making the bibliography of Morgan manuscripts in the Rush Rhees Library [речь идет о напечатанной Gilchrist'ом в 1923 г. в Publication Fund Series (Rochester Historical Society), vol. II, статьи «Bibliography of Lewis H. Morgan»], I omitted all mention of perhaps the most important collection of manuscripts we have; namely, two volumes of Indian letters, and four volumes of manuscript journals and notes. These Morgan assembled and bound, without making an analytical table of contents. I have been supplying this lack, and enclose a copy for your information.

Very truly yours,

Donald B. Gilchrist, Librarian».

Morgan, Lewis H., Record of Indian letters, manuscript journals, and notes from reading. Vol. 1—6, 6 vols. (1859—1881).

Bound in 1/2 lea.

V. 1—2 6 7/8″ × 8 3/16″
V. 3—6 6 1/8″ × 7 3/4″

CONTENTS

Vol. 1. 295 pp. Record of the Inquiry concerning the Indian (American and Oriental) system of relationship, and the correspondence in relation thereto. L. H. Morgan, 1859.

Contents:

Record of inquiries forwarded.

An account of the discovery of relations arising within the six nations, the same among the Ojibwas, and the project for analysis of systems in Asia.

The schedules prepared for investigating, and the correspondence, addresses &c. incident to the collection of data.

January 1859 to November 27, 1871.

Vol. 2. 276 pp. Same title.

Contents:

Record of answers received, December 1, 1859 to June 1881, p. 1—84.

Miscellaneous data & quotations, including lists of those sent memorial addresses, p. 85—90.

Pages 91—152 are blank.

Notes from readings in anthropology and classical authors on relationships in the ancient world, p. 153—213.

Ancient dates and fixed epochs, p. 213.

References on Bronze, Iron, Stone Ages, &c., p. 214—217.

Primary institutions of the Ganowanian family, p. 218.

Extracts from Garcilasso de la Vega «The Royal Commentaries of Perue», London, 1688, p. 219—235.

List of those presented copies of his articles, p. 236--247.
Division into tribes or families, p. 251—257.
Books wanted, p. 262—263.
Morton's «Crania Egyptiaca» (notes), p. 269—272.
References cited by Morton, p. 273—276.
(Pages not mentioned are blank.)

Vol. 3. 539 p. Manuscript Journals.

Contents:

Journal of a visit to Kansas and Nebraska. May and June 1859, p. 1—311.

Notes of a second visit to Kansas and Nebraska. May and June 1860, p. 312—527.

Obituary note of Captain Alfred Gray Morgan, d. Sacramento, California, 26 April 1860, p. 538—539.

(Scattered through this volume are vocabularies in Kaw, Potawatomie, Shawnee, Delaware, Wyandotte, and Otoe tribes.)

Vol. 4. 384 p. Manuscript Journals.

Contents:

Journal of a visit to Pembian and Fort Garey on the Red River of the north. July and August 1861, p. 1—188.

Notes of a third visit to Marquette, L[ake] S[uperior]. August 1860, p. 189—262. (Beaver dams.)

Journal of a visit to Marquette, Michigan. August and September 1861, p. 269—318.

Shawnee (and other) Systems of relationship, p. 321—334.

Notes and extracts from «Travels to the source of the Missouri River and across the American continent... 1804—1806», by Captains Lewis and Clarke. London, Longmans, 1814, p. 335—383.

(N. B. There is inserted at the end of this volume a memorandum dated: Marquette, July 12, 1874, on «Ojibwa utensils and weapons».)

Vol. 5. 436 pp. Manuscript Journals.

Contents:

Journal of an expedition to the Rocky Mountains by the Missouri River in May, June, and July 1862, p. 1—420.

Extract from Pickering's «Races of Man», p. 421.

«The Chinese». Report of a conversation with Rev. J. B. N. Tallmage on systems of relationship. Rochester, October 6, 1863, p. 422—426.

Extracts from Lewis and Clarke's «Travels», continued (see vol. 4, p. 335—383), p. 427—436.

Vol. 6. 528 p. Manuscript Journals.

Contents:

Journal of a visit to Marquette, Lake Superior, August, September, and October 1862, p. 1—64.

Journal of a visit to Marquette, Lake Superior, July and August 1863, p. 75—108.

Journal of a visit to Marquette, Michigan, August 1865, p. 115—154.

Conversation with E. S. Shawano, an Ojibwa, and I. N. Parker, a Seneca, 1865, p. 161—198.

Notes on Eskimos, p. 201—215.

The word Beaver, p. 215.

Payments to Michigan guides, p. 216—225.

«The Chinese». Conversations with Rev. J. L. Nevins, returned missionary from China, August 18, 1867, p. 228—241.

Journal of a visit to Marquette, Michigan, July and August 1866, p. 247—290.

Extracts from «The Natural and Moral History of the East and West Indies» by Joseph Acosta, London, 1604, p. 299—326, with 3 double leaves inserted.

Notes from Antonio de Herrera's «General History of America», tr. by Capt. John Stevens. London, Ratley, 1725—26, 6 vols., p. 363—376.

Extracts from «Description of the Ruins of an ancient city discovered near Palenque», by Capt. Don Antonio del Rio, London, 1822, p. 379—381.

Notes of a visit in Washington, March and April 1864, p. 387—429. (Relates to interviews with Cherokee delegations.)

Seven cities of Cibola (notes from readings), p. 431—444.

Notes on Plato and Aristotle; Hawaiian system of relationship, p. 447—452.

Notes from conversations with Caroline G. Mt. Pleasant. Tuscarora Reservation, October 19, 1875, pp. 453—482.

Notes on Henry R. Schoolcraft, August 1876, p. 483—484.

Notes on Major J. W. Powell. August 31, 1876, p. 485—486.

Notes from reading on Mexico, p. 487—505.

Notes from John Bartram's «Observations on the inhabitants, Climate... in his travels from Pensylvania to... Lake Ontario...», London, 1751, 94 pp., p. 506—508.

Notes from Captain John Smith's «Generall Historie of Virginia, New England...», Richmond, 1819, p. 503—528.

7

АНГЛИЙСКИЕ РЕЦЕНЗИИ НА «ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО»

English Reviews of «Ancient Society»

Рецензии оставлены мной без примечаний. Содержащиеся в них возражения против теорий Моргана давно уже утратили свою остроту и актуальность. Они сохранили для нас только историческое значение.

ANCIENT SOCIETY; or, Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization. By Lewis H. Morgan, LL.D. (Macmillan & Co).

Около тридцати лет тому назад автор настоящего труда предпринял изучение древнего общества, толчком к чему послужило то, что он жил как бы в этом самом обществе. Находясь в близком общении с ирокезами и усыновленный даже племенем сенека, он основательно ознакомился с этой дико-варварской (savage-barbaric) стадией культуры и описал ее в 1851 г. в книге «Лига ирокезов», которая является одним из классических трудов по этнологии Америки. Он с особенным вниманием изобразил клановую организацию и брак у индейцев, у которых кланы состоят из кровных родственников по женской линии, дети принадлежат к клану матери, каждый клан обозначается названием животного или эмблемой, и брак допускается только между мужчиной и женщиной различных кланов; так, например, мужчина из клана «Волк» не может жениться на женщине из клана «Волк», а может жениться только на женщине из клана «Медведь», «Черепаха», «Цапля» и т. д. В связи с этим, автор был поражен разницей между нашей системой счета родства и системой ирокезов, которые не делали различия между родственниками по прямой линии и коллатеральными и называли матерью не только действительную мать, но и всех ее сестер, детей всех этих матерей — своими братьями и сестрами, и т. д. Морган вначале думал, что все это является специально ирокезским изобретением, но при дальнейшем исследовании он нашел, что более или менее сходные обычаи господствуют не только среди американских племен, но широко распространены на всем земном шаре, и с истинной проникновенностью увидел все значение этих фактов для вопроса о ранней фазе развития общества. Собрав, при оказанном ему правительством содействии, сведения о системе родства у всех народов, он получил возможность написать свою работу «Системы кровного родства и свойства», которая была опубликована Смитсоновским институтом в 1871 г. Этот важный труд содержит не только разработанные таблицы систем родства у самых различных народов, но также и абрис общей теории общественного развития, основанной на этих таблицах. Теоретическую часть эту, изменив ее и дополнив другими мате-

риалами, автор теперь переработал в настоящую книгу «Древнее Общество». В названной книге Морган ставит целью не более не менее, как при помощи нескольких наиболее показательных эволюционных рядов нарисовать в целом картину развития семьи и нации — от того времени, когда человек был стадным и бессловесным, до того, когда он стал культурным республиканцем.

Прослеживая последовательные фазы развития семьи, Морган приходит к заключению, что ее первичной формой является «кровнородственная» семья, т. е. семья, основанная на групповом браке братьев и сестер, родных и коллатеральных; далее, он доказывает, что за этим низким состоянием следовала «пуналуальная» форма семьи, при которой группа родных братьев и кузенов вступала в брак с подобной же группой женщин; что на более высокой стадии возникла «синдиасмическая» семья, при которой брак был парным, но временным и непрочным; что на основе полигамии возникла патриархальная система, и, наконец, в современном цивилизованном обществе была установлена строгая моногамия. В этом ходе социальной эволюции образовался клан или «gens», основанный на родстве по материнской линии и практиковавший благотворный обычай экзогамии; когда же началось накопление богатств и стало желательным индивидуальное родство, ранняя форма клана со счетом родства по материнской линии уступила место более обычной форме клана, при которой родство считается по мужской линии; наконец, древний клан, сыграв свою великую роль в развитии семьи и нации, исчез в результате роста населения и собственности.

Чтобы изложить и критически разобрать подобную схему в целом, потребовалась бы не статья, а трактат. Одно можно сразу сказать, к чему присоединится и большинство антропологов, которые будут читать эту книгу, что автор воздвиг теоретическое здание более обширное и тяжелое, чем может выдержать его фактический фундамент. Его схема вряд ли будет признана в целом, но отдельные части ее могут служить в течение долгого времени добавлениями к науке о человеке, и вопрос только в том, какие именно части. В настоящей рецензии мы вынуждены ограничиться рассмотрением лишь двух из более доступных пунктов.

Вопрос о том, как возник клан или «gens» — один из самых трудных и важных моментов всей проблемы. Морган (стр. 49 и сл.) считает, что австралийские племена камиларои сохранили более архаическую форму общества, чем какая-либо до сих пор нам известная, и что их организация в классы на основе пола кажется «содержит в себе зародыш рода». Данное им описание этой замечательной австралийской системы до известной степени совпадает с тем, что давно уже было известно этнологам, а именно, что, кроме обычного правила, запрещающего члену тотема «Кенгуру» вступать в брак с членами своего тотема, но разрешающего брак с «Эму» или «Бэндикут» и т. д., существует еще перекрестное деление всего племени на четыре имени (т. е. классы. *И. В.*), мужские и женские, причем каждое мужское имя имеет соответственное женское имя, с которым ему позволено

вступать в брак; так, мужчина имени Ippai может жениться только на женщине (или женщинах) имени Kapota и т. д. Представьте себе шотландский клан, в котором Макферсон не только не может жениться на девушке из своего клана, но еще кроме того, если его имя Дональд, то он может жениться только на Джэнет. Это ограничение брака у австралийцев вполне доказано, и Морган имеет полное право утверждать, если он желает, что оно относится к примитивной стадии развития общества. Но это не все. Отмечая, что этот ограниченный выбор жен «не есть самая замечательная часть системы», он особенно подчеркивает, что это ограничительное правило сочетается с необыкновенным видом коммунизма, именно, Ippai не только может жениться на Kapota, но все женщины этого имени теоретически его жены; так что, когда он встречает одну из них, даже из другого племени, они называют друг друга супругами (goleer), и он может обращаться с ней как с женой; это право признается за ним и ее племенем. Такое положение вещей, когда все Дональды мужья всех Джэнет, действительно замечательно, если только оно существует в действительности. Естественно задать себе вопрос, как такие наблюдатели, как сэр George Grey и преподобный W. Ridley, изучая брачные обычаи тех же самых племен, могли не заметить этого, и не было ли здесь какого-нибудь непонимания между Морганом и его корреспондентом. Просматривая последние отчеты в «Журнале Антропологического института», том VII, мы видим, что миссионеры жалуются на полигамию этих австралийцев, но хвалят их за строгое соблюдение брачных правил; их тон совсем не таков, каким стали бы говорить миссионеры о брачной системе, при которой «четвертая часть всех мужчин племени состоит в браке с четвертой частью всех женщин». Что же касается вышеупомянутого обращения, переведенного словом «супруги», то оно ничего не доказывает, потому что из словарей видно, что это слово означает только: «из класса, с которым можно вступать в брак», и оно даже употребляется просто как ласкательное выражение, в смысле «моя любовь!». Если бы даже письмо Т. Е. Lance, на которое ссылается Морган, действительно означало то, что утверждается на основании его, то все же существование такой необычайной брачной системы, как стадии в развитии общества, не может быть признано без приведения гораздо более веских доказательств.

Метод Моргана, состоящий в том, что он на основании систем родства заключает о более ранних и грубых формах брака, при которых эти системы возникли, является самой поразительной чертой его работы и вполне заслуживает того, чтобы испробовать его на свежем фактическом материале, попадающем в наши руки. Эта проблема самым ясным образом выступает при анализе малайской (правильнее полинезийской) терминологии родства (стр. 401). Гавайцы употребляют термин «makua», который может быть переведен как «родитель», не только для обозначения своих действительных отца и матери, но и для обозначения всех братьев и сестер отца и матери, а также и их кузенов соответствующего поколения; точно так же

термин «kaiki», который можно перевести: «маленький» или «дитя», обозначает не только собственного сына или дочь, но и детей братьев, сестер, и кузенов, близких и более дальних, соответствующего поколения. Подобным же образом гавaец употребляет одни и те же термины для обозначения всего поколения дедушек и бабушек и всего поколения внуков и внучек. Откуда эта система классификации родственников не по степеням кровного родства, а как бы по поколениям? Морган отвечает на это, что подобная неопределенность терминов родства принадлежит прошлому состоянию общества, когда господствовал кровнородственный брак, т. е. когда мужчины и женщины в каждом поколении составляли группу братьев и сестер и одновременно мужей и жен; причем, все люди, принадлежавшие к предшествующему поколению, считались их родителями, а принадлежавшие к последующему поколению — их детьми; более определенное родство едва ли различалось при этом общем смешении. Морган не пытается показать какое-либо общество, живущее в настоящее время в таком архаическом состоянии, так как, по его мнению, это состояние было повсюду заменено более развитыми системами. Но он приводит сообщения о прежнем состоянии общества на Гавайских островах, которое, с его точки зрения, выросло из первобытной кровнородственной семьи. Эти сообщения, хотя едва ли достаточно определенные, показывают, что существовала признанная практика брака группы мужчин с группой женщин, причем, эти мужчины могли быть братьями между собой, а женщины — сестрами. Такую семью Морган, употребляя туземный термин, называет семьей «пуналуа». Он рассматривает ее, как возникшую из кровнородственной семьи, вследствие запрещения брака между братьями и сестрами, и не считает ее проявлением гнусного разврата, как это казалось миссионерам, а определенным этапом на пути общественного развития. Когда существование такого группового брака (если можно употреблять этот термин) среди гавайцев ставится в связь с их языком, не различающим отцов и матерей от дядей и теток, то, во всяком случае, весьма правдоподобно, что одно имеет отношение к другому. Но естественно возникают два вопроса.

Во-первых, имеются ли и другие следы подобного группового брака в Полинезии? Запрошенный по этому вопросу преподобный S. J. Whitmee отвечает утвердительно. Хотя он и отмечает, что некоторые туземцы островов Океании, как, например, самоанцы, замечательны своей строгостью в соблюдении брачных ограничений, он в то же время указывает на место в книге Bligh'a «Voyage of the Bounty», где упоминается, что коммунизм подобного рода между братьями, хотя и не выходящий за пределы семьи, был частым явлением на Таити, как это можно заключить и из неопределенности их терминов родства. Точно так же и преподобный J. E. Moulton сообщает, что тонганцы не забыли еще того времени, когда употребление одного и того же слова для обозначения жены и сестры жены не было просто путаницей в терминологии, но действительно обозначало то, что выражало.

Во-вторых, может ли групповой брак быть обнаружен и в других местах в связи с такой же неопределенностью в терминах родства? На это можно также ответить утвердительно на основании сообщения полковника Marshall'а о племени тода в южной Индии; книга Marshall'а, повидимому, неизвестна Моргану. У этих примитивных скотоводов брак группы мужчин-родственников с группой женщин есть законный порядок, и все дети от этого весьма смешанного союза считаются братьями и сестрами. Язык тода не имеет, правда, слова для обозначения кузенов, но следует отметить, что наименование их братьями и сестрами не вызывается только недостатком слов. Оно выражает действительное положение детей каждой из этих брачных групп, которое определяется следующим образом: «Каждый муж считает всех детей своими, хотя каждая мать — мать только своего собственного ребенка, и каждый ребенок мужского пола является наследником имущества всех отцов».

Таким образом, каково бы ни было наше нежелание следовать так далеко за Морганом в его использовании систем родства для доказательства более ранних ступеней общественного развития, мы все же должны признать, что этот метод Моргана оказался при проверке весьма ценным.

Ученые, привыкшие к точности и основательности, подобной той, которую проявляет сэр Генри Мэн при исследовании древних учреждений, не могут не пожаловаться на толкование Морганом классического «gens». Их прежде всего поражает то, что Морган в своих первых главах употребляет слова «gens» и «gentile organisation» при описании экзогамных племенных подразделений ирокезов и австралийцев. Не является ли упрощением проблемы происхождения римского «gens» отождествление последнего с тотемным кланом американских индейцев? Переходя далее к главам собственно о классическом «gens», они видят, что автор хочет оправдать употребление им слова «gens» утверждением, что «обязательство не вступать в брак внутри рода» считалось обычным правилом у греков и римлян классического периода, — новая теория, которую приводимые им факты не в состоянии доказать. Его позиция была бы прочнее, если бы он удовольствовался утверждением, как это сделал уже МакЛеннан, что хотя классический «gens» и не был определенно экзогамным в исторические времена, все же ему предшествовало более раннее состояние экзогамии.

После этих глав обращаешься с бо́льшим интересом к тем, где автор описывает фактический процесс перехода от счета родства по женской линии к счету родства по мужской линии в связи с наследованием собственности у племен, находящихся в состоянии варварства, и где он рассматривает процесс развития федеративного принципа, иллюстрируя его замечательной лигой ирокезов.

Остается еще обратить внимание на один весьма интересный для образованной публики пункт. Хотя Морган и не соглашается во многом с теорией социальной эволюции, изложенной его предшественниками Бахофеном и МакЛеннаном, тем не менее его изыскания привели его к признанию их

главных положений, а именно, что самой ранней формой брака был более или менее выраженный промискуитет, или, по Леббоку, коммунальный брак, и что самым древним счетом родства, возникшим при этом положении вещей, был, естественно, счет по женской линии.

Хотя проблема происхождения как семьи, так и рода до сих пор еще не вполне разрешена, все же поразительно, сколько нового света было пролито на оба эти вопроса группой названных авторов, труды которых были опубликованы за последние двадцать лет.

Edward B. Tylor.

The Academy.
A Weekly Review of Literature, Science, and Art.
Vol. XIV, № 324. Saturday, July 20, 1878, p. 67—68.
(London)

«ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО» МОРГАНА

Мистер Льюис Морган — американский ученый, который в свое время сделал много для той молодой отрасли знания, которая может быть названа наукой об эволюции, собирая и публикуя данные о системах семьи у разных народов. Его внимание было сначала привлечено к этому предмету, как мы думаем, в то время, когда он исследовал нравы и обычаи индейцев ирокезов. Пораженный своеобразностью их способа обозначения родства, Морган, с помощью американского правительства, собрал огромное количество фактов от консулов и миссионеров в различных странах и полученные таким путем сведения и таблицы опубликовал в работе под заглавием «Системы родства и свойства человеческой семьи». За этот вклад в науку ученые должны всегда говорить с благодарностью о Моргане. Вероятно, перед лицом такой массы новых и в высшей степени замечательных фактов было бы несвойственно человеческой природе отказаться от размышлений о причинах и сущности этих неожиданно обнаруженных порядков. И Морган естественно задал себе вопрос, как это случилось, что полинезийцы, малайцы, краснокожие индейцы и многие другие рассеянные по земле расы называют дядей своими отцами, теток — своими матерями, братьев дедушки — дедушками, племянников и племянниц — своими сыновьями и дочерями и т. д. Если выражаться популярно и ненаучно, беря все лишь так, как оно сразу бросается в глаза наблюдателю, то системы свойства и родства, исследованные Морганом, действительно имеют такой вид, как они грубо описаны выше. Морган стал искать гипотезу, которая могла бы объяснить развитие систем родства у дикарей, и в своих поисках должен был, конечно, изучить и другие стороны развития человеческого общества. Результаты изложены в «Древнем Обществе».

Мы, надеемся, отдали должное Моргану как собирателю фактов. Он умел увидеть существенный факт и проявил настойчивость и трудолюбие. К несчастью, чтобы быть хорошим теоретиком и мыслителем в духе школы м-ра Тайлора и сэра Генри Мэна, ученый должен иметь нечто большее, чем усердие и доброе желание. Он должен обладать, или, по крайней мере, весьма желательно, чтобы он обладал, обширными и точными знаниями и уменьем распоряжаться громадным фактическим материалом. Гегель считал, что

философ должен иметь энциклопедические знания. А знания Моргана далеко не исчерпывающие. Далее, для того, чтобы достигнуть на этом поприще действительных результатов, ученый должен обладать логическим складом ума и даром систематизации. Нам кажется, что система и логика странным образом отсутствуют в книге Моргана. Наше обвинение состоит в том, что Морган с негодными во всех отношениях средствами взялся за задачу слишком большую для него, а может быть и для всякого другого человека, и таким образом «затемнил благоразумное решение речами без смысла».

Морган, кратко говоря, ставит своей задачей проследить и в общих чертах обрисовать развитие человека от самой глубокой дикости, такой глубокой, какой мы уже нигде не встречаем, до самой совершенной цивилизации. Он различает 7 ступеней культуры. Первая — это «низшая ступень дикости», которой мы не знаем из наблюдения. Человек вышел из этого состояния, когда он стал употреблять в пищу рыбу и научился добывать огонь. Средняя ступень дикости окончилась с «изобретением лука и стрел» (стр. 10). Надо, однако, заметить, что Морган, повидимому, руководясь указаниями полковника Lane Fox'а, все-таки не совсем уверен, что лук может быть назван действительно «изобретением». Но он не колеблется (стр. 4, 5) причислить язык к «первичным учреждениям», которые он отличает от изобретений; в то же время (стр. 20) он пишет, что язык есть «единственное изобретение», которое может быть связано с «первобытным в строгом смысле периодом человечества». Однако, Морган (стр. 5) прежде уже объявил, что «человеческий разум, не сознавая цели, развил членораздельную речь». Это можно рассматривать просто как оплошность в употреблении терминов. Но неспособность различать между сознательными изобретениями, сознательным преобразованием учреждений и бессознательным развитием проходит красной нитью через всю его работу и теории. Ни одна ошибка не может быть более пагубной и ни одна ошибка не может служить лучшим доказательством отсутствия научного понимания.

Вернемся к моргановским «ступеням». Человек достиг высшей ступени дикости с изобретением лука и миновал ее с «изобретением гончарного искусства». Когда он научился изготовлять гончарные изделия, он стал варваром низшей ступени; дойдя до обработки бронзы, приручения животных и возделывания злаков, он стал варваром средней ступени; открытие обработки железа сделало его варваром высшей ступени, а введение фонетического письма или, что, по Моргану, одно и то же, иероглифов подняло его до «состояния цивилизации». Морган, между прочим, замечает, что «выделение семитической и арийской семьи из общей массы варваров началось, повидимому, со времени приручения животных». Это совсем непонятно. Морган (стр. 39) далее утверждает, что семьи арийская и семитическая были «первыми, которые вышли из состояния варварства». «Они были по существу основателями цивилизации». И еще (стр. 43): «Кажется вероятным, что открытие плавления железной руды возникло только в одном каком-либо месте. Было бы особенно интересно узнать,

какому племени и семейству мы обязаны этим знанием, а вместе с ним и цивилизацией. Семитическая семья стояла тогда (когда?) впереди арийской и играла ведущую роль в развитии всей человеческой расы. Она дала человечеству фонетическую азбуку, и, весьма вероятно, ей мы обязаны и уменьем обработки железа». Морган нигде не упоминает, поскольку мы могли заметить, о древней цивилизации аккадских халдеев, которые, независимо от того, будем ли мы употреблять слово «туранский» или нет, конечно не были ни семитами, ни арийцами. Ни один человек, интересующийся наукой, не будет заниматься такими филологическими терминами, протаскиваемыми в историю подобным способом. Мы не хотим, чтобы думали, что мы согласны с M. Lenormant'ом, но мы не можем не указать, что его глава о металлах (Les Premières Civilisations, vol. I) должна была бы предостеречь Моргана от уверения, что семитические расы, вероятно, первые пришли к счастливой идее плавки железа. Морган с забавной непринужденностью пользуется терминами вроде «туранский». Он заявляет (стр. 388), что «появилась третья большая система родства, которая может быть, по желанию, названа арийской, семитической или уральской и которая вероятно вытеснила более раннюю туранскую систему» и т. д. Разрешить употребление «по желанию» одного из трех совершенно различных терминов действительно великодушно. Писатель, который хочет дать историю человеческой цивилизации, должен был бы знать больше об Египте, аккадской Халдее и Ассирии, чем знает, повидимому, Морган, и не так развязно употреблять условные филологические термины.

Мы уже жаловались на отсутствие системы в книге Моргана. Прежде чем итти дальше, будет не лишним обрисовать в грубых чертах его план. После описания своих семи «ступеней» он определяет древнее общество, как основанное на личностях или личных связях в отличие от современного общества, которое покоится на идеях собственности и территории. Переход греков от влияния священных родов (γένη) к классам, пользующимся привилегиями на основе принадлежащей им собственности, и к положению свободных граждан в свободном государстве совершенно естественен и всем известен. Прежде чем излагать дальше историю материального прогресса, Морган кратко разъясняет (стр. 27) значение некоторых странных терминов, которые он часто употребляет в последующей части своей книги. Мы узнаем: (1) о «кровнородственной семье, основанной на групповом браке братьев и сестер; далее мы имеем (2) пуналуальную семью, «которая пришла на смену кровнородственной» и которая «была основана на браке группы братьев с группой женщин»; затем появляются: (3) синдиасмическая, (4) патриархальная и (5) моногамная[1] семьи. Изложив это, Морган переходит к семитической семье, к железу и т. д. В следующей главе, первой во II части, он рассматривает систему родства в Австралии,

[1] В тексте: «monogamian (sic)». Рецензент не согласен с употребленной Морганом формой «monogamian». См. прим. 1 к № 34.

часто употребляя при этом термины: «пуналуальный» и «кровнородственный». Начиная со второй и кончая седьмой главой, он говорит о родах, фратриях и племенах у ирокезов, ацтеков и других туземных американских народов. С восьмой главы до пятнадцатой он трактует о родах, фратриях, родстве и правилах счета происхождения в Греции, Риме, Шотландии и других странах. В III части он возвращается к кровнородственной, пуналуальной и синдиасмической семьям, к этим своим новым изобретениям, при помощи которых он объяснял роды, фратрии и древнее общество в целом на протяжении всей своей работы.

Так как, по взгляду Моргана, кровнородственная и пуналуальная семьи древнее чем «gens», то возможно будет лучше нарушить его порядок изложения и рассмотреть раньше системы и «брачные институты», которые он открыл. Что касается кровнородственной семьи, то, по Моргану, «она основана на групповом браке братьев и сестер». Как же они могли знать, что они являются братьями и сестрами между собой, когда еще не существовало брака, хотя бы в самой примитивной форме? На этот вопрос ответа нет. Где мы находим существование кровнородственного брака? Мы его нигде не находим. Затем следует пуналуальная семья. «Она основана на браке нескольких сестер, родных и коллатеральных, с группой мужчин, причем общие мужья не обязательно были родственниками между собой». Как понимать первоначальный «брак» одной сестры с одним «мужем», который впоследствии получает обширные семейные привилегии? Мы не находим ответа. Где действительно существует пуналуальный брак? Его нигде нет. Какое же основание имеет Морган утверждать, что кровнородственная и пуналуальная семьи лежат «позади» более поздних установлений, выражаясь его собственными словами?

Это основание изложено кратко на стр. 409: «Невозможно объяснить малайскую систему, как продукт естественного роста, посредством какой-либо другой гипотезы, кроме вышеприведенной (т. е. прежним господством кровнородственного и пуналуального брака), так как только эта форма может дать ключ для ее объяснения». Логика Моргана выявлена здесь во всей ее оригинальности. Братья и сестры должны были вступать в брак между собой, причем сознательно и с подобающей общественному институту торжественностью, потому что, если бы они этого не делали, Морган не имел бы возможности объяснить, почему при малайской системе родства теток называют матерями, племянников — сыновьями и т. д. и т. п. «Эта система родства возникла вместе с первой формой семьи, т. е. кровнородственной, и содержит главные доказательства ее прежнего существования» (стр. 385). Однако, МакЛеннан (Studies in Ancient History) не только разобрал и отбросил данное Морганом объяснение малайской системы, но дал иное, свое собственное, объяснение. Итак, между обоими писателями происходит спор и, как видно, довольно горячий. Мы не будем рассматривать взгляды МакЛеннана, которые, конечно, не удовлетворяют Моргана. Достаточно указать, что существует еще иное объяснение малайской системы,

и человеческий ум, поэтому, ни в коем случае не вынужден необходимо принять объяснение Моргана. Но если оно не будет принято, то доводы в пользу существования «кровнородственного брака», как учреждения, исчезнут подобно сну.

Что касается пуналуального брака, то относящиеся сюда факты можно найти на стр. 427. В 1860 г. судья Andrews писал: «Отношение пуналуа (на Гавайских островах) имеет довольно двойственный характер. Оно произошло потому, что два или более братьев были склонны владеть сообща своими женами, или две или более сестер — своими мужьями». Если даже допустить, что судья Andrews прав, утверждая, что в прошлом они действительно были склонны владеть друг другом сообща, то ведь все же брак каждой сестры с ее мужем предшествовал по времени простому распутству сладострастных дикарей, распутству, которое вовсе не представляет формы брака, но может встретиться среди подонков цивилизованного общества. Морган спокойно замечает, что «склонность их так поступать, о которой говорит судья Andrews... была некогда всеобще распространена между ними, как это доказывает их система родства». Но мы уже видели, что имеется и другое объяснение «их системы родства». Мы думаем, теперь это ясно, что все теории Моргана о «gens», как об учреждении, установленном посредством разных реформ и ограничений, которым подвергся, по моральным или гигиеническим соображениям, пуналуальный и кровнородственный брак, могут рассматриваться как построеные на песке. Нет никаких доказательств существования учреждений, формально признанных и такого широкого значения, как те, на которых Морган строит свою теорию. Но даже если бы таковые и существовали, то невозможно понять, как самые низшие дикари могли «сознавать вред» своих учреждений? Ex hypothesi, они не могли привести доводов морали, а гигиенические соображения еще не имеют места в этих умах, которые, как доказано, близоруки. Наиболее ценная часть книги Моргана — это главы (стр. 62—151), в которых он подробно излагает ирокезскую систему родов и фратрий. Со времени опубликования МакЛеннаном его «Первобытного брака» (1865), «Родства в древней Греции» (1866) и статей о тотемизме («Fortnightly Review», 1869—1870), стало секретом Полишинеля, что афинские γένη, напр., являются, весьма возможно, видоизмененным пережитком тотемной группы ирокезов, ашанти или новокаледонцев. Морган найдет это положение разработанным в очерках, приложенных к переводу Bolland'a трех томов «Политики» Аристотеля, и увидит, что там отмечены один или два явных следа тотемизма в γένος; точно так же распространение Тотингов, Валингов и других кланов в Англии объясняется из того же принципа. Морган применяет здесь эту доктрину к греческим γένη, римским gentes, шотландскому клану и т. д. Его описание нравов и обычаев, которые он сам наблюдал у краснокожих индейцев, или записал от других очевидцов, очень интересно и ценно. Мы вынуждены ограничиться лишь приведением его перечня прав, привилегий и обязанностей ирокезской тотемной группы или рода.

I. Право избрания своего сахема и вождей.
II. Право смещения своего сахема и вождей.
III. Обязанность не вступать в брак внутри рода.
IV. Взаимное право наследования имущества умерших членов.
V. Взаимные обязанности помощи, защиты и мщения за понесенные обиды.
VI. Право давать имена своим членам.
VII. Право адопции в род чужих.
VIII. Общие религиозные обряды (под вопросом).
IX. Общее кладбище.
X. Совет рода.

Теперь сравним с этим права, привилегии и обязанности афинского γένος:

I. Общие религиозные обряды.
II. Общее кладбище.
III. Взаимные права наследования имущества умерших членов рода.
IV. Взаимные обязанности помощи, защиты и мщения за понесенные обиды.
V. Право вступать в брак внутри рода, именно: с дочерью и наследницей умершего члена рода.
VI. Владение общей собственностью, с собственным архонтом и казначеем.
VII. Ограничение счета происхождения мужской линией.
VIII. Обязанность не вступать в брак внутри рода, за исключением особых случаев.
IX. Право адоптировать в род чужих.
X. Право избирать и смещать своих вождей.

В этих перечнях Морган упускает из вида тотемизм, со многим, что он в себе включает. Это вряд ли справедливо. Мы, конечно, не намерены указывать ему здесь ни где он мог бы найти многочисленные доказательства существования тотемизма у греков, ни даже то место у Архиноса, которое говорит в пользу существования кровнородственного брака. Далее, что касается пункта VIII во втором перечне, то мы знаем, что грек времен Демосфена мог жениться на дочери своего отца и что греческий γένος был построен по мужской линии, поэтому странно говорить об обязанности «не жениться внутри рода, за исключением особых случаев», каков случай сирот-наследниц. Мы никогда не слышали, чтобы браки были запрещены внутри греческого γένος, как это имет место в тотемной группе. Тот факт, что мужчина мог жениться на своей сестре, показывает, что если даже запрещение и существовало, то оно утратило свою религиозную санкцию. Доказательства Моргана (стр. 224) основаны, во-первых, на смешении семейных обрядов с религией γένος, во-вторых, на случайном замечании в «Charicles» Becker'a. Becker говорит: «Браки могли заключаться во всех степенях ἀγχιστεία или συγγένεια, только, конечно, не в самом γένος». Но его источники не могут быть истолкованы в смысле Моргана. Isaeus в соот-

ветствующем месте употребляет слово γένος в смысле родства: «Твоя дочь тебе более близкая родственница, чем твоя сестра», поэтому ты не можешь жениться на твоей дочери, но можешь жениться на сводной сестре. Далее цитируется Плутарх (Themist., 32), но он говорит только, что сын Фемистокла женился на своей родной сестре с отцовской стороны. У Павзания говорится, что Птолемей «женился на своей родной сестре Арсиное, вещь, неизвестная македонцам, но обычная у его подданных — египтян». Мы не справлялись у Ахилла Тациуса, но цитаты Becker'а не имеют того смысла, который придает им Морган. Место из трагедии Эсхила заведомо искажено в той строке, которую Морган цитирует для подкрепления другого своего предположения.

У нас больше нет места, но мы должны еще отметить, что Морган слишком старается низвести мексиканцев на уровень ирокезов, — между прочим, он сам усыновленный ирокез, — и что из «Сравнительной политики» Freeman'а он должен был бы увидеть, что английские ученые вовсе не ошибаются в вопросе об ограниченных правах царя героического периода в Греции. Морган говорит еще, что для полноты аналогии между греческой тиранией и властью «феодальных королей в средние века» было бы необходимо, чтобы «звание переходило от отца к сыну в нескольких поколениях сряду; это могло бы придать ей наследственный характер». Неужели Моргану действительно неизвестно, что если греческие цари избирались из определенного рода, то ведь это относится, по крайней мере, теоретически и к «средневековым королям»? Расставаясь с книгой Моргана, мы не можем не пожалеть о постоянных ошибках в греческих словах и греческой орфографии, которые обезображивают ее страницы и делают справки иногда затруднительными. Фактический материал, собранный Морганом, сохранит свое значение, теории же его обречены на быструю естественную смерть.

The Saturday Review
of
Politics, Literature, Science, and Art.
Vol. XLV, №. 1,158. January 5, 1878, p. 19—21.
(London)

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ

Adams Henry 27, 79, 139 sqq.
Aeneas 33, 87
Aeschylus 259
Agassiz Alexander 27, 79, 140
Alboinus 34, 87
Alden H. M. 68, 126, 207
Alvord Benj. 29, 81, 142 sqq.
Andrews Lorin 10, 198, 257
Archinos 258
Aristotle 209, 210, 257
Arsinoe 259
Atkinson J. J. 163

Bachofen J. J. 32 sqq., 85 sqq., 148 sqq., 251
Bandelier A. 41, 57, 61, 71, 76, 95, 114, 118, 129, 134, 159 sqq., 191
Beaumont de la Bonninière 189
Becker W. A. 258
Bell A. 34, 88
Bentham J. 194
Bolland 257
Briffault R. 195
Brown George 54, 111, 189
Bryant W. C. 42, 96, 162
Burke Robert O'Hara 201

Chapman Benj. 57, 114
Codrington R. H. 54, 111, 189
Comte Aug. 14
Coriolanus 40, 94, 159
Crawley A. E. 194, 195
Crook George, Genl. 30, 31, 82, 83, 84
Cunow Heinrich 10, 11, 175, 176, 197
Custer George Armstrong, Genl. 143

Dall. W. H. 72, 130, 218
Darwin Ch. 4, 43, 97, 162 sqq., 194, 209, 210
Davis W. M. 217
Dewey Ch. A. 222, 223

Echion 34, 87
Ellis W. 34, 87
Ellis H. Havelock 194, 195
Ely S. P. 44, 98, 163 sqq.
Engels Friedrich VI, 3, 4, 6, 12, 140, 141, 148, 151, 152, 153, 156, 163, 173, 175, 176, 179, 197
Euclid 50, 105

Fay Maria D. 46, 100, 164
Fison Lorimer 9, 11, 46 sqq., 67, 101 sqq., 125, 166 sqq., 202, 207
Fox 254
Frazer J. G. 167, 173, 202, 203
Freeman E. A. 259

Garrison W. Ph. 61, 118, 192
Garrison F. J. 192
Gason S. 183
Gatschet A. S. 220
Gillen F. J. 11
Giraud-Teulon A. 37, 91
Gisulphus 34, 87
Greenough, Mrs. 46, 101, 166
Grey George 249

Hale H. 61, 119, 192 sqq.
Hayes Rutherford B. 31, 84, 144, 146
Hegel G. W. F. 253
Henry Joseph 167 sqq., 213, 214
Hereward 55, 112, 189
Holmes W. H. 215
Howitt A. W. 11, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 64, 101, 102, 105, 106, 108, 109, 111, 114, 115, 121, 169, 170, 172, 173, 179, 180, 183, 184, 186, 187, 188, 200 sqq.
Howitt Willian 200
Howitt Mary 200
Howland Edward 67, 125, 207
Howland Marie 207

Isaeus 258
Johnson, Capt. 46, 100
Johnson, Mrs. 46, 100

Kautsky Carl 163, 175, 196, 197
King Clarence 27, 79, 139
King John 201

Lance T. E. 169, 174, 249
Lang Andrew 163
Le Bon Gustave 210
Lenormant François 255
Letourneau Charles 210
Liebrecht Felix 35, 88, 155
T. Livius 156
Lubbock John 14, 48, 49, 103, 104, 162, 252

Maine H. S. 63, 74, 126, 132, 133, 207 sqq., 251, 253
Markham C. R. 42, 96, 161
Marsh O. Ch. 27, 79, 139
Marshall W. E. 251
Marx Karl 3, 4, 5
McIlvaine J. H. 4, 165
McLennan J. F. 28, 32, 42, 48, 49, 50, 71, 73, 81, 85, 96, 103, 104, 105, 106, 130, 132, 141, 142, 151, 162, 186, 210, 211, 212, 251, 256, 257
McLennan Donald 212
Mills Anson 30, 83
Morgan, Mrs. 44, 46, 98, 100, 101
Müller J. G. 34, 88, 155
Müller Max 167, 199

Nettlau Max 219
Niebuhr B. G. 62, 119, 200

Onytes 33, 87

Paulus Diaconus 34, 87
Pausanias 259
Peridia 34, 87
Peschel Oskar 195
Plato 210
Plutarch 259
Powell J. W. 27, 72, 79, 130, 140, 212 sqq.
Powers Stephen 72, 130, 213
Ptolemy 259
Pumpelly Raphael 27, 79, 140
Putnam F. W. 41, 95, 161

Reclus Elie 73, 131, 219
Reclus Elisée 219
Ridley W. 53, 109, 169, 174, 176, 188, 249
Roberts T. N. 74, 132
Roehrig F. L. O. 72, 130, 218
Romulus 40, 94
Rutulus Turnus 33, 87

Schmidt W. 165, 166
Schoolcraft H. R. 31, 84
Schultze F. 14
Schweinfurth G. 28, 80, 141
Sheridan Philip Henry, Genl. 30, 83
Sherman William Tecumseh, Genl. 30, 83
Smith Goldwin 168
Sophocles E. A. 46, 101, 166
Spencer W. B. 11
Spencer Herbert 43, 74, 98, 132, 133, 219
Stanton, Col. 30, 31, 82, 84
Sternberg L. 11, 12

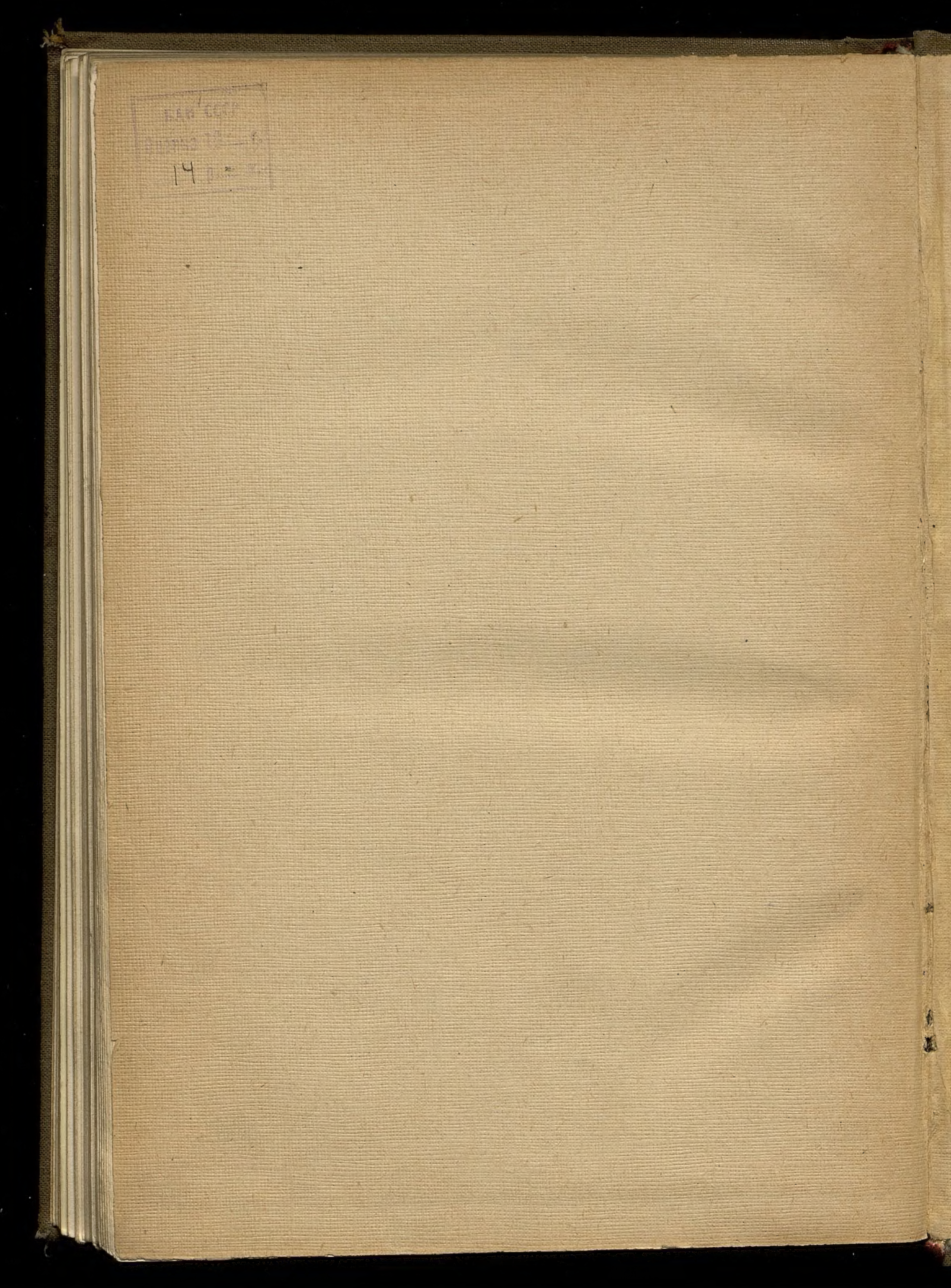
Tacitus 34, 87
Taplin G. 190
Tarquinius 37, 90
Tatius Achilles 259
Themistocles 259
Thomas N. W. 10
de Tocqueville 56, 112, 189
Trumbull J. H. 72, 73, 130, 131, 218
Tucker 73, 131
Tylor Edward B. 14, 37, 74, 91, 132, 133, 167, 253

Valentini Ph. 76, 133, 219 sqq.
Veturia 40, 94, 159
Virgil 33, 87

Warburton Peter Egerton 200
Ward H. A. 45, 100, 164
Ward J. H. 77, 134
Waring 49, 104
Westermarck Edward 163, 175, 194, 197
White R. G. 77, 135, 220
Whitmee S. J. 250
Wills William John 201
Wolff L. 166
Woodruff 47, 49, 102, 105.

Цена 12 рублей
Переплет 2 рубля

БАН СССР
14

